

БИБЛИОТЕКА **БОМ** ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ГРЭХЕМ МАСТЕРТОН

Тень сфинкса

ЭЛЕН МАККЛОЙ

Удар
из Зазеркалья

ГРЭХЕМ МАСТЕРТОН

Мень сфинкса

ЭЛЕН МАККЛОЙ

Удар

из Зазеркалья

Москва
Компания «Ключ-С»
1995

Переводы с английского

Иллюстрации

В. Лосева

М 4703040100
И 38(03)—95

ISBN 5—88818—010—6

- © Чичина Т.
Составление. 1995.
- © Алукард С.
Яковлева М.
«Тень сфинкса».
Перевод 1995.
- © Каневский Л.
«Удар из Зазеркалья».
Перевод 1995.
- © Лосев В.
Иллюстрации. 1995.
- © Брылев Л.
Оформление. 1995.

ГРЭХЕМ МАСТЕРТОН

Мень сфинкса

«Феллахи поведают вам о невероятных, поразительных явлениях, о существах, пред кем трепещет каждый араб и никогда прямо не называет их, разве что «эти люди, это племя». Если вы путешествуете по Северной Африке, не имеет смысла спрашивать дважды, кого они так величают и о ком идет речь»

Сьбури Куинн.

Глава первая

Он частенько вспоминал тот момент, когда впервые увидел ее. Уже потом он подтрунивал над собой, окрестив свое чувство «любовью с первого укуса». Все случилось в роскошном вашингтонском ресторане. Генри Несс, новоиспеченный Госсекретарь, устроил тогда грандиозный банкет в честь своей невероятной помолвки с зычноголосой и полной всевозможных амбиций девушкой из семейства Колдуэлла Разумеется, выпизки тут было хоть отбавляй, да и закуски хватало с лихвой

Джини Кейлер только-только перебросился парой слов с турецким дипломатом, с восхитительной шевелюры которого то и дело осыпалась перхоть, и впопыхах надкусил пирожок с крабами Сегодня Джини так и не удосужился нормально пообедать

И тут внезапно сверкающие платья и чопорные смокинги расступились, и в зал впорхнула Лори Сэмпл.

Женские прелести еще не наскучили Джини В Госдепартаменте он трудился сравнительно недавно, так что пока Джини ни в коей мере не пресытился сношибательными мурлычущими особами, юными и обворожительными, которые так и ластились к представителям «высшего света». При этом кошечки как бы невзначай забывали надеть трусики. Подобные красотишки в поте лица преследовали всех тех, чье имя хотя бы раз мелькнуло на газетной полосе. Уолтер Фарлоу, начальник Джини, за версту чуял этих дамочек, гоняющихся за политиче-

скими деятелями, называя их «подстилочным отделом». Однако когда Джини с неприлично набитым ртом — ку-сочек крабьего мяса некстати свесился с его подбородка — взглянул на Лори, ему стало абсолютно начхать на то, к какой группировке примкнет сейчас эта потрясающая фемина.

— Эй, Джини, — окликнул Кейлера сенатор Хасбаум, заспешив тому навстречу. — Ты, по-моему, устался не туда. Ты лучше оцени собственный фасад.

Джини кивнул и чуть было не поперхнулся. Он схватил со стола салфетку и смахнул с уголков рта крошки. Непрожеванный слоеный пирожок стремительно понесся вниз, по пищеводу в желудок.

— Артур, — едва выговорил Джини, — похоже, краля явилась сюда одна, без кавалера.

Девушка была высоченная — выше всех женщин в зале. Да, пожалуй, и многих мужчин тоже. Джини прикинул в уме, что Лори будет даже чуть повыше его самого, и, как впоследствии выяснилось, он не ошибся — Кейлер проигрывал Лори целых полдюйма. Однако столь замечательные габариты вовсе не смущали незнакомку. Лори, выпрямив спину, гордой поступью продифилировала в центр зала. Вскинув подбородок, она словно не замечала сияния ослепительных огней.

— Бог ты мой! — прошептал Кен Слоан. — Ты когда-нибудь встречал нечто подобное?

Джини онемел, и поэтому не смог ничего толком ответить. Турецкий дипломат, как раз распинаящийся в этот момент о размещении ракет на территории его страны, проследил за взглядом Кейлера и понял, наконец, что тот не слушает его. А Джини, словно громом пораженный, застыл на месте, не сводя восхищенного взгляда с Лори Сэмпл.

— Мистер Кейлер, — позвал дипломат и осторожно потянул Джини за рукав. — Мистер Кейлер, мы должны еще обсудить проблему боеголовок!

Джини рассеянно кивнул.

— Вы абсолютно правы. Не могу с вами не согласиться. Вы совершенно правы в отношении этого вопроса.

Пышная, рыжевато-каштановая копна волос Лори Сэмпл свободно спадала на обнаженные плечи девушки.

Ее лицо поражало классической красотой — точеный носик, чувственный рот и миндалевидные глаза. На шее Лори сверкали превосходные изумруды, сияние которых опровергало любую мысль о подделке. Шелковое платье телесного цвета с глубоким вырезом на спине плотно облегалo Лори. Оно нежно переливалось и так туго обтягивало ее грудь, что с первого взгляда было довольно трудно определить, есть ли оно вообще.

Бюст у девушки был высокий, и она, очевидно, не носила лифчик. Соски волнующе проступали сквозь легкий шелк, и когда Лори с достоинством шествовала вдоль зала, колыхание столь великолепной груди мгновенно вызывало вполне достойную реакцию публики: все разговоры стихали как по мановению волшебной палочки, и взгляды тут же устремлялись в сторону Лори. Даже самые верные мужья, тайком от своих благоверных, с вожделением косились на роскошную девуцу.

Джини так и не смог потом объяснить, что же заставило его действовать, но когда Лори остановилась совсем рядом, свысока оглядывая окружающих, он вдруг решительно шагнул вперед и протянул девушке руку. А ведь этот поступок оказался делом нелегким, ибо Джини к тому времени успел одолеть три водочных коктейля и, откровенно говоря, находился уже далеко не в лучшей форме.

Девушка взглянула на него. Ее ярко-зеленые кошачьи глаза словно впились в Джини, пригвоздив его к полу.

— А я вас что-то не знаю,— промямлил Джини и жалко улыбнулся.

Девушка молча уставилась на него. Роста они были примерно одинакового, и Джини внезапно уловил сладковатый аромат каких-то крепких духов, которые подобно дымке заполняли все пространство вокруг нее.

— И я вас тоже не знаю,— томно отозвалась Лори. В ее произношении отчетливо слышался европейский акцент.

— Ну что ж,— обрадовался Джини.— Прекрасный повод познакомиться!

— Возможно.— Девушка не сводила с него глаз.

— Возможно? — опешил Кейлер.

Девушка кивнула:

— Может быть, лучше оставить все, как есть? Давайте-ка продолжать наше многообещающее незнакомство.

Джини засмеялся — тихонько, как и полагается настоящему дипломату, сумевшему по достоинству оценить ее чувство юмора.

— Кажется, я понял, что вы хотели сказать. Но ведь мы в Вашингтоне! А здесь все должны знать друг друга.

Девушка продолжала беззастенчиво разглядывать его, и чем дольше она смотрела, тем неуютнее становилось Кейлеру. Он вдруг ясно осознал, что потерпел полное фиаско, и, сконфузившись, начал переминаясь с ноги на ногу, разглядывая узоры на ковре. Никогда, еще аж со времен окончания школы, он не чувствовал себя таким болваном. И это он стоит сейчас перед какой-то бабенкой — жалкий и беспомощный. Он, Джини Кейлер — с восхитительным флоридским загаром, ослепительной белозубой улыбкой — кудрявый баловень судьбы, любимчик демократов. Да он не пропустил, наверное, ни одной кошечки, спящей здесь, в горниле политической кузницы. Кроме того, многие верные жены млели и таяли, глядя на Джини, начиная жеманно улыбаться и пороть несусветную чушь, лишь бы он обратил на них внимание.

— Почему? — обронила она, приоткрыв влажные розовые губы.

— Э-э... Простите, не понял. Что «почему»?

Девушка буравила его немигающим взглядом, и Кейлер окончательно смутился.

— Почему же все здесь должны знать друг друга? Джини поправил воротничок рубашки.

— Ну... Я думаю, это вопрос выживания. Вы должны знать, кто ваши друзья, а кто — соперники или даже враги. Ну, что-то вроде закона джунглей.

— Джунглей?

Кейлер самодовольно ухмыльнулся.

— Так говорят. Понимаете, в наше время быть политиком довольно сложно. Неважно, где вы стоите на политической лестнице: всегда найдется тот, кто захочет подняться выше, используя в качестве ступеньки вашу голову.

— Это звучит... довольно агрессивно,— заметила Лори.

Только теперь Джини обратил внимание, что в ушах девушки покачиваются вправленные в золото маленькие клыки каких-то зверьков. Постепенно нервозность, сковавшая Джини, спала, однако он понимал, что в словесной перепалке с этой чудесной женщиной ему не победить. И что еще хуже, многие гости исподтишка внимательно наблюдали за ними, оценивая способности Джини выкрутиться из затруднительного положения. Кейлер смущенно кашлянул и указал рукой в сторону бара.

— Не хотите ли, э-э... выпить чего-нибудь? — предложил он.

Она снова взглянула на него. Джини уже давно отметил про себя, что в их разговоре преобладают многозначительные паузы, во время которых Лори продолжает буравить его непонятым, оценивающим взглядом. Словно хищник, выслеживающий свою жертву.

— А я не пью,— весело призналась Лори.— Но вас задерживать не смею. Вы ведь, кажется, не прочь отве-
дать коктейльчик?

Джини снова закашлялся.

— Я... ну... люблю немного выпить, чтобы расслабиться. Понимаете, это успокаивает меня, что ли...

— Нет,— холодно отозвалась девушка.— Не понимаю. Я никогда в жизни не пробовала спиртного.

Джини часто заморгал от изумления.

— Да вы смеетесь надо мной! Неужели никогда тайком от старенькой матушки вы не рыскали в буфете в поисках какого-нибудь вкусенького ликера?

Изящным движением Лори отбросила назад прядь пушистых волос и покачала головой. Кейлер успел разглядеть ее руки. У Лори были удивительно тонкие пальцы и длинные, ухоженные ногти.

— Моя матушка, кстати, вовсе не старая. Она молодая. И в доме у нас никогда не водилось спиртных напитков.

— Понимаю...— Джини замешкался, сраженный напавшими подобными аргументами.— Я, разумеется, не хотел... то есть не имел в виду...

— Конечно, нет,— подхватила Лори.— Да вы не волнуйтесь. Я поняла, что вы хотели сказать.

Джини так и стоял, сжимая в руке пустой стакан. То поддакивая девушке, то не попадая вставляя свое многозначительное «ну-у», он боялся отойти от Лори, опасаясь, как бы другой лихой повеса не перехватил девушку, заметив, что она наконец-то осталась одна-одинехонька, и приударить за ней можно со спокойной совестью. Да, в этой девушке непостижимым образом сочеталось и что-то непонятно-пугающее и влекущее... Уж не говоря о ее великолепном бюсте, аналога которому, похоже, вообще не имелось.

— Я... э-э... так до сих пор и не представился, — выдавил из себя Кейлер. — Это, разумеется, непростительно, тем более что я политик и должен был сделать это в самом начале нашего знакомства. Меня зовут Джини Кейлер.

И они обменялись рукопожатиями.

Джини с нетерпением ожидал, когда же девушка назовет себя, но та лишь улыбнулась. Теперь глаза ее были прикованы к залу, она шарила взглядом в толпе, словно оценивая всех одновременно и каждого в отдельности.

— А вы... а вас...

Лори снова обворожительно улыбнулась.

— Джини Кейлер, — задумчиво повторила она, — я о вас, разумеется, много слышала.

— Неужели? — Джини натянуто усмехнулся. — Вроде бы я в последнее время не слишком часто выступаю перед публикой. Сейчас-то я работаю, а вот когда начинается кампания, тогда... Знаете, одно дело — давать обещания, и совсем другое — воплощать их в жизнь.

Девушка понимающе кивнула:

— Я так и думала, что вы настоящий политик. Ваша речь просто напичкана штампами.

Джини удивленно воззрился на нее, не совсем уверенный, что все расслышал правильно, потому что именно в этот момент раздался оглушительный хохот сенатора Хасбаума.

— Что? Простите... — переспросил Джини.

— Да-да, именно так, — подтвердила девушка. — Впрочем, сие привычно для политиков. Наверное, это профессиональное заболевание, и медицина тут бессильна.

Джини потер затылок. Подобное бессознательное дви-

жение каждый раз свидетельствовало о том, что Джини начинал терять терпение.

— Подождите-ка секундочку,— подхватил он, стараясь, чтобы голос его звучал одновременно и серьезно, и шутливо.— Таким людям, как вы, легко говорить о политике и осуждать нас за то, что в нашей речи полно всяческих штампов, но такие люди, как вы, не должны забывать, что политическая обстановка часто...

— А таких нет,— оборвала Лори все тем же томным голосом.

Джини собрался было уже продолжить свою эскападу, но вдруг запнулся.

— Что вы сказали?

— Я говорю, что таких людей, как я, больше нет,— как ни в чем не бывало пояснила девушка.

Кейлер нахмурился и мрачно покосился на свой пустой стакан.

— Ну и что же вы в таком случае за птичка?

Лори оценивающе взглянула на него, словно прикидывая в уме, стоит ли делиться с этим субъектом хотя бы толикой ценнейшей информации. И, наконец, заговорила:

— В моих жилах течет египетская и французская кровь. Родом я из племени, которое называется убасти.

— Ну уж теперь-то точно подходящий момент для того, чтобы вы, наконец, назвали свое имя! Или я снова заговорил штампами?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Не обращайтесь внимания на мою скромность. Когда я начинаю смущаться, люди почему-то считают, будто я их стараюсь уколоть. Я это вижу по их глазам. Ведь страх и агрессивность на самом-то деле стоят совсем рядом, как вы считаете?

— Но вы опять не назвали себя!

— А зачем это вам? — лукаво поинтересовалась Лори, кокетливо склонив голову набок.— Вы, наверное, хотите меня соблазнить?

Теперь и сам Джини несказанно удивился.

— А вы хотите, чтобы я вас соблазнил?

— Не знаю. Нет, скорее всего нет.

— Вы очень красивы,— выпалил вдруг Джини.— Хотя бы это вам известно?

Девушка опустила глаза, впервые за их долгую беседу.

— Ну, красота — штука субъективная. Это ведь дело вкуса. Я, например, считаю, что у меня слишком высокая грудь.

— Не думаю, что большинство американских мужчин поддерживают это мнение. А если хотите услышать мое... ваша грудь просто выдающаяся!

На смуглых щеках девушки проступил румянец. Она тихо возразила:

— Я полагаю, вы сказали это только для того, чтобы польстить мне.

— А вам не нужны ни лесть, ни комплименты, — довольно фыркнул Джини. — Вы и без того достаточно привлекательны. Но самое главное, у вас есть то, что мечтает приобрести любая женщина, но что практически ни одной не удастся.

Лори подняла на него свои сверкающие изумрудные глазницы. Джини почудилось, что зрачки ее стремительно сузились до щелок, но уже в следующую секунду вдруг мгновенно распустились, словно великолепные темные бутоны неведомых цветов.

— Вокруг вас — потрясающий мистический ореол таинственности. Как только я вас увидел, я сразу сказал себе: «Джини, эта девушка связана с какой-то тайной». Ну вот, посудите сами — мы с вами разговариваем уже целую вечность, а я до сих пор не знаю даже вашего имени.

Она засмеялась. Гости, стоящие неподалеку, заметили, что девушка улыбается, а сенатор Хасбаум украдкой шепнул своему соседу:

— Вы только посмотрите! Опять этот Джини Кейлер попал в десятку. Эх, мне бы сейчас годков двадцать долой! Уж я бы показал этой бабенке, на что способны ребятки из штата Теннесси.

— Неужели вам так важно знать мое имя? — продолжала упираться девушка.

Джини неопределенно пожал плечами.

— Ну, а как же мне к вам обращаться? Предположим, что я захочу пригласить вас куда-нибудь на ужин после этого банкета. Каким же образом прикажете это сделать? Дорогая мисс Икс, или мисс Игрек, или как

вы там себя называете, не угодно ли вам отужинать со мной после этой развеселой вечеринки?..

— Вам не следует так говорить,— внезапно посерьезнев, перебила его девушка и отрицательно покачала головой.

— А как мне надо говорить?

— Вообще никак, потому что я все равно никуда не поеду. Я не могу.

Джини взял ее руку и нежно зажал между своими ладонями.

— Почему же? Вы вполне могли бы поехать со мной. Вы ведь не замужем, правда?

— Правда.

— Я так сразу и подумал. Потому что у всех замужних женщин рано или поздно появляется эдакий взгляд... будто их постоянно кто-то преследует. Они вечно чем-то напуганы.

— Напуганы? — удивленно распахнула глаза Лори.

— Конечно,— продолжал развивать свою мысль Джини.— Им же приходится постоянно волноваться, теряться в догадках и мучиться вопросами: с кем из присутствующих дам переспал их благоверный, и сколько здесь львиц, успевших соблазнить их собственных любовников.

— Мне трудно вникнуть в столь сложные отношения.

— Ничего, постепенно привыкнете. Это называется демократией.

Девушка невольно коснулась своей серьги и медленно, глубоко задумавшись, обронила:

— По-моему... это звучит аморально.

Джини с опаской посмотрел на нее. Слова «мораль» он не слышал с очень давних пор, пожалуй, с самого начала своей блистательной карьеры, стартовавшей четыре года тому назад. Тогда Джини разоблачил проект осушения болот. Кейлер выяснил, что его соперники просто намеревались выкачать под эту авантюру деньги из правительства. После чего разразился потрясающий скандал.

Но когда это словечко слетело с губ Лори... Она сама стояла перед ним почти обнаженная, выставив на всеобщее обозрение свои роскошные прелести, и рассужда-

ла ни о чем другом, а непременно — о морали! Вот уж нелепость! Подумать только!

— Послушайте,— осторожно ввернул Джини.— Наша жизнь кишмя кишит стрессами и всяческими неудачами. Для многих людей, и в частности для политиков, такие ребяческие шалости являются, может быть, единственным допустимым развлечением.

— Извините,— возразила девушка,— но для меня подобные «шалости» просто неприемлемы.

Джини только развел руками, как бы извиняясь за свое откровение.

— Ну, хорошо. Давайте забудем об этом. Я ничего дурного не имел в виду. Просто я считаю, что вы весьма привлекательная женщина. Если бы я, конечно, был монахом, то вполне мог бы и не заметить, что вы потрясающе сексуальны. Но я же не монах...

Девушка растерянно моргнула и стушевалась.

— Так вы... считаете... что я сексуальна?

Джини едва сдержался, чтобы не прыснуть.

— Ну, разумеется! А интересно, о чем вы думали, когда, собираясь сюда, подбирали вечернее платье?

Девушка покраснела.

— Не знаю. Я вообще не думала, что...

Джини дотронулся до ее руки.

— Голубушка,— начал он.— Думаю, вам самое время назвать свое имя. И жизнь сразу покажется гораздо легче.

— Ну, хорошо. Меня зовут Лори Сэмпл.

Джини нахмурился.

— Сэмпл? Позвольте, так ваш отец был...

— Французским дипломатом, совершенно верно. Его звали Жан Сэмпл.

Джини нежно сжал ее пальцы.

— Примите мое соболезнование по поводу его кончины. Я, правда, не был знаком с ним лично, но некоторые мои друзья довольно тесно общались с вашим отцом и всегда превосходно отзывались о нем. Простите...

— Вам не следует так переживать. Отец всегда знал, что его жизнь состоит из опасностей. Моя мама говорит, что теперь-то он, наконец, обрел покой.

Кейлеру удалось поймать за рукав шмыгнувшего рядом официанта и, прежде чем тот скрылся в толпе, за-

казать еще один коктейль с водкой. Джини снова повернулся к Лори.

— Вы уверены, что мне не удастся заманить вас на ужин? Я вот уже несколько месяцев мечтаю отведать окорочку во французском ресторане.

Девушка отрицательно замотала головой:

— К сожалению, Джини, ничего не получится.

— Но я не понимаю, почему? — растерялся тот. — Конечно, я не супермен, но все же парень хоть куда. Молод и полон энергии. Неужели вы предпочитаете общество очкастых книжных червей из министерства финансов?

— Джини, — продолжала девушка, вновь окатив его волной терпкого, умопомрачительного запаха каких-то невероятных духов. — Я вовсе не хочу показаться вам грубой или неблагодарной. И не собираюсь скорблять ваши чувства и помыслы. Но я пришла сюда только потому, что на эту вечеринку незадолго до своей смерти был приглашен мой отец. И я сочла своим долгом присутствовать здесь как бы вместо него. Я уже пообщалась со всеми его друзьями и теперь со спокойной совестью могу уехать домой.

— А почему же вы в таком случае не в трауре? — неожиданно выпалил Кейлер.

— Понимаете, на это есть свои причины, — спокойно осадил его Лори. — В нашем роду в течение многих поколений считалось, что смерть мужчины это скорее повод для празднования, а не для траура и печали. И я радуюсь его кончине, ибо он выполнил свой земной долг и теперь пребывает в покое.

— Вы радуетесь?! — Джини, казалось, не верил своим ушам.

Лори горделиво закинула голову и посмотрела ему прямо в глаза.

— Да, — подтвердила она. — Так поступают люди моего племени. Так было всегда и так будет всегда.

Джини пытался осмыслить все сказанное этой потрясающей девушкой, когда внезапно перед ним возник официант с заказанным коктейлем. Джини сунул официанту доллар и нерешительно произнес:

— Лори, вы меня, надеюсь, извините, но только мне раньше не приходилось встречать людей, которые радовались бы смерти своих близких.

Она отвернулась и заговорила:

— Мне вообще не стоило рассказывать вам об этом. Я прекрасно понимаю, что некоторых людей подобное буквально шокирует. А вот мы считаем, что если человек закончил свою миссию на земле, выполнив свой долг, и его жизнь оборвалась, то это уже само по себе является поводом для радости.

— Черт меня побери, если я хоть что-нибудь понял,— ошарашенно пробормотал Кейлер и отхлебнул из стакана ледяного напитка.

Лори снова повернулась к нему.

— Ну, мне пора.

— Как, уже? Но вы пробыли здесь всего несколько минут. Эта пирушка продлится как минимум до трех ночи. Подождите, вы же не видели еще самого интересного. Миссис Маровски вот-вот надерется и начнет стриптиз. А когда веселье будет в самом разгаре, ваши мысли о морали вылетят к черту прямо вот через это окошко, уверяю вас.

— Не надо потешаться надо мной, Джини.

— Голубушка, да кто же посмеет над вами потешаться! Я просто не хочу, чтобы вы так рано покинули меня.

— Я знаю. Извините. Я не могу остаться.

И тут совершенно неожиданно, будто материализовавшись из некоего фантастического луча, возле Лори возник высокий смуглый мужчина в черной шоферской униформе. Борода его казалась идеально уложенной, а руки незнакомца были затянуты в черные лайковые перчатки. Он молча застыл позади девушки, и весь вид его подсказывал Джини, что он более не намерен оставлять в этом сомнительном обществе Лори, и пора бы Кейлеру добру-здорову распрощаться с девушкой. Разумеется, все другие предложения незамедлительно будут отвергнуты. Возможно, незнакомец был арабом или турком, но в любом случае ясно: этот верзила не робкого десятка, и уж что-что, а защитить Лори для него пара пустяков. Если она, конечно, нуждалась в подобной защите.

— Прощайте, мистер Кейлер. Было приятно с вами познакомиться.

— Лори, но...

— Мне в самом деле уже пора. Меня дома ждет мать. Она будет волноваться.

— Ну, позвольте, я хотя бы подвезу вас до дома. В этом-то вы не можете мне отказать!

— Не беспокойтесь. Вот мой шофер. Я прекрасно доберусь и сама.

— Лори, я настаиваю. Вы, наверное, слышали, что я самый отчаянный работник во всем Госдепартаменте, и я не потерплю никаких возражений.

Лори закусила губку. Наконец она повернулась к свирепому и хмурому шоферу, не отходившему от нее ни на шаг, и робко спросила:

— Можно?

Наступила долгая пауза. Джини чувствовал, что и сенатор Хасбаум, и его приятели во все глаза наблюдают эту молчаливую сцену, но сейчас для Кейлера существовала только Лори, а все остальное словно растворилось в тумане. Джини спокойно и уверенно установился на шофера, а тот, в свою очередь, внимательно рассматривал самого Кейлера.

И вот, наконец, шофер кивнул. Кивок был легкий, едва заметный, и если специально не присматриваться, то его вообще можно было упустить из виду. Лори разублыбалась и защебетала:

— Благодарю вас, Джини. Пожалуй, я не откажусь.

— Ну вот, по-моему, это первые разумные слова, которые я услышал от вас за весь вечер,— подытожил Джини.— Только позвольте, я отлучусь на минуточку и попрощаюсь с Госсекретарем.

Лори кивнула:

— Хорошо. Я подожду вас у подъезда.

Джини успел мимоходом подмигнуть сенатору Хасбауму и стал протискиваться между гостями в надежде отыскать самого Генри Несса. Как и предполагал Кейлер, молодого и энергичного Госсекретаря окружала стайка кокетливых женщин, ворковавших, словно голубки, и восхищавшихся конгениальными фразочками, которые время от времени глубокомысленно ронял Генри. Новоиспеченная невеста, Рета Колдуэлл, в нелепом ярко-красном платье, которое не только не шло, а откровенно портило ее далеко не безупречную фигуру, буквально повисла у него на руке. Рета вцепилась в своего

жениха с такой недюжинной силой, что, казалось, оттащить девушку от ее кумира можно только при помощи здоровенных клещей.

— Генри! — позвал Джини. — Эй, Генри!

Генри Несс оглянулся, и на его холеной, гладко выбритой физиономии вспыхнула ослепительная дежурная улыбка, которая всякий раз возникает на лице опытного политика, стоит только тому услышать, что его кто-то зовет. В конце концов это ведь мог окликнуть и фотограф, а после облетевших весь мир снимков, где запечатлен вечно хмурый Никсон, в демократическом лагере началась паника и всем предложили отныне резко повеселеть. По крайней мере внешне.

— Джини, как у тебя дела? — поинтересовался Несс. Недолго думая, он протянул руку прямо над головой какой-то миниатюрной дамочки, и они с Кейлером обменялись рукопожатиями. — О твоих мексиканских успехах слышан. Молодец!

— Да, делишки продвигаются, — бодро отозвался Кейлер. — А у тебя все вообще восхитительно. Поздравляю с удачным выбором, Генри. И тебя, Рета, тоже. Вы оба блестяще выглядите.

Рета уставилась на него. Он знал ее и в былые времена, когда был еще совсем молодым и зеленым. По неопытности Кейлер пытался тогда баллотироваться в один из законодательных органов. И теперь Рета, очевидно, вспомнила, что однажды Джини имел возможность лицезреть, как она, вдребезги пьяная, лезла целоваться ко всем мало-мальски известным политикам, нескладанно удивленным распушенностью этой молодой особы.

— Генри, к сожалению, я должен уехать, — извинился Джини. — Дела государственной важности, ты же понимаешь... Но если честно, я от всей души желаю вам всего хорошего в вашей будущей совместной жизни. И надеюсь, что мой прогноз на ваше счастье оправдается.

Генри еще раз потрянул руку Джини и, как-то очень уж неубедительно улыбнувшись, вновь повернулся к замирающим от восторга дамам.

— Да, Генри не прочь пустить пыль в глаза этим курочкам, — заключил Джини, ловко орудуя локтями и пробираясь к выходу.

Женщины никогда не осмеливались спорить с Генри и тем более задавать каверзные вопросы, которые могли бы поставить в тупик самого блестящего политика и оратора. Здесь никто не выпытывал у Несса, какого черта американские ракеты размещаются непременно на территории Турции, и почему это правительство смотрит сквозь пальцы на то, что вирус коммунизма уже проникает в ряды чернокожего населения. Женщин, безусловно, интересует куда более важная информация — в чем он ложится спать, трусы от какого портного надевает по воскресеньям и, что самое главное, — есть ли вообще что-нибудь под ними.

Джини накинул плащ и двинулся вдоль великолепного мраморного коридора вперед, к заветному выходу. Дождь прекратился, но мокрые тротуары еще блестели. Дул влажный ветер, обещавший ливень на всю ночь. Лори и ее шофер стояли на каменных ступенях, и когда Джини приблизился к ним, ему вдруг показалось, будто Лори стоит как-то уж слишком близко к шоферу и словно что-то нашептывает ему на ухо. Джини замешкался было, но в ту же секунду девушка повернулась и, отыскав глазами Кейлера, радостно улыбнулась. Не проронив ни слова, шофер мгновенно отошел от Лори и направился к своей машине — сияющему черному лимузину. Он с достоинством уселся за руль, сдал назад и остановился, поджидая их в стороне. Шофер не смотрел по сторонам, но Джини тут же почувствовал, что тот не выпускает их из виду, следя буквально за каждым движением, и готов в любой момент, как верный пес, вступить за хозяйку.

Лори затянула на своей восхитительной шее длинную красную бархатную накидку и ладонью откинула назад волосы.

— По-моему, шофер начинает нервничать, — усмехнувшись, констатировала она. — Мама строго приказала ему не спускать с меня глаз, вот он теперь и буравит меня взглядом, опасаясь, как бы я случайно не исчезла.

Джини тронул Лори за руку.

— Послушайте, а он всегда такой свирепый? — закинул удочку Кейлер. — Мне кажется, что если бы я вдруг решил ущипнуть вас, к примеру, за мочку уха, —

так, без всякой задней мысли,— он тут же подскочил бы и вышиб из меня дух. Я и глазом не успел бы моргнуть. Лори рассмеялась.

— Да уж, по этой части он мастер. Мать говорила мне, что он — самый добросовестный и честный слуга из всех, которые перебивали в нашем доме. А их было немало. К тому же он просто дока по борьбе кравмага.

— Кравмага? Никогда о такой не слышал.

— Ну, это система самообороны, что-то вроде кунг-фу, по-моему. Ее изобрели в Израиле. Главное в ней — полное уничтожение противника любыми средствами.

Джини удивленно поднял брови.

— Знаете, ваше заявление обескураживает откровенностью. Мы, политики, привыкли скрывать подобную информацию. По крайней мере ваша кравмага лишена лицемерия.

Они стояли на тротуаре и ждали, когда лакей выкатит из гаража машину Джини. Рядом прохаживался привратник в желтой ливрее и короткими затяжками покуривал сигарету. А вдаль, в нескольких сотнях ярдов, взмывал в небо сияющий шпиль памятника Вашингтону. Сейчас, в легком вечернем тумане он походил на призрачный надгробный камень. Где-то из района М-стрит донеслась трель сирены.

— Вы не должны сердиться на Мэтью. Он ведь исполняет свой долг,— заступилась за слугу Лори.

— Мэтью? Так зовут вашего шофера?

— Да, но, понимаете, он, к сожалению, немой. Мэтью не в состоянии выговорить ни единого слова. Он когда-то состоял на французской секретной службе в Алжире, и когда Мэтью выследили, ему вырвали ногти и отрезали язык.

— Да вы шутите.

— Нисколько. Это правда.

Джини покосился на черный «кадилак», поджидающий их у поворота. В боковое зеркальце Кейлер заметил напряженный и суровый взгляд Мэтью, и ему показалось, будто глаза слуги словно сами по себе витают в ночном тумане.

— Да, наверное, подобное испытание кого угодно превратит в угрюмого и недоверчивого человека.

Лори печально кивнула.

— Вы правы. А это ваша машина?

К подъезду подкатил белый «нью-йоркер», и привратник распахнул его дверцы. Джини сунул по доллару привратнику и лакею, подогнавшему автомобиль, а потом уселся за руль.

— Вы сами будете указывать дорогу? — осведомился он.

Лори отрицательно покачала головой.

— Нет, первым поедет Мэтью. А вы — прямо за ним, так будет проще.

— А мы не можем от него улизнуть?

— Если вы не хотите нарваться на неприятности, то лучше не стоит. Уверю вас, Мэтью не выпустит нас из виду.

Джини только вздохнул, и машина тронулась.

— Послушайте, а вас это никогда не раздражает? Я имею в виду то, что вас держат в золотой клетке? Вы же вполне взрослая девушка.

Лори развязала накидку, и та соскользнула с ее плеч. В бледном сиянии уличных фонарей Джини заметил украдкой, как блестят губы Лори, как сверкают изумруды на шее и переливается шелк на груди. В машине запах ее духов околдовал Джини окончательно, и это выглядело тем более странно, если вспомнить, что девушка разглавољествовала о морали, пытаясь казаться скромницей. Теперь она вдруг напомнила Джини самку во время течки, подкарауливающую самца.

— Наверное, мы кажемся вам несколько странными, — тихо произнесла Лори. — Но не забывайте о том, что мы не американцы. И Америка — не наша родина. Вот почему мы стараемся держаться вместе и помогать друг другу. И помимо всего прочего...

— Чего прочего?

Она опустила глаза.

— Ну... мы чуточку другие, если можно так выразиться. А когда ты чем-то отличаешься от остальных, следует придерживаться своего стада, а не втираться в чужое.

Джини обнаружил, что «кадиллак», мчащийся впереди, свернул налево, и послушно юркнул вслед за удаляющимися габаритками автомобиля. Несколько капель ударили в лобовое стекло. Начинался дождь, и Джини включил дворники.

— Можно мне вас кое о чем спросить? — обратился он к девушке.

Та кивнула.

— Конечно, если ваш вопрос не слишком интимный.

— Ну, разумеется, он личного плана, но, если хотите, можете не отвечать. Однако, уверяю вас, подобный вопрос рано или поздно задает любой мужчина, стоит ему познакомиться с такой красавицей, как вы.

— Ну вот, снова вы мне льстите.

— Да нет же, черт побери. Это на самом деле так. Неужели раньше мужчины не осыпали вас комплиментами?

Лори отрицательно покачала головой.

— Ну, хорошо, — сдался Джини. — А вопрос мой таков. Есть ли у вас молодой человек, с которым вы постоянно встречаетесь? Ну, единственный в своем роде, объект, так сказать, вашей нежной привязанности? Или же вы абсолютно свободны?

— А вам какая разница? — безразлично отозвалась Лори и отвернулась.

Джини неуверенно пожал плечами.

— Ну, я не знаю. Для некоторых девушек это ведь очень важно. Если они постоянно встречаются с одним и тем же парнем, они и в мыслях не могут представить, что можно встречаться и с другими. В этом подлунном мире еще существует верность, хотя нам, возможно, трудно в это поверить.

Долгое время Лори молчала. Он снова посмотрел на нее. Девушка без тени улыбки продолжала разглядывать улицу.

Когда они миновали отель «Уотергейт», Лори тихо проронила:

— Никаких мужчин у меня нет. Ни одного.

— Ни одного? — изумился Кейлер. — Даже старичка-воздыхателя, который по пятам следует за вами, как тень, надоедая приглашениями на обеды и задаривая изумрудами?

Лори коснулась бус и возразила:

— Этого мне никто не покупал. Изумруды переходят в нашем роду по наследству. И никаких старичков у меня нет. Кстати, молодых поклонников тоже.

То, как она произнесла эти слова, заставило Джини нахмуриться. Он ни на минуту не мог поверить в такой поворот дела.

— Вы что, хотите сказать, будто вообще ни с кем не встречаетесь?

— Не только сейчас, Джини. Я никогда ни с кем не встречалась.

Джини не спускал глаз с красных огоньков лимузина, опасаясь прозевать поворот, если вдруг «кадиллак» снова нырнет в сторону. Ему казалось непостижимым, что такая девушка, как Лори, с ее фигурой и восхитительным личиком, никогда в жизни не бегала на свидания. На вид ей можно было дать лет девятнадцать, от силы двадцать, и Джини прекрасно знал, что в подобном возрасте девицы, льнувшие к высшему свету, успевают переспать с доброй половиной правительственных чиновников, не говоря уже о многочисленной армии конгрессменов и сенаторов. Кейлер, разумеется, отдавал себе отчет в том, что Лори не принадлежит к этой категории кошечек, но ведь даже благовоспитанная девица из вполне достойной семьи уж наверняка встречается ну хотя бы с одним парнем, пусть этот ее избранник — самый что ни на есть завалящий студентиска Гарвардского университета. Но хоть один-то должен быть!

— А вы что, еще девственница? — не выдержал Джини.

Лори резко вскинула подбородок и окатила его таким надменным ледяным взглядом, что Кейлер внутренне съежился.

— Если вы это так называете, то да, — гордо ответила она.

Джини растерялся.

— Я не имел в виду ничего плохого, — оправдываясь, промямлил он. — Меня это просто здорово удивило, вот и все.

— Неужели в наши дни это такая уж большая редкость для девушки? Остаться чистой до замужества?

Джини постарался взять себя в руки и заговорил:

— Ну... В общем-то, конечно. Во всяком случае, никто в наше время не ожидает, что незамужняя девушка окажется девственницей. Тем более странно было услышать из ваших уст...

— Так я, по-вашему, не похожа на девственницу?

— Я этого не говорил.

— И не надо. Просто вы заметили, что я выгляжу очень сексуально, а раз так, значит, вы подумали, что я, естественно, сплю с мужчинами.

— Совсем не обязательно. Когда я говорил, что вы сексуальны, я имел в виду, что вы нравитесь лично мне. Когда я смотрю на вас или просто стою рядом с вами, я начинаю сексуально возбуждаться. Это не оскорбление, я хочу, чтобы вы все правильно поняли и не обижались на меня.

Лори не ответила. Сначала Джини показалось, что он-таки хватил через край, и теперь девушка окончательно надулась, но, взглянув на нее украдкой, Кейлер заметил на губах Лори загадочную улыбку.

— Господи Боже мой! — в сердцах выпалил Джини. — Да вы, пожалуй, самая странная девушка из всех, которых мне только доводилось встречать. А уж мне-то попадались весьма эксцентричные особы.

Лори засмеялась. А потом кивнула на автомобиль Мэтью:

— Вы лучше следите за дорогой. Мы почти у дома.

Они миновали центр города и, отъехав от него миль пять, очутились в тенистом фешенебельном пригороде. Особняки здесь были построены еще до войны. Колонны у входа и крашенные белоснежные ставни на окнах поражали воображение. Мэтью свернул на извилистую дорожку, петляющую по настоящему туннелю из деревьев, и вскоре показалась высокая, обвитая плющом стена из старого кирпича, поросшего мхом. Наверху из нее торчали длинные проржавевшие пики.

— Там наш сад, — указала на стену Лори. — А сам дом чуть подальше.

Они еще раз свернули, и Мэтью нажал на тормоз. Обе машины остановились прямо перед коваными воротами на полукруглой стоянке. За воротами Джини углядел накатанную гравиевую дорожку. Дома не было видно, очевидно, он находился в глубине поместья.

Мэтью не выходил из автомобиля, наблюдая за молодыми людьми в зеркальце заднего вида. Он не заглушил мотор, и струйка выхлопных газов, поднимаясь из-под автомобиля, растворялась в ночном тумане.

— Итак, мы приехали, мисс Сэмпл? — спросил Джини.

— Совершенно верно. — И Лори тщательно завязала на шее накидку.

— Вы хотите сказать, что я вас здесь высажу и на этом все закончится?

Она взглянула на него, сверкнув в темноте своими зелеными кошачьими глазищами.

— А чего же еще вы ожидали? Вы любезно предложили подвезти меня до дома и подвезли. Большое спасибо.

— И вы даже не пригласите меня на чашечку кофе?

Она покачала головой.

— К сожалению, нет. Понимаете, моя мама сейчас не совсем здорова.

— Но я же не собираюсь просить ее готовить!

— Что готовить? — не поняла Лори.

— Ну, кофе, конечно, что же еще? Она может преспокойненько лежать себе в постели и даже не вставать.

Лори положила руку ему на ладонь.

— Джини, — ласково проговорила она, — вы очень милый человек, и мне сразу понравились, но...

— Но вы не собираетесь приглашать меня в дом. Все ясно, теперь мне все стало ясно.

— Нет, вы ничего не поняли.

Он поднял руки вверх, как будто признавая свое поражение:

— Я все прекрасно понимаю, голубушка. Вы симпатичная девушка, у вас очень милая и дружная семья, и вы всегда делаете только то, что одобряет ваша мамочка, прямо как в старые добрые времена. Ну, хорошо, значит, и мне надо действовать соответственно.

— Как же именно?

— А вот как. Завтра в самое что ни на есть удачное время я вам звякну, затем представлюсь вашей матушке и выпрошу у нее разрешение пригласить вас отобедать со мной. При этом я, разумеется, поклянусь какой-нибудь страшной клятвой, что верну вас в целости и сохранности.

Лори остановила на нем долгий и пристальный взгляд. А потом отрицательно покачала головой.

— Джини, — взмолилась девушка. — Это невозможно.

— Что же такого невозможного в обыкновенном обеде?

Она отвернулась.

— Вы мне нравитесь,— тихо произнесла Лори.— Именно поэтому обед и невозможен.

— Так. Значит, я вам все-таки нравлюсь, и именно поэтому вы не хотите встретиться со мной еще раз? Где же здесь логика?

Лори толкнула автомобильную дверь.

— Джини,— голос ее стал чуть слышен,— я думаю, для вас будет гораздо лучше как можно быстрее забыть о нашей встрече. Пожалуйста, именно ради вас. Я не хочу, чтобы вы страдали.

Джини опять растерянно потер затылок. Он уже устал спорить с этой взбалмошной девицей.

— Лори, послушайте, я достаточно самостоятельный человек, чтобы отвечать за себя. Возможно, я ничего не понимаю в еврейской национальной борьбе, но и меня жизнь била не один раз, так что мою душу покрыл, так сказать, защитный панцирь из эмоциональных шрамов. Если бы я каждый раз отступал, отказываясь от контакта с женщиной только из боязни причинить себе боль, Господи, я бы и по сей день оставался, наверное, девственником, как вы.

— Джини, ну я вас очень прошу, не надо.

— Да, чего уж проще — просить. Только я не вижу никаких причин для отказа. Если бы я казался вам безобразным и противным... тут я бы еще смог понять, ан нет. Ведь я довез вас до дома. И признался, что вы прекрасны. Неужели я не заслужил даже элементарного объяснения, почему вы мне отказываете?

Лори долго молчала. Красноватый отсвет габаритных огней стоящего «кадиллака» выхватывал из темноты часть ее лица. А работающий мотор этого чертового лимузина напоминал Джини, что за ними постоянно наблюдает шофер. И вдруг Джини совершенно отчетливо почувствовал, что над ним нависла смертельная опасность. Восторг, охватывавший его на протяжении всего вечера, мгновенно улетучился.

— Джини,— прошептала Лори,— я уйду.

Она уже почти выбралась из автомобиля, когда он внезапно рванулся к ней и крепко ухватил девушку за

запастья. Лори попыталась было выдернуть руки и с такой силой потянула их, что чуть не повалила Джини. Но вдруг, словно неожиданно передумав, Лори внезапно обмякла и позволила ему снова стащить себя на сиденье.

Джини нагнулся и жадным поцелуем впился ей в губы. Они оказались влажными и чувственными, но Лори никак не хотела раскрывать их. Джини приник к девушке всем телом, пытаясь сломить ее сопротивление. Кончиком языка он старался приоткрыть ее губы, проникнуть в нее... Отбиваясь, Лори запрокинула голову. Разумеется, если бы подобная возня происходила в годы школярства, Джини вполне удовлетворился бы и таким вот безобидным чмоканьем в сжатые губки. Но ведь перед ним находилась роскошная Лори Сэмпл — и теперь это означало лишь двойное разочарование.

Левой рукой он коснулся ее плеча. Лори перехватила его руку. Девушка лихорадочно прошептала что-то и, извиваясь, попыталась высвободиться. Но Джини не отпускал ее, их губы словно склеились. Вот уже его ладонь скользнула по ее восхитительной груди, дрожащими пальцами он дотронулся до соска, почувствовав его горячую упругость...

И вдруг Джини ощутил нестерпимую боль в языке. Девушка тут же вырвалась и выскочила из машины.

Она застыла рядом с машиной, хмурая и возбужденная. Но Джини даже не взглянул на нее. «Господи! Меня тяпнули за язык! И кто? Какая-то малявка, девственница, будь она неладна!» Он никак не мог взять в толк, что же разозлило его сильнее: сам ли внезапный укус — ничего себе закусочка после банкета! — или же его собственное идиотское поведение: вот ведь придурок, чего надумал! Целоваться с девицей, которая только и делает, что корчит из себя недотрогу!

— Джини...

Он не поднимал на нее глаз.

— Джини, простите меня, но вы сами виноваты. Вы же не оставили мне выбора. Я была просто вынуждена...

Он достал платок и закашлялся. Белая ткань окрасилась кровью.

— Давай, давай отправляйся домой к своей мамочке, понятно? — хрипло пробормотал он.

— Джини, вы должны понять, что у нас все равно бы ничего не получилось. Как бы вы ни старались.

— Да уж, конечно, теперь мне и самому ясно. Если меня когда-нибудь посетит фантазия быть заживо съеденным, я лучше двину во Флориду в национальный заповедник и там предложу себя на обед аллигатору.

— Не надо так говорить, Джини! Неужели вы не понимаете, что очень нравитесь мне?

Он еще раз промокнул платком язык и почувствовал, что кровь почти остановилась. Но укус и в самом деле оказался нешуточным. Джини следом за Мэтью чуть было не пополнил армию немых. Вряд ли сей прискорбный факт способствовал бы его повышению по службе и как политика, и тем более как оратора.

— Убирайся отсюда! — рявкнул Кейлер. — Я поехал домой.

Мэтью уже вышел из лимузина и теперь стоял рядом с Лори, равнодушно созерцая происходящее.

Снова зарядил дождь, капли противно барабанили по гравию, шуршали по траве.

Наконец Лори повернулась и зашагала прочь. Мэтью взял ее под руку и проводил до «кадиллака». Открывая ей заднюю дверцу, шофер оглянулся на Джини. Взгляд его порашил Джини полной бесстрастностью, словно вместо лица у Мэтью была крышка канализационного люка. Шофер уселся за руль и неспешно подъехал к кованым воротам.

Стоило лимузину приблизиться к ним, ворота бесшумно разошлись и так же беззвучно захлопнулись, пропустив автомобиль. Лишь еле слышно щелкнул невидимый замок. Джини наблюдал, как растворяются во мраке красные огоньки габариток. И вот уже «кадиллак» постепенно исчез, углубившись в густой, бурно разросшийся сад. Перед Джини возвышалась непрístupная кирпичная стена с запертыми воротами. А теперь еще к ней добавилась и другая — сплошная стена ливня, окружившая Джини со всех сторон. Дождь беспощадно хлестал по автомобильным стеклам.

Некоторое время Джини сидел, не шелохнувшись, а потом зачем-то заглушил мотор. Все еще придерживая у рта платок, он открыл дверцу и вышел прямо под проливной дождь. От уютного света городских фонарей

Джини отделяла сейчас целая вечность. Взглянув вверх, он различил мрачные облака, стремительно несущиеся по небу. Слабые лунные блики лишь слегка подсвечивали их края.

Джини незаметно подкрался к воротам. Он опасался притрагиваться к ним — а вдруг к воротам подключено электричество! Джини подобрался как можно ближе и постарался заглянуть внутрь усадьбы. Сразу за железными воротами начиналась аллея, поросшая кустарником вперемешку с могучими дубами и уходящая ярдов на пятьсот в глубь поместья, где глаза Джини с трудом различили поворот. Дальше, видимо, шла уже прямая дорога к самому дому. Джини даже показалось, что он разглядел во мгле смутные силуэты труб и крыши, но он мог и ошибиться, спутав их с ветвями древних дубов.

От поместья словно веяло чем-то зловещим. Но вопреки всему — и совершенно отчетливому ощущению опасности, и просто здравому смыслу — Джини вдруг нестерпимо потянуло в эту тревожную и зыбкую тишину. Ему во что бы то ни стало захотелось взглянуть на дом Сэмплов — ну так, хоть одним глазком, лишь бы унять свое разгулявшееся воображение. Только убедиться, что это всего-навсего самый что ни на есть обыкновенный, роскошный домина, утопающий в розовых кустах, с фонарями у входа — короче, именно такой, какому и положено быть у известного дипломата.

Джини вернулся к машине и достал из бардачка набор отверток, который ему преподнесла когда-то его очередная любовница. На футляре была выгравирована надпись «Набор отверток от твоей самой вертлявенькой».

В одну отвертку был вставлен электротестер Джини выбрал именно эту. Вернувшись к кованым воротам, он осторожно дотронулся до какой-то искусной, весьма затейливой завитушки. Ровным счетом ничего не произошло. Похоже, электричеством здесь и не пахло. Джини взглянул вверх. Ворота, казалось, уходили в самое небо и вдобавок ко всему увенчивались жуткими, варварскими шипами. Ну уж подобная предосторожность была явно излишней! Джини только на мгновение представил себе, как один из таких колышков стремительно вонзается в его плоть, и у него тут же неприятно заныло в паху.

Джини обеими руками вцепился в ворота и принялся нащупывать ногой углубление, пытаясь использовать кованые завитушки как ступени. Первые футов шесть дались ему без особых трудов, поскольку здесь с лихвой хватало всякого рода кованых цветов. И хотя Джини давненько не занимался спортом, начало далось ему легко. Но чем выше, тем труднее становилось подниматься. Завитков здесь уже почти не осталось, пошли одни прутья, да и то чуть ли не насквозь проржавевшие. За эту труху и хвататься-то было страшно, а не то что взбираться по ним.

Джини решил передохнуть. Далеко внизу он разглядел по одну сторону ограды свою белую машину с распахнутыми дверцами, а по другую — мрачную аллею, ведущую в глубь владений Сэмплов. Где-то вдали мерцали призрачные огоньки. Видимо, там располагались седние особняки.

И сколько ни старался Джини разглядеть что-нибудь в этой крошечной мгле, ничего, кроме деревьев да светлой гравиевой дорожки, увидеть ему так и не удалось. Дождь приутих, и снова подул легкий ветер. Прокушенный язык здорово болел, однако ведь именно это боевое ранение толкнуло Джини на подобную авантюру. Тем более что до верха оставалось совсем немножко.

— Вперед, парень, только вперед, — сам себя подбадривал Кейлер.

Он отважно схватился за пару жутких прутьев и, просовывая ноги в какие-то весьма сомнительные отверстия, принялся карабкаться все выше и выше. Он чувствовал себя настоящим туземцем, жителем далеких островов Фиджи, который предпочитает передвигаться в вертикальной плоскости по кокосовой пальме.

Задышавшись, Джини добрался, наконец, до верха. Однако самое сложное оставалось впереди. Ведь чтобы попасть на территорию усадьбы, надо было одолеть торчащие ржавые пики. Носу теперь приходилось ставить точно между скользкими шпильями. Оставалось лишь надеяться, что она не подвернется и Джини, рухнув с этого бастиона, не останется здесь навечно.

Кейлер всунул левую ногу в щель между шпильями и уже успел занести над ними правую. В этот момент ворота гулко задрожали под его весом. Джини застыл,

переводя дыхание. А потом осторожно опустил правую ногу с другой стороны ворот и освободил левую.

И тут со стороны дома донеслись странные звуки. Будто кто-то во весь опор мчался к воротам. Джини замер на месте и прислушался. Пот струйками стекал с его лица. Вдали словно прогрехотал гром. Или это только почудилось Кейлеру? Вроде еще днем обещали, что ночью, возможно, разразится гроза. Обычно грозы подкатывались к Вашингтону со стороны реки.

Оттуда-то и донесся этот непонятный грохот. Джини успокоился и уже собрался было перемахнуть через пики.

В этот момент опять раздался непонятный шум, но теперь Кейлер уже ясно понимал, что к грозе он не имеет никакого отношения. Так мог реветь мотор самолета или — на худой конец — мотоцикл. С замирающим сердцем Джини прислушался, пытаясь разобраться, что за звуки доносятся из глубины поместья. Он щурился, вглядываясь в даль. Но луна тем временем полностью спряталась за облака, и ничего, кроме раскидистых деревьев, увидеть не удалось.

И тогда Джини отчетливо услышал самый странный звук в своей жизни. Хрипло и яростно рыча, к воротам ринулись какие-то громадные звери. С треском продираясь сквозь густой кустарник и, словно играючи, подминая его под себя, они мчались прямо на Джини! Так вот в чем дело! Оказывается, Сэмплы решили натравить на него своих сторожевых псов!

Кейлер перепугался уже не на шутку. Он мгновенно переставил ногу обратно, оказавшись с внешней стороны ворот. Свирепые звери были уже неподалеку, и Джини боялся даже взглянуть в сторону дома. Да еще в этот момент его нога угодила в слишком узкую щель между штырей и застряла там. Джини судорожно задержал ногой, словно она попала в капкан. И потерял равновесие.

А внизу между стволами могучих дубов промелькнули длинные бледные тени, и Джини услышал топот тяжелых лап по гравиевой дорожке. Он не удержался, руки соскользнули с прутьев, и Кейлер рухнул прямо на землю. Левый ботинок, зажатый между шпильями, так и остался наверху.

Хромая и задыхаясь от нестерпимой боли, Джини заковылял к машине. А позади доносилось раскатистое и грозное рычание. Звери успели добраться до ворот и теперь с остервенением кидались на железную ограду, пытаясь преодолеть ее.

Джини дрожащей рукой завел мотор, и машина рванулась с места, взметнув целый фонтан камешков. Прочь из этого адского логова! Отчаянно завизжали шины, автомобиль уже мчался вниз по склону холма. Добравшись до вашингтонского шоссе, Джини чуть-чуть расслабился. Он сбавил скорость и только теперь понял, что вспотел с ног до головы. Сердце в груди продолжало бешено колотиться.

Наконец машина подкатила к одному из домов Джорджтауна. Джини оставил ее прямо на улице. Здесь было тихо и спокойно. Даже воздух, казалось, источал дружелюбие. Кейлер вздохнул и с радостным облегчением взглянул на окна своей квартиры в верхнем этаже старого кирпичного особняка. Владелец этого дома приходился отцу Джини закадычным другом, так что с квартирой Кейлеру действительно несказанно повезло.

Джини толкнул калитку и, приволакивая левую ногу в одном только носке, захромал к подъезду. Оказавшись в квартире, он устроил полную иллюминацию, включив все до единого осветительные приборы. В ход пошел и телевизор, однако звук Джини убрал. Зато на полную мощь врубил свою квадросистему, поставив пластинку Моцарта. И только тогда, удобно расположившись в кресле, Джини действительно расслабился. Мысли его вернулись к загадочной Лори Сэмпл. Кейлер плеснул в бокал изрядную порцию виски и залпом осушил его. Затем прилег на кушетку, а ушибленную ногу расположил на стоящем тут же столике из оникса. Включив ночные новости, Джини попытался было вникнуть в происходящие события, но так и не смог.

Да, Лори оказалась девушкой потрясающей. В чем в чем, а в этом у Джини не оставалось никаких сомнений. Обычно очередная его пассия торчала в это время с ним в каком-нибудь ресторанчике, с упоением ожидая под звуки соблазнительной музыки предстоящую ночь. В крайнем случае он сам предвкушал в эти часы завтрашнее свидание. Так было всегда. Но тут он словно

наткнулся на каменную стену. И хотя Лори ясно сказала, что он — Джини — понравился ей, тем не менее девушка решительно дала понять, что никаких дальнейших свиданий не предвидится. И, словно подкрепляя свои слова, умудрилась чуть было не откусить ему язык. Джини прикурил сигарету и понял, что тот порядком распух.

Кейлер направился в ванную, выложенную черным и темно-коричневым кафелем. Здесь на бесчисленных полочках стояли всевозможные одеколоны, духи и дорогие дезодоранты. Джини включил светильник над зеркалом. Высунув язык, принялся тщательно изучать рану.

И тут он обратил внимание на довольно странную вещь. Следы от зубов были маленькими и находились друг от друга на сравнительно большом расстоянии. Обычный след от укуса человеческих зубов проходит сплошной линией в форме полумесяца, а на его — Джини — языке отчетливо виднелись четыре небольших прокола. Джини дотронулся до них и тут же поморщился от боли. Такое впечатление, будто его тянул не человек, а здоровенная собака.

Джини ошеломленно застыл перед зеркалом, не зная, как объяснить сей невероятный факт, и когда в комнате зазвонил телефон, он вздрогнул от неожиданности.

Глава вторая

Звонил начальник Джини, Уолтер Фарлоу. Он напомнил Кейлеру, что завтра ровно в одиннадцать начинаются переговоры по проблемам Вест-Индии, и он, конечно же, ожидает, что Джини явится туда как штык. Джини заверил шефа, что он, разумеется, не допустит со своей стороны никаких опозданий, и подтвердил, что все документы и речи уже готовы.

— Ты что, успел подхватить простуду? — заволновался Уолтер.

— Почему вы так решили?

— Не знаю. Голос какой-то чудной. Будто рот чем-то набит...

— А, вы про это, — удрученно промямлил Джини. — Я случайно прикусил себе язык.

Уолтер вежливо хохотнул.

— Прикусил язык? Жаль только, что это сделал ты, а не Генри Несс.

— Да уж, Генри Нессу следовало бы откусить не только язык, но и целиком всю голову.

После такой содержательной беседы Джини пропустил еще одну порцию виски и, сев в кресло, задумался. Вся его политическая карьера строилась по одному принципу: Джини неизменно доводил до конца любое начатое дело. Любая мелочь, будь то отчет, выступление или же незначительное событие, тщательно анализировалась, документировалась, и везде была проставлена последняя точка над «i». Неоконченное дело раздражало Кейлера и надолго выбивало из колеи. Так вот, с этой самой Лори он, похоже, наткнулся именно на подобный незавершенный вариант. Редкий случай в его практике. Помимо всего прочего, самолюбие Джини было здорово ущемлено, а тут еще выиграла гордость. Подумать только! Эта девятнадцатилетняя девчонка с роскошным бюстом не только укусила его за язык, но еще и спустила на него цепных собак, из-за чего на проклятых воротах так и остался торчать его превосходный английский ботинок. За эту пару Джини совсем недавно выложил целых семьдесят пять долларов!

Кейлер достал пухлый телефонный справочник и принялся листать его в поисках номера Сэмплов. Но такой

фамилии в справочнике не значилось. Джини постояла некоторое время в нерешительности, постукивая стаканом о передние зубы, а потом снял трубку и набрал знакомый номер. «Сейчас всего лишь полночь,— прикинул он в уме,— многие девушки в Вашингтоне и не думают ложиться спать в такую рань. Ничего страшного».

Раздалось десять или даже одиннадцать гудков, прежде чем трубку, наконец, сняли, и заспанный голосок недовольно промурлыкал:

— Алло? Кто это?

— Мэгги,— как можно радостнее произнес Кейлер.— Это я, Джини.

— А который час, Джини?

— Понятия не имею. Где-то около двенадцати, полагаю.

— Как это ты не знаешь? Я дарю тебе часы за триста долларов, а ты даже не удосуживаешься ответить мне, сколько сейчас времени?

— Ну, только не заводись. Ты ведь все равно не спала. Я угадал?

Мэгги тяжело вздохнула и, послушно приготовившись внимать своему патрону, заранее запаслась терпением.

— Нет, Джини, я, конечно же, и не думала ложиться. Интересно, как можно работать твоим личным секретарем, да еще при этом умудряться урвать хоть часик для сна? Я бодрствую круглые сутки. Просто иногда я не так энергична, особенно ночью, но тем не менее всегда начеку и к твоим услугам. Так что у нас на этот раз?

Джини выдержал ее тираду с удивительным спокойствием.

— Мэгги,— отозвался он наконец,— я понимаю, с моей стороны это очень нахально и вообще неуместно, но не могла бы ты оказать мне сейчас небольшую услугу?

— Ну, знакомая песенка, Джини. А не забыл ли ты, дружок, что у меня сегодня выходной? В конце концов имею я право хоть на короткий отдых, чтобы не выглядеть завтра как чучело?

— Мэгги, ты прекрасна всегда: и свеженькая и вымотавшаяся.— Джини попытался было подобраться с другой стороны.

— Ну, ладно, уговорил. Что надо сделать?

— Ты помнишь французского дипломата по имени Жан Сэмпл? Он погиб месяца три назад то ли в Канаде, то ли еще где-то.

— Совершенно верно. Его растерзали медведи во время охоты.

— А что тебе о нем известно? Я имею в виду его прошлое. И в особенности, что можно узнать о его семье?

— Вообще ничего не известно. А зачем тебе все это?

Джини подхватил телефон и опустился с ним на кушетку. На экране телевизора какие-то полусгнившие мертвецы, скоропалительно восстав из могил, с завидной прытью преследовали живых граждан, а те зачем-то разевали рты, призывая, видимо, на помощь других граждан. В комнате продолжала звучать спокойная и вдохновенная музыка Моцарта.

— Сегодня на банкете я познакомился с дочерью этого Сэмпла. Знаешь, вокруг нее просто мистический ореол. Она какая-то... не такая. Мне кажется... надо выяснить... какая.

Мэгги снова вздохнула.

— Ну, теперь-то все понятно. Тебе дали от ворот поворот, и теперь ты остро нуждаешься в допинге. Чтобы не потерять уверенности в том, что ты — самый соблазнительный и желанный мужчина на всем белом свете. Так?

— Нет, Мэгги, все далеко не так просто. Девушка эта обитает в огромном особняке за городом, а ограда вокруг поместья похлеще, чем в старинных крепостях, да еще собаки у них по всей территории шляются. И, между прочим, такие, что любая с ходу могла бы отхватить мне ногу.

— Ну и что же? Может быть, в доме у Сэмпов хранится бесценная коллекция картин или куча драгоценностей. Ты сам дом-то видел?

— Меня даже за ворота не пустили. При ней неотступно находился шофер или слуга, в общем, этот тип все время сопровождал ее — какой-то немой по имени Мэтью. Короче, он смахивает на чудовище из фильма ужасов. А когда я самым невинным образом попытался попроситься к ней на чашечку кофе, меня так отфутболили, что больше я об этом и заикаться не стану. А ведь весь вечер я вел себя, как робкий ягненок.

— Ты в роли ягненка? Ни за что не поверю.

— Да-да. Я ведь могу быть и робким, и мягким, и каким угодно, если, конечно, захочу. Но дело в том, что тут хоть на задние лапки становись — на нее буквально ничего не действует. И мне теперь важно выяснить, что происходит в стенах этого дома? Действительно, Лори Сэмпл — девушка потрясающая, и мне, естественно, хотелось бы узнать о ней побольше. Кстати, вовсе даже не по личным соображениям. Теперь меня просто раздрает любопытство...

— Как ты думаешь, это когда-нибудь могло бы повториться? — внезапно оборвала Кейлера Мэгги.

— Что именно? — опешил тот.

— Чтобы мы снова были вместе. Ты и я. По прогнозам за год — самая лучшая пара. Помнишь — так когда-то писали о нас? «Вдвоем они добились бы неслыханных успехов!»

— Послушай, Мэгги... Я еще слишком молод, чтобы сделать окончательный выбор. Жизнь только начинается.

— Если тебе кажется, будто тридцать два — это только начало, подумай о том, что до сорока остается только восемь лет.

Джини отхлебнул глоток виски:

— Ну, ладно. Тогда вернемся к этому вопросу через восемь лет. Ты мне звякнешь, и мы все хорошенько обсудим. А пока что, пожалуйста, выполни мою просьбу.

— Что же конкретно ты хочешь узнать?

— Во-первых, мне нужен телефон Сэмпллов. Надо выяснить, покидает ли Лори вообще усадьбу, и если да, то куда она ходит. Если же нет, надо узнать, как девушка проводит свободное время. Необходимо сделать несколько фотографий этого поместья или достать готовые, и выяснить подробности гибели Жана Сэмпла. Да, еще: попробуй, если удастся, откопать хоть что-нибудь о матери Лори, миссис Сэмпл. Мне кажется, это настоящий дракон в юбке.

Мэгги с трудом успевала записывать многочисленные пожелания своего шефа. Наконец тот замолчал, и тогда девушка быстро спросила:

— Когда тебе необходимо получить всю эту информацию?

— Ну, допустим, завтра.

— Но завтра же воскресенье! — взмолилась Мэгги.

— Вот и чудненько — тебе ничто не мешает спокойно заняться выполнением моей пустяковой просьбы. Я утром буду у Уолтера. И если к обеду у тебя уже все будет готово, мы сможем заглянуть в какой-нибудь ресторанчик и вместе перекусить.

— Ты обещаешь?

— Клянусь самим Господом Богом. Неужели я рискну обмануть тебя в субботу?

— Так же, как и в другие дни. Кстати, что это ты там все время жуешь?

— Ничего. А почему ты об этом спросила?

— У тебя такая дикция, словно ты там еще и закусываешь.

Джини осторожно дотронулся до распухшего языка.

— А, вот ты про что... Нет, я ничего не ем. У меня болезненная язвочка во рту, от этого и дикция изменилась, наверное.

— Ну все, Джини. Увидимся завтра. Не забудь про свое обещание насчет обеда.

— Пока, моя обожаемая Мэгги.

Положив трубку, Кейлер испытал что-то вроде угрызения совести. Конечно, далеко не лучший вариант — просить именно Мэгги разузнать все о Лори Сэмпл, но во всем мире не было второго такого человека, который смог бы справиться с этой сложной задачей быстро и тщательно, с настойчивостью настоящего книжного червя. Если бы Джини попросил заняться таким щекотливым вопросом Марка Уэллмана или любого другого мужчину из своего отдела, он мог бы голову дать на отсечение, что история с прокушенным языком и застрявшим ботинком за каких-нибудь пятнадцать минут облетит весь Вашингтон. Ведь наверняка романтическое поведение Кейлера не укрылось бы от всевидящего дипломатического ока. А сколько таких глаз было устремлено на Джини во время банкета! Поэтому разузнать теперь что-нибудь казалось Кейлеру делом чрезвычайно трудным.

Джини попытался сосредоточиться и решить очень важный вопрос: стоит ли ему осушить еще один стаканчик или пора уже остановиться. В довершение всего на него неожиданно навалилась усталость, тело ныло и мо-

лило об отдыхе, и Джини в конце концов сдался. Он разделся и забрался в душ. Стоя под струями воды, Джини опять невольно начал размышлять о Лори Сэмпл. В его мозгу снова и снова прокручивались сцены банкета, начиная с внезапного появления Лори. Джини то и дело вспоминал сладостное томление, охватившее его, когда он прикоснулся к упругой груди девушки. Кейлер схватил губку и кусок мыла и начал неистово тереть свое тело, внезапно осознав, как сильно возбудила его Лори Сэмпл.

* * *

Они решили наведаться в небольшой ресторанчик, расположенный неподалеку от конторы Уолтера Фарлоу, и, устроившись за уютным столиком возле зеленого витражного окна, заказали отбивные и яичницу. Это заповедное местечко любили посещать политики. Когда наступало обеденное время, ресторанчик заполнялся до отказа. Опытный глаз, издали отличающий республиканцев от демократов, мгновенно приметил бы и здесь политическое расслоение: «ослы»¹ теснились в полуосвещенных уголках или кабинетах, а «слонов»² тянуло поближе к окошкам.

Мэгги выглядела посвежевшей, словно успела хорошенько отдохнуть. Это была миниатюрная симпатичная брюнетка с точеным, чуть вздернутым веснушчатым носиком и огромными карими глазами. Она всегда напоминала Джини девиц с журнальных обложек. Именно такие фотодивы приветствовали американских солдат, возвращавшихся домой. Скорее всего исключительно эта глупая мысль и явилась поводом для сомнений о возможном браке с Мэгги. Много лет назад, еще в Джексонвиле, они стали любовниками. Сначала это была детская любовь, потом она переросла в юношескую. Джини не разлучался с Мэгги, пока им не исполнилось по двадцати одному году.

Вот тогда-то в Джини неожиданно взыграли политические амбиции, а Мэгги решила продолжить образова-

¹ «Осел» — символ республиканской партии США (здесь и далее прим. перев.).

² «Слон» — символ демократической партии США.

ние. Все случилось само собой: и страсть, и привязанность понемногу сошли на нет, пути их разошлись. Кейлера угораздило по уши влюбиться в замужнюю даму чуть ли не вдвое старше его. Джини тогда вдоволь настрадался и долго не мог прийти в себя. Мэгги подцепил какой-то пройдоха из Йельского университета, а потом бросил, так что ей пришлось страдать не меньше, да к тому же еще и сделать аборт.

И вот теперь они снова были вместе — их сближала не только давняя дружба, но и политические пристрастия: оба являлись сторонниками демократической партии, которая всегда стремилась к единству, столь характерному для южан.

Джини принялся отрывать от ломтя хлеба здоровенные куски и запихивать их в рот.

— Ну и как твои успехи? — поинтересовался он. — Что-нибудь есть?

Мэгги усмехнулась.

— Если ты будешь уплетать столько хлеба, то очень скоро обзаведешься брюшком.

— От того, что я ем, еще пока никого не разнесло. Знаешь, чем я, к примеру, подпитывался в течение всего вчерашнего дня? Одним слоеным пирожком и парой стаканчиков виски. А сегодня у Уолтера я почувствовал просто лютый голод, и во время совещания у меня оглушительно бурчало в животе.

Мэгги подняла с пола свою гобеленовую сумку, вынула оттуда блокнот со стенографическими записями и раскрыла его.

— Почти все, о чем ты просил, я выяснила, — деловито заметила она. — Все, кроме телефона. Здесь придется подождать до понедельника, когда начнут работать справочные телефонных компаний.

Джини закашлялся:

— Послушай, я же не последняя государственная фигура. Как же можно заставлять птицу такого полета ждать аж до понедельника? Неужели и Джека Кеннеди вынуждали подождать денек-другой, пока начнет работать какая-то паршивая компания?

— Скорее всего так оно и было, — стояла на своем Мэгги. — Дело в том, что я хотела выяснить это без всякой лишней шумихи, понимаешь? Между прочим, уже

сегодня утром мне звякнула секретарша сенатора Хасбаума и очень вежливо осведомилась, как продвигаются на любовном фронте твои дела с несравненной мисс Сэмпл. На твоем месте я не старалась бы привлекать особого внимания к своей персоне, иначе о ваших отношениях затрубят по всему городу.

— О каких еще отношениях? И какой такой любовный фронт? Если, конечно, ты считаешь, что растянутую ногу и прокушенный язык можно считать началом любовных отношений...

Мэгги невинно заморгала:

— Правда? Помнится, ты что-то говорил о язвочке во рту...

Джини смутился и неопределенно пожал плечами:

— Ну, ощущения примерно одинаковые. Что укус, что язвочка. В общем, так с ходу и не разберешься, что у тебя там во рту происходит.

Мэгги перелистнула в блокноте несколько страничек.

— А вот дом Сэмплов действительно стоит внимания. Их земли простираются в предместьях Вашингтона в районе Мерриам аж на сорок акров. Большую часть этой территории покрывают леса и густой кустарник. Кстати, мне обещали в скором времени сделать снимок с вертолета. Особняк состоит из пятнадцати комнат, и его выстроил еще до гражданской войны один табачный магнат из Виргинии. С тех пор хозяева несколько раз менялись — там обитали и политики, и плантаторы, а начиная с 1911 года дом долгое время почему-то пустовал. Потом его купил Жан Сэмпл, когда в 1973 году его назначили в дипломатический корпус в Вашингтоне. И с тех пор Сэмплы живут в этом доме.

В этот момент к их столу подплыла официантка с подносом и поставила перед ними отбивные и яичницу. Джини обильно посыпал черным перцем свою порцию, а Мэгги тем временем продолжала зачитывать записи:

— Жан Сэмпл является, то бишь являлся, весьма образованным и состоятельным человеком. Он родился во Франции в 1919 году в богатой семье. Его родители почему-то всегда верили в то, что их отпрыск сделает блестящую дипломатическую карьеру. В 1951 году Жан Сэмпл был назначен атташе в Египет. Там он и познакомился со своей будущей супругой Лейлой. О ней мне

удалось наскрести очень мало — только то, что ее де-вичья фамилия — Мисаб, и почти всю жизнь она прове-ла в Судане. Лори — их единственный ребенок. Девуш-ка родилась в Париже восемнадцать лет назад.

Жан буквально с ума сходил по природе и диким жи-вотным. Он жертвовал колоссальные суммы различным организациям по охране животных и, в частности, на-циональным заповедникам в Африке. Однако в то же самое время Жан был заядлым охотником, и вот как раз во время охоты его и растерзали медведи. У меня есть заключение канадского судебного эксперта по поводу этой смерти.

Нахмурившись, Джини подцепил вилкой кусочек от-бивной и, почти не прожевывая, проглотил его.

— И это все? — сердито буркнул он. — А как насчет ценностей? Что за коллекция у него в доме? То есть мне важно знать, почему особняк так тщательно охраня-ется.

— Там нет ровным счетом ничего, — отрезала Мэг-ги. — Я переговорила кое с кем из французских диплома-тов, лично знавших Жана, и все они в один голос заяви-ли, что ничего он не коллекционировал. Жан слишком дорожил своими близкими и все свободное время нахо-дился в кругу семьи. Да, еще они говорили, что жена его — сногсшибательная красавица с этими, как же он назвал их... *Une grande poitrine*.

— А что это такое?

— Большие сиськи. Я, честно говоря, считала, что ты не настолько слаб во французском, но раз ты уж да-же таких слов не понимаешь...

— Ну, хватит надо мной издеваться. Займись-ка луч-ше отбивной.

Расправившись наконец с обедом, они миновали Бе-лый дом и направились в контору Джини. День был пасмурный, такие частенько выпадают в сентябре и ок-тябре, когда погода в Вашингтоне вдруг начинает капризничать. Где-то высоко в небе взвыл реактивный са-молет.

У подъезда департамента Мэгги взяла Джини за ру-ки и, потупившись, пробормотала:

— Спасибо за обед. Это была самая вкусная отбив-ная в моей жизни.

— И мне тоже понравилось. Слушай, может, нам стоит почаще обедать вместе?

— А зачем? — отозвалась она, словно не понимая его вопроса.

Джини удивленно посмотрел на нее, а потом улыбнулся и чмокнул ее в лоб.

— Ну, разумеется, не только обедать. Могут ведь у старых добрых друзей возникнуть общие интересы!

— А ты обещаешь вести себя хорошо и проявлять осторожность?

— Осторожность?

Она застегнула свою шерстяную кофточку и пояснила:

— Это слова одного из тех французских дипломатов. Я не стала сейчас упоминать эту фразу, потому что и мне самой она показалась несколько нелепой. Какая-то недосказанность, что ли.

— И что же? Проявлять осторожность к ее цепным псам?

— Нет, дело гораздо сложнее. Когда я выудила у этого дипломата все сведения, касающиеся миссис и мисс Сэмпл, он вдруг спросил, кто же так ими интересуется и не пахнет ли тут близкой свадьбой. Я ответила, что сомневаюсь в этом, и вот тогда дипломат выдал буквально следующее: «Если кто-то вдруг задумает жениться, предупредите его насчет танца». То ли я плохо расслышала, но была настолько ошеломлена, что даже не переспросила.

— Танца? Это еще что за чертовщина?

— Понятия не имею. Я же говорю — чушь какая-то. Но я подумала... может быть, это тебе о чем-нибудь скажет. На всякий случай предупреждаю.

Джини взял ее под руку и расхохотался. Его смех, гулким эхом отразившись от стен, прозвучал неестественно.

— Милая моя Мэгги, — заговорил он наконец. — Самой непростительной глупостью с моей стороны было бы жениться на Лори Сэмпл, а тем более — на ее матушке. То, как она вела себя вчера, дает мне все основания полагать, что мы с ней вообще больше никогда не увидимся. Так что оставим в покое эту историю и особенно какие-то загадочные танцы.

— Ну, не знаю,— пожала плечами Мэгги.— Ты мне всегда представлялся таким отцом семейства с кучей детишек и огромным загородным домом.

— И чтобы рядом со мной находилась эта Лори Сэмпл? Да ты шутишь!

— Ничего-ничего. В один прекрасный день тебе самому захочется осесть где-нибудь за городом и обзавестись семьей. Только раньше мне почему-то верилось, что рядом с тобой окажусь именно я.

Джини застыл на месте, не зная, что и ответить. Порывистый ветер растрепал его кудри. Природа щедро одарила Джини внешностью. У него было твердое и решительное лицо — лицо истинного политика. Однако, подобно всем демократам, Джини мог в зависимости от обстоятельств казаться и агнцем божьим.

— Мэгги...— начал было Кейлер, но девушка замотала головой и, резко повернувшись, быстро зашагала прочь.

Сделав несколько шагов, Мэгги остановилась и тихо произнесла:

— Впрочем, это не важно, главное, чтобы все, что ты делал, шло тебе на пользу и приносило радость.

А потом перешла на другую сторону улицы и вскоре скрылась из виду, оставив Джини в одиночку наслаждаться величием выбранной профессии.

* * *

Спустя час Джини снял очки в роговой оправе и выключил настольную лампу. Отчет был уже почти готов, и Кейлер решил еще раз пробежать глазами текст, чтобы отшлифовать его. От сумрачного кабинета веяло одиночеством, хотя небо за окном еще и не начинало темнеть. Джини прикинул, что до вечера у него имеется в запасе целых три или даже четыре часа. Он аккуратно сложил в стопку все бумаги и поднялся из-за стола. Может быть, именно сейчас самое время двинуть к поместью Сэмпл и еще раз осмотреть его.

Возбуждающие эротические видения обнаженной Лори Сэмпл целый день витали где-то в подсознании Джини, они не покидали его даже во время переговоров. Стоило ему хоть на секунду смеяться веки, тут же возникал

образ — эти изумрудные кошачьи глазищи, шелковистая нежная кожа, до которой так хотелось дотронуться. Видения настолько допекли Кейлера, что в один прекрасный момент он не выдержал и с остервенением выкрикнул:

— Эта девица мне прямо в мозги въелась! — А затем свирепо рванул из пачки последнюю сигарету и скомкал пачку. Но видения не отступали.

Что ж, а почему бы действительно не проехаться до ее дома? Почему не нанести визит? На воротах обязательно должен находиться звонок, а если Кейлер вместо того, чтобы карабкаться через ограду подобно какому-нибудь завалашему воришке, достойно представится... то, кто знает... Может быть, его и впустят, и пригласят отобедать. Только бы Лори не обнаружила его ботинок!

Джини спрятал в сейф документы и, погасив свет в кабинете, запер его. Затем спустился к машине. Когда он выезжал со стоянки, было уже около пяти часов, и на город начали опускаться сумерки. Темнело сейчас особенно быстро. По радио передавали выступление какого-то гнусавого священника, призывающего к «концу беззакония, о Господи, несправедливости и всех человеческих страданий». Джини мрачно подумал, что в этот список неплохо было бы включить и потерю дорогой обуви, застревающей в чужих воротах.

Целых полчаса Джини петлял в поисках узкой дорожки, ведущей вверх на холм. Он дважды проезжал мимо нее, пока, наконец, не узнал это место. Днем все здесь выглядело несколько иначе, однако память у Кейлера была отменная, и теперь он уверенно находил нужные повороты. Наконец, Джини подъехал к знакомой глухой ограде, увенчанной грозными пиками. Последний поворот — и он очутился возле самих ворот. Но, к ужасу Джини, ботинок исчез.

Кейлер выбрался из машины и направился к воротам. Даже днем владения Сэмплов выглядели довольно мрачно, а листья на дубах печально шелестели в слабых порывах ветра. Впереди виднелась дорожка, которая убегала за поворот, и теперь Джини до дрожи захотелось выяснить, что же скрывается за этим поворотом. Он отступил на несколько шагов и, окинув внимательным

взглядом ворота, нашел, наконец, то, что искал. Маленький медный звонок с табличкой, на которой готическим шрифтом было выгравировано «Сэмпл».

Кейлер дважды нажал на кнопку. А потом принялся нервно прохаживаться вдоль ограды, наступая на мягкую опавшую листву. С бьющимся сердцем Джини поджидал у ворот.

Прошло минут десять, прежде чем он заметил какие-то признаки жизни. Послышался шум мотора, и из-за поворота вынырнул автокар, прикрытый сверху полосатым красно-белым тентом. За рулем восседал Мэтью. Его каменное лицо было непроницаемо.

— Я пришел проводить Лори,— как ни в чем не было сообщил Джини. Однако в голос все равно вкрадось предательское волнение.— Если Лори дома, мне бы хотелось увидеть ее.

Казалось, Мэтью несколько озадачила такая просьба, и он задумался. А потом вдруг замахал руками. Это, видимо, означало: «нет, ни в коем случае».

— Передайте ей, пожалуйста, что я стою у ваших ворот,— не отступал Джини, твердо решив в этот раз добиться своего.

И опять Мэтью замахал на него руками, словно хотел сказать: «Что вы, месье, я этого ни за что не сделаю».

— Ну, хорошо. А миссис Сэмпл может меня принять?

«Нет»,— на этот раз жест оказался куда более красноречивым и означал что-то вроде «убирайтесь-ка лучше подобра-поздорову».

— Послушайте, Мэтью,— потихоньку закипая, произнес Кейлер,— попробуйте понять меня правильно. Я не причиню Лори никакого вреда. Я не Казанова. Мне просто надо увидеть ее, чтобы пригласить на обед.

«Нет. Уходите».

— Да будет вам,— теряя терпение, продолжал Джини.— Давайте как-нибудь разрешим досадное недоразумение.— С этими словами он извлек из кармана бумажник, вынул десятидолларовую купюру и, зажав ее между пальцами, попробовал пропихнуть в ворота.— Вы меня впускаете, а с остальным я уж как-нибудь справлюсь. Идет?

Мэтью уставился на купюру ледяным взглядом. А потом так посмотрел на Джини, что тот в мгновение ока выдернул руку и пѣспешно запихнул деньги обратно в бумажник. Теперь Кейлер в полной мере оценил возвышающиеся перед ним ворота, разделяющие его — несчастного Джини — и этого уродливого специалиста по кравмаге.

— Хорошо, — не унимался Джини. — Если вас невозможно убедить, что ж, пусть все так и остается. Но передайте хотя бы, чтобы она просто позвонила мне. Или это тоже возбраняется?!

Мэтью последний раз смерил Кейлера холодным взглядом и, повернувшись к нему спиной, устремился к своему кару. Тот издал противный скрипящий звук и, тронувшись, очень скоро исчез за поворотом. Джини устало привалился к кованым воротам и тяжело вздохнул.

Кейлер уже собрался было возвращаться, как вдруг ему показалось, будто в глубине сада произошло еле заметное движение. Словно что-то мелькнуло в высокой траве. Джини напряг зрение, и взгляд его буквально на долю секунды выхватил Лори. Девушка не спеша прогуливалась в дубовой рощице. На поводке она вела собаку. На Лори были синие брюки и белая блузка. Копна рыжеватых волос, словно облако, плыла по воздуху.

— Лори! Лори! — что есть мочи закричал Джини, но девушка находилась слишком далеко, и, прежде чем Кейлер сумел что-либо сообразить, она скрылась из виду.

Тогда Джини забрался в машину и, отчаянно барабанив пальцами по рулю, стал прикидывать в уме, как же ему поступить дальше. Нет, днем на территорию этой усадьбы никак не пробраться. Да и от звонка не было никакого толку. Джини привык считать, что звонки, как правило, служат для того, чтобы проникать внутрь. Ан нет, в случае с усадьбой Сэмплов их предназначение имело, вероятно, иной смысл. Теперь только оставалось ждать утра, когда Мэгги, возможно, раздобудет телефонный номер заколдованного дома. И тогда Джини натянет, наконец, нос этому железобетонному Мэтью и поговорит с самой Лори или хотя бы с ее матерью.

В город Кейлер въехал в удрученном настроении. Однако тем не менее решимость его не убавилась ни на

йоту. Ведь так с Кейлером происходило всегда: чем сложнее казалось препятствие, тем больше усилий прилагал Джини, преодолевая его. Осуществляя задуманное, Кейлер не брезговал никакими средствами. Главное — не отступить.

* * *

Утро выдалось ясным и прозрачным. В воздухе внезапно почувствовалось приближение зимы. Собираясь на работу, Джини набросил пальто. Часы еще не успели пробить восемь, а он уже явился в контору. Однако Мэгги успела его опередить. Девушка восседала за своим столом, держа в руке пластиковый стаканчик с кофе, и весело щебетала в телефонную трубку.

Джини повесил пальто на вешалку и шепотом осведомился:

— Кто это? Мне не надо с ним разговаривать?

Мэгги прикрыла ладонью трубку.

— Это мой любовник. Так что помолчи чуток, а то он тебя услышит и рассвирепеет.

Джини подошел к своему столу и спешно просмотрел почту. Здесь лежало много писем из Вест-Индии, а также несколько раздраженных посланий, где авторы весьма настойчиво требовали субсидий для Центральной Америки. Даже если бы Кейлер прямо сейчас уселся разбирать почту, на это занятие он угробил бы добрую половину утра, а ведь предстояло еще закончить отчет по проблемам Вест-Индии. Кейлер вздохнул и, вынув сигарету, закурил.

— Ага, понятно, — не умолкала Мэгги. — Да, мне все ясно. Спасибо, Марвин. Я у тебя в вечном долгу.

Затем она повесила трубку и с торжествующей улыбкой подплыла к Джини. Сегодня Мэгги облачилась в строгий костюм рыжевато-коричневого цвета, и Кейлер в который раз отметил про себя, что эта женщина чертовски хороша.

— Ну, — нахмурившись, буркнул Джини, изучая одновременно письмо на шести страницах о проблемах производства сахара. — Ты похожа на кошку, которая обнаружила вдруг полную крынку сметаны.

— Уже горячо. Ты ведь просил от меня невозможного, о мой повелитель. Так вот, я исполнила твое очередное сумасбродное желание.

Она вырвала листочек из своего блокнота и положила перед Кейлером. На нем ровным почерком было написано: «Первый Французский банк Африки. К-стрит, 1214», а чуть ниже — номер телефона.

Джини неуверенно поднял листочек.

— Что это такое? Это связано с Лори Сэмпл?

— Так, пустячок, — усмехнувшись, проворковала Мэгги. — Это всего-навсего номер ее телефона. И адрес банка, где она работает.

Джини удивленно поднял брови:

— Лори работает? Ты что же, хочешь сказать, что она периодически выбирается из своей чертовой золотой клетки?

— Разумеется. А зачем ей торчать там все дни напролет?

— Сам не знаю, — сдался Джини. — Но Сэмплы так заботятся об охране своего драгоценного жилища, что складывается впечатление, будто они нарочно там запираются и никогда не покидают стен этой крепости.

Мэгги затушила свою сигарету.

— Ну, это твое личное мнение. Слушай, ты, похоже, искренне считаешь, что если кто-то не припадает в восторге к твоим стопам и не умоляет переспать в первую же ночь, то, значит, здесь непременно кроется потрясающая тайна, а само существование объекта твоей страсти окутано легендами. Другого объяснения я не нахожу.

— Да ты просто не видела их собак. Это настоящие монстры!

— Скорее всего обыкновенные добродушные сенбернары. Они спасают людей, и, конечно же, спешили к тебе на помощь. Вот если бы ты не впал в истерику, тебя, вероятно, угостили бы и коньячком. Ты разве не в курсе, что к ошейникам сенбернаров всегда привязывают такие маленькие бочонки с коньячком. Чтобы альпинисты не замерзли в снегах.

Джини взглянул на часы. Если он прямо сейчас поймает такси, то вполне успеет подкатить к банку до от-

крытия, а значит, встретит Лори не внутри, а прямо на улице. Вот это удача!

— Послушай, Мэгги,— начал Кейлер.— Мне надо ненадолго отлучиться. Если позвонит Уолтер или нагрянет Марк, ну, короче, скажи, что меня срочно вызвали по какому-то делу. Я вернусь буквально через полчаса...

— Джини,— посерьезнев, оборвала его Мэгги.— Не будь идиотом! Если Лори не желает с тобой встречаться, не теряй из-за нее головы. Оставь ее в покое.

— Мэгги,— укоризненно произнес Кейлер, поспешно облачаясь в пальто,— неужели я хоть раз в жизни выставлялся идиотом?

— Было такое. Правда, всего один раз,— отрезала Мэгги и направилась к своему столу.

Он вышел на улицу и сразу же поймал такси. Водитель оказался здоровенным негром, всю дорогу напролет попыхивавшим какой-то зловонной сигарой, так что когда они добрались до К-стрит, Джини почувствовал себя откровенно счастливым, выскочив, наконец, из злосчастной машины и вдохнув полной грудью прохладный октябрьский воздух. Он заплатил шоферу, не забыв и про чаевые, а затем решительно направился к массивным стальным дверям Франко-Африканского банка.

У входа в ожидании открытия сгрудилась небольшая группа алжирцев. Они нетерпеливо поглядывали на часы, шаркали ногами и переговаривались по-французски с ужасающим акцентом. Джини сумел разобрать лишь отдельные слова из их разговора.

За несколько минут до открытия банка к дверям подошли две девушки. Джини безошибочно определил, что они работают кассиршами. Робко приблизившись к ним, Кейлер осторожно осведомился:

— Девушки, можно задать вам один вопрос?

Обе разом обернулись и удивленно уставились на незнакомца. Одна из них приподняла очки, а другая с такой энергией заработала челюстями, перемалывая жвачку, что Джини вдруг показалось, будто на ее лице заходил каждый мускул, и теперь оно смахивало на резиновую маску.

— Простите,— смутился Джини,— если не ошибаюсь, вы работаете в этом банке?

— Ну, а вам-то какое дело? — неприветливо буркнула девушка, чавкая жвачкой.

— Видите ли,— окончательно потерявшись, промямлил Джини.— Просто здесь служит одна моя хорошая знакомая, и я подумал, что, возможно, она ваша подруга... Ее зовут Лори Сэмпл.

— Лори? Разумеется. Мы тут почти всех знаем. Она работает в валютном отделе.

— А вы не в курсе, она сегодня собиралась на работу?

— Она еще ни одного дня не прогуляла,— важно заявила особа, жующая жвачку.— Лори, наверное, само совершенство. Постоянно занимается какими-то хитрющими упражнениями, вроде гимнастики, только еще сложнее. Нам таких ни за что не одолеть. В общем, держит себя в идеальной форме.

— А вы что, ее парень? — вклинилась в разговор девица в очках.

Джини рассеянно покачал головой.

— Не совсем. Просто мы хорошие друзья.

— Жаль. Ей не мешало бы завести себе любовника,— с важным видом изрекла одна из кассирш.

— А разве у нее их нет? — Джини наигранно удивился.— Вы уверены в этом?

— Я-то? Ну, откуда же мне знать наверняка. Просто у нее частенько такой тоскливый взгляд... Мне ее даже жалко становится. Вы, разумеется, понимаете, к чему я клоню. Она такая красавица, совсем неглупая, только и разглагольствует о замужестве, а у самой даже парня нет. Может, конечно, ей что-то мешает обзавестись семьей. К тому же ее рост... Мне кажется, мало кому из мужчин нравятся такие высоченные девицы.

— Да, знаете, мой Сэм тут как-то брякнул, что влюбиться в нее равносильно тому, чтобы вспылать нежной страстью к нью-йоркскому небоскребу,— хохотнула кассирша, с остервенением мучая жвачку.

— Простите, это, конечно, сугубо личный вопрос, вы можете не отвечать на него...— продолжал Джини.— И все же мне интересно узнать ваше мнение о Лори. Вы ее любите?

— Конечно.— Жвачка во рту у девицы на миг обрела покой.— Лори — милое создание. В самом деле. Да

и кто может не полюбить ее? Правда, иногда возникают кое-какие трудности. Ну, например, Лори никогда ничего о себе не рассказывает. Мы даже не знаем, где она живет. Ну, а как можно близко общаться с человеком, если вы о нем практически ничегошеньки не знаете?

В этот момент Джини заметил, как к банку подкатывает черный «кадиллак». Кейлер слегка пригнулся, чтобы не выделяться из толпы алжирцев.

— Что у вас с коленками? — изумилась девушка в очках.

Джини попробовал улыбнуться.

— Ничего страшного, просто мне иногда нужно выполнять кое-какие упражнения. Для развития суставов. Если можно, не покидайте меня, ну хотя бы еще пару минут.

Кейлер услышал, как открылась задняя дверца лимузина, а потом снова захлопнулась. Затем раздались шаги. «Кадиллак» отъехал. Джини выпрямился. Он, конечно же, не ошибся. Это оказалась Лори собственной персоной.

В дневном свете Лори выглядела ослепительно. На девушке был безукоризненно сшитый черный костюм и черная шляпка в стиле «ретро». Роскошная грива волос оказалась убранной, но это лишь подчеркивало идеальные черты ее лица и в особенности раскосые ярко-зеленые глаза. Завидев своего назойливого преследователя, Лори застыла как вкопанная и прижала к груди сумочку из змеиной кожи.

— Доброе утро, Лори, — как ни в чем не бывало поздоровался Джини.

Две кассирши переводили недоуменные взгляды то на Лори, то на незнакомого мужчину. Внезапно одна из них многозначительно толкнула подругу в бок.

Лори какое-то время молчала и вдруг, нерешительно шагнув к Джини, опустила глаза.

— Значит, вам все-таки удалось разыскать меня, — произнесла она тихим манящим голосом. — Впрочем, этого и следовало ожидать. Как же вы справились с такой нелегкой задачей?

Кейлер задумчиво покачал головой и заулыбался.

— Да с поисками и проблем-то особых не возникло. Моя секретарша нашла адрес вашего банка и телефон.

— Ну что же,— зарделась Лори.— Мне, конечно, очень лестно слышать такие слова. Столь важная особа решила вдруг уделить внимание моей незначительной персоне...

— Не стоит смеяться надо мной. Я действительно хотел вас видеть.

Глаза Лори округлились от удивления.

«Да, эта девушка чертовски хороша,— про себя признался Джини.— Просто фантастически прекрасна. Но как же получается, что при такой красоте она умудряется оставаться дикаркой? Бессмыслица какая-то!»

— Я считала, что после субботней встречи у вас вряд ли возникнет подобное желание,— призналась Лори.

— Отчего же? Вы меня заинтриговали. Не каждый день встречаешь кусающихся девушек. Кстати, я вчера бродил вокруг вашего дома. Впрочем, Мэтью, наверное, доложил?

— Что? Вы вчера снова приходили к нашему дому?

— Разумеется. Неужели вы считаете, что маленькое недоразумение, случившееся в субботу, смогло бы расстроить мои планы относительно вас?

— Ничего не понимаю. Мне казалось, будто я довольно твердо объяснила, что не желаю вас больше видеть.

— Да уж, ваши заявления тверды, прямо как ил в Миссисипи. То вы утверждаете, что я вам нравлюсь, однако в следующий миг обращаетесь с моим языком так, будто это сандвич какой-то.

— Я не хотела причинять вам боль,— потупилась девушка.— Кстати, как он у вас?

— Побаливает малость, особенно когда приходится облизываться. А так ничего

Лори отвернулась, и утреннее солнце позолотило ее ресницы, отчего глаза показались еще более яркими.

— Ну, простите меня. Все так глупо вышло,— еле слышно пробормотала Лори.— Я так надеялась, что до этого не дойдет.

— Могло бы, конечно, и не дойти, но ведь дошло же,— подхватил Джини.— Давайте завалимся сегодня куда-нибудь поужинать и навсегда забудем о том досадном испорченном ужине.

Лори протянула руку и сжала его ладонь. Пальцы ее оказались теплыми и необычайно длинными, а крепкой хватке Лори позавидовал бы и мужчина.

— Джини,— проникновенно начала девушка,— я хочу сказать, что вы, пожалуй, самый привлекательный мужчина из тех, кого мне доводилось видеть. И вы мне действительно очень нравитесь, гораздо больше, чем даже предполагаете. Однако именно поэтому я вынуждена вам отказать. Я не пойду с вами ужинать.

Слова девушки ошеломили Кейлера. Не поверив собственным ушам, он тряхнул головой:

— Мне почему-то всегда казалось, что самой невероятной логикой обладают только политики. Ее нельзя объяснить. Но вас я сейчас совсем не понял. Может быть, вы опасаетесь того, что наши отношения перейдут в более серьезные? И в этом кроется причина вашего отказа?

— Нет,— нежным голосом возразила она.— Дело совсем в другом.

— Тогда в чем же? Лори, Бога ради, не томите меня. Вы должны все объяснить, чтобы я хоть спал спокойно.

— Не могу,— выдавила девушка.

Так они и стояли на залитом солнцем тротуаре, пока, наконец, не распахнулись двери Франко-Африканского банка. Коснувшись еще раз руки Джини, девушка торопливо вошла в огромное здание.

— Лори! — тоскливо позвал Кейлер.

Она остановилась, но не оглянулась.

Он знал, что надо сказать ей сейчас, но слова почему-то застряли в горле. И тогда Джини просто повернулся и зашагал прочь по утренней улице, засунув руки в карманы пальто и печально поникнув головой. Девушка в очках захихикала было ему вдогонку, но вторая, с утроенной энергией возобновившая истязание жвачки, строго покосилась на нее и зашикала. В тот же момент обе кассирши скрылись в банке. Начинался рабочий день.

* * *

Решение пришло самой собой. Для Джини оно, правда, не явилось неожиданностью. Теперь он был просто уверен, что ему необходимо тайком обратиться в по-

местье Сэмплов и все там собственноручно хорошенько перешупать. В конце концов именно решимость и помогла Джини сделать неплохую карьеру.

На любую политическую дилемму, самую, казалось бы, неразрешимую, у Кейлера всегда имелся один ответ: «Надо проникнуть в самую сердцевину и самому выяснить, что там за чертовщина творится. И сразу все встанет на свои места».

Джини умел тщательно разрабатывать планы и поэтому пришел сейчас к заключению, что если обойтись без посторонних, то можно совершенно спокойно и без всяких осложнений выудить нужную информацию об этих загадочных Сэмплах. Да так, что о его посещении не догадается ни единая живая душа. Кейлеру предстояло осмотреть всю территорию поместья и сам дом. Может быть, именно какая-нибудь незначительная деталь и наведет Джини на мысль, почему Лори так упорно отвергает все его притязания. При этом она ровным счетом ничего не желает объяснять.

Начиная с понедельника, эта девушка овладела всеми помыслами Джини Кейлера. Он прекрасно осознавал, насколько безрассудна его страсть и то, что ведет он себя сейчас, как сопливый юнец. Но ничего не мог с собой поделать и только время от времени ловил себя на мысли о Лори. Джини то и дело выводил ее имя на промокашках, пытался даже по памяти изобразить лицо Лори. Но это лишь усугубляло его страдания, ибо в голову постоянно лезли ее странные слова о том, что Джини ей очень нравится и именно поэтому она не собирается с ним видеться. Здесь крылась какая-то тайна.

— Да-а,— протянула Мэгги, ставя на стол перед Джини пластиковый стаканчик с дымящимся кофе.— По моему, тяжелый случай.

— Какой еще случай? — оторопел Кейлер.

— Страшная болезнь под названием «Лори Сэмпл». Современная медицина относит ее к разряду юношеской безумной влюбленности. Вот что с тобой сейчас происходит.

Джини жадно отхлебнул кофе и тут же обжегся.

— Позволь с тобой в корне не согласиться,— уверенно произнес Кейлер.— И потом в тридцать два года невозможно страдать от юношеской влюбленности.

— Ну, это уже не мои проблемы,— пожала плечами Мэгги.— Ты лучше доказывай сей прискорбный факт тому, кто только что на промокашке — заметь, на лучшей промокашке — двадцать четыре раза вывел «Лори Сэмпл».

— А ты хочешь, чтобы я ее имя писал не на самой лучшей в мире промокашке?

Мэгги присела рядом с ним и облокотилась о письменный стол.

— Послушай, Джини, давно пора хотя бы себе признаться в этом. Я тебя не помню таким вот уже многие годы.

Кейлер отпил еще глоток кофе.

— Ну все, уговорила. Да, эта девушка просто застряла у меня в голове, и выкинуть ее оттуда я никак не могу. А что самое забавное... она ведь открыто заявляет, будто я ей нравлюсь, но никуда идти со мной не собирается. Именно это-то и не дает мне покоя. Это же уму непостижимо!

— Ну, и что же ты замыслил предпринять по столь печальному поводу? — закинула удочку Мэгги.

Некоторое время Джини сидел молча, отхлебывая кофе из стаканчика и постоянно обжигая себе то рот, то губы. Он взвешивал в уме, стоит ли посвящать Мэгги в свои планы. В конце концов Джини пришел к заключению, что союзник в этом деле никоим образом не повредит. А ведь Мэгги вполне может подбросить какую-нибудь деловую мысль. У Кейлера не было и тени сомнения, что Мэгги его не подведет.

— Я действительно уже кое-что обдумал,— признался Джини.— Я собираюсь проникнуть на территорию поместья Сэмплов.

Вздрогнув от неожиданности, Мэгги отпрянула от Кейлера.

— Что-что ты задумал? Повтори-ка, а то мне не верится.

— Мэгги,— начал терпеливо объяснять Кейлер.— Я просто должен все выяснить. А самому пробраться туда и прочесать усадьбу — по-моему, единственный способ. Другого выхода, наверное, не существует. Я хочу понять, почему эта девушка такая замкнутая, почему никуда не выходит и ни с кем не встречается. Ну, возмож-

но, ее мать — тому причина. Черт его знает, не исключено, что она — инвалид, и Лори ни с кем не хочет связывать свою жизнь, потому что тогда не останется времени для ухода за больной и прикованной к постели женщиной...

— Джини, ты точно из ума начал выживать. А если тебя там засекут?

Но Кейлер упрямо замотал головой:

— Исключено. Я уже продумал все до мелочей. И потом: я же не собираюсь там долго засиживаться, просто устрой пробную вылазку, так сказать,— и сразу назад. Никто и глазом не успеет моргнуть.

— Да, а ты случаем не забыл про собак невероятных размеров? Или они теперь и в расчет не берутся?

— Эти монстры без ущерба для их здоровья поддаются воздействию специальных газовых баллончиков. Я прихватчу с собой парочку таких — их применяют почтальоны. Собак усыпляют на сравнительно долгое время — ну, чтобы можно было передать письмо и получить расписку адресата — короче, этого мне вполне достаточно.

— А что на это скажет Мэтью?

— Да он даже не узнает, что я разгуливаю по их территории. Но на всякий случай не помешает и пистолет 38 калибра. Разумеется, я не собираюсь стрелять, но раз уж он такой непревзойденный специалист по кравмаге, у меня будет чем размахивать перед его носом. Просто для острастки, естественно. Так сказать, в качестве самозащиты.

Мэгги долго молчала, нервно покусывая губы.

— Неужели даже я не смогу убедить тебя не затевать это рискованное путешествие? — нарушила она, наконец, тишину.

— Да уж, не старайся. Я все для себя окончательно решил.

— И даже если в результате твоя блестящая карьера полетит псу под хвост? Может ведь случиться грандиозный скандал.

Кейлер потянулся за сигаретой.

— Да ничего не произойдет, если меня даже и повяжут на месте преступления. Я просто объясню, что пришел навестить Лори, и никакой я не вор и не граби-

тель. Господи, Мэгги, я же не собираюсь их обворовывать. Я просто осматрю местность. Ну, может, мне удастся заглянуть в одно из окон их таинственного дома.

— Навестить Лори? Глубоко за полночь да еще с заряженным пистолетом? Звучит несколько странно.

— Мэгги, ты всегда все выворачиваешь наизнанку. Да мне бы только одолеть эту высоченную стену. А там сад такой, что человека и днем с огнем не сыщешь.

Мэгги задумалась, а потом решительно поднялась со стула.

— Я только надеюсь, что ты действительно все тщательно обмозговал, раз уж переубедить или остановить тебя практически невозможно.

Кейлер вдруг игриво вскинулся на нее:

— Ну, а что плохого в том, что меня захватила безумная страсть? Некоторые люди ради возлюбленных были готовы и на большие подвиги.

— Возможно, ты и прав,— вздохнув, печально отозвалась Мэгги.— Лишь бы ты не вляпался в какую-нибудь историю.

* * *

В четверг ближе к полуночи Джини подъехал к поместью Сэмплов. Осуществляя свой грандиозный замысел, Кейлер еще днем взял напрокат «матадор» темно-синего цвета. Да и одежда Джини была под стать его авантюрной затее: Кейлер облачился в черный спортивный свитер и такие же вельветовые джинсы, а на голову аж до самых глаз натянул угольного цвета шапочку. В руках Джини сжимал холщовую сумку, куда предварительно засунул пару газовых баллончиков. С плеча у него свисал здоровенный моток веревки, а за пояс был заткнут пистолет 38 калибра.

Джини выключил зажигание и минут пять, не шевелясь, просидел в машине, прислушиваясь к ночным шорохам.

Сегодня он решил припарковаться не у самых ворот, а чуть дальше, в том месте, откуда, по его расчетам, было рукой подать до дома. Кейлер оставил автомобиль в гуще деревьев на противоположной стороне улицы. Ключи

чи от замка зажигания он вытаскивать не стал на тот случай, если все же придется унести ноги.

Ночь выдалась холодная, дыхание то и дело облачком срывалось с его губ. Джини тихонько захлопнул автомобильную дверцу. Луна была безнадежно обложена тучами, и ему пришлось выждать некоторое время, чтобы глаза привыкли к крошечной тьме. Задержав дыхание, Джини еще раз прислушался, но здесь, похоже, царил полная тишина.

Он добежал до стены и вновь напряг слух — ни звука не доносилось из сада. Джини размотал нейлоновую веревку и, отступив на несколько шагов, прикинул на глаз высоту кирпичной стены. К концу веревки Кейлер привязал алюминиевый брусок, надеясь, что тот обязательно застрянет наверху, зацепившись за острые шипы.

С четвертой попытки Джини удалось закрепить веревку. Сначала он забросил ее недостаточно высоко, а потом два раза подряд брусок просто никак не застревал между шипами. Но вот, наконец, брусок надежно засел наверху и оставалось лишь молиться, чтобы насквозь проржавевшие железные штыри выдержали человеческий вес.

Несколько минут спустя Джини уже восседал на самом верху прямо между штырей. Он устало перевел дух и принялся неторопливо сматывать веревку. Сквозь густую листву Кейлер разглядел свет в окнах особняка, однако никаких подозрительных звуков не доносилось оттуда. Где-то вдали раздался гудок проходящего товарного поезда, следом за ним тишину распорол реактивный самолет, пронесшийся высоко в небе прямо над головой Джини.

Кейлер укрепил брусок с другой стороны ограды и скинул веревку на территорию усадьбы Сэмпов. Он спускался медленно, осторожно сползая с кирпичной стены. Очутившись, наконец, на земле, Джини отдышался и, выждав еще пару минут, опять прислушался. Ни звука.

Он взглянул на часы и определил, что вся операция по преодолению этой грандиозной, просто какой-то крепостной стены заняла не более пятнадцати минут. Джини не спеша зашагал по густой и высокой траве. Он то и дело оглядывался, стараясь получше запечатлеть в па-

мости тот участок стены, где свисала спасительная веревка.

Минут десять понадобилось Кейлеру, чтобы преодолеть подлесок, где росли молодые деревья и довольно густой кустарник. Но теперь Джини был почти уверен, что именно эта дорога ведет к дому. Собак, слава Богу, и след простыл. Они, очевидно, спали. Может быть, если он — Кейлер — и впредь будет вести себя так осторожно, монстры вообще не проснутся. Джини раздвинул кусты и вдруг прямо перед собой увидел особняк. Рожища внезапно кончилась. А дом Сэмплов располагался за ней, всего лишь на противоположной стороне лужайки.

В действительности особняк оказался еще больше, чем предполагал Джини. Это гигантское здание представляло собой довольно мрачное сооружение с многочисленными трубами. Плющ, видимо, когда-то увивавший стены особняка, облетел, и теперь его омертвевшие стебли жалко свисали с крыши.

Джини приметил на углу здания веранду. Окна здесь не светились. На другой стороне угрюмого особняка находилась еще одна веранда. Эта явно превосходила первую и размерами, и роскошью. Крышу ее подпирали колонны. Однако и она казалась нежилой. С облупленных стен уныло свисали засохшие стебли. Навверху тускло светило одно окошко, но занавески были так плотно задернуты, что Джини при всем своем желании не смог ничего разглядеть.

Он вернулся к южному крылу здания. Кейлер то и дело останавливался, опасаясь, как бы псы не учуяли его след, однако все здесь словно вымерло. И тут Джини вдруг почудилось, будто в листве кто-то шевельнулся. Но уже в следующий миг все опять погрузилось в тишину, и Джини решил, что это всего-навсего птичка, проснувшаяся среди ночи.

Южное крыло особняка пребывало в полнейшей тьме, и Джини решил возвратиться к западной части дома. Там он приметил стебель какого-то ползучего растения, вроде лианы. Стебель поднимался почти к самому окошку, которое было освещено. Джини прикинул в уме, что, взобравшись по этому стеблю и сделав всего пару шагов по карнизу, он окажется у водосточной трубы, а уж отсюда до окна рукой подать. Может, хоть через занавеску

вески удастся заглянуть внутрь? А вдруг ему посчастливится, и он увидит Лори? От одной мысли о ней у Джини бешено заколотилось сердце.

Пригнувшись, Кейлер пересек лужайку и добежал до веранды. Он на цыпочках пробирался между плетеными креслами и шезлонгами, стараясь не задеть их. Мебель, похоже, стояла здесь с лета, и вряд ли кто-нибудь пользовался ею с тех пор. И вот, наконец, Джини нащупал заветный стебель. Тот оказался толстым, как канат. Джини прислушался и вдруг уловил тихую, нежную музыку и чьи-то голоса.

Тучи по-прежнему скрывали луну, однако теперь из глубин неба струился прозрачный свет. Касаясь рошницы, этот переливающийся поток словно превращал ее в волнующуюся пучину. Колыхавшиеся ветви и высокая трава готовы были вот-вот поглотить Кейлера.

Джини, как птица, уселся на перила веранды и попробовал стебель на прочность. Тот был прибит к стене, и Джини уцепился за него сначала одной рукой, а потом повис на нем. Раздался неприятный хруст, посыпались сухие веточки, однако стебель выдержал. Что ж, оставалось только надеяться, что он и дальше не подведет.

Затаив дыхание, Джини схватился за верхние отростки стебля и подтянулся. Он уже преодолел футов десять, когда вновь отчетливо услышал шум. Но Джини опять не обратил на него внимания, решив, что это всего-навсего далекий рев самолета.

Теперь Кейлер добрался до водосточной трубы. На первый взгляд она казалась насквозь проржавевшей. Однако терять было нечего. Он уже слишком далеко зашел, чтобы отступать. И Джини рискнул.

До освещенного окна оставалось меньше метра, и Кейлер успел услышать, как под чьими-то ногами вдруг скрипнули половицы...

Все произошло в мгновение ока. В тот самый момент, когда Джини ухватился за водосточную трубу, окружающую тишину вдруг сотряс страшный звериный рык, и тут же какой-то исполинский зверь всей тяжестью навалился на Кейлера. Оба мгновенно рухнули вниз на землю. Джини в кровь разодрал лицо и руки, но неведомая тварь, не дав ему опомниться, потащила Кейлера прочь от дома. Она волокла Джини по траве все дальше

и дальше в глубь рощицы. Ветви кустарника то и дело цеплялись за спину, их шипы глубоко впивались в кожу, раны кровоточили и саднили.

Сколько продолжался этот кошмар, Джини не помнил. В какой-то момент чудовище вдруг взгромоздилось на него, и Джини разглядел гигантские когти, мелькнувшие в дюйме от его лица.

Джини почувствовал резкий отвратительный запах, но он мог бы голову дать на отсечение, что навалившаяся на него тварь была не собакой.

Чудовище, словно играючи, полоснуло когтями по свитеру Джини, и Кейлер оцепенел, увидев, как тварь обнажила огромные клыки и прицелилась вонзить их в его сонную артерию. Уже теряя сознание, Джини успел истошно крикнуть.

Глава третья

Джини с трудом разлепил веки. Очевидно, наступило утро. Кейлер лежал на узкой кровати из меди. Комната, стены которой были оклеены обоями в цветочек, находилась на втором этаже. Бледный солнечный луч пробивался сквозь занавески и ласково касался шифоньера, отделанного панелями из древесины грецкого ореха.

Кейлер огляделся по сторонам. У противоположной стены стоял резной деревянный верблюд с восхитительно расшитым седлом, а над ним в серебряной рамке висела черно-белая фотография, на которой, по всей вероятности, была запечатлена бабушка Лори.

Плечо нестерпимо ныло, кровь в нем пульсировала резкими толчками. Повернув голову, Джини оторопел: плечо оказалось аккуратно перебинтованным. На повязке проступали бурые пятна — видимо, это были следы засохшей крови. Джини кашлянул и с ужасом обнаружил, что ребра у него переломаны. И опять потерял сознание.

Джини не знал, сколько он проспал. Все это время Кейлер находился между сном и бодрствованием. Он то пробуждался, то вновь соскальзывал в тревожную дрему. В какой-то момент Джини удалось сконцентрироваться и сообразить, что его просто накачивают снотворным. Страшные, бледные и свирепые чудовища набрасывались на Джини в жутких грезах, и он с криком проснулся.

Около полудня дверь в комнату открылась. Джини повернул голову и сквозь туман, застилавший глаза, заметил рядом высокую стройную женщину. Сердце его забилось, однако, приглядевшись, Кейлер понял, что эта женщина старше Лори, да и держалась с подчеркнутой надменностью. На вошедшей было скромное платье мышиного цвета, зато волосы она идеально уложила под сеточку, усеянную крупными жемчужинами. Миссис Сэмпл стукнуло уже, должно быть, лет пятьдесят, и для своего возраста она выглядела изумительно. Сложена женщина была действительно просто фантастически: осиная талия и грандиозный бюст. Джини вдруг смутно припомнил, что и Мэгги говорила ему, будто у миссис

Сэмпл высокая грудь. Ага, значит, это и есть мать Лори собственной персоной.

— Мистер Кейлер,— обратилась женщина к Джини. В ее голосе прослеживался легкий французский акцент.— Вы уже пришли в себя, мистер Кейлер?

Джини кивнул.

— Я неважно себя чувствую,— признался он.— В горле пересохло.

Миссис Сэмпл присела на краешек кровати и, протянув Джини голубой стакан с прохладной минеральной водой, поддержала голову. Джини с жадностью осушил целый стакан. Женщина осторожно промокнула его губы шелковой салфеткой.

— Теперь получше? — осведомилась она.

— Да, спасибо,— поблагодарил Джини.

Миссис Сэмпл разглядывала незваного гостя с явным интересом.

— Знаете, мистер Кейлер, вам чрезвычайно повезло,— нарушила она затянувшуюся паузу.

— Неужели? А мне кажется, что я сейчас дышу на ладан.

— Дышать на ладан все же лучше, чем не дышать вовсе. Вы находились рядом с домом, вот это вас и спасло. Если бы все произошло в отдалении, мы не успели бы вовремя прийти к вам на помощь,— пояснила миссис Сэмпл.

— Так вы что же, держите собак-убийц? — похолодел Джини.

Женщина слегка склонила голову и нахмурилась, словно не понимая, что он имеет в виду.

— Ну да, настоящих убийц,— не унимался Кейлер.— Вы, очевидно, натаскиваете их, чтобы они заживо разрывали человека, оказавшегося в ваших владениях.

Женщина печально кивнула.

— К сожалению, это приходится делать,— призналась она.

— Что значит «приходится»? — взорвался Джини.— Да я чуть было не отдал Богу душу из-за ваших тварей! Но на миссис Сэмпл эта гневная эскапада не подействовала.

— Мистер Кейлер, не забывайте, что мы вас не ждали и не приглашали к себе,— напомнила она.

— Да-да,— начал понемногу остывать разбушевавшийся Джини.— Разумеется, вы правы. Но все равно псы у вас на редкость крупные и свирепые. Кстати, рука-то у меня цела?

— Да, вы скоро поправитесь. Я сама вас перевязывала. Еще в Египте мне приходилось... выполнять кое-какие обязанности медсестры, так что я поднаторела в этом деле.

Джини попробовал сесть в кровати.

— И тем не менее,— возразил он и тут же скривился от боли,— мне кажется, лучше бы поехать сейчас в больницу. Не мешает сделать уколы и от бешенства, и от столбняка.

Но миссис Сэмпл ласково уложила его в постель и успокоила:

— Вам не о чем волноваться, мистер Кейлер. Эти уколы я уже сама сделала. А теперь вам ничего больше не требуется, кроме отдыха.

— У вас есть телефон? Мне необходимо позвонить.

— Очевидно, работа никак не выходит у вас из головы? — осведомилась миссис Сэмпл.

— Естественно. У меня на сегодняшний день назначено несколько важных встреч, от которых очень многое зависит.

Миссис Сэмпл улыбнулась.

— И об этом мы успели беспокоиться, мистер Кейлер. Я уже звонила в вашу контору и предупредила секретаршу, что вы заболели. Мне ответили, что все будет улажено, и на встречах вас будет представлять некий Марк.

Джини с любопытством уставился на эту женщину.

— Вы слишком внимательны к моей персоне,— произнес он, но слова его прозвучали скорее как вопрос.

— Но вы же мой гость,— напомнила миссис Сэмпл.— А мы всегда проявляем к гостям исключительное внимание и заботу. Лори мне много рассказывала о вас, и я мечтала с вами познакомиться. Но вы совсем не такой, каким я вас себе представляла по ее рассказам.

— Правда? А какой? Лучше или хуже?

Миссис Сэмпл закатила глаза к потолку и мечтательно произнесла:

— О, мистер Кейлер, вы значительно лучше, разу-

меется. А Лори такое наворотила про вас, словно вы — ну просто настоящая помесь Квазимодо и чудовища Франкенштейна. Но вы совсем не такой, в чем я успела убедиться. Вы молоды, довольно симпатичны и, кроме того, работаете в Госдепартаменте.

Джини неуверенно тряхнул головой и протер глаза.

— Должен признаться вам, миссис Сэмпл, как на духу: я ничего не могу понять. Что за характер у вашей дочери? Она меня прямо-таки ставит в тупик своим странным поведением.

— Но она вам тем не менее нравится. Очень привлекательная девушка, верно? — не без гордости произнесла мать Лори.

— Разумеется. Иначе я бы сейчас здесь не лежал.

— Я так и предполагала. Вы... вы бредили какое-то время, и в бреду несколько раз упомянули имя Лори.

— Надеюсь, я вспоминал ее исключительно с положительной стороны.

Миссис Сэмпл непринужденно рассмеялась.

— Не волнуйтесь, мистер Кейлер. Я женщина неглупая и прекрасно понимаю, насколько привлекательна моя дочь и какие ощущения она может вызвать в здоровом молодом мужчине. Ну да, вы кое-что успели поведать о своих желаниях...

Джини нервно закашлялся. И теперь только понял, что бока его разрываются от боли, словно по ним прошлось стадо слонов. Да и позвоночник ломило, как будто с него ободрали всю кожу.

— Ну,— смущенно промямлил Джини,— если я был несколько грубоват, вы уж меня извините. Но я действительно считаю Лори потрясающей девушкой. Это правда.

— И не надо извиняться. Вы очень впечатлительный человек. Очевидно, вы не привыкли скрывать своих эмоций и стесняться в выражениях, вот и все,— успокоила Кейлера мать Лори.

Миссис Сэмпл наклонилась и поправила ему подушки. В какой-то момент их тела соприкоснулись, и Джини ясно ощутил тот же запах, что постоянно доносился и от Лори.

— Ну что ж, мистер Кейлер,— проворковала миссис Сэмпл,— я думаю, что теперь не мешает как можно ско-

рее забыть о неприятном инциденте. Полагаю, ни вам, ни мне не нужны сплетни, а тем более газетная шумиха вокруг этого происшествия.

Джини внимательно посмотрел на женщину. Миссис Сэмпл старалась вести себя непринужденно, но наметанный глаз Кейлера безошибочно определил, что женщина напряглась, и его ответ значит для нее очень многое. Она нервно барабанила пальцами по краю стеганого покрывала, время от времени улыбаясь гостю.

— Я, конечно, понимаю, что с моей стороны задавать подобные вопросы несколько неучтиво, и, может быть, сую нос не в свое дело,— вместо ответа начал Джини.— И все же, миссис Сэмпл. Что же находится в вашем доме, если его необходимо охранять таким образом?

Миссис Сэмпл коснулась пальцами лба, словно у нее начиналась мигрень.

— Никаких ценностей мы в доме не держим, мистер Кейлер. Но мы привыкли к тому, чтобы нас никто не трогал и не вмешивался в нашу жизнь. Понимаете? Кто знает, может, именно это и есть самая большая ценность — ощущать себя полным хозяином на своей территории.

— Безусловно, миссис Сэмпл. И вы имеете на это право,— согласился Кейлер.— Однако должен вам кое-что сказать. Не обижайтесь и не думайте, что яйца курицу учат, но мне кажется, что Лори не помешало бы почаще показываться на людях, выходить в свет, встречаться с друзьями. Не следует держать ее здесь взаперти.

— Голубчик вы мой! Да я ей постоянно твержу то же самое и всячески пытаюсь убедить в том, в чем вы меня только что обвиняли.

Джини снова закашлялся.

— Правда? А у меня сложилось совсем другое впечатление. Лори уверяла, что именно вы заставляете ее сидеть дома и возвращаться до наступления сумерек.

— Вы не первый говорите это,— вздохнула миссис Сэмпл, печально покачивая головой.

— А еще она рассказывала мне, будто у нее никогда не было парня и она ни разу не ходила на свидания.

— И это совершеннейшая правда, мистер Кейлер. У Лори никого и не было. Но я в этом абсолютно не ви-

новата и могу добавить, что у нее не было недостатка в ухажерах, которые тщетно пытались вытащить Лори в город на какую-нибудь вечеринку. Ей уже девятнадцать, и я считаю, что в таком возрасте пора встречаться с мужчинами. Вы согласны?

— Миссис Сэмпл, а если я приглашу Лори куда-нибудь, вы меня поддержите?

— Разумеется! — засмеялась женщина, но этот приступ веселья показался Джини несколько наигранным. — Я и представить себе не могу более подходящего кавалера для своей дочери. Вы именно тот человек, которого я мечтала бы увидеть своим зятем.

— Да вы мне просто льстите, миссис Сэмпл. Вообще-то я не совсем уверен, что именно сейчас готов жениться. Наверное, моя карьера имеет для меня слишком большое значение, и я чрезвычайно дорожу ею.

Услышав это, миссис Сэмпл поднялась и направилась к окну. Сейчас, залитая солнечным светом, она казалась даже выше, чем решил Джини на первый взгляд. Рассматривая ее замысловатую прическу, он вдруг обнаружил, что корни волос были такого же золотисто-каштанового оттенка, как и у Лори, а седина — это, очевидно, просто краска.

Внезапно миссис Сэмпл повернулась к Джини и уставилась ему прямо в глаза гипнотизирующим взглядом. Таким взглядом, как успел отметить Джини, отличались, по-видимому, все женщины из рода Сэмплов.

— Если вам угодно, — тихо проговорила она, — я побеседую с Лори и сделаю все возможное, чтобы она изменила свое отношение к вам.

— Миссис Сэмпл, мне кажется, вы поступите именно так, но в вашем голосе я уловил некоторые нотки, которые дают мне все основания полагать, что за эту услугу я буду вам чем-то обязан, — без обиняков заметил Джини. — Так чем же именно, позвольте узнать?

Казалось, подобная откровенность ничуть не удивила мать Лори. Она лишь слегка приподняла брови, словно ожидая продолжения монолога.

Джини поерзал в постели, устраиваясь поудобнее.

— Ну, допустим, что я раз и навсегда забуду о вчерашнем происшествии и выкину из головы ваших свирепых монстров. Вы ведь это имели в виду. Я угадал?

Миссис Сэмпл улыбнулась.

— Вас не напрасно взяли на работу в Госдепартамент, молодой человек. Только что вы буквально прочитали мои мысли.

— Ну что ж, будем считать, что сделка состоялась,— бодро констатировал Джини.

* * *

Жжение в плече усилилось, и миссис Сэмпл сделала Джини еще один обезболивающий укол. Кейлер погрузился в какую-то странную дрему: ему то и дело мерещились удивительные обрывки из жизни фантастических животных. Время от времени бессвязно бормоча, Джини метался и ворочался в постели. Ему казалось, что миссис Сэмпл не отходит от его кровати, а потом вдруг почудилось, будто вовсе не она, а какой-то зверь внимательно следит за ним холодными зелеными глазами.

Кейлеру приснился сон — он как наяву осознавал, что где-то поблизости, вероятно, в соседней комнате, разгорелся жаркий спор. Разумеется, Джини не слышал его целиком, он улавливал лишь отдельные слова, вроде «подходящий», «идеальный», причем слова эти повторялись многократно. Потом кто-то начал рассуждать о древних ритуалах и послышалась фраза «я боюсь», а потом еще и «страшно». Джини не мог бы с уверенностью сказать, снился ему весь этот бред или же на самом деле в соседней комнате кто-то разговаривал. Внезапно послышалось рычание, и тут сон перелился в новое русло — Джини почему-то вновь восседал на кирпичной стене, а неведомые звери тянули его вниз, пытаясь разорвать на части.

Очнувшись, Джини почувствовал на лбу прохладную ткань. Он открыл глаза и увидел, что на стуле рядом с его кроватью сидит Лори и осторожно прикладывает ко лбу холодный компресс. Джини снова ощутил невероятную сухость во рту, кроме того, его, похоже, начинало знобить.

— Лори,— едва ворочая языком, пробормотал Кейлер.

— Я здесь, Джини,— отозвалась девушка.— Не волнуйся. Ты бредил. Это, наверное, от укола. Но скоро все пройдет.

Джини так и не смог определить, сколько времени он проспал. С трудом повернув голову, он еле слышно спросил:

— Который час?

— Уже половина восьмого. А заснул ты в час дня.

— Мне кажется...— начал Джини и потянулся, стараясь хоть немного размять затекшие мышцы.— Мне кажется, что я действительно пошел на поправку.

— Мама сказала, что завтра тебе уже можно будет вставать. Она еще раз позвонила в твою контору и все уладила. Кстати, тебе передавала привет какая-то Мэгги.

Джини кивнул.

— Это моя секретарша. Чудесный человек и преданная подруга.

Наступила неловкая пауза. Лори сняла компресс со лба Джини и, подойдя к умывальнику, отжала ткань. Включив холодную воду, Лори проверила ее кончиком пальца. Кейлер молча наблюдал за всеми ее движениями, не уставая удивляться, как может эта девушка с каждым разом казаться еще красивее, и почему же он все-таки так сильно привязался к ней? Сейчас на Лори была лиловая блузка с расшитыми манжетами и идеально подходящие по оттенку бежевые брюки. На запястьях у девушки Джини заметил множество браслетов, а на шее цепочку. Брелка не было видно, хотя, судя по всему, он имелся.

— Лори,— позвал Джини. В голосе его прозвучала нежность.

Девушка не обернулась, но Кейлер заметил, что она смотрит на него в круглое зеркало, висевшее над умывальником. Зрачки ее были расширены.

— Лори, ты... может быть, боишься чего-нибудь? — неожиданно брякнул Кейлер.

Девушка резко повернулась:

— С какой стати мне бояться?

— Сам не знаю. Просто мне так показалось, вот я и решил узнать.

— Нет, я ничего не боюсь,— заявила Лори, подходя к кровати и неся в руках свежий компресс.— Мы не из пугливых.

— А мне кажется, что вы все-таки боитесь тех, кто вторгается в ваши владения.

Она погладила его по волосам и, убрав со лба пряди, снова наложила влажную ткань. Прикосновения ее показались Джини восхитительными. Девушка приоткрыла губы и облизнула их — сделано это было без всякого умысла, но тем не менее сердце у Кейлера учащенно забилося.

— Это зависит от того, кто вторгается, — подытожила Лори. — Некоторые налетчики очень даже милые люди.

— А я? Меня тебе приятно видеть здесь?

Девушка улыбнулась:

— Ну, конечно. Я уже и раньше говорила, что ты очень привлекательный и нравишься мне.

— А потом еще добавила, чтобы я убирался восвояси.

Лори опустила глаза.

— Да, — подтвердила она. — Что-то в этом роде.

Джини снял компресс со лба. Укол уже перестал действовать, и теперь Кейлер чувствовал себя достаточно бодро. Плечо потихоньку заживало: Джини почти физически ощущал, как стягивается рана и образуется корочка. И хоть ссадины и ушибы время от времени давали о себе знать, это уже были мелочи. Чувство беспомощности покинуло Кейлера, и мысли его вернулись в привычное русло.

— Лори, — обратился он к девушке. — Можно от вас позвонить?

— Куда и зачем?

— На работу. У меня были назначены важные встречи, хотелось бы узнать о результатах.

— Но мама сказала...

— Послушай, Лори, для меня это очень важно. В конце концов это моя работа. И я не намерен валяться здесь и спокойно поджидать, пока Соединенные Штаты ввяжутся в Третью мировую войну.

Лори все еще колебалась.

— Ну, я не знаю... Мама сказала, что тебе лучше никуда не звонить отсюда...

Джини нахмурился.

— Это почему же?

— Не знаю. Она, наверное, боится, что ты свяжешь-

ся с адвокатом. Ну, насчет этих укусов. Она не хочет, чтобы ты кому-нибудь рассказал о случившемся.

— Я ведь уже обещал ей, что забуду об этом злополучном инциденте,— осторожно напомнил Джини.

Лори вспыхнула.

— Да, я знаю.

— Она успела передать тебе наш разговор?

— Да. Она сказала, что ты пообещал молчать, а я в знак благодарности должна принять твоё приглашение на обед или ещё куда-нибудь.

Джини не мог удержаться от смеха:

— Да пойми же ты, я тебя никуда силком не намерен тащить. Если ты не хочешь встречаться со мной, и такое твоё окончательное решение, то я был бы распоследним мерзавцем, если бы вздумал шантажировать тебя и просить о свидании в обмен на моё молчание. Но если ты захочешь пойти куда-нибудь вместе со мной, я буду искренне рад.

Лори бросила на него благодарный взгляд, полный нежности.

— Ну, и что же ты решила? — с замирающим сердцем спросил Джини.— Если ты не согласна, нам останется всего-навсего раскланяться и действительно больше не встречаться.

Девушка провела пальцем по стеганому покрывалу.

— Я все это время думала о тебе,— неожиданно призналась Лори. В её голосе прозвучала серьёзность.

— Я что-то не понял.

Она взяла его ладонь в свою. А потом тревожно посмотрела на Кейлера, будто старалась передать ему очень важную информацию, не поддающуюся никаким словесным выражениям и доступную лишь одному течению интуиции. Лори словно пыталась предостеречь Кейлера.

— Моя мать слепо следует нашим традициям, Джини,— наконец заговорила девушка.— Ей хочется, чтобы все было так, как происходило в давние времена. Некоторые вещи, в которые она верит, и её поступки... ну, короче, тебе они покажутся дикими, нелепыми и неприемлемыми.

Джини сжал её руки.

— Я опять ничегошеньки не понял. Какие ещё традиции? О чём ты говоришь?

Но девушка лишь замотала головой.

— Я не имею права говорить о них. Если только ты сам догадаешься обо всем. Но я надеюсь, что этого не случится.

Кейлер вопросительно взглянул на Лори, ожидая, когда же та продолжит свое странное иносказание, однако тут же понял, что теперь девушка замолчала надолго. Кейлер тяжело вздохнул и, утопая в пышных подушках, устроился поудобней.

— Лори,— снова начал он.— Должен заметить, что ты — самое непонятное существо из всех, кого я раньше встречал. Прямо не от мира сего. Может быть, стоит подписать тебя на все популярные журналы? Чтобы ты хоть чуть-чуть освоилась в нашем мире?

Девушка лишь горько усмехнулась:

— Джини, не подумай, что я тут комедию ломаю. Любой девушке было бы лестно узнать, что к ней пытались пробраться, рискуя собственной жизнью. Все это, конечно, романтично, и я еще раз должна извиниться за те раны, которые ты получил в результате такого изнурительного путешествия.

— Стоит ли мне принимать эти слова за твое согласие? Соизволишь ли ты встретиться со мной на нейтральной полосе, где-нибудь за пределами своего чудного замка? Или же это такое пространное «арриведерчи»¹?

Лори печально взглянула на него, и Джини заметил, что в ее глазах заблестели слезы. Девушка наклонилась и легким поцелуем коснулась щеки Кейлера.

— Я очень, очень хочу пойти с тобой куда угодно,— прошептала Лори.— Поэтому мама так легко добилась моего согласия. Но, прежде чем окончательно решиться на это, я должна поставить перед тобой условие.

— Да вы с матушкой просто любой закон переплюнете по части поправок к нему.

— Джини, это серьезно. Ну, я прошу тебя.

Кейлер неопределенно пожал плечами.

— Ну ладно, ставь свое условие, я соглашаюсь на все. Валяй!

— Ты должен поклясться, что никогда, ни при каких обстоятельствах не будешь просить меня выйти за тебя замуж.

¹ Арриведерчи (arrivederci) — до свидания (итал.).

У Джини перехватило дыхание, он не поверил своим ушам. Да, Лори, разумеется, являла собой восхитительный образец женской красоты и сексуальности, и он даже чуть было голову не потерял, поддавшись ее чарам. Но что касается женитьбы...

— Лори, голубушка,— с трудом заговорил Джини, тщательно подбирая слова,— уж чего-чего, а мне этого только и не хватает. У меня великолепная работа, куча друзей, весь мир открыт мне, к тому же я далеко не беден. Так что мысль о законном браке не посещала пока мою бедную голову.

— И ты поклянешься?

— Разумеется. Клянусь!

Джини поднял правую руку и низким грудным голосом произнес с напускной серьезностью:

— Я, Джини Кейлер, пребывая в здравом уме и слегка поврежденном теле, торжественно клянусь, что никогда не попрошу твоей руки, о Лори Сэмпл!

Он набрал в легкие побольше воздуха, собрался продолжать в том же духе и вдруг заметил, что лицо девушки напряжено, и она вовсе не намерена шутить. Лори судорожно вцепилась в свой брелок и так пристально смотрела на Кейлера, словно тот присягал сейчас на Американском флаге.

— Лори,— пошел на попятную Кейлер,— я не хотел обижать тебя или насмехаться над твоими чувствами, но и ты тоже пойми меня правильно — ведь более глупую клятву и придумать трудно.

Девушка кивнула.

— Я тебя прекрасно понимаю. Но тем не менее, Джини, прошу: раз дал слово, не нарушай его. Никогда. Это единственное, что может тебя спасти.

— Что-что? — Джини решил было, что не расслышал ее слов.

Девушка наклонилась и показала брелок. Джини прищурился, заметив в ее руках крошечную золотую пирамиду. Теперь Кейлер смог хорошенько разглядеть ее. Он протянул руку, чтобы потрогать пирамидку, но Лори тут же спрятала ее в кулаке.

— Так-так, стало быть, это брелок для ключа от какой-то страшной тайны? — улыбнулся Джини.

Но Лори отрицательно покачала головой.

— Ты должен понять все сам. Влияние пирамиды невероятно сильное... Я просто хотела намекнуть, с какой стороны тебе грозит опасность.

— Лори, я...

— И отныне помни, что я тебе показала. Вот и все. Пожалуйста. По-моему, я прошу не слишком многого.

Он скользнул взглядом по ее классическому лицу с высокими, слегка выступающими скулами. В теплом свете уходящего дня Лори казалась еще прекраснее, и Джинни почувствовал, что его снова начинают окутывать тайны, как тогда, когда он в первый раз решился поцеловать эту странную девицу.

— Ну хорошо,— с трудом выдавил из себя Джинни.— Я буду помнить, раз ты этого хочешь.

* * *

Спустя несколько дней Джинни поджидал Лори у ворот ее дома, как они заранее и договорились. День выдался по-осеннему прозрачным. Бурные опавшие листья хрустели под ногами, словно поджаренные ломтики хлеба. За воротами, чуть поодаль, Джинни заметил Мэтью. Тот восседал в своем каре под красно-белым полосатым тентом. Лицо его ничего не выражало, а глаза были спрятаны под зеркальными солнцезащитными очками, и от этого создавалось впечатление, будто вместо глаз у Мэтью просто два крохотных кусочка голубого неба.

Лори облачилась в костюм сафари и высокие сапожки, а волосы убрала под элегантную широкополую шляпу. Глаза девушка умудрилась подкрасить таким образом, что теперь казалось, будто они светятся изнутри.

Джинни распахнул перед ней дверцу, и девушка впорхнула в автомобиль. Обходя машину, Кейлер успел помахать рукой неприветливому Мэтью.

— Я ему что, не понравился? Или тут другие причины? — как бы невзначай спросил Джинни, усаживаясь за руль.

— Ты имеешь в виду Мэтью? Он вообще не имеет никаких симпатий, равно как и антипатий, кстати. У него своеобразное отношение к людям. Мэтью добросовестно выполняет свои обязанности, а большего от него, собственно, не требуется.

— Да, но в его обязанности, похоже, никак не вхо-

днт приветствовать твоих друзей или помахать тебе самой на прощание,— ядовито заметил Джини.

Лори засмеялась:

— Трудно себе представить, чтобы Мэтью помаха­ кому-нибудь рукой, а в особенности — тебе.

Они петляли по извилистому серпантину сквозь туннель сросшихся крон и очень скоро, очутившись на просторном шоссе, помчались прочь из столицы. Уолтер Фарлоу пригласил их обоих в свой загородный дом на коктейль и «шашлыки», которые по большому счету представляли собой просто жаренное под открытым небом мясо. Кроме Джини и его спутницы, Фарлоу ожидал множество друзей — тех, кто разными способами, в том числе и деньгами, поддерживал демократическую партию в тяжелые предвыборные времена.

Джини все еще продолжал наклеивать на плечо пластырь, но раны почти затянулись, а ссадины уже и во все не беспокоили. Когда он впервые появился в таком виде в свой кабинет, Мэгги здорово перепугалась и принялась уговаривать его пойти к доктору. Джини чуть было не последовал ее совету, но вовремя спохватился, вспомнив свое обещание миссис Сэмпл строго хранить тайну. Пришлось ему тогда отделяваться шутками.

— И вообще,— вешал он Мэгги лапшу на уши,— вспомни-ка пещерных людей. Сколько раз их кусали звери страшнее собак, и что же? Никаких врачей тогда и в помине не было!

— То-то и оно, что помирали твои пещерные люди на каждом шагу. Десятками за одну охоту, не забывая этого,— отпаривала Мэгги и повернулась к двери. Гордо вскинув голову, она вышла из кабинета.

Это было первое свидание Джини и Лори. Он позвонил ей в среду вечером и пригласил на пикник. Хотя Лори сомневалась — голос по телефону звучал не совсем уверенно и без особой радости,— сейчас она казалась возбужденной, видимо, в предвкушении интересных разговоров, аппетитных блюд и просто приятного времяпрепровождения. Джини с трудом сдерживал свои эмоции, то и дело поглядывая на нее. Снова и снова отмечал он про себя, как девушка буквально светится изнутри, как она возбуждающе привлекательна. И какую бы чушь ни молоча она насчет свадьбы, это не помешает

молодым людям прекрасно провести день у Уолтера, а там... глядишь, может, она захочет продолжить вечеринку и в более укромном уголке. Да такую девушку и днем с огнем не сыщешь. Пожалуй, надо ей об этом сообщить. Однако после неудачной попытки исследовать поместье Сэмплов Джини решил вести себя чуточку сдержаннее.

Они мчались вперед, то и дело врезаясь в разноцветные вихри кружащихся листьев. Все выходные Уолтер неизменно проводил в своей загородной резиденции, а добираться до нее было просто наслаждением, особенно осенью, когда движение становилось не таким интенсивным, как летом, и безрассудство вроде превышения скорости вполне допускалось.

— Наверное, я должна тебе признаться,— заговорила Лори.— Я очень нервничаю!

— С чего бы это? — удивился Джини.

— Ну, просто я волнуюсь. Мне так хорошо с тобой, и я не хочу, чтобы все это кончалось. Мне нравится быть с тобой.

Джини хмыкнул и, усмехнувшись, заметил:

— А может, и не стоит рвать наших отношений, а? Лори печально покачала головой.

— Все равно рано или поздно это произойдет. Что бы ни случилось. В любом случае наши отношения прервутся.

Джини взял в рот сигарету и нажал на прикуриватель, вмонтированный в приборную доску.

— Послушай, не надо так пессимистически смотреть на вещи,— посоветовал он девушке.— Старайся жить сегодняшним днем. Нечего загадывать на кофейной гуще. Будущее само явится, когда нужно, не волнуйся.

Лори промолчала. Из динамиков доносилась песня «Куда пропали все цветы?»

— Надо все время думать о будущем, Джини,— серьезно возразила Лори,— и не забывать о нем. Иначе мы не выкарабкаемся живыми.

Джини, наконец, прикурил сигарету и выпустил облачко голубоватого дыма.

— Ты заговорила прямо как твоя матушка,— съязвил он.

— Ну и что же? — Лори пожала плечами.— Это вполне естественно. Я ведь ее дочь.

Добрый час добирались они до виллы Уолтера. Само здание представляло собой своеобразное белое строение, сооруженное по уникальному проекту какого-то запредельно оригинального современного архитектора. Перед домом находился большой пруд, всю поверхность которого покрывали сейчас медленно скользящие по воде листья, а довольно обширный задний дворик давал возможность наслаждаться панорамой туманной бесконечной долины, обрамленной у горизонта лесом.

Почти все гости уже собрались, и стоянка перед домом оказалась забитой яркими и сверкающими лимузинами. На красном кирпичном мангале уже подрумянивались отбивные, и оттуда доносился восхитительный аромат жаркого. Тут же стоял и сам Фарлоу, облаченный в одеяния шеф-повара, в колпаке и желтых подтяжках. Уолтер вспотел, он беспрестанно хихикал и пытался каждому всучить отбивную на влажной тарелке.

Джини припарковал свой «нью-йоркер», и они направлялись к заднему дворику, где собрались гости. Кейлер не без удовольствия заметил, как головы присутствующих мгновенно повернулись в их сторону. Тут же раздались одобрительные посвистывания. Лори в своем элегантном костюме сафари, как и предполагал Джини, сумела произвести на собравшихся потрясающее впечатление. На что Кейлер и рассчитывал.

Они степенно продефилировали через весь дворик, и, наконец, сам хозяин выступил им навстречу.

— Джини! Как я рад, что вы все-таки смогли приехать. Извини, не могу пожать тебе руки — мои все в жире.

— Познакомьтесь, это Лори, — представил Джини свою спутницу. — Моя новая бесценная знакомая.

Уолтер коснулся пальцами колпака.

— Приятно познакомиться, Лори, — игриво произнес он. — А какие вы любите отбивные? Сильно прожаренные или не очень?

Лори мельком глянула на Джини, а потом внимательно посмотрела на Уолтера.

— Ну-у... — протянула она, — я люблю, чтобы они были не совсем жареные.

Уолтер усмехнулся:

— А поточнее? Что значит «не совсем»?

Лори облизнулась.

— Ну, подержите каждую сторону пару секунд на огне...

— Всего пару секунд? — расхохотался Уолтер. — Так они практически останутся сырыми!

— Да, — подтвердила Лори, удивляясь, что же так развеселило этого человека. — Но именно такие мне нравятся больше всего.

Они еще продолжали обсуждать достоинства отбивных, когда из толпы вдруг выступила кудрявая девушка в шелковом желто-зеленом брючном костюме и, приблизившись к Джини, тут же подхватила его под руку.

— Кого я вижу, — воскликнула она. — Сам Джини Кейлер!

— Привет, Эффи, — отозвался Кейлер. — Как продвигается твой рекламный бизнес?

— Просто обалденно. А это твоя новая подружка?

— Как это ты догадалась? Лори, познакомься, это Эффи, моя давнишняя приятельница, еще с тех времен, когда я обитал во Флориде. Эффи, а это Лори Сэмпл.

Женщины улыбнулись друг другу, однако Джини почувствовал, как они сейчас напряжены и каждая думает, видимо, о своем.

— Джини, ты непременно должен познакомиться с Питером Грейвсом, — прошептала Эффи. — Это мой новый психиатр, и он самый нормальный человек на всем белом свете. Вон он там! — И она указала рукой куда-то в сторону. — Лори, а вы должны пойти со мной, я вас перезнакомлю со всеми дамами. Кстати, сегодня приехала сама Нэнси Баковски, представляете? Ну, та самая, которая из женского журнала.

Состроив на лице беспомощную гримасу, Лори успела подмигнуть Джини, и Эффи тут же уволокла ее за собой к сбившимся в стайку женщинам. Как и было принято на подобных встречах, женщины и мужчины предпочитали держаться отдельно. Если вдруг мужчина отваживался подойти к женщинам, у него появлялись все шансы прослыть бабником, ну а женщина, беседующая в кругу мужчин, рассматривалась как потенциальная шлюха. По этой причине ничего не мешало мужчинам, время от времени подталкивающим друг друга локтями, делиться пикантными анекдотами и весьма щекотливы-

ми историями разного рода, а женщинам на другом конце двора — разглагольствовать о феминизме и обсуждать архиважные проблемы: кто за кем волочится, и у кого какие шансы на успех.

Джини, прихватив бокал с водочным коктейлем, отправился знакомиться с Питером Грейвсом, который в полном одиночестве восседал возле пруда. Это оказался довольно молодой, но уже лысеющий мужчина. Из-под очков в тонкой и изящной оправе смотрели задумчивые глаза. В спортивном свитере и синих шерстяных штанах, Питер Грейвс здорово смахивал на настоящего легкоатлета или по крайней мере на поклонника бега трусцой. А еще он походил на Дастина Хоффмана — вот только шевелюра подкачала.

— Привет, — поздоровался Джини. — Не возражаете, если я присоединюсь к вам? Эффи только что поведала мне, какой вы замечательный человек и доктор, так что теперь я не могу спокойно пройти мимо столь выдающейся личности.

Питер несколько озадаченно взглянул на него.

— Она так меня расписала? Ну значит, теперь мне следует основательно заняться ее здоровьем.

Джини присел на пластиковый шезлонг и отхлебнул из бокала глоток коктейля.

— Скажите, а как вы работаете? Я знаю, что сейчас большинство психиатров заставляют пациентов собственными силами разбираться в своем состоянии и самостоятельно справляться с недугами. Как бы идти на мировую со своей болезнью.

Питер понимающе кивнул.

— Да, есть и такой метод, но я стремлюсь, чтобы мои пациенты имели широкий круг общения, если вы меня понимаете.

— Не совсем, простите.

Питер в задумчивости потянул себя за нос:

— Ну, скажем, я стремлюсь, чтобы эти пациенты постоянно находились в окружении других людей, то есть в реальной жизни; не отрывались от нее и сами могли оценивать обстановку.

— Ах, в этом смысле... — Джини полез в карман за пачкой сигарет и закурил. Облачко дыма зависло над водной поверхностью. — Скажите, а бывают такие слу-

чай, когда человек становится буквально одержим идеей, которую, как ему кажется, он не может воплотить в реальность?

— А поконкретней?

— Ну, например, моя новая подружка. Ее зовут Лори, мы приехали вместе. Вон, видите среди женщин — в костюме сафари? С самой первой встречи она заявила, будто я ей очень понравился, а потом всячески избегала встреч, требовала, чтобы я не настраивался ни на какие серьезные отношения, а вдобавок ко всему вынудила меня поклясться, что я никогда не сделаю ей официального предложения

— Ничего странного в этом нет. Возможно, она еще слишком молода и просто не хочет обременять себя тяготами семейной жизни.

Но Джини отрицательно покачал головой:

— Нет, дело тут гораздо сложнее. Она постоянно твердит, что существует какая-то страшная тайна, ну, по крайней мере намекает на это. То есть прямо-то она не говорит об этом, а я ума не приложу, что она имеет в виду. Каждый раз Лори талдычит о какой-то опасности, стоит мне только заикнуться о своем отношении к девушке.

— Вы хотите, чтобы я поговорил с ней? — осведомился Питер и шмыгнул носом.

— То есть протестировали ее?

— Да нет, просто поговорил. Чисто по-человечески, а не как доктор с пациентом. Вы меня даже заинтриговали немного. Почему бы в самом деле не поболтать с ней несколько минут? Девушка она симпатичная, и мне это доставило бы удовольствие.

Джини рассеянно взглянул в ту сторону, где Лори уже знакомилась с Нэнси Баковски.

— Ну что ж, я не против, — проговорил он, — если вы, конечно, не боитесь, что вас потом заживо съедят великосветские особы, поддерживающие демократическую партию.

Джини набрался терпения и с любопытством наблюдал, как Питер в своих грязных кедах направился к женщинам и что-то шепнул Лори. Они отошли в сторону, и Джини понял, что между ними завязалась довольно оживленная беседа, но тут к Кейлеру подкатил Уолтер

Фарлоу и вручил ему тарелку с отбивной и салатом, а затем торжественно подал пластиковый нож и вилку. Однако, как Джини ни старался, справиться с этим незамысловатым блюдом ему не удалось. Отбивная оказалась просто железобетонной. С четвертой попытки Джини умудрился сломать вилку, а потом долго странствовал по двору в поисках подобного предмета, обуреваемый спортивным азартом. Кейлер во что бы то ни стало решил добить свою порцию.

Когда Джини вернулся к пруду, Питер Грейвс уже поджидал его на своем месте с баночкой лимонада. Лицо психиатра выражало крайнюю задумчивость.

— Ну и как? — нетерпеливо выдохнул Джини.

Питер неопределенно улыбнулся.

— Ну, вам удалось поговорить? — настаивал Джини. — Вы хоть что-нибудь сумели выяснить?

Питер тяжело вздохнул.

— В общем, конечно. Хотя особыми успехами не могу похвастаться.

Джини с большим трудом прожевал подгоревшее мясо.

— Вы хотите сказать, что даже для вас она осталась загадкой?

— Не совсем так, — неуверенно начал Питер. — Дело в том, что Лори искренне верит, будто впутана в какую-то таинственную историю, выбраться из которой она не в силах. Понимаете? И если вы надумаете связать с ней судьбу, в эту историю вляпаетесь и вы. Неумолимый рок встанет на вашем пути.

— Что еще за неумолимый рок? Ничего не понимаю.

— Это ее слова, — объяснил Питер. — Лори уверена в том, что ее жизнь протекает по совершенно определенным правилам, или традициям, которые соблюдаются испокон веков, и якобы не может им не следовать. Об этом Лори поведала без особого напряжения. Но когда я спросил ее о вас, она вдруг стала нервничать и заявила, что если вы ввяжетесь в ее судьбу, то станете неминуемой жертвой, чего ей совсем не хотелось бы.

Оставив все попытки дожевать резиновую отбивную, Джини отодвинул тарелку и закурил следующую сигарету. Что ж, он и так в достаточном количестве отведал грандиозной стряпни Фарлоу и не намерен больше истязать свои челюсти.

— Но она хотя бы рассказала вам, что это за древние традиции? — не отставал от психиатра Джини.

— Она в них прекрасно разбирается. — Питер пожал плечами. — Но говорить о них не стала. Не захотела, и все тут.

— Вы уверены, что она в них разбирается?

— Ну, а уж этот момент просто вписывается в схему. Такие случаи не редкость. Лори сознательно создает ореол таинственности, и вокруг нее как бы вырастает стена, которую не в силах пробить ни один психиатр. Почти не в силах.

Джини выпустил струйку дыма.

— Так вы сказали «почти»?

Питер кивнул:

— Единственный способ заставить ее забыть о том самом неумолимом роке — это избавить ее от него.

— Я совсем перестал понимать вас, — нахмурился Джини.

— Ну, вот вы сказали, будто Лори заставила вас поклясться в том, что вы никогда не женитесь на ней и тем самым избежите злого рока. Ну, а вам надо сделать как раз наоборот — попросить ее руки и жениться — то есть самому как бы «напороться» на этот злополучный рок, лицом к лицу столкнуться с предначертанной судьбой и прочей чепухой, которой сейчас забита ее прекрасная головка. И тогда, наблюдая, так сказать, воочию, что ничего страшного не происходит, девушка, наконец, позабудет о своих фантазиях. Ложные представления рухнут, и проявится ее нормальная личность, которую сейчас она тщательно скрывает под маской таинственности.

— Знаете, возможно, в этом что-то есть, — согласился Джини.

Питер отхлебнул глоток лимонада и с трудом сдержал отрыжку.

— Ничего сложного в этом нет. Просто люди не понимают, что в психиатрии практически те же основы, что и в простейшей механике. Так что поступки вашей таинственной Лори можно заранее предугадать. Вероятно, когда-то в ее жизни произошло жуткое событие, которое потрясло девушку, и теперь она испытывает постоянную тревогу, считая, что ее преследует злая судьба,

от которой никуда невозможно скрыться. И чтобы доказать обратное, ей нужен человек, который был бы способен на это — в вашем случае на женитьбу.

— То есть вы вот так с ходу предлагаете мне жениться на ней?

Питер почесал шею и спустя несколько секунд заговорил уже более решительно:

— Конечно, для нее это было бы идеальным вариантом. Но, разумеется, если ваши намерения так далеко не заходят, то не стоит жертвовать собой.

Джини ничего не ответил. Он уставился в ту сторону, где находилась сейчас Лори. Девушка словно светилась изнутри, весело щебеча о чем-то забавном. Ее золотистые волосы отливали в солнечном сиянии ярким блеском, а изумрудные глазищи призывно сверкали. И тут Джини со всей очевидностью осознал, что в целом мире вряд ли найдется хоть один мужчина, который сможет равнодушно пройти мимо такого чудесного создания. Он хотел ее, хотел до дрожи, до безумия, и теперь впервые крепко задумался о том, что, возможно, Питер прав, и свадьба станет идеальным выходом для них обоих.

* * *

Вечером, когда пурпурное солнце закатилось за окутанные серебристой дымкой холмы, они распрощались с хозяином и отправились в Вашингтон. Джини пропустил целых три водочных коктейля, и теперь за рулем чувствовал себя не совсем уверенно, однако Лори была настолько возбуждена и восхищена пикником, что не замечала этого. Сегодня Лори внезапно раскрылась, как распускается на воде японский бумажный цветок. Девушка без умолку ворковала, рассказывая Джини, с какими интересными людьми она познакомилась и как теперь круто изменилась ее жизнь, как ей понравился проведенный в таком обществе день, и так далее.

— Тебе правда понравилось? — тут же подхватил Джини. И хотя он был уверен в положительном ответе, ему так хотелось услышать это еще раз из уст Лори!

— Джини, это просто фантастика! Я, оказывается, как дурочка, столько лет пряталась в собственную скорлупу, а ведь это так интересно — встречаться с разными

людьми, беседовать о чем угодно — да теперь я готова ездить на такие пикники каждый день!

— Твой отец был очень общительным человеком, если я не ошибаюсь, — ввернул Кейлер.

Лори кивнула.

— В Вашингтоне он считался одним из самых гостеприимных людей. У мамы сохранился целый альбом с газетными вырезками, сообщающими о пирах, которые он задавал, с танцами до упаду. Там столы ломились от яств...

Джини прикурил сигарету.

— Мне очень жаль, что с ним произошло такое несчастье, — вздохнул он.

— Да, — как-то вяло согласилась Лори. — Я без него скучаю.

— А твоя мать никогда не помышляла о другом замужестве? — спросил Кейлер.

Лори откинула рукой волосы со лба.

— Что ты, никогда.

— И ты в этом настолько уверена? — удивился Джини.

— Да. Я слишком хорошо знаю свое племя. По традиции женщинам положено иметь только одного мужчину за всю жизнь, и я не вижу причин, чтобы мать стала вдруг нарушать это правило. Ведь она слишком глубоко верит в наши обычаи.

— А жаль, — искренне огорчился Джини. — Миссис Сэмпл весьма привлекательная женщина. Если бы я не увлекся тобой, я бы, несомненно, обратил самое пристальное внимание на нее.

— Ну-ка, поубавь прыти, — засмеялась Лори. — Ты еще не знаешь, насколько я ревнива!

Но Джини покачал головой.

— Тебе никогда не придется ревновать, успокойся. У тебя есть все, о чем только может мечтать мужчина, никакая другая девушка тебе и в подметки не годится. Ты действительно очень красива. Понимаешь?

Лори отвернулась, и копна ее волос засверкала в последних ответах заходящего солнца.

— Ну вот, опять ты затянул свою старую песенку, — насупилась она.

— Это кто же из нас затянул старую песенку? —

возразил Джини.— Разве мы не можем немного поразвлекаться? — тут же предложил он.

Лори повернулась к нему и загадочно улыбнулась.

— Наверное, можем. Просто я хочу, чтобы ты, наконец, понял, что ближе мы не можем стать друг другу ни при каких обстоятельствах.

Джини с сожалением покосился на девушку и не смог сдержать вздоха. Говорить с ней о любви было так же бессмысленно, как фехтовать с соперником, который наперед рассчитал любое твоё движение. Защита, выпад, ответный укол. С какой бы стороны он ни подкатывал к ней, Лори всякий раз ставила его в тупик. Обороняясь, она снова и снова ссылалась на свою невероятную тайну.

Джини в сердцах вышвырнул недокуренную сигарету в открытое окошко.

— Послушай, ты хоть когда-нибудь можешь поговорить со мной откровенно? — внезапно вскинулся Джини.— То есть я хочу сказать, будешь ли ты столь любезна раскрыть страшную тайну, которая тебя так терзает?

Помолчав немного, Лори ответила:

— Все равно это бесполезно, Джини. Я не могу... И пойми, так будет лучше для тебя самого.

— Интересно, каким образом мне будет лучше, если я уже чуть не спятил от твоих недомолвок? Как только тебе в голову могло прийти, что наша свадьба невозможна? Ты просто втемяшила в свою башку эту чушь. И почему мы действительно не можем спокойно пожениться? Что нам мешает? Может быть, ты отбывала в тюрьме срок за какое-то страшное преступление? Или у тебя особый набор хромосом? Но я просто не нахожу причину, по которой наша свадьба могла бы не состояться.

И снова Лори замолчала, теперь уже надолго. Наконец, она выдавила из себя:

— Люди племени убасти... другие... они не похожи на всех остальных. В этом-то и дело.

— Почему другие? Как меннониты¹, что ли?

— Ну... отчасти ты прав. Религия тоже играет не последнюю роль.

¹ Меннониты — последователи одного из течений в протестантизме, проповедующие примирение с действительностью, отказ от насилия и т. д.

— И что же? Если я задумаю жениться на тебе, то могу поменять и веру. Итак, я становлюсь протестантом. Что дальше? Почему теперь я не могу превратиться в этого... как ты себя называешь... убасты?

— Это исключено. Ты никогда не сможешь стать одним из нас.

Джини внимательно следил за дорогой, приближаясь к центру города. Стало совсем темно, и машины, вспыхивая белыми и красными огоньками, проносились мимо.

— Если быть до конца честным,— заговорил Джини,— то я, признаться, ровным счетом ничего не слышал о племени убасты. Конечно, подобное признание звучит странно из уст человека, работающего в Госдепартаменте, но, к своему стыду, я вынужден сказать об этом.

Лори ничего не ответила. Он скользнул взглядом по девушке и сразу же понял, что та не в настроении обсуждать ни религию, ни обычаи своего племени. Итак, разговор на эту тему закрыт.

Минут двадцать они ехали молча, а потом Лори нарушила тишину:

— Мы только что проскочили поворот к моему дому. Ты что, не заметил?

— Заметил. Я просто подумал, что сейчас самое время отправиться ко мне в гости и пропустить по рюмочке на сон грядущий. Тебе бояться нечего, я не собираюсь предлагать тебе руку и сердце, я ведь обещал.

— Но я сказала маме, что вернусь до десяти,— заволновалась вдруг Лори.

— Ну так что же? Сейчас еще и восьми нет. У нас уйма времени,— успокоил ее Джини.

— Но правда, Джини, мне бы лучше...— начала было Лори, но Кейлер махнул рукой, пресекая любые возражения.

— Нет уж, на этот раз тебе придется поступить так, как я хочу. Мы едем ко мне, там я сварганю чудесный коктейль из martinis и водки — целый кувшин, потом на скорую руку состряпаю салат и поджарю гамбургеры. Мы поставим Моцарта и в тихой непринужденной обстановке побеседуем о тебе и обо мне — короче, о нас.

— А может быть, я все же на секундочку заскочу домой и скажу маме, что вернусь попозже? — спохватилась Лори.

— Забудь о ней хоть на некоторое время,— посоветовал Джини.— Думай лучше о том, что тебе всего двадцать лет, ты прекрасна, а вечер только начинается.

— Но...

— Все. Ты уже о ней забыла. Это приказ солидной шишки из Госдепартамента.

Лори улыбнулась.

— Ну хорошо, мистер Шишка. Я сдаюсь. Слава Богу, мне не приходится затевать с тобой дипломатические шашни, ведь я бы все равно проиграла. Ты кого угодно за пояс заткнешь.

Джини усмехнулся.

— Что ты, Лори. Ты-то никогда не проиграешь. Ни мне, ни кому другому. Пора бы тебе отстегнуть булавку, которой матушка приколотла тебя к своей юбке, и почувствовать, что в этом мире ты — победительница и настоящая львица.

Оказавшись в квартире Кейлера, они распределили обязанности. На долю Лори выпали гамбургеры и салат, а Джини предстояло немедленно заняться коктейлями. Он проводил Лори на кухню, которая тут же пришлась до душе девушке: ярко-оранжевые полки и резные шкафчики в современном стиле радовали глаз. Лори моментально освоилась здесь, в мгновение ока отыскав нужные тарелки, баночки со специями, столовое серебро,— все, что было ей необходимо для приготовления пищи. Джини тем временем достал большой стеклянный кувшин и, до половины наполнив его льдом, отправился в гостиную, где находился бар.

— Как, наверное, здорово иметь свою собственную отдельную квартиру прямо в центре города,— восхищенно призналась Лори.

— Меня, во всяком случае, это устраивает,— обронил Джини, выходя из кухни.

Приготовив коктейль, он вернулся в кухню. Лори уже подготовила гамбургеры и теперь разогревала духовку. Джини подкрался сзади и неожиданно обнял ее, зарывшись лицом в гриву пушистых волос.

И в тот же момент почувствовал, как напряглось ее тело.

— Джини! — вспыхнув, едва слышно промолвила Лори.— Отпусти.

Но он коснулся губами ее щеки.

— Почему? — как ни в чем не бывало произнес Кейлер. — Мне очень приятно.

— Ну я прошу тебя! — дрожащим голосом произнесла Лори. — Отпусти немедленно!

Джини разжал объятия, чувствуя себя до глубины души оскорбленным.

— Я просто хотел быть с тобой нежным и ласковым, — объяснил он. — Разве нежность — это преступление? Или твоя вера не допускает ее?

— Джини, ну прости меня... Просто... когда ты ко мне прикасаешься... я начинаю нервничать.

— Послушай, я ведь не каменный и тоже начинаю немного нервничать. Но ведь это ощущение из приятных. Разве нет?

Девушка резко повернулась к нему. Она была высока и изумительно грациозна в своих движениях. Каждый раз, когда Лори заглядывала ему в глаза, Джини осознавал, как нестерпимо ему хочется близости с ней. Глазищи ее сверкали, а влажные губы поблескивали и казались такими мягкими и влекущими... Ее умопомрачительная грудь находилась всего в нескольких дюймах от Джини, а стройные ноги казались еще длиннее оттого, что были обуты сейчас в высокие кожаные сапожки. А этот странный головокружительный аромат, неизменно исходящий от Лори! Волны терпкого, восхитительно-го запаха обволакивали и возбуждали Джини, стоило ему только приблизиться к девушке.

— Джини, — вдруг заговорила Лори. — Ты же знаешь, что очень нравишься мне.

— Ну и отлично, — оживился Кейлер. — Это прекрасно. Если тебе не хочется торопить события, то я молча удаляюсь.

— Джини, я имею в виду совсем другое.

Усмехнувшись, Кейлер облокотился на резной шкафчик и приготовился выслушать Лори.

— Неважно, что ты имеешь в виду, — так и не дождавись объяснений, начал рассуждать Джини. — Ты сейчас здорово нервничаешь, и это вполне можно понять. Попробуй расслабиться, забыться, выпей коктейль, а может, и парочку. Вот тогда ты почувствуешь себя более свободно, оковы спадут, и все произойдет само собой, а ты даже не заметишь, как.

Лори молча отвернулась.

— Ну, давай же,— подбадривал ее Джини.— Ты сейчас сварганишь пару гамбургеров по своим особым рецептам, мы пройдем в гостиную и начнем беседовать как самые настоящие взрослые люди.

— Ну хорошо,— прошептала она.— Прости, если я тебя обидела.

Он потянулся к ней, и девушка слегка пригнулась, так, чтобы он смог поцеловать ее в лоб.

— Ты не подумай, что я... ну, в общем, фригидная или что-то в этом роде,— быстро заговорила Лори.— И выбрось из головы мысль, будто я не смогла оценить тебя по достоинству. Ты очень привлекательный мужчина. Правда. Даже очень привлекательный.

— Ну вот и чудесно,— восторженно воскликнул Джини.— Не надо больше ничего говорить.

Лори взяла его ладонь в свои руки и крепко сжала ее.

— Ну, пожалуйста, пойми меня правильно. Я еще никогда не ходила на свидания и не оставалась наедине с мужчинами, не считая, разумеется, отца. И уж тем более мне ни разу не приходилось раздеваться в чьем-либо присутствии.

— Я тебя понял,— просто ответил Джини.— Так как насчет того, чтобы нам все же поужинать?

— Ну конечно. Сейчас я все сделаю.

Услышав такое обещание, Кейлер поднес ее ладони к своим губам и поцеловал, а потом направился в гостиную, чтобы разлить коктейли в бокалы. Лори занялась гамбургерами. Она достала из холодильника яйца, отыскала репчатый лук и загремела кастрюлями. А Джини, набравшись терпения и уютно устроившись в своем любимом кожаном кресле, принялся наблюдать за ходом футбольного матча, предварительно выключив в телевизоре звук.

— Бьюсь об заклад, что ты приготовишь сейчас что-то фантастическое,— крикнул он, устраиваясь поудобнее в кресле.

Из кухни раздался веселый смех.

— Вот ты лучше сначала отведай мою стряпню, и уж только потом нахваливай!

Тем временем на футбольном поле завязалась настоящая рукопашная битва, и Джини, потягивая коктейль,

пытался разобраться, кто же виноват в этой потасовке. Ерзая в кресле, он растирал затекшие мышцы. Да, сегодняшний пикничок удался на славу, несмотря на замученные резиновые отбивные. Но провести весь день в светских беседах... Непринужденно поддерживать любую тему и при этом неизменно блистать остроумием как среди врачей, так и в компании банкиров, всегда казалось Джини занятием несколько утомительным. И сейчас, утлая в своем мягком кресле, с бокалом в руке, Джини равнодушно следил за игроками на голубом экране. Он чувствовал, как усталость вытекает из его тела, и оно снова наполняется энергией и жизненной силой.

— Эй, там, на кухне! — снова крикнул Джини. — Я умираю от голода! Чем быстрее ты приготовишь гамбургеры, тем лучше. Не надо так долго колдовать над ними, если это, конечно, возможно.

Футбольный инцидент был, наконец, исчерпан. Судья что-то сказал, и часть болельщиков на трибуне возбужденно зааплодировала, выкрикивая что-то. И лишь несколько минут спустя Джини осознал, что на кухне воцарилась подозрительная тишина — теперь оттуда не доносилось ни грохота кастрюль, ни шипения скворчащих гамбургеров. Джини напряг слух, но, кроме Моцарта, в квартире не раздавалось ни звука.

— Лори? — неуверенно позвал он.

Не получив ответа, Джини нахмурился и, отставив свой бокал на журнальный столик, поднялся. Потом на цыпочках подошел к кухонной двери. Взявшись за ручку, он уже собрался было распахнуть дверь. И тут Кейлер услышал странные звуки, доносившиеся из кухни. Ему вдруг показалось, что за дверью находится какой-то зверь, грызущий кости. Джини в замешательстве отпрянул от двери. Взгляд его упал на замочную скважину. Не раздумывая, Кейлер приник к ней.

То, что происходило за дверью, настолько потрясло Кейлера, что по его телу мгновенно поползли мурашки. Посреди кухни стояла Лори и держала целую пригоршню сырого фарша. Она с жадностью запихивала его себе в рот, и струйки крови стекали по подбородку на ее шею и грудь, кровь капала и с пальцев. Глаза девушки были закрыты, и хищное выражение лица наводило на мысль о звере, настигшем свою жертву и теперь пожирающем живую плоть.

Глава четвертая

Джини почувствовал нестерпимое желание рвануть на себя дверь и застигнуть Лори врасплох. Но в этот момент девушка бросила на разделочную доску остатки недоеденного фарша и вытерла рот рукой. Каким-то внутренним чутьем Джини понял: если он вот так вдруг явится сейчас перед ней и расскажет, что ему довелось наблюдать, это перечеркнет все его шансы сблизиться с Лори.

В чем бы ни состояла ее тайна — нельзя было торопить события. И уж тем более нажимать на Лори. Джини вдруг вспомнил слова Питера Грейвса. Жизнь Лори, по ее собственному мнению, находилась в руках некоего злого и непреклонного рока. Так что единственным выходом из создавшегося положения оставалось смириться с этой вымысленностью и довести дело до логической развязки, женившись на Лори.

Ну а по большому счету, неужели действительно произошло что-то из ряда вон выходящее? Ну, съела девушка немного сырого фарша. Да ведь и сам Джини не раз пробовал в ресторане отбивные с кровью. Может быть, у египтян вообще своеобразные вкусы. То, что для них кажется обычным, американца ставит в тупик.

Джини на цыпочках вернулся в гостиную и отхлебнул глоток коктейля. Он задумался было над происшедшим, но очень скоро понял, что особых причин для волнения нет. Пластинка кончилась, и когда проигрыватель автоматически выключился, Джини услышал долгожданное скворчание гамбургеров. Он потрянул головой, удивляясь, как вообще могли выбить его из колеи подобные пустяки. Направившись к проигрывателю, Джини решил сменить пластинку и послушать Дебюсси.

— Как там у тебя дела? — крикнул он. — Помощь не требуется?

— Нет, спасибо, — звонким голосом отозвалась Лори. — Я уже заканчиваю салат. Потерпи еще немного. Скоро все будет готово.

Джини снова уселся в кресло и вытянул вперед ноги. Вспоминая слова Питера о необходимости жениться на Лори, он теперь то и дело представлял себе эту свадьбу. Однако подсознательно Кейлер пытался найти ка-

кой-нибудь другой, менее решительный выход. Если бы кто-нибудь еще неделю назад только заикнулся о его женитьбе, Джини рассмеялся бы этому человеку прямо в лицо. Однако теперь внутренний голос постоянно твердил Кейлеру: «А почему бы, собственно говоря, и не жениться? Лори настоящая красотка, дочь иностранного дипломата. А кто, как не Лори, подойдет на роль миссис Кейлер?» Джини даже мысленно произнес «Лори Кейлер», и ему показалось, что подобное сочетание звучит довольно приятно.

Дверь в кухню, наконец, распахнулась, и на пороге появилась Лори с подносом в руках. Джини взволнованно скользнул взглядом по ее подбородку и шее, пытаясь обнаружить следы крови, но ничего не заметил. Лори, как всегда, выглядела безупречно. А уж когда девушка, поставив поднос на журнальный столик, присела рядом и лицо ее засветилось счастливой улыбкой, Джини вовсе позабыл обо всем на свете. Последние сомнения мгновенно рассеялись.

Джини приподнял верхнюю часть булочки и произнес:

— Странно, они получились такие маленькие. Помому, у меня в холодильнике лежала куча фарша.

— Какие получились, такие и получились,— не дрогнув, парировала Лори, накладывая ему в тарелку салат из свежих овощей: помидоров, лука и зелени.— Но больше я фарша там не обнаружила.

Джини неопределенно пожал плечами.

— Ну что ж,— примирительно обронил он.— В любом случае мне не помешает ограничиться в еде и последить за своей фигурой.

Слушая пластинку, они уплетали гамбургеры с салатом. Затем Лори отнесла поднос с тарелками на кухню и вымыла посуду. Пока она вытирала ее, Джини притушил свет в гостиной, создавая интимную обстановку, и еще раз наполнил бокал Лори. Разумеется, Кейлер не мог знать наперед, как далеко зайдут сегодня их отношения. Но он прекрасно отдавал себе отчет в том, что под лежащий камень вода не течет.

Стоило Лори появиться на пороге, Джини тут же протянул ей стакан со словами:

— На этом твои хлопоты по ведению домашнего хозяйства заканчиваются. Теперь пришла пора и отдохнуть.

— Но мне нельзя здесь долго оставаться. Мама начнет волноваться.

Однако Джини и слышать ничего не желал. Он похлопал ладонью по пуфику, приглашая девушку присесть:

— Устраивайся как дома. И хватит нервничать по поводу мамы. Как, ты думаешь, она сумела познакомиться с твоим отцом? А потом еще умудрилась и тебя произвести на свет? Наверное, она-то не сбегала от него к твоей бабушке.

Лори послушно уселась рядом. В тусклом свете волосы ее отливали бронзой, а губы блестели, словно она то и дело облизывала их. В квартире было достаточно тепло, и девушка расстегнула пару пуговиц на своей курточке, так что теперь Джини видел ее золотую цепочку и даже краешек загадочного кулона-пирамидки. Лори сидела довольно близко, и Джини, вдыхая аромат ее духов, ощущая тепло ее тела, вновь осознал, что любит эту девушку.

— Моя мать повстречалась с отцом в городе Тель-Беста, в Египте,— сообщила Лори.— Сейчас там одни развалины, но наше племя родом именно оттуда.

— Ты имеешь в виду современные развалины или древние? — оживился Джини.

— Конечно, древние,— спокойно ответила Лори.— Они древнее пирамид. И даже старше самого сфинкса. Кейлер потянулся за сигаретой.

— Значит, твой род такой древний — как он называется... племя убасти?

Девушка кивнула.

— Город Тель-Беста, откуда ведет начало мой род и где обитали люди моего племени,— с гордостью возвестила она,— раньше назывался Бубастис и существовал еще во времена правления Рамзеса.

Джини прикурил сигарету и чуть было не зашелся в приступе кашля, услышав такую потрясающую информацию.

— И ты можешь проследить корни своего рода?

Лори снова кивнула.

— А когда он, собственно говоря, правил... этот... ну, Рамзес? Что-то у меня плоховато с историей древнего Египта.

Лори не спеша потягивала коктейль.

— Одна тысяча триста лет до Рождества Христова,— сообщила она.

У Джини от неожиданности открылся рот.

— Да ты просто шутишь! Неужели можно проследить свою родословную за столько веков! Это же невероятно.

Но Лори только улыбнулась.

— На самом деле ничего сложного в этом нет. Просто люди в той части Египта никогда не кочевали, сохраняя свои места обитания. Там можно встретить феллахов, лица которых очень похожи на изображения, покрывающие стены древних гробниц. И вовсе не удивителен тот факт, что они как раз и являются прямыми потомками зодчих, возводивших эти гробницы. Ведь браки между близкими родственниками у них считались в порядке вещей. Так что приток посторонней крови практически отсутствовал, вот поэтому их лица, не меняясь, словно застыли на долгие века.

Джини в недоумении откинулся на спинку своего огромного кресла:

— Знаешь, что я тебе скажу? Я могу проследить свою родословную вплоть до того шотландца, который иммигрировал во Флориду в 1825 году, и я всегда нескладанно гордился этим фактом. Но, послушав тебя, я вдруг понял, что у меня вообще и родословной-то никакой нет.

Лори опустила глаза.

— Богатая родословная совсем не означает, что она должна быть хорошей,— холодно возразила она.

— Что ты хочешь этим сказать? Что у тебя не Бог весть какие предки? Что же они такого натворили?

Лори окинула Джини внимательным взглядом и продолжала:

— Моих предков не особенно жаловали даже на их родине. Феллахи боялись и никогда вслух не называли их. Наверное, это продолжается и сегодня.

— Ну и что же в этом плохого? — удивился Джини.

— Ты даже не представляешь себе, как это может

быть оскорбительно, когда название твоего племени бо-
ятся произнести вслух, а говорят о нем, как о чем-то не-
определенном. Феллахи — большие мастера по части ос-
корблений. Они могут часами костить тебя на чем свет
стоит, ни разу не повторяясь в эпитетах. А мой народ
они никогда не называли «убасти», и это самая высшая
степень презрения, на которую они только способны.

Джини протянул к ней руку и нежно погладил по во-
лосам. Они были мягкими и пушистыми, но на вид ка-
зались гораздо жестче. В полумраке копна ее волос по-
ходила на золотистую дымку. И тут сверкающий рыже-
ватый ореол что-то напомнил Джини. Но что? Ощуще-
ние это так же внезапно покинуло Кейлера.

— И у нас в Америке сколько угодно случаев на-
следственных распрей, — попытался успокоить ее Джини.

— Я знаю, — заверила Лори. — Но это совсем дру-
гое. Потому что здесь дело не во вражде. Они просто
боятся.

— Боятся? Неужели твои предки были такими
страшными, что крестьяне опасались даже их имя вслух
произносить?

Джини нежно провел пальцами по ее щеке. И Лори
теперь уже не отводила от Кейлера взгляда. Она уста-
вилась на него своими зелеными внимательными глаза-
ми. Зрачки ее в темноте стали расширяться, но Джини
удивило другое: казалось, что девушка вообще не мор-
гает. Кейлер почувствовал, как она напряжена и только
благодаря усилию воли старается держаться свободно.
С каждой минутой Джини все острее ощущал, что те-
перь напряжены все ее мышцы, переполненные какой-
то внутренней энергией. «Лори не просто смотрит на ме-
ня, — мелькнуло в голове Джини. — Она наблюдает за
мной. Она выслеживает меня, не упуская из виду ни еди-
ного моего движения».

— Мне не следовало бы столь пренебрежительно от-
зываться о своих предках, — вдруг заговорила Лори. —
Даже если они и умерли две тысячи лет тому назад. Все
равно это несправедливо по отношению к ним.

— А мне показалось, — возразил Джини, — что они
умерли только вчера. Ты о них так живо рассказываешь.

Девушка не спускала с него глаз, теперь она засты-
ла как изваяние.

— Это потому, что мы часто говорим о них дома, почти каждый вечер,— пояснила Лори.— Мама не хочет, чтобы я забыла свое египетское происхождение. И хотя она любит Америку, она все равно хочет, чтобы я помнила про Египет.

— Ну, а сама-то ты как считаешь? Может, тебе лучше забыть о нем?

— Нет,— чуть слышно отрезала Лори.— Я не имею права их забыть. И не хочу. Их существование просто трудно переоценить.

Джини нежно коснулся ладонью шеи девушки, пытаясь успокоить Лори, потом провел пальцем по мочке уха. Еще недавно Лори противилась каждому его прикосновению, однако постепенно стала привыкать к безобидным ласкам и теперь чувствовала приятное умиротворение. А когда Джини утопил ладонь в ее густых волосах, девушка вдруг осознала, что напряжение куда-то улетучивается. Глаза Лори, еще несколько секунд назад так внимательно следившие за каждым его движением, начали постепенно закрываться.

— Тебе нравится? — полюбопытствовал Джини и сам удивился своему вопросу. Ведь это было так очевидно.

— Да, мне приятно,— потянувшись, промурлыкала девушка.

Наконец последние признаки напряжения исчезли, и Лори полностью расслабилась.

— Лори,— прошептал Джини, с наслаждением проводя пальцами по ее волосам.

— Что? — томно откликнулась Лори, не открывая глаз.

— Лори, мне надо сказать тебе кое-что, и это очень серьезно.

Лори погрузилась в сладкую дрему и не обратила внимания на его слова, казалось, она вот-вот замурлыкает от удовольствия.

— Тогда говори,— милостиво разрешила Лори.

Джини никак не мог оторвать восхищенный взгляд от ее лица, длинных изогнутых ресниц, нежных смежных век, закрывавших сейчас чудесные изумрудные глазницы.

— Я знаю, ты, наверное, решишь, что я совсем чокнулся. Я и сам не думал, что со мной может случиться подобное. Джини Кейлер — можно сказать, известный политик, понимаешь? Ведь люди такого уровня обычно становятся неисправимыми циниками. Но вот я-то как раз и попался на твою удочку, должен в этом сознаться. Так что надеюсь на логическое завершение нашего свидания, ну, может быть, не сегодня, а завтра или когда-нибудь еще... Чему быть, того не миновать, и я вот подумал... а почему бы тогда не сегодня?.. Расскажу-ка я тебе, что сейчас со мной происходит, идет?

Полностью отдавшись его ласкам, Лори нежно потерлась головой о его пальцы, подставляя ему свое ухо, чтобы Джини пощекотал за ним.

— Лори,— тихо произнес Джини.— Я люблю тебя.

Девушка мгновенно замерла, и наступила тягостная пауза.

Глаза Лори постепенно раскрылись. Собравшись с духом, Джини теперь старался вложить в свой взгляд всю уверенность, на которую только был способен. Лори должна оценить его откровенность и понять те высокие и прекрасные чувства, которые он испытывает к ней и в которых только что признался.

— Ты... ты любишь меня? — удивилась Лори, не веря своим ушам.

— Да,— кивнув, вздохнул Джини.

Она отвела взгляд, и на ее лбу внезапно обозначилась морщинка, выражающая недовольство.

— Джини,— решительно начала Лори,— нельзя так говорить. Ты не имеешь права.

Он резко отстранился от нее.

— Что значит «не имею права»? Кто устанавливает эти права? Сердцу не прикажешь. Я по уши втюрился в тебя, и теперь мне наплевать, нравится это кому-нибудь или нет. Это свершилось, Лори.

— Джини...

— Нет уж, хватит,— взорвался он.— Я уже по горло сыт всяческими недомолвками и извинениями. Мне обрыдла твоя таинственная белиберда. То я не должен просить тебя выйти замуж — только вот почему — непонятно, то я не должен влюбляться — опять-таки по неведомым мне причинам. Если ты и в самом деле чего-

то боишься, почему бы не сказать об этом напрямик? Я уже взрослый и вполне самостоятельный мальчик, Лори. И достаточно вырос для того, чтобы полностью отдавать себе отчет в том, чего я хочу, а хочу я только тебя. И мне начхать на твое прошлое — может быть, ты отмотала срок в тюрьме, или тебя в детстве изнасиловали, или в психушке восстанавливали твою поехавшую крышу... Пойми, мне все это совершенно безразлично.

Лори широко распахнула от изумления глаза.

— Так ты думаешь, что меня изнасиловали? Или я была в тюрьме? Джини, я перестаю понимать тебя!

Кейлер вскочил и нервно зашагал из угла в угол.

— Лори, я уже не знаю, что и подумать. Ты мне так понравилась с первого взгляда, и я понравился тебе. Казалось бы, чего еще желать! Сам Бог велел нам встречаться, ходить вместе по гостям, целоваться и... ну, короче, делать все, чем обычно занимаются люди, которые друг другу симпатизируют, но каждый раз, стоит мне задумать что-нибудь в этом роде, ты останавливаешь меня и сводишь на нет всяческое начинание... не забывая напомнить, чтобы я держался от тебя на почтительном расстоянии.

Джини снова опустился на кресло рядом с ней и осторожно взял ее руки в свои.

— Я прекрасно понимаю, что ты вела довольно замкнутый образ жизни, и, естественно, тебе трудно вот так сразу перестроиться и начать регулярно встречаться с мужчиной. Но, дорогая моя, ты молода, красива, и тебе грешно навечно похоронить себя в золотой клетке, пойми. Рано или поздно в тебе проснутся здоровые инстинкты, тебе захочется иметь постоянного партнера — неважно, будет ли это законный брак или просто совместная жизнь. И вот тогда настанет пора позабыть свои девичьи фантазии и трезво взглянуть на вещи.

— Фантазии? — смущенно повторила Лори. — Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Кейлер тяжело вздохнул.

— Ну, перестань, Лори. У кого их нет в твоем возрасте! Я же все понимаю. Девушка впервые идет на свидание с мужчиной. Какие мысли у нее в голове? Смогу ли я пустить пыль ему в глаза? Достаточно ли я строга с ним? Ну, строгости в тебе хоть отбавляй, а что каса-

ется пыли в глаза... Ведь у каждого человека в большей или меньшей степени присутствует воображение. Тебе здесь тоже не занимать стать. Вот и начинаются всяческие недомолвки и намеки. Все это смахивает на мелодраму. Когда мне было лет пятнадцать, я встречался с одной девочкой на два года моложе. Так вот, она довольно увлекательно рассказывала мне о своем отце, который, по ее словам, был известным пианистом. Однажды в их доме якобы вспыхнул пожар, и, спасая от огня свою дочурку, папаша здорово подпалил свои пальцы, вылечить их не смог ни один доктор. Так и остался папочка калекой, и о музыкальной карьере ему пришлось забыть навсегда. Как потом выяснилось, обожженный папаша изначально трудился в хлебопекарне, ни сном ни духом не ведая ни о гаммах, ни о бемолях, а весь его музыкальный талант сводился к насвистыванию пошлых песенок.

Лори терпеливо, не перебивая, выслушала Кейлера.

— Джини,— спокойно начала она, когда рассказ закончился,— мне кажется, будет лучше, если наше первое свидание станет и последним.

— Ты пришла к выводу, что я тебе не нравлюсь, да?

— Нет, дело совсем не в этом.

— Значит, я все-таки тебе нравлюсь?

— Да. Но именно это и волнует меня больше всего,— заявила девушка.

Джини снова протянул к ней руку и нежно погладил по щеке. В глазах Лори застыло полное отчаяние, оно ставило в тупик бедного Джини. Девушка взяла его руку и, поднеся к губам, поцеловала ее.

— Дело в том, Джини, что я тоже люблю тебя.

Кейлер решил было, что ослышался.

— Ты, наверное, шутишь надо мной, Лори? — пробормотал он.— Скажи, Бога ради, что это не шутка.

— Я не шучу,— прошептала девушка.— И мне кажется, это называется «любовь с первого взгляда».

Джини ухмыльнулся.

— Что касается меня, то это скорее всего любовь с первого укуса.

Лори подняла голову. Она с трудом сдерживала слезы, внезапно навернувшиеся на глаза. Пытаясь не заплакать, она трогательно зашмыгала носом.

— Я полюбила тебя сразу, как только увидела,— призналась Лори.— Конечно, у меня раньше никого не было, и поэтому все случилось так неожиданно... Может быть, я повела себя словно ребенок, как только дело коснулось настоящей любви. Но тут уж ничего не изменишь, и ты должен принимать меня именно такой, какая я есть. Я люблю тебя, Джини, и больше тут добавить, пожалуй, нечего. Я очень люблю тебя.

— Лори...— горячо прошептал Кейлер и, прижав ее к себе, поцеловал.— Лори, какого черта ты держала все это в себе и не рассказала мне раньше?..

Не в силах больше сдерживаться, девушка дала волю своим чувствам, и слезы мгновенно хлынули ручьями из ее глаз.

— Я не могла признаться тебе, потому что моя любовь обречена. Это не может продолжаться долго. Я сама не допущу. Иначе тебя ожидает страшная судьба.

Джини вынул из кармана носовой платок и с нежностью промокнул слезы на ее щеках.

— Опять ты затинула свою старую песенку,— укоризненно попрекнул он Лори.— Что должно случиться? И чего ты не допустишь? Какая еще страшная судьба? У меня уже голова кругом идет от твоих бесконечных загадок.

Девушка достала свой платок и, высморкавшись, начала понемногу успокаиваться.

— Я ничего не могу тебе больше сказать,— виновато произнесла Лори.— Ни сейчас, ни потом. Никогда.

Кейлер выхватил из пачки очередную сигарету и нервно закурил. Ему пришлось сделать одну за другой несколько глубоких затяжек, чтобы расслабиться.

— Никогда? Даже после того, как мы поженимся?

Девушка побледнела как полотно и молча уставилась на Кейлера.

— Я прошу тебя, Джини,— нарушила, наконец, Лори затянувшуюся паузу. Голос ее дрожал.— Ты клялся, что никогда не заикнешься об этом. Ты ведь дал клятву.

Джини попробовал было обратить все в шутку и улыбнуться, но улыбка вышла какая-то натянутая и неуверенная.

— А ты, случаем, не запамятовала, что я политик? А у нас, политиков, есть чудесное свойство забывать о своих клятвах и нарушать их.

* * *

В понедельник Кейлер пытался дозвониться до Лори, но трубку никто не снимал, и гудки показались Джини какими-то холодными и враждебными. Тогда Кейлер связался с общим отделом банка, и дежурный сообщил, что Лори Сэмпл не явилась сегодня на работу, а ходить да узнавать, в чем дело, у него времени нет. И так своих забот выше крыши.

Генри Нессу приспичило именно сегодня засадить Кейлера за подробный отчет о политической структуре на трех островах Карибского моря, и все утро Джини прилежно корпел над отчетом, копаясь в документах и собирая статистические данные о производстве сахара и отгрузке бананов.

А в голове его то и дело вспыхивали воспоминания о субботнем вечере, когда он отвез заплаканную Лори домой. Она, правда, позволила ему еще несколько поцелуев, но вечер все равно казался каким-то смазанным, и Джини уже начал сомневаться в том, что Лори снова захочет встретиться с ним. Девушка наотрез отказалась говорить о любви и браке, а вдобавок ко всему еще и заявила, что в ближайшее время будет безумно занята и не знает, когда сможет выкроить часок-другой для встречи с Кейлером.

Джини так здорово разнервничался, что, вернувшись домой, в несколько глотков осушил кувшин с коктейлем прямо из горлышка.

— Тебя Уолтер разыскивает,— прервала его мысли Мэгги.— Он не в восторге от твоего последнего отчета.

Не поднимая глаз, Джини закурил и отметил про себя, что это уже пятнадцатая сигарета за день.

— Если Уолтера что-то не устраивает в моем отчете,— вспыхнул он,— пусть сам явится сюда и скажет мне об этом лично.

— Какая муха тебя укусила? — нахмурилась Мэгги.— Забастовка?

— Нет,— буркнул Джини.— Просто сегодня понедельник — день тяжелый, а впереди еще целая рабочая неделя.

Мэгги покосилась на пачку нераспечатанных писем, за которые Кейлер еще даже и не садился, и ядовито заметила:

— Ясненько. Девочка оказалась не такой покладистой, как ты предполагал?

Кейлер нацарапал на полях какого-то документа очередную колонку бесконечных цифр.

— Что-то вроде этого. Ее тайны в один прекрасный день просто доконают меня. Ну и как, удовлетворил я твое любопытство?

— Не понимаю, что с тобой творится.

Кейлер откинулся на спинку своего крутящегося кресла и потянулся. Потом взглянул в окно. Тяжелые тучи сгустились на горизонте, предвещая близкую грозу. А в конторе, несмотря на ранний час, уже включили свет, отчего настроение Джини совсем упало — он то и дело ловил себя на мысли, что уже вечер и отдых не за горами.

— Если тебя это, конечно, волнует, я капитально запутался, — грустно продолжал Джини. — Она уверяет, что любит меня, сама же не позволяет даже объятий, а уж мои поцелуи переносит с таким стоическим выражением лица, будто я ее пытаю. Когда я теперь увижу Лори... Я спросил, отчего все у нас так происходит, а она снова за свою старую песенку, мол, это тайна, выдать которую — значит обречь меня на страшную опасность.

— Неужели она так сильно запала в твою душу, что ты не можешь плюнуть на все это и подыскать более сговорчивую кандидатуру? — опешила Мэгги.

— Как это?

— Да очень просто. Меня изумляет, с каким спокойствием ты сносишь все ее выходки. Это на тебя так непохоже...

— Сам диву даюсь, — признался Кейлер и вздохнул. — Она мне действительно очень нравится. Скорее всего я влюблен, причем безнадежно.

— Даже так.

— Ну не принимай это так близко к сердцу, Мэгги, — спохватился Джини, заметив, что она расстроилась от его слов. — Ты ведь сама говорила, что так рано или поздно случится. Правда?

— Верно,— грустно улыбнулась Мэгги.— Просто я не хочу, чтобы ты страдал.

— Мэгги, мне уже тридцать два года. Пора и за ум браться.

— Ты без конца напоминаешь мне о возрасте, Джини. Это уже смахивает на бестактность.

Джини не мог сдержать смеха.

— Ну-ка, убирайся отсюда, пока я не женился на тебе,— попробовал он отшутиться.

Мэгги уже собралась было покинуть кабинет, как вдруг раздался телефонный звонок, и Джини снял трубку.

— Мистер Кейлер? — раздался голос дежурной.— Вас просят к телефону. Какая-то женщина по фамилии «Сампл» или что-то вроде того.

Сердце у Джини учащенно забилося, когда он вдруг сообразил, что звонит, по всей видимости, мать Лори. Миссис Сэмпл разговаривала с сильным французским акцентом, вот почему дежурная девушка не совсем правильно расслышала фамилию.

— Ну хорошо,— неуверенно произнес Джини.— Я поговорю с ней. Соедините, пожалуйста.

Голос миссис Сэмпл звучал совсем близко, и Джини даже почудилось, будто она стоит рядом и нашептывает ему на ухо. Уверенная и искренняя интонация завораживала: так разговаривала его собственная мать.

— Джини? Здравствуйте. Ну как, заживает ваше плечо?

— Добрый день, миссис Сэмпл. Все в порядке, спасибо. Вы просто дока по части наложения швов. Интересно, что помешало вам стать профессиональным хирургом?

— Подобная процедура не Бог весть какая сложная. Меня научил врач, это было давно, когда я жила в Турции. Думаю, вы переоцениваете мои способности, не исключено, что шрам все-таки останется.

— Ничего страшного, шрамы украшают мужчин. А как дела у Лори? — поинтересовался он.

— С ней все в порядке,— сообщила миссис Сэмпл.

— Правда? Мне сказали, что она сегодня не вышла на работу, и я начал беспокоиться...

— Так вы звонили в банк? — оживилась мать Лори. — Ничего страшного. Просто она чуточку переутомилась, а так все хорошо. Пусть немного отдохнет. Кстати, я вам звоню как раз по поводу Лори.

Нервно смяв в пепельнице только что прикуренную сигарету, Джини приготовился услышать худшее. Возможно, Лори поручила матери позвонить ему, чтобы посоветовать Кейлеру убираться подальше-подальше. Ну что ж, этого и следовало ожидать. Он уже почти убедил себя в том, что его краткое знакомство с Лори Сэмпл близится к завершению. И ее соблазнительный образ стал постепенно стираться в его памяти.

— Джини, позвольте, я задам вам вопрос, — осторожно ввернула миссис Сэмпл.

— Пожалуйста. Итак, что бы вы хотели узнать?

— Я хотела бы выяснить, вы действительно предлагали Лори выйти за вас замуж?

Джини набрал в легкие побольше воздуха и на одном дыхании выпалил:

— Давайте говорить начистоту, миссис Сэмпл. Вопрос так поначалу не стоял, если вы помните. Но потом все изменилось. Да, действительно я просил ее руки. Но, видимо, переусердствовал или поторопился. Короче, я поступил по-дурацки, но предложение ей сделал. Все точно.

— И Лори вам отказала?

— Да, подобная тенденция в развитии наших отношений наблюдалась. Да, именно таково положение вещей.

— Как я люблю слушать речи политиков! — восхищенно заявила миссис Сэмпл и рассмеялась.

— Мы проходим специальный курс риторики. Так вы мне звонили только за этим?

— Не понимаю вас.

— Вы звонили мне, чтобы узнать про предложение?

— Нет-нет, что вы. Я хотела передать, что Лори согласна.

— Простите... — Джини свободной рукой дотронулся до лба. Пальцы дрожали. — Я что-то не расслышал вас..

— Лори согласна выйти за вас замуж, — чуть громче повторила миссис Сэмпл. — Мне, правда, пришлось провести с ней воспитательную беседу, чтобы она все поняла. И теперь Лори хочет стать вашей женой.

— И это значит...

— И это значит, что вы очень скоро поженитесь! — подсказала миссис Сэмпл.

Джини тупо уставился на трубку, словно та вот-вот должна была превратиться у него на глазах в бомбу или гремучую змею.

— Что случилось? — встрепелась Мэгги. — Говори, что там стряслось? Убили Генри Несса?

Но Джини не слышал ее. Он снова прижал к уху трубку, вцепившись в нее так, что побелели костяшки пальцев.

— Миссис Сэмпл, простите еще раз, но только я что-то не могу никак понять ..

— Понимать тут нечего, — раздался веселый голос матери Лори. — Просто она любит вас и хочет стать вашей женой.

— Но ведь еще пару дней назад Лори уверяла меня, что это никогда не произойдет. Ваша дочь утверждала, что иначе свершится что-то страшное, а она этого не хочет, ну и так далее...

— Это всего лишь воображение молоденькой девушки. Я ее уже пробрала как следует, — возразила миссис Сэмпл, и Джини даже представил себе ее в тот момент. Он почти увидел, как она неодобрительно покачивает головой, осуждая дочь. — Самое главное — Лори обожает вас и хочет всю свою жизнь провести с вами под одной крышей.

— Миссис Сэмпл, все это так неожиданно... — начал было Джини и запнулся, не зная, что говорить дальше.

— Ничего страшного, — ласково произнесла женщина. — Ведь в этом подлунном мире все случается неожиданно. Наше зачатие происходит внезапно, рождаемся мы тоже неожиданно-негаданно, да и умираем так же — вдруг.

— Да, конечно, — согласился Джини. — Наверное, все происходит именно так.

Он уставился куда-то вдаль, а когда разговор закончился, медленно перевел взгляд на трубку и принялся долго и настороженно изучать ее. Джини боялся опустить трубку, словно опасаясь, что та может внезапно сбежать от него.

Они поженились в Мерриаме три недели спустя. День выдался совсем теплый, несмотря на глубокую осень, словно та решила немного подождать ради такого торжества. Все гости, за исключением мрачного Мэтью и миссис Сэмпл, оказались друзьями или знакомыми Джини.

Молодых наскоро обвенчали в церквушке, расположенной неподалеку от усадьбы Сэмплов. Собравшиеся щедро осыпали ступени храма конфетти. «Вашингтон пост» не преминула послать на столь значительное мероприятие своего корреспондента.

Мэгги тоже приехала, но так и не решилась подойти к новобрачным. Она стояла поодаль, утопая по щиколотки в опавшей листве, и горько рыдала.

Свадьбу справляли в ресторане, окна его выходили на Потомак. Друзья и знакомые церемонно подходили к Джини, и каждый считал своим долгом шепнуть на ухо Кейлеру, какой же тот невероятный счастливчик. Затем они все как один принялись за Лори. Девушка просто потонула в море комплиментов. Уолтер Фарлоу, изрядно поднабравшись шампанским, как ни в чем не бывало, заявил Кейлеру: «Конечно, ты женился не на денежном мешке. Ты женился на сиськах!» И, подмигнув, загоготал.

Лори была в роскошном белоснежном платье. Тончайшие кипенно-белые кружева покрывали нежный шелк. Девушка сияла от счастья. Она ни на шаг не отходила от Джини. А для того весь мир покачивался сейчас в тумане. Реальность больше не существовала, и Кейлер не верил в происходящее. Однако ликование Лори передавалось и ему. Джини то и дело обнимал девушку и постоянно целовал ее под восхищенные возгласы собравшихся.

Когда же все гости разошлись, Кейлер с бокалом шампанского уселся на подоконник и молча уставился на мутную поверхность реки.

— Знаешь, что я тебе скажу,— заговорил он наконец.— По-моему, это самый счастливый день в моей жизни.

— А я знаю,— тихо ответила Лори и положила голову ему на плечо.

— Когда-нибудь,— рассуждал дальше Джини, пригубив шампанское,— мы приведем сюда наших детей, усадим их здесь и, глядя на эту реку, я им поведаю, что когда-то давным-давно...

Лори внезапно выпрямилась и отступила назад. Джини удивленно посмотрел на нее и заметил, что девушка напряжена и чем-то взволнована.

— Что такое? Что случилось? — встревожился он.

— Нет-нет. ничего,— поспешно отозвалась Лори и натянуто улыбнулась.

— Ну перестань, милая. Теперь никаких тайн у тебя не может быть. Мы поженились. И ты моя законная супруга. Ну-ка выкладывай, что за камень у тебя на душе!

Лори подошла к нему и поцеловала. Щеки ее размягчились от возбуждения и шампанского.

— Тебе не стоит так переживать,— успокоила она Джини.— Наверное, я просто вымоталась. Надо побыстрее переодеться и отдохнуть. Ты же знаешь, я жутко устаю от подобных пиршеств...

— Ну хорошо. Тогда поехали скорее домой. Мэтью нас отвезет?

Выйдя из ресторана, они сразу же заметили на стоянке черный «флитвуд», за рулем которого сидел Мэтью. Шофер с бесстрастным лицом поджидал молодых. Завидев их, Мэтью вышел из автомобиля и распахнул заднюю дверцу. Лори тут же уютно устроилась на сиденье, а Джини замешкался.

— Мэтью,— обратился он к слуге.— Я думаю, теперь мы должны стать друзьями.

Но тот и бровью не повел. В зеркальных солнцезащитных очках Мэтью Кейлер разглядел лишь свое искаженное отражение. Выпрямившись, слуга стоял и ждал, пока Джини заберется, наконец, в машину, а потом с чувством собственного достоинства захлопнул дверцу и уселся за руль. Автомобиль тронулся, направляясь в сторону усадьбы Сэмплов.

Работы у Джини было хоть отбавляй, и молодые решили первое время пожить в Мерриаме, чтобы Лори не скучала в квартире у Кейлера одна-одинешенька. А ког-

да обстановка в Карибском бассейне нормализуется, Кейлеры присмотрят себе в городе собственный дом. Но перед этим они, разумеется, совершат свадебное путешествие на пару недель. Правда, миссис Сэмпл с ходу сообщила Кейлеру, что в ее доме достанет места и для Джини, и для ее дочери, и, конечно же, для внучки. Так что молодожены могут жить здесь сколько душе угодно.

— Какой такой внучки? — опешил Кейлер. — Я уверен, что первым у нас будет сын.

Но миссис Сэмпл только рассмеялась, услышав подобное заявление.

Миновав дубовую аллею, они затормозили у ворот. Осенние листья шуршали под шинами. Мэтью открыл дверь, и молодожены вышли. Они решили пройти пешком, чтобы немного подышать свежим воздухом. Особняк в глубине сада вновь показался Джини таким же зловещим, как и в первый раз, но теперь Кейлер отбросил мрачные мысли, надеясь, что скоро он привыкнет к этому угрюмому замку. Они поднялись по мраморным ступеням в просторный сумрачный холл, стены которого были увешаны африканскими копьями и старыми пожелтевшими гравюрами, изображавшими диких животных. Черная дубовая лестница вела на второй этаж, а свет, просачивающийся сквозь витражи на стены и ступени, заставлял на них яркими разноцветными бликами.

— По традиции мне следует внести тебя в спальню на руках, — возвестил Джини. Он встал на колени и попытался приподнять Лори. Напрягая силы, он сумел лишь на несколько дюймов оторвать ее от пола. Джини вдруг с ужасом осознал, что подобный рыцарский жест ему не по плечу... Лори, конечно, была высока, но Кейлер даже не предполагал, насколько тяжелыми могут оказаться девушки ее роста. Джини почему-то представил себе огромного неповоротливого зверя, которого ему предстояло тащить на руках.

Задышавшись, он бережно опустил девушку на пол и, смахнув пот, промямлил:

— Похоже, дальше тебе придется добираться собственными силами. Конечно, если хорошенько разобраться, это вовсе и не наш дом. Но прежде, чем мы сошьем собственное гнездышко, я, пожалуй, серьезно займусь спортом, чтобы в следующий раз не ударить в грязь лицом.

— Я-то думала, что вышла замуж за первого политика в стране,— рассмеялась Лори,— а ты, оказывается, самый настоящий слабак!

— Ничего подобного,— наигранно возмутился Джини.— Ты забыла учесть, что, кроме твоего драгоценного тела, мне еще приходится тащить в себе целый обед и два куска свадебного торта!

Мэтью чинно шествовал впереди, неся в руках чемоданы с вещами Кейлера. Наконец они миновали длинный коридор и остановились у темной дубовой двери на втором этаже. Комната соседствовала с той небольшой спальней, где Джини пришел в себя после нападения сторожевых псов Сэмплов. Мэтью отпер дверь и пропустил молодых.

— Чудесная комната. Вот это кровать — настоящий аэродром,— восхищенно присвистнув, воскликнул Джини.

Кровать и в самом деле поражала воображение. Сработана она была из черного дерева, а украшена искусной резьбой и точеными, тоже деревянными, фигурками самых разнообразных животных. Впечатляло и гигантское покрывало, сшитое из шкур зебр.

Обои в спальне были лимонного цвета, на полу раскинут пушистый темно-желтый ковер. Джини обратил внимание и на то, что вся мебель в комнате — антикварная, купленная, очевидно, на дорогих аукционах. Миссис Сэмпл успела получить из Флориды самые изысканные цветы и расставить их по всей спальне, так что восхитительный аромат наполнял теперь комнату.

Мэтью опустил чемоданы и подошел к окну, чтобы раздвинуть шторы. Комната располагалась в юго-восточном крыле особняка. Утром она заливалась солнечным светом. Прямо в окно стучались ветви старых деревьев, а дальше простирались сады и зеленые поляны поместья Сэмплов.

Джини хотел было полюбоваться пейзажем и уже шагнул к окну, но тут вдруг остановился, осознав, что Мэтью не собирается уходить. Слуга стоял как вкопанный и походил на восковое изваяние, вывезенное сюда из музея. Он словно ожидал чего-то.

— Ах да, я совсем забыл про вас,— спохватившись, воскликнул Джини и, порывшись в карманах, извлек десятидолларовую банкноту.— Вот, возьмите. И большое вам спасибо за помощь.

Мэтью не шелохнулся. Он не взял деньги, глядя куда-то в даль, поверх головы Кейлера, однако и то, что они ему не нужны, никак не явствовало из поведения этого истукана.

И вдруг Мэтью заговорил. Голос его звучал хрипло, словно это стоило ему больших усилий. Так говорят больные после серьезных операций на гортани.

— Смитова газель,— прохрипел Мэтью.

Джини нахмурился и, ничего не поняв, повернулся к Лори.

— Что он говорит? — оторопел он.— Мэтью, что вы хотите нам сказать?

Приблизившись к Мэтью, Лори ласково обхватила его за плечи и, улыбаясь, взглянула на мужа.

— Я думаю, дорогой, что Мэтью ничего не хотел нам сказать. Верно, Мэтью? Это была просто маленькая шутка.

Мэтью продолжал внимательно смотреть на Джини. Тогда Лори приказала ему уйти, и шофер, натянув фуражку, резко повернулся и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Ты знаешь, мне кажется, я отчетливо расслышал слова «смитова газель»,— настаивал Джини.— Это что— какой-то вид антилопы?

— Не обращай внимания,— прошептала Лори, одним движением стряхивая с себя прозрачное облако вуали.— Мне кажется, что после изощренных пыток, которым он подвергся в Алжире, Мэтью окончательно свихнулся. Так вроде он ведет себя довольно разумно, однако порой случаются и всякие неожиданности. Как сейчас, например.

Джини улыбнулся и, подойдя к Лори, обнял ее.

— Ну,— тихо произнес он,— и как ты чувствуешь себя в роли миссис Кейлер?

Она кокетливо склонила голову.

— Немножко необычно,— призналась девушка.— Наверное, нужно время, чтобы привыкнуть. Ведь целых двадцать лет меня звали Лори Сэмпл, а вот Лори Кейлер я именуюсь только двадцать минут.

— А мамочка вернется только через полчаса,— ни с того ни с сего воскликнул Кейлер и, внезапно рванувшись к ней, принялся судорожно расстегивать пуговицы на свадебном платье.

Лори в ужасе отшатнулась.

— Полчаса — это же так мало! — воспротивилась она. — Представляешь, что будет, если она вдруг вернется раньше, поднимется сюда и увидит, что мы...

Но Джини опять набросился на Лори.

— Что ж, в таком случае мы закроемся на ключ, — прошептал он и поцеловал ее.

— А тогда она станет подсматривать в замочную скважину, — не сдавалась Лори, остановив на его лице взгляд своих огромных глаз.

Джини кивнул и улыбнулся.

— Разумеется, — согласился он и расстегнул очередную пуговку.

Вздвогнув, Лори схватила его за пальцы.

— Не надо, Джини, не сейчас, — взмолилась она. — Давай подождем до ночи.

— С какой это стати? — возмутился Джини, стараясь держать себя в руках. — Мы же официально женаты. Все сделано согласно закону. Если мы не займемся этим прямо сейчас, то наш брак может быть расторгнут еще до захода солнца. Во Флориде, например, считается плохим признаком, если молодожены не занимаются любовью сразу после того, как уедет последний гость.

— Ну... в общем, я бы не хотела торопиться, — пробормотала Лори и отвернулась.

Джини взял девушку за руку. Ладонь ее оказалась чуть влажной, а кисть бессильно висела, словно плеть. Джини внезапно захлестнула липкая и противная тревога. А что если он женился на фригидной женщине? Разве могут быть иные причины, чтобы откладывать самые восхитительные мгновения на потом? Почему она так упорно не хотела выходить замуж? И как только могло случиться, что Лори осталась девственницей до сих пор? Это с ее-то красотой?

— Лори, — хриплым голосом выдавил Джини, — может быть, ты неважно себя чувствуешь?

— Нет, со мной все в порядке, — бодро заявила девушка. Она внезапно побледнела, и Джини заметил, как по всему ее телу пробежала дрожь, похожая на судорогу. Ему вдруг стало не по себе. Похоже, у Лори вот-вот начнется истерика.

— Тебя не тошнит? Голова не кружится? — с тревогой спросил он.

— Тошнит? — рассеянно повторила девушка, словно и не слушала его, а думала о чем-то своем. — Нет, не тошнит. Но я очень голодна. Я бы сейчас съела чего-нибудь. А если честно, просто умираю с голоду. Мне надо спуститься вниз на кухню и что-нибудь перехватить.

Джини подошел к окну и нервно закурил.

— Может быть, не надо никуда уходить, — раздраженно возразил он. — Может, ты, наконец, согласишься рассказать мне, что с тобой происходит?

— Ничего со мной не происходит, — отмахнулась Лори. — Не понимаю, что тебя не устраивает?

Джини резко повернулся и заглянул ей в глаза.

— Послушай, Лори, — серьезно заговорил он. — Мы же только что поженились.

— Да, — спокойно ответила она. — Догадываюсь.

В отчаянии Джини протянул к ней руки.

— Послушай, неужели это тебе ни о чем не говорит? Мы же муж и жена. И вроде безумно любим друг друга. Сгораем от страсти. Да мы просто обязаны повалиться сейчас на постель и как очумелые круглосуточно заниматься любовью. А вместо этого ты вдруг проявляешь исключительный гастрономический интерес: намериваешься очистить холодильник от недельных запасов. Ну, и что же ты выберешь на этот раз? Пару фунтов сырого мяса?

Лори от изумления широко раскрыла глаза.

— Ну, прости, — смутился Джини. — Я так долго ждал этого момента. Пойми меня правильно. У меня просто руки опускаются от растерянности. И разочарования. Что же получается? Ты моя законная жена, я тебя люблю... но еще до сих пор не видел обнаженной... уже не говоря о более приятных вещах.

Лори потупилась. Сейчас, освещенная теплым солнечным сиянием, она была восхитительна. Как ни старался Джини, он не мог оторвать взгляд от жены. Этакая сахарная дива в белоснежном — цвета девственности — платье!

— Джини, — прошептала девушка. — Ты никогда не должен видеть меня обнаженной.

Джини остолбенел. Табачный дым попал ему не в то горло, и, поперхнувшись, Джини закашлялся.

— Прошу прощения, но меня, кажется, начинают одолевать слуховые галлюцинации,— неуверенно пробормотал он.— Мне показалось, будто ты сказала, что я не должен видеть тебя голой... Или что-то вроде этого.

Лори молча кивнула.

Поникнув головой, Джини задумался и вдруг в сердцах, стремительно протянув руку к крошечной фарфоровой пепельнице, яростно затушил сигарету. Скинув пиджак, он остался в белой рубашке и серых брюках. Дрожая от вожделения, Джини бросился к Лори.

— Снимай платье,— тихо, но твердо приказал он.

— Джини, прости, но я не могу сделать этого,— решительно возразила девушка, гордо вскинув голову.

— Позволь тогда узнать почему,— настаивал он.— Какие здесь могут быть причины?

— Есть кое-какие причины,— упорствовала Лори.

— Ну так назови их.

Но она замотала головой.

— Значит, я так никогда и не узнаю, что тебе мешает отдаться мне прямо сейчас?

Она снова покачала головой.

— Ну, в таком случае,— уверенно заявил Джини,— я своими руками раздену тебя. И сорву твоё проклятое платье, даже если от него останутся одни лохмотья.

— Джини, не надо! Это же мое свадебное платье!

Кейлер развернулся и с такой силой шарахнул кулаком по тумбочке возле зеркала, что флакончики с духами жалобно звякнули, а большая массажная щетка грохнулась на пол.

— Лори, я прекрасно понимаю, что это твоё свадебное платье, которое надо беречь как зеницу ока в память о светлом событии. Неужели ты думаешь, что мне и впрямь хочется разорвать его на тряпки? Ну почему бы тебе самой со знанием дела, аккуратненько, не снять его? Ты ведь чертовски красива, и в твоих руках прекрасная возможность очаровать меня своим потрясающим телом.

— Не могу и все. Я даже не в состоянии сказать тебе, почему. Я не такая как другие девушки, Джини. Я совсем иная. Ну, я ведь тебе говорила об этом и раньше. Как же ты не понимаешь?!

Джини в отчаянии стал тереть затылок и, несколько раз глубоко вздохнув, попытался взять себя в руки.

— Лори, я все помню. Конечно, ты не такая, как все остальные,— подтвердил он удивительно спокойным, почти ледяным голосом.— Поэтому-то я и выбрал тебя. Ты действительно абсолютно не похожа ни на одну девушку, с которыми мне приходилось иметь дело. Ты на редкость привлекательна, у тебя изумительные фигура и тело, которое меня постоянно возбуждает. Когда ты появляешься, все мужчины оборачиваются, не в силах отвести от тебя взгляда. Я ведь так жутко хочу тебя именно потому, что ты не такая, как все!

И вдруг Лори разрыдалась. Она плакала, как ребенок, не пряча и не смахивая слез.

— Джини,— жалобно всхлипнула она.— Но ты не знаешь, что я имею в виду. В каком смысле я другая.

Не говоря больше ни слова, Лори стала расстегивать платье на спине. Джини застыл на месте, не пытаясь помочь ей. Расстегивая пуговицу за пуговицей, Лори продолжала всхлипывать. Наконец она выскользнула из платья и швырнула его на покрывало.

Теперь Лори стояла в белых чулках, поясе, таком же бюстгальтере и кипенно-белой короткой комбинации. Джини разглядел, как сквозь тонкую ткань просвечивает высокая грудь, а в замысловатых кружевах глубоко вырезанного бюстгальтера тонут темные упругие соски, полумесяцами проступая над кружевной пеной.

Все внутри Джини словно оборвалось. Вожделение с новой силой охватило его, но теперь Джини не произнес ни слова, даже не сделав попытку придвинуться поближе к Лори. Он твердо решил, что раздеваться она должна будет всегда сама. Очевидно, девушке никогда раньше не приходилось делать этого в присутствии мужчин. Что ж, пусть теперь учится.

Лори повернулась к нему спиной и сняла комбинацию, затем ловко расстегнула застежку бюстгальтера. Джини заметил, как умопомрачительно качнулась ее грудь, когда Лори скидывала бюстгальтер. Трусиков на Лори не оказалось, ее округлые, сливочные ягодички отливали матовым блеском в теплом вечернем свете.

— Ну вот и все,— пожирая ее глазами, с трудом выдохнул Джини.— Разве это так страшно?

Лори медленно повернулась к нему. Протянув к жене руку, Кейлер рванулся было к ней и вдруг засгыл

как соляной столп. Джини показалось, что его окатили ледяной водой. Дикий ужас охватил Кейлера. Он не мог ни вздохнуть, ни пошевелиться...

Выпучив глаза, Джини устался на свою супругу.

Да, грудь ее была изумительная, упругая, полная жизненной силы, с крупными розовыми сосками. Но Лори не солгала ему. Она действительно отличалась от других девушек, потому что под великолепной грудью находилась еще одна, напоминающая грудь девушки-подростка. Но и здесь присутствовали такие же восхитительные розовые соски. Ниже располагалась еще одна грудь — совсем уже крошечная, но тем не менее тоже с сосками.

Внутреннюю сторону бедер покрывали целые заросли кудрявых рыжевато-коричневых волос. И эти шерстяные джунгли простирались аж до самого пупка.

Лори стояла перед ним совершенно беспомощная. Она широко раскинула руки, чтобы Кейлер мог хорошенько рассмотреть все ее тело. Лори перестала, наконец, плакать и теперь, гордо приподняв голову, внимательно наблюдала за мужем, словно наслаждалась произведенным эффектом.

— Ну вот, теперь ты видишь все сам, — усмехнулась она. — Я не такая, как все.

Джини рванулся к своему плащу и отыскал в кармане пачку сигарет. Нервно сглотив, он вдруг сообразил, что весь с ног до головы покрылся холодным потом. Его била крупная дрожь.

— Что это? — запинаясь, выдавил Джини, трясущейся рукой вытаскивая сигарету. — Эт-то... какая-то шутка?

Лори пересекла комнату и остановилась у окна.

— А тебя это здорово расстроило? — осведомилась она. — Я имею в виду мою внешность.

Кейлер отвернулся.

— Не знаю, — все еще колеблясь, отозвался он. — Я даже и представить себе не мог, чтобы моя жена...

Лори подошла к мужу и ласково притронулась к его плечу. Джини не мог заставить себя поднять глаза, боясь увидеть вблизи эти многочисленные, отталкивающие бюсты, выросшие под основным, эту жуткую лобковую поросль, смахивающую скорее на шерсть зверя.

— Ну теперь мне все понятно,— печально констатировала девушка.— Ты действительно разочарован. Впрочем, этого и следовало ожидать. Я же предупреждала тебя, что лучше бы ты ничего не знал. Я же не хотела раздеваться, но ты сам настоял. Если бы не твое упрямство, ты никогда бы ничего не узнал.

— Неужели ты думала, что, женившись на тебе, я смог бы всю жизнь прожить без секса? — оторопел Джини.

Кейлер не поверил собственным ушам, но и своим глазам он верить отказывался. Еще минуту назад жизнь казалась Джини сладкой, волшебной сказкой, а теперь она превратилась в какое-то безумное и бессмысленное существование, своей колоритностью напоминающее фильмы ужасов, которые крутят исключительно по ночам, когда все нормальные люди давно спят.

— А почему бы и нет? — откликнулась, наконец, Лори.— Ты же сам мне сказал, что для тебя главное — работа. Все свое время ты проводил бы в конторе или на приемах, а я стала бы твоей неизменной спутницей, целомудренной и неприкосновенной. А сексом заниматься ты смог бы и с любой девушкой, которая пришлась бы тебе по вкусу. Я действительно очень люблю тебя, Джини, и понимаю. Но и ты должен понять меня.

Джини без сил рухнул на стул.

— Господи Боже мой,— пролепетал он.— Да это хуже, чем ночной кошмар.

Лори опустила на колени подле мужа и начала поглаживать его руки, успокаивая Джини. Он нервно курил, коротко затягиваясь и выпуская колечки голубоватого дыма.

— Неужели ни ты, ни твоя мать никогда серьезно не задумывались о пластической операции? Ведь если найти хорошего опытного хирурга, то он, безусловно, смог бы...

— Джини,— возмущенно оборвала его девушка,— при чем тут операции? Просто мы такие от рождения, и для нас тут нет ничего необычного.

— Кто это «мы»? — растерялся Джини.

— Ну, я, моя мать и все наши предки. Таково племени убасти.

— То есть иметь шесть грудей для вас — обычное дело?

Лори поднялась с колен и, подойдя к кровати, присела на краешек. Она широко расставила ноги, и Джини, несмотря на то, что липкий страх все еще пробирал его, вдруг опять ощутил возбуждение.

— Американские врачи называют это атавизмом, — объяснила Лори, прикрывая руками вторую пару грудей. — Такие случаи описывались в медицинской литературе, а что касается сосков — так многие женщины имеют их не два, а больше. Это так называемая многососковость — тоже атавизм.

Джини извлек из кармана носовой платок и судорожно прижал его к вспотевшему лбу. Он даже не пытался возражать, весь превратившись теперь в слух.

— Но это, конечно, не относится к женщинам племени убасти, — с гордостью резюмировала Лори. — Для нас подобное строение — никакой не атавизм, а норма. Другие женщины не пользовались всеми шестью грудями, как это положено, у них и развились только две верхние. А остальные, так сказать, за ненадобностью, в течение тысячелетий постепенно усыхали, если так можно выразиться. А потом и вовсе исчезли. Джини, ты только представь себе, насколько красива женщина, у которой все шесть грудей такие же пышные, как у меня эти верхние...

Джини попытался было представить себе облик такой «красавицы», и ему стало тошно.

— Лори, — облизнув пересохшие губы, заговорил Кейлер. — Операция тебе просто необходима. Ты не сможешь вести нормальную полноценную жизнь, если будешь ходить с шестью сосками. Как, интересно, ты собираешься появиться на пляже? А когда ты задумаешь родить и отправишься в больницу? Вот любопытно, что же сообщит мне доктор? А тебе? «Любезнейшая миссис Кейлер, лично вам я бы посоветовал отказаться от искусственного молока и вскармливать ребенка грудью. Тем более что их у вас в избытке».

Все время, пока Джини произносил свою обличительную речь, он с неудовольствием поглядывал на Лори, которая теребила свои нижние соски.

— Ну, а теперь попробуй представить себя на моем месте, Джини, — грустно промолвила девушка.

— Но ты забываешь, что я мужчина и у меня есть своя точка зрения,— продолжал горячиться Кейлер.— Сразу после свадьбы ты вдруг заявляешь мне, будто ты другая, а оказывается, что ты просто урод. Но мало того, ты даже и не думаешь исправлять это уродство!

— Послушать тебя... так выходит, что я эгоистка,— обиделась Лори.

— Так оно и есть! — взорвался Кейлер.— Ты думаешь только о себе! Ведь когда я решил жениться на тебе, я вполне логично полагал, что тело у тебя такое же безукоризненное, как и лицо. И вдруг обнаруживается, что сосков у тебя ничуть не меньше, чем у породистой суки, а я теперь, оказывается, должен забыть о плотских развлечениях, с головой погрузившись в омут политической жизни. Стало быть, сутками просиживать на работе, протирать десятки штанов на боевом, так сказать, посту... Лори, ты, по-моему, просто спятила.

Выслушав эту тираду, девушка как ни в чем не бывало обратилась к Джини:

— Ну теперь, я надеюсь, ты не захочешь заниматься со мной любовью?

Внезапно Джини перестал верить в происходящее. Ему вдруг нестерпимо захотелось громко закричать и проснуться. Он встал со стула и, подойдя ближе, начал внимательно изучать лицо Лори, такое прелестное, соблазнительное — и в то же время — смущающее и даже чуточку раздражающее Кейлера.

— Знаешь, мне кажется, что ты испытываешь удовольствие, издеваясь надо мной,— проговорил он.— Я угадал? Ты ведь сейчас наслаждаешься, глядя, как я мучаюсь и переживаю

— Джини,— откликнулась девушка.— Я же не хотела этого. Ну, вспомни сам, как я противилась и нашим встречам, и, тем более, браку. Я делала все, чтобы этого не случилось. Я пыталась защитить тебя.

— Защитить? Интересно узнать, от кого?

Лори грустно посмотрела на мужа.

— От тебя самого, Джини. Я предупреждала тебя об опасности, да только ты и слышать не хотел о ней. Ты шел напролом. Ты решил вторгнуться в мою жизнь, даже не взвесив все «за» и «против», ты не вдавался в подробности, и тебя не интересовало, кто я такая и по-

чему так настойчиво отвергаю тебя. Пока ты не познакомился с моей матерью, у меня еще оставалась надежда, что тебя удастся спасти. Но бороться с ней я уже не в состоянии, Джини. Я ей и в подметки не гожусь. Кроме всего прочего, она ведь моя мать и тоже принадлежит к племени убасты. Я обязана делать то, что она мне приказывает.

— Честно говоря, я ни слова не понял из твоей речи,— признался Джини.

Лори откинула назад копну золотистых волос.

— Ну тогда подойди к тумбочке и внимательно посмотри на гравюру, что висит на стене,— посоветовала девушка.— Да-да, вот тут.

Ничего не понимая, Джини приблизился к гравюре. Это оказалась небольшая картина в деревянном багете. Судя по стилю, она относилась к прошлому веку. На картине был изображен деревянный кол, врытый в землю, а к нему привязана маленькая рогатая антилопа. Неподалеку, прижавшись к земле, приготовился к прыжку огромный косматый лев. Через мгновение он, по всей вероятности, должен был разорвать несчастное животное. Надпись под картиной, сделанная красивым почерком, гласила: «Смитова газель».

Глава пятая

Под гигантским балдахином на широченной двуспальной кровати молодожены провели беспокойную, тревожную ночь. Лори надела длинную — почти до пят — шелковую сорочку розового цвета. Джини никак не удавалось заснуть. Ворочаясь с боку на бок, он так ни разу и не сделал попытки пристать к своей молодой жене.

Кейлера одолевали самые что ни на есть противоречивые чувства. Он по-прежнему четко осознавал, что безумно любит Лори, и потерять ее означало бы для него настоящую трагедию. Время от времени он посматривал на нее — девушка прикорнула совсем рядом. Она лежала с закрытыми глазами и казалась ему такой же соблазнительной, как и в день их первой встречи. Но тут Джини вспоминал звериную грудь, густую шерсть между ног... и сразу же приступ тошноты возвращал несчастного мужа к действительности.

Однако был здесь и один любопытный момент. Как она могла гордиться таким уродливым телом? Оказывалось, три пары сосков не являлись для нее аномалией. Мало того, женщины с обыкновенной грудью представлялись Лори недоразвитыми и несчастными существами. И вот это никак не укладывалось в голове Джини. Мозг его не мог переварить сей фантастический факт. Так, к примеру, койот не в состоянии в один присест проглотить целиком барана. Или смитову газель, раз уж на то пошло.

Джини был до мозга костей американцем, и представление о шикарных девушках складывалось у него по глянцевым фотографиям из журнала «Плэйбой». Пышные волосы, ослепительная улыбка, округлые формы загорелого тела... Все девушки, с которыми он встречался во Флориде, как две капли воды походили на фото модели с обложки. Разве что за исключением одной болезненно-бледной студенточки, которую он скорее из жалости пригласил на концерт. Так вот, ближе к финалу Джини испытывал уже просто чудовищные муки жалости, но только не к ней, а к себе самому. По его глубокому убеждению, каждая нормальная девушка просто обязана мечтать о богатстве и, следовательно, счастье,

ну, а те, кто к этому не стремятся, вообще представляли собой, по мнению Джини, пустое место. И теперь, когда его счастье рушилось прямо на глазах, он заметался в поисках выхода из создавшегося идиотского положения. Похоже, придется прибегнуть к помощи денег. Нет, он вовсе не собирался отказываться от Лори. Напротив, Джини решил помочь ей. За кругленькую сумму можно отыскать самого лучшего хирурга, который сделает Лори пластическую операцию на высшем уровне.

Как только первые солнечные лучи рассеяли ночные тени, Лори шевельнулась в кровати и, протянув руку, коснулась его пальцев. Джини не стал отдергивать ладонь, хотя сердце его тут же учащенно забилося. Он продолжал лежать в каком-то оцепенении, ожидая, что же произойдет дальше.

— Джини,— прошептала девушка.— Ты уже проснулся?

— А я и не засыпал,— угрюмо буркнул он.

Наступила неловкая пауза. Лори громко вздохнула.

— Прости, Джини, я во всем виновата. Надо было с самого начала выложить всю правду.

Поперхнувшись, Кейлер закашлялся.

— Да, наверное. Но все еще можно исправить. Если ты хочешь, я могу найти отличного врача... То есть я даже знаю одного неплохого специалиста по гормонам... Мне кажется, это будет самый лучший выход для нас обоих.

— Давай лучше прекратим все разговоры на эту тему. С твоими связями ты сможешь быстро и безболезненно оформить развод. Если понадобится, скажи, что я тебе изменила. Мне все равно. И деньги твои мне не нужны.

Джини приподнялся на локтях.

— Лори, я что-то не пойму тебя,— вспыхнул он, глядя ей в глаза.— Почему ты предпочитаешь ходить с шестью грудями и скрываться от посторонних взглядов вместо того, чтобы отважиться на простенькую операцию и стать такой же, как все? Ты очень красивая, а будешь вообще самой очаровательной девушкой на всем белом свете.

Но Лори не ответила ему ни слова.

— Это встанет мне, конечно, в пару тысяч долларов,

ну и что же? — продолжал он. — Разве красота не стоит таких денег? Я считаю, что каждая девушка должна стремиться к физическому совершенству, и на это не следует жалеть никаких средств.

— Джини, — прошептала Лори, отворачиваясь. — Ну как ты не можешь понять? Я должна остаться такой, как есть. Все девушки из нашего племени такие. Я же убасти.

Джини чуть не застонал от досады. И, выскользнув из-под одеяла, бросился к пиджаку, где в кармане лежала пачка сигарет. И хотя Джини избегал курить в спальне, сейчас он находился на взводе и с трудом контролировал себя. Джини закурил и, погрузившись в мягкое кресло, выдохнул дым прямо навстречу бледным солнечным лучам.

— А если я на правах мужа потребую, чтобы ты согласилась на такую операцию? — попробовал было Джини зайти с другой стороны.

В сумраке комнаты глаза Лори гневно сверкнули.

— Ты получишь отказ, — решительно отрезала девушка.

— А ведь не далее как вчера ты торжественно поклялась слушаться меня во всем, — напомнил Джини.

— Да, но это вовсе не означает, что я должна лишаться тех частей тела, которые достались мне в наследство от предков, — вспыхнув, парировала Лори.

— Но послушай, это же черт знает что за наследство! — не выдержал Джини.

— Я, конечно, могу представить себе, что ты думаешь по этому поводу, но мое тело принадлежит мне, и я вправе гордиться им.

Девушка села в кровати и, обхватив руками колени, с грустью поглядела на Кейлера.

— Я люблю тебя, Джини, — произнесла она с какой-то затаенной обреченностью. — И я хотела выйти за тебя замуж еще в тот самый первый вечер. Но я понимала, к чему это приведет, и теперь сожалею о том, что не сумела предотвратить эту свадьбу. А теперь остается лишь надеяться, что твоя следующая избранница окажется более миловидной, чем я.

Джини нервно затушил сигарету и, подойдя к раковине, включил свет. Он умывался и брился целую веч-

ность и, наконец, начал одеваться. За все это время Кейлер не проронил ни единого слова и ни разу не взглянул на свою молодую супругу.

— Куда ты собрался? — встревожилась Лори, когда он принялся зашнуровывать ботинки.

— Погулять, — не оборачиваясь, отозвался Кейлер, стараясь, чтобы голос прозвучал спокойно. — Никакого определенного плана у меня нет, но мне просто необходимо побыть одному и еще раз все тщательно взвесить. Вернусь вечером, часов в девять или в десять.

С этими словами он набросил куртку и, подойдя к зеркалу, поправил галстук.

— Пожалуйста, вызови Мэтью и попроси его придержать собак, пока я не выберусь с территории вашей усадьбы, — вдруг спохватился Джини.

— Каких собак?

— Ну, ваших сторожевых шавок, которые меня чуть было в клочья не изодрали, — пояснил Джини.

— А-а, тех... — растерянно протянула Лори. — Да-да, разумеется...

Джини резко обернулся, смутно почувствовав в ее голосе тревогу. «Что-то здесь не так», — подумал он. Видимо, Лори до сих пор скрывает что-то от него. Здоровый инстинкт подсказывал Джини, что эта новая тайна будет куда страшнее, чем всякие мелочи вроде бесчисленных грудей или шерстяных бедер.

* * *

Джини явился в контору в начале девятого. Мэгги оторопела, увидев его на пороге в столь неурочный час.

— Что стряслось? — волнуясь, спросила она. — Только не вздумай убеждать меня, что ты настолько истосковался по работе, что в первый же день медового месяца бросил новобрачную на произвол судьбы.

— Мэгги, — еле слышно промямлил Джини, устало рухнув в кресло. — Я бы сейчас не отказался от стаканчика крепкого кофе.

И когда Мэгги принесла ему дымящийся кофе, Кейлер уже удобно устроился в кресле, откинувшись на его спинку и потирая глаза. Он чувствовал себя так, словно ему всю ночь напролет пришлось трястись по бескрай-

ним просторам Сибири в дешевом плацкартном вагоне. Джини с нежностью взглянул на Мэгги и, отхлебывая горячий кофе, принялся шарить по всем ящикам стола в поисках куда-то запропадившейся пачки сигарет.

Мэгги стояла рядом и с тревогой наблюдала за своим шефом. Сейчас она вдруг показалась Джини особенно привлекательной, и он внезапно ощутил такой искренний прилив благодарности за ее участие, что тут же к горлу подкатил комок. Вот-вот, и нервы начинают шалить после эмоциональной перегрузки! Джини схватил носовой платок и высморкался, чтобы Мэгги не заметила, как на глаза ему навернулись слезы.

— Джини,— тихо обронила Мэгги,— тебе необходимо с кем-то поделиться. Я же чувствую, что у тебя не все ладно.

— Понимаешь,— осторожно начал Кейлер, сунув платок в карман.— Тут и говорить-то, в общем, не о чем. Еще вчера я был на седьмом небе от счастья, а уже сегодня подумываю о разводе. Наверное, наш брак будет самым кратковременным за всю историю человечества.

Потрясенная услышанным, Мэгги так и села на стоявший рядом стул.

— Послушай, Джини, какая муха тебя укусила? Это как-то связано с твоей женой?

Он только печально кивнул в ответ.

— Ты угадала. Но скажи прежде, сможешь ли ты мне помочь? Я должен быть уверен заранее.

— Ну конечно. Ты прекрасно знаешь это.

— Тогда беги в библиотеку или... я не знаю... подними архивы... Попытайся разузнать все, что возможно, о племени «убасти». Оно обитало в низовьях Нила в Египте, там еще находился древний город, Тель... за-был как дальше. Баст... Тель-Бест, ну, в общем, что-то в этом роде. Во времена правления одного из Рамзесов, приблизительно 1300 год до нашей эры.

Мэгги торопливо записывала все данные в маленький блокнотик.

— Убасти? — задумчиво повторила она.— Хорошо, только мне потребуется часа два, не меньше.

— И пожалуйста, не рассказывай никому, чем ты будешь заниматься. По крайней мере до того, как все выяснится. Ладно? Мне кажется, Сэмплы хранят какую-

то семейную тайну. Они упорно скрывают ее от меня. Я даже пока предположить не могу, в чем она заключается. Но тайна существует. Поэтому мне нужна вся информация, все подробности, которые ты сумеешь выудить из документов.

Мэгги положила свою руку на ладонь Джини и с беспокойством заглянула ему в глаза.

— Послушай, Джини, а что будет с тобой? Как же твоя свадьба? Неужели дело обстоит так серьезно?

Кейлер закрыл глаза и, зажмурившись, опустил голову. Молчание длилось целую вечность.

— Не знаю,— выдал, наконец, Джини.— Но если тебе все же посчастливится выяснить что-нибудь об этом растреклятом племени, я, вероятно, найду выход.

— Хорошо, я займусь этим немедленно. Думаю, отчеты о Карибском регионе могут еще пару часиков подождать,— решительно заявила девушка.

Она захлопнула блокнот и торопливо засобиралась, но Джини тут же спохватился, вспомнив еще кое о чем.

— Мэгги,— позвал он девушку, когда та уже подходила к двери. Она застыла на пороге.— Мэгги, помнишь, твой приятель работал в полиции? Ты еще с ним поддерживаешь отношения?

— С Энрико? Конечно. Две недели назад в Мэриленд приезжал цирк, и я водила в шапито детей Энрико.

— Ну так вот,— в голосе Джини звучала неуверенность.— Как ты считаешь, мог бы он проверить, какие собаки зарегистрированы на фамилию Сэмпл? Насколько я разбираюсь в собаках, Сэмплы завели настоящих людоедов, которые у них свободно разгуливают по всей усадьбе. А ведь на это выдается специальная лицензия. Если тебя это не затруднит, разумеется... Конечно, рыскать по каким-то секретным архивам не стоит, я просто подумал, что для Энрико подобная просьба — это, наверное, сущие пустяки...

— Хорошо, я спрошу. Кстати, если ты сам не любишь цирк, то тебе надо срочно взять у кого-нибудь напрокат дочь или сына и сводить его на представление. Этот цирк через пару недель приедет в Вашингтон Зрелище, должна тебе сказать, незабываемое. Лично я просто с ума схожу от канатоходцев, а ты?

Джини натянуто улыбнулся.

— Я тоже. Впрочем, политики только и занимаются тем, что разгуливают по проволоке.

Пока Мэгги копалась в библиотеке, отыскивая сведения о загадочном племени убасты, Джини не терял времени даром. Он набрал номер Питера Грейвса. Автоответчик сообщил, что Питер сейчас ушел по делам, но ему можно оставить свои координаты, и Джини попросил психиатра перезвонить ему, как только тот вернется домой. Опустив трубку, Джини заметался по кабинету. Он не находил себе места, то и дело выглядывая в окно на свинцовое небо, покрытое рваными лохматыми тучами, словно где-то вдали происходили оживленные баталии.

И тут Джини в который раз вспомнил, как Мэтью с таким трудом произнес вчера два слова «смитова газель». Однако, как ни старался Джини, он так и не смог понять, что же все-таки имел в виду шофер. Будучи человеком эрудированным, Джини, конечно, знал, что бывалые охотники называют так один из методов приманки, когда к деревянному колышку привязывают ягненка или козленка. Но какое отношение имеет эта «газель» к его женитьбе на Лори? А вдруг Лори и есть та самая приманка, которой коварная миссис Сэмпл задумала заманить его — Джини — в свои сети? Но какую выгоду преследовала она, отдавая за Джини свою дочь? Разве что при случае похвастаться зятем в кругу высокопоставленных гостей, но не более того. А, может быть, миссис Сэмпл лелеет мечту о том дне, когда Джини займет пост министра иностранных дел?

К тому же сама Лори показала ему гравюру с изображением «смитовой газели», словно в этом рисунке заключалось объяснение происходящим событиям. Но вот только до Джини почему-то никак не доходил смысл такого таинственного объяснения. А когда дело касалось туманных намеков и загадок, Кейлер по своему обыкновению ничего не понимал или просто не старался понять.

Несмотря на страшное разочарование и физическую усталость, Джини все-таки ощущал некоторые угрызения совести, ведь он так внезапно бросил свою молодую жену. Поначалу он даже решил было позвонить Лори и сказать, что с ним все в порядке, но потом передумал.

Сейчас надо было срочно решить, как относиться в дальнейшем к столь необыкновенным женским прелестям его дражайшей половины. Следует ли принять Лори, как она есть, или же немедленно связаться с адвокатом и просить о разводе. Последняя процедура заняла бы месяца полтора, если не больше. И снова Джини с горечью подумал о том, что Господь Бог избрал почему-то именно его — Кейлера — на роль подопытного кролика.

Когда Мэгги вернулась в кабинет, Кейлер мирно поспывал в своем кресле. Она осторожно коснулась его плеча, и Джини мгновенно проснулся, растерянно хлопая ресницами.

— Ты, очевидно, задремал, — ласково произнесла Мэгги. — Ну, как себя чувствуешь?

Кейлер заморгал и, встряхнув головой, попытался прийти в себя.

— Ты знаешь, кошмары опять одолевают меня, — признался Джини. — Впрочем, они мучают меня уже которую ночь. Какие-то странные монстры — помесь зверя с демоном. И все гоняются за мной, представляешь?

— Похоже, ты слишком переусердствовал на работе, — предположила Мэгги. — А еще тебе катастрофически недостает здорового секса.

Джини печально кивнул и протер глаза.

— А ты, наверное, права, — согласился он. — Мне надо взять отпуск за свой счет и активно провести его в публичном доме. От и до.

Мэгги налила Кейлеру чашку крепкого кофе и, подсев поближе, вынула из сумочки внушительных размеров конверт, из которого извлекла несколько исписанных страничек.

— И это все? — изумился Джини. — Не густо.

— Больше информации по такому архиважному вопросу просто не существует, — парировала девушка. — Библиотекари вообще про твоих «убасти» не слыхали, а скудные крупиты, которые нам с грехом пополам удалось выудить, — просто чистая случайность. Я обнаружила старинный фолиант — еще с прошлого века — под названием «Странствия по Египту», написанную неким сэром Китом Фордайсом, да и то там автор упоминает об «убасти» вскользь. И еще кое-что из отчетов одной то-

пографической экспедиции по странам Африки. А больше — представь себе — ничегошеньки.

— Ну и о чем нам поведал сэр Кит?

— Я сняла для тебя ксерокопию и кое-что законспектировала. Вот, сам взгляни.

Мэгги протянула ему листок, и Джини внимательно прочел конспект, написанный аккуратным ровным почерком. Затем Мэгги передала ему и ксерокопию книжной обложки. Под гравюрой, на которой были изображены древние руины, стояла надпись: «Тель-Беста. Вид юго-восточной части города. Все, что осталось от великолепных старинных сооружений».

Джини отложил гравюру в сторону и принялся перечитывать конспект Мэгги. «Мой проводник уверял, будто общее мнение о египетских пирамидах и тем более о сфинксе весьма ошибочно. Правда, многие факты, о которых он поведал, были уже известны мне. Само слово «сфинкс» греческого происхождения и в переводе означает «душитель» (тот, кто душит). Проводник пересказал мне известную легенду. Сфинкс — это чудовище с головой женщины и туловищем льва. Он или, вернее было бы сказать, «она» таилась в засаде и поджидала проходящих мимо путников, чтобы загадать им загадку. Если странник находил правильный ответ, сфинкс отпускал его на свободу. А если нет — душил несчастного насмерть. Однако были в рассказе проводника и кое-какие детали, о которых я раньше не подозревал. Например, проводник поведал о том, что сфинкс был высечен с натуры, и в пустыне действительно существовало племя, ведущее свое происхождение от людей и львов. Кстати, излагая вышеупомянутые подробности, мой проводник не на шутку разволновался и даже потребовал за такую информацию дополнительную плату. Оправдываясь, он объяснил, что якобы и поныне потомки этого племени живут в эдешних местах и мстят всем тем, кто раскрывает их страшную тайну. Многие аборигены уже поплались за свой слишком длинный язык. Когда же я, не торгуясь, заплатил и щедро угостил моего проводника, то его словно прорвало: я узнал кучу деталей об удивительном племени. Человекольвы будто бы поклонялись древнему божеству в образе льва Басту, и их кровавые обряды требовали людских жертв, членовредительства и

сексуальных извращений, противных истинным христианам. Обитало это племя в городе Тель-Баста, который теперь полностью разрушен. Ни один проводник, включая и моего, не отважился навестить в те места ни при каких условиях, опасаясь мести необычного племени».

Джини положил листок на стол. Сильный озноб охватил его. Кейлер с таким ужасом уставился на Мэгги, словно та внезапно явилась сюда на самой настоящей летающей тарелке.

— Джини, что с тобой? — всполошилась девушка. — Может, вызвать доктора? У тебя чудовищный вид!

Но Кейлер лишь покачал головой, ощущая во рту горьковатый привкус сигарет.

— Это невероятно, — хрипло простонал Джини.

— Что? Что невероятно? — опешила Мэгги.

Кейлер взял со стола листок и протянул его девушке.

— Вот это, — буркнул он. — Тут же все ясно сказано. Это страшно, это, наверное, просто безумно, но все так и есть на самом деле. Ты же собственной рукой переписывала текст.

Мэгги пробежала глазами страничку и неуверенно пожала плечами.

— Я не вижу тут ничего из ряда вон выходящего, — призналась она. — По-моему, просто красивая легенда. Разве нет?

Джини вскочил и, подойдя к окну, стал наблюдать за автомобилями. Наконец он заговорил:

— В первый же вечер Лори призналась, что происходит из древнего египетского племени, которое называется убасты. Ну я, конечно, не придавал никакого значения ее словам. Да и к чему все это? Я никогда и не слышал о таком народе. А потом она рассказала, что феллахи до сих пор боятся убасты и никогда вслух не называют их. Очевидно, племечко это действительно наводит дрожь на местное население, никто не смеет и на шаг подходить к развалинам их древнего города.

Джини отошел от окна и, опустившись на один из стульев для посетителей, заглянул Мэгги в глаза.

— И вот сегодня, в первую, так сказать, брачную ночь, когда Лори разделась... — начал было Джини, но Мэгги тут же укоризненно оборвала его:

— Джини, не надо!

— Нет, ты должна меня выслушать!

— Нет, Джини это ваше личное дело, и я не хочу...

— Помолчи, Бога ради, и дай мне, наконец, высказаться! — рявкнул Кейлер. — Так вот, когда она вчера — заметь, после моих бесконечных уговоров — все-таки разделась, выяснились кое-какие незначительные подробности: у нее три пары грудей. И густая шерсть, которая произрастает аж до самого пупка и ниже...

Мэгги раскрыла было рот, чтобы возразить ему, но слова застряли у нее в горле.

— Джини, — с трудом выдохнула она, часто моргая, — ты что же, решил меня надуть?

— Нет, Мэгги, к несчастью, это сущая правда. — Кейлер судорожно сглотнул. — У нее сверху прекрасная женская грудь, а чуть пониже — еще одна, недоразвитая, как у девочки-подростка... Имеется и третья пара сосков, их тоже с родинками никак не спутаешь. Лори, кажется, говорила, что... что в Америке врачи называют такое явление «многососковостью». Ну, будто бы... подобное встречается у обычных людей, и довольно часто.

Мэгги с сочувствием посмотрела на Кейлера и тряхнула головой.

— Какой кошмар! Джини, я тебя понимаю. Неудивительно, что ты сегодня просто не в себе, как будто в воду опущенный. Послушай, может быть, эти... излишества устранят при помощи операции? Или необходимы какие-нибудь гормоны? Ты узнавал?

— А она и не собирается от них избавляться, — мрачно сообщил Кейлер.

— Как это «не собирается»? Она что, не в своем уме? — оторопела Мэгги.

— Именно не собирается. Ты не ослышалась. Видишь ли, Лори считает, что шесть грудей для женщины — вполне нормальное явление. И более того, она убеждена, что рано или поздно я разделю ее мнение. Подумать только! Шесть грудей — норма!

— Да как же это может быть нормой? Это же явная патология!

Джини сердито покосился на конспект и ксерокопию книги сэра Кита Фордайса.

— Может быть... Если у женщины и мать, и отец — люди, вот тогда это патология. Но в этой проклятушей

книге ведь черным по белому написано, что убасты являются потомками... как это... короче рождаются в результате совокупления женщины со львом. А ведь девушка, в жилах которой течет наполовину звериная кровь, может в один прекрасный день раскрыться с неожиданной стороны. И дело не ограничится шестью сосками, которые якобы так необходимы ей для вскармливания детенышей... Да ты только вспомни хотя бы ее глаза. Зеленые, с желтым отливом. Прямо как у настоящей львицы.

— Джини,— серьезным тоном заговорила Мэгги.— Мне кажется, у тебя разыгралась фантазия.

Кейлер нервно закурил.

— Да, конечно, именно поэтому после первой брачной ночи я и торчу в конторе спозаранку! — сыронизировал он.— И явился сюда ни свет ни заря.

Девушка печально покачала головой.

— Мэгги, спасибо тебе за помощь. Ты даже не представляешь, как много значит для меня информация, которую ты сумела раздобыть. Но теперь я просто обязан выяснить все до конца. И в любом случае, кем бы ни оказалась Лори на самом деле, теперь она — моя законная супруга, и я не вправе оставлять ее одну.

— А тебе не приходила в голову мысль, что Лори может быть опасна?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду. Как это — «опасна»?

— Ну, львы ведь представляют некоторую опасность для людей.

— Да, но...

— У меня никак не выходят из головы слова того французского дипломата, помнишь, я тебе говорила? — И Мэгги опустила голову.

— Что-то не припоминаю...

— Ну, он тогда еще намекнул мне, чтобы ты остерегался танца.

— Да-да, ну и что же?

— Так вот. Ты же знаешь, если человек владеет несколькими языками, они порой путаются у него в голове, и он, не замечая, выдает слова сразу двух или трех языков. В общем, не мне тебе объяснять, у дипломатов подобное частенько случается. Так вот, когда француз говорил о танце, он произнес это слово по-французски.

К тому же, я не совсем отчетливо расслышала всю фразу целиком, но он советовал остерегаться «данс».

— А что такое «данс»?

— В переводе с французского это означает «зубы». Так что, Джини, он советовал тебе беречься ее зубов.

* * *

Кейлер встретился с Питером Грейвсом в баре арлингтонского гольф-клуба. Это оказалось уютное заведение с зеркальными стенами и удобными кожаными креслами. Освещение здесь было мягким и приглушенным. Завсегдатаями бара являлись, как правило, люди образованные. Они приходили сюда и, расслабившись, заводили непринужденные беседы. Лишь изредка за каким-нибудь столиком раздавался неуместно громкий смех.

Джини заказал себе чистое виски и сырные чипсы. Время шло к обеду, а Кейлеру так ничего и не удалось перехватить.

Поздоровавшись с Грейвсом, Джини вдруг почувствовал, как тяжело ему будет рассказать о наблевшем. Но он не мог вернуться в поместье Сэмплов, не поделившись с доктором своими тревогами.

— Милый уголок,— одобрил Кейлер, прикуривая сигарету и внимательно разглядывая бар.— Скажите, сюда приходят только врачи?

Питер отрицательно покачал головой.

— В основном одни военные. Должен признаться, что если кому-нибудь вдруг взбредет в голову швырнуть сюда во время обеда хоть крошечную бомбу, Пентагон мгновенно лишится своих лучших сотрудников.

— Приму к сведению,— улыбнулся Джини.— В следующий раз я продам кому-нибудь эту государственную тайну никак не меньше чем за пару долларов. Так что не продешевлю. Подработать никогда не мешает.

Питер лениво потягивал через соломинку коктейль, то и дело поигрывая вишенками, плавающими в янтарной жидкости.

— Ну, как вы себя чувствуете? — наконец решил перейти к делу доктор.

— Я совершенно растерян и подавлен. А разве это бросается в глаза?

— Видите ли, по телефону у вас был взволнованный голос, и я решил, что у моего нового знакомого начинается нервная истерика.

— Истерика со мной? Вы, наверное, шутите.

Питеру в конце концов удалось подцепить в бокале вишенку, и он с удовольствием съел ее. А затем принялся задумчиво ворошить соломинкой пепел, придвинув пепельницу поближе к себе.

— Понимаете, истерики случаются и с выдержанными людьми. Кстати, как раз со спокойными и владеющими собой людьми это происходит чаще, чем с теми индивидуалами, которые постоянно психуют у всех на виду и создают о себе впечатление нервных особ. Вот, например, в этот бар частенько заходят посетители — заметьте, большинство завсегдатаев занимают довольно высокие посты в Пентагоне, — так вот все они страдают нервной истерией. Между прочим, двое из них — мои пациенты.

— Надеюсь, вам удалось подлечить им нервишки. Лично я не в восторге от перспективы Третьей мировой войны.

— Трудно сказать. — Доктор пожал плечами. — Истерия имеет несколько разновидностей и в любой момент может обостриться.

— Наверное. Но дело в том, что лично я не страдаю психическими заболеваниями и вроде до сих пор избегал нервных срывов.

— Именно поэтому вы убеждены в том, что женились на девушке, ведущей свое происхождение наполовину от льва, а наполовину от человека? — съязвил Питер.

— Не только убежден, я это з н а ю, — упрямо заявил Джини.

— А откуда? Неужели у вас есть доказательства?

— Господи Боже мой, Питер! У нее же шесть грудей! Я видел их своими собственными глазами!

Доктор нахмурился.

— Джини, на вашем месте я не стал бы объявлять об этом во всеуслышанье. Видите ли, здесь принято разговаривать вполголоса и о таких вещах, которые нико-

им образом не потревожат соседей за столиками. Понимаете?

— По-моему, Питер, вы и сами имеете довольно примитивное суждение о строении мира. И, разумеется, не верите мне. Для вас я всего-навсего занятный псих, и, будь об заклад, что сейчас вы судорожно раскидываете мозгами в поисках недуга, одолевающего человека, которому в первую же брачную ночь мерещатся шесть грудей у собственной жены.

— Атавизмы, Джини, не такое уж редкое явление. Я сегодня специально полистал кое-какую литературу. Так вот, например, в Баден-Бадене жила женщина, у которой...

— Питер,— вспыхнув, перебил собеседника Кейлер.— Это никакие не атавизмы. Лори утверждает, будто все женщины в ее роду имели точно такое же строение тел. Оно передается по наследству.

— И вы хотите сказать мне, что мать Лори сложена так же?!

— Думаю, что именно так. По крайней мере Лори пытается убедить меня в этом.

— Да-а,— неуверенно протянул Питер.— Это уже выходит из ряда вон.

В этот момент официант принес Джини виски, и тот одним глотком наполовину осушил стакан. Крепкий напиток мгновенно обжег горло, и Джини тут же подумал о том, что если он будет продолжать возлияние такими темпами, да еще на голодный желудок, то захмелеет очень скоро.

— Это для вас, Питер, шесть грудей кажутся явлением из ряда вон выходящим. А вы попробуйте взглянуть на него с точки зрения Лори. Для нее это — абсолютная норма. Так что, либо у нее действительно какие-то отклонения в психике, либо она вполне справедливо относит себя к племени убасти и представляет собой гибрид человека и льва.

— Что вы хотите этим сказать? — насторожился Питер.— То есть вы тоже считаете, что племя существует в действительности?

— А как я еще могу это расценивать?

Питер сплел пальцы рук и в задумчивости уставился на свой бокал. Он пытался сейчас вести себя так, как и

подобает профессионалу в подобных ситуациях — когда собеседник неожиданно меняет тему разговора. Но ничего стоящего не приходило ему в голову — с таким случаем Грейвс, кажется, сталкивался впервые за всю свою долгую и нелегкую практику. Однако Джини и не надеялся, что Питер найдет разумное объяснение происходящему — ведь и сам Кейлер изрядно намучился, пытаясь самостоятельно разобраться в чудовищной ситуации.

Питер рассеянно провел ладонью по своей лысоватой голове.

— А вы любите ее? — вдруг огорошил он Кейлера вопросом.

— Ну, конечно, люблю. А зачем вы об этом спросили?

— Ну, — замялся Питер. — Если вы действительно готовы помочь ей, то любовь здесь — очень важный аспект. Если же вы сомневаетесь в своей любви, то единственное, что я могу посоветовать, — это расстаться с Лори как можно быстрее. Ну а уж если вы и в самом деле любите жену, то приготовьтесь к тому, что вам придется в ближайшем будущем принимать очень серьезные решения.

— Вы что же, хотите сказать, что мне придется постепенно привыкнуть к этим — как их — рудиментарным грудям и к зарослям на ее животе и ногах? — возмутился Джини.

Но Питер только печально кивнул в ответ.

— Да, видимо, так. Помните, на пикнике у Уолтера Фарлоу я уже говорил вам, что если вы хотите разобраться, что происходит с этой девушкой, вы должны смириться с ее фантазиями о неизбежности злого рока, якобы преследующего ее. А из сказанного вами я делаю вывод, что теперь Лори считает, будто этот самый рок распространился и на вас и в самом ближайшем будущем вас обоих ждут какие-то страшные события. Вам следует сделать вид, что вы примирились с неизбежностью, и немного подыграть ей. Пройдет какое-то время, с вами ничего не произойдет, и тогда Лори сама поймет, что ее навязчивые идеи просто несостоятельны. Вот тогда-то ее здоровье и пойдет на поправку. Но для этого требуется выдержка. Не надо торопить события.

Перед мысленным взором Джини вдруг с удивительной яркостью вспыхнуло изображение смитовой газели.

— А вдруг Лори окажется права,— растерянно пробормотал он,— и с нами действительно что-то произойдет?

— Послушайте, Джини,— вкрадчивым голосом начал доктор, допивая, наконец, свой коктейль.— Вы должны усвоить одну важную вещь. Я не верю в существование человекольва. Прошу меня за это покорнейше извинить. С научной точки зрения совершенно невозможно, чтобы лев оплодотворил женщину и она дала бы потомство от этого сокоупления. А если бы такое и случилось чисто теоретически, то, наверное, подобные чудовища бродили бы где-нибудь в непроходимых джунглях, а не в столице США, и не выскакивали замуж за доверчивых юных демократов вроде вас.

Джини глубоко вздохнул:

— Ладно, Питер, я понимаю. Вам сейчас трудно войти в мое положение и понять то, что я ощущаю. Однако похоже, я тут подзадержался, пора возвращаться домой. Что бы там ни произошло, думаю, очень скоро мы с вами выясним истину. Хотя в глубине души надеюсь, что прзвы все-таки вы, а не я.

— Ну что же, Джини,— отозвался Питер.— Вы действительно любите Лори, и я уверен, что очень скоро ваши отношения наладятся. Во всяком случае, для этого у вас есть все шансы.

— Тогда молитесь за меня,— с грустью улыбнулся Кейлер, допивая виски.— По-моему, ваши молитвы придутся сейчас как нельзя впору.

* * *

Лори поджидала мужа в сумрачном холле. Волосы девушка успела завить, и они волнами спадали с плеч, на шее сверкало сразу несколько золотых цепочек, а в ушах покачивались элегантные блестящие сережки. На ней было довольно простенькое вечернее платье. Однако вырез на нем оказался настолько глубоким, что розовые полукружия сосков отчетливо проступали над тканью. Встретив мужа, Лори повесила на вешалку его плащ и устремила в глубь длинного мраморного коридора.

Кейлер сделал над собой усилие, чтобы не смотреть на жену. «В конце концов,— съязвил он про себя,— это не единственные ее соски».

— Привет,— поздоровался он и поцеловал жену. Она прикрыла глаза, и Джини почувствовал, как Лори протолкнула свой язык ему в рот. Она облизывала его зубы, но свои губы сжимала плотно, и Джини не удалось просунуть свой язык ей в рот. «Берегись зубов»,— пронеслось вдруг в голове Кейлера.

Джини отступил назад и взял Лори за руки. Она улыбалась и, похоже, искренне радовалась тому, что муж наконец-таки вернулся домой.

— Джини, я так скучала,— призналась девушка, и в глазах у нее заблестели слезы.

— Никак вернулся мой блудный зять? — раздался откуда-то из полумрака низкий голос, и по лестнице грациозно спустилась миссис Сэмпл в роскошном вечернем платье с таким же немыслимым декольте, как и у ее дочери. Тщательно уложенные седые волосы отливали серебром, а на шее сверкали переливающаяся платиновая цепочка и ожерелье из крупного отборного жемчуга.

— Миссис Сэмпл,— виноватым голосом промямлил Джини,— я уж не знаю, как мне теперь оправдываться.

— А мне и не нужны ваши извинения, легкомысленный молодой человек,— отозвалась миссис Сэмпл и, притворившись, сделала сердитую мину.— Лори мне уже все объяснила сама, и я вас прекрасно понимаю. Ну, конечно, вы были, несомненно, шокированы. Однако Лори сама виновата, что заранее не предупредила вас обо всем. Правда, и ее можно понять. Видите ли, для нас — я имею в виду себя и Лори,— такие вещи совершенно естественны и обычны, поэтому бедной девочке и в голову не пришло, что все это может вас расстроить. Да, кстати, обед будет готов уже через несколько минут, а вы в это время успеете переодеться. Джини, у вас очень усталый вид, словно вы все время шатались где-то в полном одиночестве и отчаянии.

Через пятнадцать минут все семейство расположилось за столом. Прислуживал Мэтью. Смокинг сидел на нем довольно мешковато. Мэтью подчеркнуто официально подавал тарелки с прозрачным бульоном. Столовая, обитая дубовыми панелями, привезенными из Европы и

обставленная резной старинной мебелью, была одним из самых изысканных залов в особняке. Интерьер дополняли затейливые серебряные подсвечники. Пламя свечей выхватывало из полумрака лица расположившихся за столом.

Оставив из хрустального бокала сухое вино, Лори светилась от счастья. Ее глаза сияли такой любовью, что Джини вдруг стало неловко за свое сегодняшнее поведение. Какая разница, кто ее предки! Для Кейлера Лори по-прежнему оставалась самой красивой девушкой на всем белом свете.

— Ну, Джини,— нарушила молчание миссис Сэмпл, разделавшись с бульоном.— Может быть, вы хотите нам что-нибудь сказать?

— Вы имеете в виду сегодняшний день?

— Разумеется.

— Понимаете...— начал было Джини и замолк, не в силах подыскать нужные слова.

Миссис Сэмпл взметнула вверх руку, словно выставляя напоказ длинные ухоженные ногти.

— Джини, вы должны запомнить следующее,— четко произнесла она.— В этой семье привыкли обсуждать свои проблемы открыто и честно, ничего не скрывая друг от друга. На этом всегда настаивал и мой покойный супруг. Он любил повторять, что секретов и без того хватает у наших врагов. Так что добрые друзья не должны хранить в себе тайны.

— Я понял...— запнулся Джини и, промокнув салфеткой уголки рта, попытался сосредоточиться.— Но мне это трудно объяснить. Как бы лучше выразиться... Наверное, я оказался физически неподготовленным к тому, что увидел. То есть я хочу сказать, что Лори несколько отличается от тех девушек, которых мне приходилось видеть раньше.

— Я могу представить себе ваше состояние,— понимающе кивнула миссис Сэмпл.— И поэтому вы решили — ну, что ли — остаться наедине с самим собой, обдумать все и попытаться успокоиться? — участливо спросила она.

— В общем, вы правы.

— Ну и что же, вам удалось прийти к какому-нибудь заключению? — поинтересовалась миссис Сэмпл.

— Я встретился с одним психиатром. Мы с Лори познакомились с ним недавно. Лори, помнишь, тогда на вилле у Уолтера Фарлоу? Так вот, этот психиатр утверждает, что если я действительно люблю тебя, то смогу смириться и с твоим телом. Он неплохой человек, и я почему-то верю ему. Но что самое главное — я действительно люблю тебя. И моя любовь, очевидно, сыграла решающую роль сегодня, когда я раздумывал над тем, что же нам делать дальше.

— Правда? — прошептала Лори.

Миссис Сэмпл дернула колокольчик, и Мэтью подал второе блюдо.

— Ну что ж, Джини, я рада, что вы решили остаться с нами,—заверила мать Лори, лучезарно улыбнувшись.— А теперь отведайте-ка свежего канадского лосося. Поверьте мне, это одно из самых лакомых блюд.

* * *

Посреди ночи Джини проснулся от весьма странного ощущения. Ему показалось, что кто-то бормочет совсем рядом. Он открыл глаза и повернулся. Лори крепко спала, ее пушистые рыжеватые волосы разметались по подушке. Но странные звуки доносились из ее груди. словно она, подобно дикому зверю, ворчала во сне. Джини склонился над женой и прислушался. Да, действительно, это было не бормотание, а рык. Лори дышала с таким хрипом, словно ее одолело серьезное простудное заболевание.

Джини включил ночник и взглянул на часы. Два часа ночи. Вокруг стояла крошечная тьма. Он потушил свет и теперь уже с трудом различал очертания мебели. Джини поворочался в постели, пытаясь снова заснуть.

И тут вдруг Лори затрепетала и несколько раз вздрогнула. Потом она заматалась, не прекращая рычать, словно пыталась сбросить кого-то невидимого со своего тела. Лори взревела, как хищник, путаясь в простынях.

Джини торопливо включил ночник. Закрыв глаза, Лори бушевала, рыча и срывая с себя длинную сорочку. Впиваясь ногтями в простыни, она раздираала их на клочки. Хриплым, нечеловеческим голосом она издавала страшные звуки.

— Лори! — вскричал перепуганный Кейлер. — Лори, Бога ради! Что с тобой?

Он схватил жену за руку, но ей удалось увернуться. Свободной рукой Лори умудрилась поранить ему щеку, полоснув по лицу мужа длинными ногтями. Острая боль обожгла Джини, и он в ужасе прижал к ране простыню. Ткань мгновенно обагрилась кровью.

— Ты же оцарапала меня! — завопил Джини.

Он с такой силой вlepил жене пощечину, что ладонь тут же онемела. Еще раз дернувшись, Лори внезапно затихла, тяжело дыша, как после долгого и быстрого бега. Багровое пятно заалело на ее щеке.

— Лори! — зашипел Кейлер. — Лори, что за чертовщина тут происходит? Да отвечай же мне в конце концов!

Какое-то время девушка лежала молча, и единственным звуком в комнате было ее сиплое дыхание. И вдруг Лори повернула к мужу голову и уставилась ему прямо в глаза. Зрачки ее сузились и походили теперь на вертикальные черточки. Лори смотрела на него злобно и угрожающе, и вдруг Джини вспомнился безжалостный звериный взгляд, преследовавший его в бреду, когда он впервые очутился в этом доме и на него напали сторожевые собаки Сэмплов.

— Лори, — тихо позвал Кейлер. — Лори, это ты?

Не сводя с него взгляда, Лори внезапно ощерилась, обнажив заостренные клыки. Приподнявшись на кровати, она мгновенно подползла к нему по простыням. Джини в ужасе замер. Однако когда Лори оказалась довольно близко, Кейлер проворно перекатился на свою половину кровати, а потом, прыгнув с постели, очутился у самой двери.

Добравшись до края постели, Лори оскалилась, как настоящая львица, и продолжала хищно следить за мужем.

Джини почувствовал, как по спине побежали мурашки. Озноб мгновенно охватил его. Кейлер нос к носу столкнулся с настоящим монстром, и он-то уж никак не походил на ту очаровательную девушку, которую он недавно назвал своей женой. В ее глазах и в помине не осталось ни капли любви. Угрожающе рыча и готовясь к прыжку, на Джини немигающим взглядом уставился зверь. Волосы Лори спутались и сейчас напоминали льви-

ную гриву, а комната насквозь пропахла знакомым запахом мускуса, тем самым, что всегда окутывал Лори и напоминал какие-то экзотические духи.

— Лори,— в ужасе прошептал Джини.

Зверь широко раскрыл глаза и замер, не спуская с Кейлера хищного взгляда. Он словно прицеливался.

— Лори, если ты там... внутри этого монстра...— промямлил было Джини и запнулся, с трудом осознавая, что же он такое сейчас сказал.— Лори, выслушай меня!

Он медленно пятился к выходу, сдернув со спинки стула свой банный халат, осторожно обернул его вокруг правой руки. Джини вдруг припомнил, что видел нечто подобное в каком-то фильме про Тарзана. Там главный герой намотал на руку ткань, чтобы защититься от львицы. Как ни смешно, но халат этот, похоже, был сейчас чуть ли не единственным средством защиты, которое оказалось под рукой. Человек и зверь не сводили друг с друга глаз. Оба замерли, ожидая решающего момента. Напряжение между жертвой и хищником возрастало с каждой секундой и становилось невыносимым.

— Лори! — снова позвал Кейлер.— Это я! Это я, Джини! Ты не узнаешь меня? Я Джини!

То, что произошло потом, повергло Кейлера в неопи-суемый ужас. Лори на четвереньках прыгнула на пол и подбежала к приоткрытому окну спальни. Она распахнула его и вскарабкалась на узкий подоконник. Обернувшись, она еще раз окинула Джини пронзительным взглядом зеленых горящих глаз. В следующую секунду, прежде чем Кейлер успел вымолвить слово, Лори выскочила из окна и исчезла.

— Лори! — только и выкрикнул ей вслед растерянный и насмерть перепуганный Кейлер.

Он подбежал к окну и выглянул во двор. До земли было никак не меньше тридцати футов, и было слышно, как девушка, словно тяжеленный валун, рухнула вниз. Но в саду лишь завывал октябрьский пронизывающий ветер, шелестя кронами древних дубов. Как ни вглядывался Кейлер в ночную мглу, он так и не смог обнаружить на земле несчастного, распростертого тела своей драгоценной половины. Не заметил он и белоснежной развевающейся ночной сорочки на дорожке, ведущей к воротам из поместья. Ничего.

Внезапно краешком глаза Джини уловил бледную тень, скользящую в направлении ворот. Кейлер присмотрелся. Какое-то животное спешило туда с невероятной скоростью. «Так быстро скачут, видимо, только лошади», — решил он. А передвигалось это существо длинными прыжками. Очень скоро неведомый зверь растворился в темноте. Тишину в доме нарушало теперь лишь поскрипывание старых половиц, да хлопали где-то створки окна, которое, похоже, запытавали закрыть на ночь.

С упавшим сердцем Джини доплелся до умывальника и, набрав полный стакан холодной воды, залпом осушил его. Потом опустился на один из стульев, стоявших подле кровати, и прикурил сигарету. Ему не терпелось немедленно действовать. Можно, конечно, разбудить мать Лори или достучаться до Мэтью, а то и просто вызвать полицию. Но, поразмыслив немного, Кейлер пришел к выводу, что действовать следует по совету доктора: не торопиться и тем более не принимать радикальных решений, когда дело касается Лори.

Обдумывая происшедшее, Джини уже через какие-то полчаса и представить себе не мог, что именно с Лори произошло это страшное превращение, что она всего за несколько минут перевоплотилась из милой и ласковой девушки в кровожадного зверя. Возможно, Питер Грейвс был прав, когда предположил, что Лори, вполне возможно, страдает одной из форм истерии, возмнив себя человекольвом. Но вот чем объяснить поистине фантастический прыжок рыбой с головокружительной тридцатифутовой высоты? И что это за необычный запах, которым успела пропитаться вся их спальня?

Размышляя, Джини пришел к следующему выводу. Очевидно, личность Лори имела как бы две стороны. Одна половинка ее сущности — человеческая. Это добрая, отзывчивая и чуткая девушка. Другая же, звериная половина, отражает на редкость жестокую и злую тварь. Однако это не классическое расщепление личности, ибо обе половины гармонично переплетаются. Будучи человеком, Лори прекрасно осознает и то, что с ней происходит в звериной ипостаси. Именно поэтому девушка предостерегала Джини. Правда, намеками. И вот когда ночью Кейлер напомнил чудовищу, что он — Джини —

любимый и законный супруг Лори, зверь понял это. Джини даже показалось, будто Лори узнала его и поэтому не стала трогать.

Но Кейлера волновало и другое. Он подошел к тумбочке, на которой стоял телефон, набрал номер и стал ждать, когда проснется Мэгги.

Прошло минут пять, прежде чем в трубке раздался шипящий голос разъяренной Мэгги.

— Кто это, черт побери? Вы соображаете, который час? — взвилась она.

— Мэгги, успокойся. Это Джини.

— Джини, Бога ради, дай же мне отдохнуть. Сейчас два часа ночи, и я только-только заснула.

— Мэгги, прости меня, не хотел тебя тревожить, но у меня срочная просьба, — начал оправдываться Кейлер.

Мэгги судорожно вздохнула. Похоже, она поняла, что шеф чем-то не на шутку встревожен.

— Ну хорошо, Джини, — сдалась Мэгги. — Выкладывай, что там у тебя стряслось. Надеюсь, ты не собираешься выведывать у меня рецепт коричневого пирога?

— Я звоню насчет собак.

— Собак? Каких еще собак? — не сразу сообразила девушка спросонок.

— Помнишь, ты обещала узнать у Энрико насчет сторожевых псов, которые охраняют поместье Сэмплов, — напомнил Джини.

— Да, я спрашивала... — Мэгги зевнула в трубку.

— Ну, и что? — нетерпеливо перебил ее Кейлер.

— Он заявил, что никакой лицензии на содержание сторожевой собаки они не имеют. А еще Энрико связался со своим коллегой, который курирует ваш район. Так вот, тот неплохо знает самих Сэмплов. Он подтвердил, что Сэмплы вообще не держат никаких собак.

У Джини перехватило дыхание. Так вот в чем дело! Оказывается, когда Кейлер впервые выслеживал Лори, тот зверь, которого он заметил в саду, и был ею. А чудовище, которое Джини по ошибке принял за собаку, и которое, стащив Кейлера с дерева, чуть было не растерзало того, оказалось ни кем иным, как его собственной женой.

— Спасибо, Мэгги, — отрешенно пробормотал Джини. — Я скорее всего перезвоню тебе завтра.

Кейлер подошел к окну и тщательно закрыл его. Потом запер дверь в спальню. Одевшись, он лег поверх покрывала, чтобы хоть чуточку передохнуть. Джини действительно задремал, однако поспать по-настоящему ему так и не удалось. Каждый раз, когда Кейлера начинал одолевать сон, из темноты всплывал страшный образ Лори — оскалившей длинные желтоватые клыки. Она готовилась к прыжку.

* * *

На рассвете, когда небо, покрывшись серебристыми бликами, начало светлеть, Кейлер уловил возле двери шорох. Джини приподнял голову и прислушался. Звук был тихим, словно кто-то осторожно ступал по коридору, стараясь не разбудить обитателей дома. Джини вскочил с постели и на цыпочках бесшумно подкрался по мягкому ковру к двери. Прижавшись к ней ухом, он стал ожидать, что же произойдет дальше.

Через пару секунд дверная ручка повернулась. Кто-то пытался войти в спальню. Видимо, сообразив, что комната заперта на ключ, ночной визитер начал толкать дверь. Джини почувствовал, как незваный гость прямо-таки наваливается на сосновые панели обивки. Жалобно скрипнули петли, не желая впускать непрошенного посетителя.

Наступила короткая пауза, после чего неизвестный с такой силой обрушился на дверь, что та уже просто заходила ходуном, готовая в любой момент выломиться из проема.

И снова тишина. Джини отчетливо слышал, как существо по ту сторону двери тяжело дышит и принюхивается.

— Джини! — вдруг позвал знакомый голос.

Кейлер смахнул рукавом капельки холодного пота, мгновенно выступившие на лбу. Это была Лори, вернее, то чудовище, в которое превратилась девушка. Колечи у Джини подкосились, зуб на зуб не попадал, да еще и голова закружилась, словно Кейлера внезапно одолел сильнейший приступ лихорадки.

— Джини! — снова позвала Лори, на этот раз более ласково.

Но Кейлер не шевелился. Стиснув зубы, он молча приник к двери.

— Джини, я знаю, что ты там,— не унималась Лори.— Пожалуйста, открой мне дверь.

Теперь голос точно принадлежал его бесценной и обожаемой Лори. Джини не верил собственным ушам. Какого же черта он держит ее в коридоре и не впускает в спальню? Это ее-то — любимую и единственную? Ведь Лори, наверное, замерзла. Она же торчит там, за дверью в одной рубашке!

— Джини,— зашептала девушка.— Открой мне, Джини.

— Не могу,— хриплым голосом отозвался Кейлер.

— Ну я прошу тебя, пожалуйста. Мне тут холодно, Джини. Я замерзла.

— Лори, я... Мне страшно.

— Почему? — после короткой паузы спросила Лори.— Неужели ты боишься меня?

— Сама знаешь почему. Неужели я должен тебе все объяснять? Как же я открою тебе, ведь ты в любой момент можешь сцапать меня, как тогда, когда я влез на дерево под вашими окнами.

— Джини, я перестаю тебя понимать. По-моему, ты несешь околесицу.

— Нет. Лори, то, что я говорю,— правда,— возразил Кейлер и откашлялся.— А тебе это известно не хуже моего. И вот еще что. Весь день моя секретарша потратила на то, чтобы разыскать в библиотеках сведения о племени убасти. Теперь-то я знаю, что это за народец и почему ты выглядишь именно так. Отчего так кичишься своим происхождением и внешностью.

— Джини,— как можно спокойней заговорила Лори.— Открой мне дверь и давай поговорим.

— Но мы и так разговариваем.

— Да, но здесь очень холодно. Тут сквозняк, Джини. Впусти меня, я ничего плохого не сделаю тебе.

— А откуда мне знать? Сейчас я открою, а ты с ходу набросишься на меня и разорвешь на куски.

— Джини, ну ты же сам видел, что со мной произошло. Ты слышал все своими ушами. Ведь тогда я не могла даже разговаривать с тобой, не могла произнести ни слова. А сейчас все опять по-прежнему, и я твоя жена.

Джини закусил губу и с сомнением уставился на ключ, торчавший из дверного замка. Если сейчас Кейлер повернет его и впустит Лори, то у него появятся все шансы моментально превратиться в эту злополучную смитову газель. А с другой стороны... Если звериная фаза закончилась, то сейчас Лори — самое что ни на есть безобидное и любящее существо, как оно и было раньше.

— Погоди секундочку,— подал голос Кейлер и, отступив в глубину комнаты, вооружился увесистой деревянной табуреткой. Крепко взявшись за нее, он быстро подскочил к двери и крутанул ключ.

— Я открыл дверь,— сообщил Кейлер.— Можешь заходить. Только не делай никаких резких движений. Договорились?

Лори не ответила. Она медленно повернула ручку, и Джини услышал, как щелкнул замок. Потом дверь дернулась и, наконец, распахнулась. Жалобно скрипнули петли.

В утренних сумерках Джини не удалось хорошенько разглядеть жену. Он различал только бледное пятно лица. Правда, глаза у Лори сверкали, так что их легко можно было заметить, к тому же Джини слышал ее возбужденное дыхание.

— Хорошо, Лори, я вижу тебя,— произнес Джини.— Можешь заходить внутрь.

Она сделала два робких шага, и Джини тут же отпрянул, продолжая держать над головой табуретку. Он смахивал сейчас на неопытного дрессировщика. Добредя до середины спальни, где стояла кровать, Лори замерла. Джини неясно видел ее в полутемной комнате.

— Лори, оставайся на месте,— приказал Джини.— Сейчас я включу свет.

Не сводя с жены взгляда, Кейлер пошарил рукой в поисках выключателя, нащупал его и зажег ночник.

Сначала Джини показалось, что Лори успела накинуть ярко-красный халат. Присмотревшись, Кейлер отшатнулся. Он осознал, что Лори стоит в чем мать родила. А с ее тела стекает кровь. Эта кровь запеклась и в спутанных волосах девушки, а в уголках рта виднелись сгустки. Похоже, Лори совсем недавно терзала чью-то плоть. И кровь, стекающая с тела девушки, делала ее похожей на мясника, напавшего чудовищный фартук смерти.

Глава шестая

— Что ты наделала? — прошептал Джини и вдруг что есть сил крикнул: — Лори! Что ты натворила?!

Лори спокойно подошла к раковине, оставляя на ковре кровавые следы, и, включив оба крана, умыла лицо и руки. Пытаясь избавиться от крови, она тщательно вытерлась двумя полотенцами.

— Лори, — дрожащим голосом произнес Кейлер. — Лори, объясни же мне наконец, что произошло?

— Я спасла тебе жизнь, — как ни в чем не бывало отозвалась Лори, отворачиваясь от мужа.

— Что-что? — оторопел Джини. — Лори, ради всего святого...

— Я спасла тебе жизнь, — ледяным голосом повторила Лори, глядя ему в глаза. — Я убила овцу. Если бы я этого не сделала, то жертвой мог бы стать ты.

Джини не верил собственным ушам. Он был на грани истерики.

— Ты хочешь сказать, что ночью ты выскочила на улицу обнаженная и, напав на овцу, растерзала ее и сожрала?

Лори продолжала умываться. Она была спокойна и, казалось, не испытывала никаких угрызений совести.

— А что же тут удивительного? — Она пожала плечами. — Ты же знаешь, что я принадлежу к племени убасты. Мы не простые люди, мы — человекольвы, и я, и моя мать. Что же странного и необычного в том, что мы едим овец сырыми, пойманными на полях? Вот вы же, к примеру, употребляете баранину. Подаете ее на тарелках и не считаете это преступлением.

— Но ты только что обмолвилась, будто жертвой мог бы стать и я! — возмутился Джини. — А что произошло бы, если бы ты не спасла мне жизнь? А вдруг львиный инстинкт победил бы в тебе?

Лори тщательно вытерлась полотенцем и направилась к шкафу за свежей сорочкой.

— Не победил бы, — с уверенностью в голосе возразила Лори. — Во всяком случае, с тобой, как видишь, ничего не произошло. Вот и все.

Джини почувствовал комок в горле. Его начинало тошнить. Он опустился на табуретку, которую до этого

момента не выпускал из рук, и принялся обшаривать карманы в поисках сигарет. В пачке оказалась лишь одна сигарета, да и то смятая. Джини осторожно выпрямил ее и закурил.

— Лори,— обратился он к девушке.— Я думаю, ты сама понимаешь, что между нами все кончено.

— То есть ты меня теперь бросишь? — удивилась она, завязывая тесемки на длинной — до пола — желтой ситцевой сорочке.

— А я просто не вижу другого выхода,— пояснил Кейлер.— Сколько можно! Я ведь не сумею довериться тебе после того, что произошло. Ты полагаешь, я могу преспокойненько поживать рядом с тобой, осознавая, что в любой момент ты превратишься в зверюгу и как ни в чем не бывало перегрызешь мне горло? Это невозможно.

Лори расчесала волосы, погасила свет и, присев на край кровати, заглянула в глаза мужу:

— Ты, наверное, ненавидишь меня и считаешь, что я — настоящее воплощение зла.

— Послушай, Лори,— поспешил успокоить ее Кейлер.— Я не думаю ничего подобного. Но дальше терпеть твои выходки я не намерен. Если честно, то я сегодня перепугался до смерти. Хоть это-то ты понимаешь?

— Разумеется. Представляю себе, что ты сейчас чувствуешь. Но если поразмыслить логически, этот способ добывания пищи — вполне естественный. Более того, для меня он так же жизненно необходим, как, скажем, дыхание.

Джини нервно провел рукой по волосам.

— Лори, я не могу смириться с тем, что ты вытворяешь! Это исключено. И вообще, как часто подобное происходит? Каждую ночь? Раз в месяц? Или как?

— Когда мы поженились, я искренне надеялась, что ты pomoжешь мне,— тихо проронила девушка.

— Помогу? Что-то я перестаю улавливать суть,— растерявшись, признался Кейлер.

— Я думала, что стану самой непревзойденной и добропорядочной женой. Я надеялась, что ты поймешь меня и научишь всему тому, чего я не умею. В конце концов, Джини, род убасти должен рано или поздно угаснуть. Убасти ведь вымрут в конечном итоге. Я, возможно, последняя представительница этого племени.

— Ты хочешь сказать, что ты и твоя мать — последние убасты на этой земле? — изумился Джини.

Лори кивнула.

— Конечно, никто не может это гарантировать, но по крайней мере мы никогда о них не слышали. Племя было давным-давно изгнано фараонами из Тель-Бесты, еще задолго до рождения Христа и раньше, чем на свет появился Моисей. Убасты разбрелись по всему миру, но выжили очень немногие. Одних убивали, потому что в них преобладало львиное начало, а другие так и не смогли приспособиться к жизни среди людей. Моим предкам вобщем-то здорово повезло. Мы очень походили на людей, потому нам удалось скрыться среди вашего племени и, переехав в Европу, продолжить здесь свой род. К тому же львиное начало проявляется только по женской линии, а женщины ведь всегда меняют фамилию, выходя замуж. Так что проследить наши корни и уничтожить род оказалось занятием практически невозможным. А иногда мы сами придумывали себе новые фамилии. Например, девичья фамилия моей матери — Масиб. Это анаграмма слова «симба», которое в переводе с одного из африканских наречий означает «лев».

— А твоего отца... разорвали медведи, — вздрогнув, заговорил Джини. — Так он погиб. Неужели это действительно сделали медведи? А может быть, его загрызла твоя мать?

— Моя мать свято чтит традиции, — зашептала Лори. — Тут наши точки зрения расходятся. Она верит, что надо слепо следовать всем древним традициям и ритуалам.

— Так, значит, это она убила твоего отца?

— Я не могу сказать наверняка. Моя мать не любит распространяться на эту тему. Но в древних документах, повествующих о Тель-Бесте, говорится, что женщины обязаны сожрать мужчину после того, как он выполнит свой долг.

— Долг? — оторопел Джини.

— Ну, это зависит от того, чего именно хочет от мужчины женщина, — пояснила Лори. — После того, как у матери родилась я и отец вывез нас в Америку, обеспечив такую жизнь, о которой мать только мечтала, отец стал для нее обузой.

Выпустив струйку дыма, Джини нервно затушил окурок.

— А что случилось бы со мной? — поинтересовался он. — Стоило бы тебе появиться в высшем свете, мой долг тоже был бы выполнен, и ты в первый удобный момент разорвала бы меня на кусочки?

— Джини, — сердито оборвала его девушка. — Ты ничего не понял.

— Возможно. Но я и не хочу ничего понимать. Единственное, чего мне сейчас хочется, — побыстрее смотаться из этого дома. Лори, ты даже не представляешь себе, как жутко все это выглядит со стороны. Ты являешься под утро в спальню в чем мать родила, да еще и окровавленная, и я должен мило улыбнуться и как ни в чем не бывало окликнуть тебя: «Привет, дорогуша! Ну, как ты провела ночь?»

— Но ведь всего лишь пару часов тому назад ты клялся мне в вечной любви.

— Да, но вот под утро меня внезапно одолели сомнения.

— Джини, но как же так? Я-то считала, что...

— Что ты считала? — перебил Кейлер. — Ты считала, что я настоящий болван и позволю издеваться над собой?! — Он перешел на крик. — Ты даже не представляешь, сколько усилий стоило мне взять себя в руки и вернуться в эту проклятую спальню после того, как я имел счастье лицезреть тебя без одежды! Я действительно любил тебя и считал, что смогу переубедить: ты сделаешь операцию и станешь нормальной женщиной. Но только я вернулся, ты вдруг превращаешься в дикого зверя и, недолго думая, сигаешь из окна в поисках жертвы!

— Джини, но я ведь в самом деле хочу измениться. А кроме тебя, мне никто не поможет, — взмолилась Лори.

— Еще вчера ты об этом и слышать ничего не хотела. Забыла свои собственные слова? А уж как ты гордилась своей принадлежностью к племени убасти! Ты согласилась стать моей женой, во всем слушаться меня и уважать, но только не менять внешность. Лори, да ведь ты по большому счету даже не человек, черт побери!

Лори вздрогнула. На какую-то долю секунды глаза ее расширились, однако девушка мгновенно справилась с овладевшим ею порывом вцепиться мужу в глотку. Кровь зверя, что текла в жилах Лори, давала о себе знать.

— Джини,— вдруг ласково прошептала Лори,— я люблю тебя.

Кейлер ничего не ответил.

— Какая-никакая, но я все же твоя жена. Ты хочешь, чтобы я изменилась, и я обязательно сделаю это. Я согласна на пластическую операцию. Джини, я серьезно. Пусть удалят лишние груди. И я больше никогда не буду выскакивать по ночам из дома. У меня получится, Джини, но только если ты согласишься помочь мне. Ну я прошу тебя... Даже если ты больше не любишь меня и считаешь, что я всего-навсего злобное животное... Помоги мне стать человеком и избавиться от этого несчастья.

Кейлер закашлялся.

— Легко, наверное, философствовать, когда брюхо до отказа набито свежатиной? А что станет, когда ты вновь проголодаешься? Вдруг тебя снова потянет на теплую кровушку?

— Джини, я клянусь...

— Поздно. Я ухожу. Мой адвокат подготовит все необходимые документы для развода и пришлет тебе их на дом.

Лори упала на ковер и горько разрыдалась.

— Вставай! — внезапно рявкнул Кейлер. — Никакие слезы уже не помогут.

— Джини, ну дай мне хоть один-единственный шанс доказать тебе, что я исправлюсь. Я умоляю тебя!

— Я сказал вст а в а й! — взревел Кейлер не своим голосом.

И тут в спальню величественно вплыла миссис Сэмпл, облаченная в длинный белоснежный халат. Волосы ее были как всегда безупречно уложены, губы накрашены, а глаза подведены. Она устремилась к Лори и, нежно обняв дочь за плечи, окинула Джини ледяным взглядом.

— Как вы посмели расстроить ее? — укоризненно покачала головой миссис Сэмпл. — Разве вы не знаете, как чувствительна моя девочка?

Джини лишь усмехнулся.

— Да, в этом я уже имел счастье убедиться. Трепетная лань запросто махнула со второго этажа и схарчила здорового барана.

— Безумец, она же из племени убастии! — прошипела миссис Сэмпл. — Или вы успели позабыть об этом? Она — наследница древнейшего рода, самого достойного из всех тех, что когда-либо существовали на земле. Вы даже не представляете себе, что может означать сей факт.

— Напротив, как раз об этом племени мне удалось прочесть довольно много пикантных подробностей, — выпалил Джини, стараясь держаться как можно спокойнее.

— Ну тогда тем более ваше поведение просто возмутительно! — вскинулась мать Лори. — Вы же должны понимать, что с Лори нельзя обращаться как с обыкновенной женщиной, уготовив ей заурядную участь домохозяйки. Лори, крошка моя, ну, успокойся же. Взгляните на нее, Джини. Только слепой не оценит подобную красоту, которая культивировалась на протяжении тысячелетий.

— Правда? А я, грешным делом, считал, что выводят породы собак, лошадей, на худой конец, но никак не львов.

— Ну, Лори, — окликнула дочь миссис Сэмпл, — не хнычь, не надо.

Джини подошел к серванту и, вынув из ящика свои запонки, взял с тумбочки щетку, расческу и кое-какие мелочи. В зеркало он исподтишка наблюдал за миссис Сэмпл. Та не спускала с него глаз, и Джини подчеркнуто медленно собирал свои немногочисленные пожитки. «Теперь самое главное, — решил Кейлер, — не показать этим зверюгам, что я боюсь их. Нет уж, я не какая-нибудь беспомощная газель», — подбадривал себя Джини, чувствуя, как трясутся его руки, а сердце бешено колотится в груди.

— И что же вы намерены предпринять? — ледяным голосом осведомилась миссис Сэмпл, наблюдая за дей-

ствиями зятя.— Неужели вы бросите несчастную девушку на произвол судьбы? Взгляните, как она убивается...

Джини даже не обернулся.

— И вы не поможете ей выплыть в этом бурном и жестоком океане, называемом обществом, где столько злых людей, ждущих ее смерти? Вот как, оказывается, поступают истинные джентльмены, которые накануне до хрипоты клянутся в вечной любви!

— Завтра я встречаюсь со своим адвокатом,— ровным голосом произнес Джини.— Думаю, с ним вдвоем мы придем к какому-нибудь мало-мальски разумному решению.

— Если я правильно поняла, из-за странного поведения Лори и ее пристрастия к сырому мясу ваша любовь улетучилась в мгновение ока? А была ли она в таком случае настоящей? — не унималась миссис Сэмпл.

— Я этого не говорил,— хмыкнул Кейлер.— Я только сказал, что подобных выходов я не намерен терпеть. Мало того, что в первый же вечер Лори вцепилась зубами в мой язык, так, видимо, ей этого показалось недостаточно, и она чуть было не загрызла меня. А сегодня я воочию убедился в том, что жизнь моя отныне находится в серьезной опасности. Я просто чудом остался цел. Я ведь вполне мог бы смириться с ее происхождением, и даже с некоторыми физическими недостатками, но когда речь идет о моей жизни, тут уж — увольте, разлюбнейшая миссис Сэмпл. И если уж быть до конца откровенным, то этой ночью я чуть было в штаны не наложил от страха.

Джини достал из гардероба небольшой чемодан и начал укладывать в него рубашки, галстуки и носки. Все это время Лори продолжала лежать на ковре, уткнув лицо в ладони, а миссис Сэмпл, склонившись над дочерью, не переставала гладить ее волосы.

— Ну что ж,— подытожил Джини.— Вот, кажется, и все.

— Подождите,— вдруг спохватилась миссис Сэмпл.— А что, если я все же смогу гарантировать вашу личную безопасность?

— Каким же образом? — удивился Джини.— Какие такие гарантии можно давать в доме, кишмя кишашем дикими зверями?

— Ночью мы будем запира́ть Лори в соседней комнате,— быстро заговорила миссис Сэмпл.— Ну, в той самой комнатушке, где вы уже бывали раньше. Ключ будет находиться у вас. А Мэтью одолжит вам свое ружье. Поло́жите оружие рядом с собой в кровать и таким образом обеспечите свою безопасность. Ведь в любой момент вы сможете отразить нападение.

— Всю жизнь мечтал запира́ть на ночь жену и спать с ружьем под подушкой,— нервно хихикнул Джини.

Миссис Сэмпл подошла к зятю и взяла его за руку.

— Джини, это же временные меры предосторожности. Когда Лори поймет, что вы хотите остаться с ней, она сама начнет постепенно забывать, что принадлежала к племени убасти. Джини, я не верю, что настоящая любовь может вот так сразу погаснуть. Вы должны поддерживать Лори, обращаясь с ней, как с нормальным человеком. Вы же сами знаете, как сильно она привязана к вам. Больше она уже никого не сможет полюбить. Неужели вы хотите, чтобы такая девушка провела всю оставшуюся жизнь в одиночестве?

— А представьте-ка себе: однажды ночью я чего-нибудь недогляжу, Лори ворвется в спальню и с большим удовольствием набросится на меня. В каком дурацком положении я окажусь! Мне придется пристрелить свою собственную жену, как бешеную собаку!

— Нет, я уверена, что ничего подобного не случится,— улыбаясь, возразила миссис Сэмпл.— Я предлагаю вам ружье только для вашего спокойствия. Вам не придется им воспользоваться.

— Неужели? А может быть, вы поведаете мне, что же на самом деле произошло с вашим собственным мужем? Похоже, бедолага опрометчиво поверил в свою безопасность? — вспыхнул Кейлер.

— Он погиб в Канаде, Джини. Вам прекрасно известно, что во время охоты на него напал медведь.

— Ах, медведь... Да, конечно, на первый взгляд действительно можно предположить, что его растерзал именно медведь, а не какое-нибудь другое хищное животное. Ведь так, миссис Сэмпл?

Глаза ее сверкнули, и, отпустив руку зятя, она шагнула к дочери. К этому времени Лори начала успокаи-

ваться. Присев на краешек кровати, Лори обхватила себя руками, словно ее вдруг зазнобило.

— Джини, принимая во внимание все то, что вам пришлось вынести, я лишь могу покорно просить прощения и за себя, и за мою несчастную дочь.

Джини облизнул пересохшие губы. Он почувствовал неуверенность. Конечно, самый простой выход — это раз-вернуться и гордо покинуть проклятое поместье, оставив Лори раз и навсегда. Но, действительно, достоин ли подобный поступок настоящего мужчины? И впрямь: повел бы себя любящий муж таким образом? Да, Лори, конечно, опасна, но в конце концов ее поведение не страшнее, чем выходки обыкновенной психопатки. И не исключено, что, воспользуясь он советами приличного врача, ну, скажем, того же Питера Грейвса, Джини и в самом деле удастся сотворить из своей свирепой пассивной трепетной ягненок, то бишь, вполне приличную даму? И раз уж на то пошло, скольких львов и тигров удавалось приручить с помощью дрессировки, сделав их не более опасными, чем домашние киски. А ведь Лори-то и не совсем зверь, она наполовину принадлежит к роду человеческому.

— Пожалуйста, Джини, не бросай меня,— всхлипнула Лори. Мольба эта окончательно растопила лед в сердце Кейлера. Он принял, наконец, решение.

— Ну ладно,— буркнул он.— Попробуем в последний раз. Но только отныне все будет по-моему. И никакой самостоятельности! Сначала я договорюсь о пластической операции. Потом подыщу нормального психиатра. Твоя спальня будет запирается до тех пор, пока я не разрешу тебе выходить из нее.

Кейлер вдруг стремительно бросился к Лори и нежно обнял ее. Стоявшая поодаль миссис Сэмпл уставилась на влюбленных своими кошачьими глазами и, казалось, вот-вот замурлычет от удовольствия.

* * *

Питер Грейвс вышел из своего кабинета и приблизился к Джини, который вот уже битый час торчал в приемной и бездумно листал старые потрепанные журналы.

— Ну, и что вы мне можете сказать? — заговорил наконец Кейлер, отрывая взгляд от страницы.

Питер опустился в соседнее кресло и задумчиво потер подбородок.

— Очень странный случай, — нерешительно протянул он. — Пожалуй, даже самый странный в моей долголетней практике.

Джини швырнул журнал на невысокий столик.

— Послушайте, Питер. Это мне и самому известно, иначе я не стал бы к вам обращаться. Мне надо знать, сможете ли вы ей помочь.

Питер откинулся на спинку кресла и шумно втянул воздух.

— Понимаете, это ведь не разновидность психоза, с которым можно справиться всего за несколько сеансов. Да и, по правде говоря, я не совсем уверен, что тут вообще психическое расстройство.

— Ну а что это, по-вашему, такое?

— Пока трудно судить. Попросту говоря, при психозе меняется отношение человека к действительности. Но ваша супруга воспринимает реальность вполне нормально. Правда, то, о чем она мне поведала, само по себе несколько необычно...

— То есть вы считаете, что никаких психических отклонений у нее нет?

— Скорее всего дело обстоит именно так. Впрочем, вы можете обратиться к другому специалисту, пусть он подтвердит. Конечно, у Лори повышена нервность, и девушка раскаивается в том, что ей пришлось скрывать от вас кое-какие подробности вплоть до самой свадьбы, ну и все такое прочее. А в остальном — она совершенно здоровая женщина.

— Ну а как же ее рассуждения? Ведь они даже вам показались весьма странными? — не унимался Джини.

Питер неопределенно пожал плечами.

— Вся необычность заключается в том, что в отличие от вас или меня девушка считает вполне естественным явлением несколько пар сосков. А уж в том, чтобы разорвать животное и поедать его мясо в сыром виде, и вовсе нет ничего из ряда вон выходящего, считает Лори. Однако подобная точка зрения не позволяет мне сделать вывод, будто подобные рассуждения являются след-

ствием какого-то психического отклонения. Во всяком случае, все анализы и ЭЭГ показали, что Лори вполне здорова. Она начинает возбуждаться лишь тогда, когда разговор заходит либо о вас, либо о ваших с ней взаимоотношениях. Это, по-моему, волнует ее сильнее всего.

— И вы действительно считаете, что она помесь льва с человеком?

На лице Питера мелькнула растерянность.

— Знаете, в ее поведении, в реакциях и в самом деле есть что-то от львицы. Конечно, все это нельзя воспринимать буквально, и все же...

— Питер, поверьте моим словам — я ведь сам видел, как она сиганула со второго этажа, выбросив вперед руки, прямо как кошка... И при этом даже не ушиблась! Доктор нахмурился.

— Джини, а вы уверены, что вам и самому не мешало бы у меня провериться? — осторожно закинул удочку Грейвс.

— Питер, я могу поклясться!

— Ну хорошо,— примирительным тоном заговорил врач.— Тогда вы меня буквально ставите в тупик, поскольку раньше я не сталкивался с подобными случаями. Я успел просмотреть несколько книг, где описывались моменты, когда пациенты обращались к психиатрам по поводу своего уродства. Но практически во всех перечисленных случаях психика этих людей не была нарушена. А вот ваша жена, напротив, абсолютно уверена, что ничего странного в ее внешности нет и она — вполне нормальна... Лори ведь даже гордится этим,— заключил Грейвс.

— Ну и что же мне делать? А вдруг это безобразие начнет прогрессировать? — насторожился Кейлер.

Питер вздохнул.

— Пока что продолжайте проявлять к жене прежнюю заботу и внимание, будьте предупредительны и говорите только о будничном и повседневном. Если же Лори начнет проявлять агрессию, твердо дайте ей понять, что вы этого не одобряете, вот тогда, постепенно, роль полуженщины-полульвицы наскучит и ей самой.

— А она не намекала вам, что ее преследует некий рок?

— Ну, она действительно считает, будто с ней должно произойти что-то очень серьезное, но особенно не распространялась на эту тему,— поспешил успокоить Кейлера доктор.

Джини поскреб в затылке.

— А вы сами не знаете, что же такого страшного может произойти? Или когда мне ожидать этого рокового часа?

— Ни малейших предположений на сей счет. Простите меня, Джини, если я так и не сумел вам помочь. Лори только заявила, будто этого требует некий Баст. Кстати, кто он такой? Ваш общий знакомый? — поинтересовался Грейвс.

— Да,— устало отмахнулся Джини, поднимаясь с кресла.— Я его знаю.

* * *

В течение последующих трех недель Кейлеры по-прежнему жили в поместье Сэмплов, но теперь их существование было исполнено такими странностями, что границы реальности все дальше и дальше отодвигались от Джини. Супруги пришли к обоюдному решению, что поместье являлось наиболее подходящим местом их обитания. Лори пока не проявляла никаких положительных сдвигов в сторону нормальной женщины, и оставаться по ночам один на один с ней в квартире казалось Джини еще опасным, поскольку его жилище располагалось в довольно оживленном городском районе. Джини продолжал каждое утро исправно ходить на работу. Однако и Мэгги, и даже сам Уолтер Фарлоу стали вскоре замечать, что вид у Кейлера с каждым днем ухудшается — Джини побледнел, осунулся, под глазами появились тени, свидетельствующие о том, что преуспевающему политику явно не хватает сна. Это полностью соответствовало действительности. Каждый вечер Джини запирал свою молодую супругу в небольшой комнатке. Ключ от нее Кейлер всегда носил на шее. Перед тем как растянуться на огромной — просто исполинской — кровати, Джини укладывал на одну из подушек крупнокалиберное охотничье ружье, которое ему вручил Мэтью.

Лори по-прежнему работала во франко-африканском банке. Иногда днем супруги встречались, чтобы переку-

свить и выпить по чашечке кофе в какой-нибудь забега-ловке. Лори стала более замкнутой, в ее взгляде появилась отчужденность, и Джини не раз ловил себя на мысли, что его жена витает где-то в совершенно иных сферах. Джини нередко приходилось повторять Лори свои вопросы, чтобы она наконец сумела вникнуть в их суть.

По вечерам, если только на эти дни не выпадали какие-нибудь утомительные приемы и Джини успевал на работе разделаться с кучей срочных проблем, все поместье словно окуналось в атмосферу строжайшего распорядка, напоминавшего своей неукоснительностью расписание поездов. На ужин семья собиралась в столовой и, чинно рассевшись, при свечах начинала трапезничать.

За столом, разумеется, главенствовала миссис Сэмпл. Без исключения. Женщина частенько заводила разговор о Египте или Судане и, делясь своими воспоминаниями, сетовала о минувших временах. Затем все неизменно слушали музыку, смотрели телевизор и в довершение столь оригинально проведенного вечера отправлялись на покой. Перед сном Джини целовал Лори и, проводив ее в крошечную спальню, запирали на ключ, обязательно проверяя, тщательно ли закрыта комната. Уже через дверь Кейлер желал своей жене спокойной ночи и еще некоторое время стоял у порога, надеясь услышать ответ. Но никогда его не получал.

Тогда Джини брел в спальню и, скользнув в постель, долго напрягал слух, пытаясь сквозь стенку уловить либо дыхание Лори, либо царапанье. Всю ночь напролет бедняга беспокойно ворочался в кровати, то забываясь тревожным, коротким сном, то с ужасом пробуждаясь от тяжелой, изматывающей дремы. К семи часам утра, усталый и измученный, Джини наспех одевался и мчался к Лори — освобождать жену от ночного заточения. Девушка была всегда безукоризненно красива и ласкова.

День за днем пролетала осень. Воспоминания о той страшной ночи стали мало-помалу стираться в памяти Кейлера. Джини чувствовал, что одиночество начинает тяготить его. Только инстинкт самосохранения еще удерживал Кейлера, и тот продолжал неизменно запирать свою драгоценную половину. Хотя, впрочем, не только инстинкт. Не последнюю роль сыграла здесь и гравюра с изображением смитовой газели.

Лори никогда не жаловалась на подобный ход вещей, словно такие супружеские отношения являлись совершенно нормальными. Да и Джини вроде бы смирился с весьма незаурядной телесной конструкцией своей жены. Но, пожалуй, именно эта сдержанная и нарочитая терпимость стала камнем преткновения в супружеских отношениях Лори и Джини. Кейлер уже начал было тревожиться, не продлится ли такой счастливый брак аж до его — Кейлера — последних дней, ведь Лори, похоже, примирилась с ночным заточением, лишь бы оставаться человекольвицей.

Однако когда Джини подыскал ей хирурга в больнице Бейдермейера, она встретила известие о пластической операции со спокойной и очаровательной улыбкой, будто все шло по плану. Стоило Джини коснуться в очередном разговоре операции, Лори расплывалась в улыбке и как заведенная отзывалась своим ангельским голоском: «Все будет хорошо», словно предчувствовала, что не за горами какое-то грандиозное событие, по сравнению с которым все остальное теряет смысл. Миссис Сэмпл просто порхала по дому. Она казалась счастливой и всеми силами старалась угодить Джини. Похоже, и она знала какую-то тайну. К концу третьей недели дом уже напоминал Джини большой корабль, а он — Кейлер — оставался единственным членом экипажа, который был не в курсе, что судно уже дало течь и готовится со дня на день благополучно затонуть.

После ужина в четверг Джини, провожая Лори в ее спальню, опять завел старый разговор:

— Дорогая, тебе вот-вот предстоит серьезная операция. Я подыскал в клинике самых лучших врачей — профессора Редда, а ассистировать будет его супруга. Джордж и Элен Редд известны во всем мире. Да у них просто золотые руки, и место для тебя уже забронировано. Кстати, они делали похожую операцию одной известной европейской спортсменке Мэгги Келлоу. Вот увидишь, очень скоро ты забудешь о племени убасты. Я чувствую это.

— А ты считаешь, что я стану от этого счастливей? — парировала Лори.

— Но у тебя самой появится желание побыстрее забыть обо всем. Разве ты этого не хочешь?

Она окинула Джини тоскливым и отчужденным взглядом. За спиной Лори сквозь оконные витражи просачивались тусклые разноцветные полосы света.

— Мне кажется, я не могу точно ответить на этот вопрос,— грустно заметила Лори.

Джини распахнул перед ней дверь спальни.

— Если ты хочешь оставаться такой, какая есть, я не стану принуждать тебя меняться, Лори. Но тогда и меня уволь... Я не согласен играть роль твоего мужа

Она улыбнулась.

— Может быть, нам стоит сделать еще один маленький шагок, который бы меня вдохновил на операцию? Кто знает — может, он поможет.

— Я не понял тебя.

— Наверное, пора бы тебе пригласить меня в спальню. Ну, ты же прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Ведь мы некоторым образом муж и жена.

Джини ничего не ответил.

— Ну, пойми же меня,— продолжала Лори, нежно касаясь руки Кейлера.— Так мы ни к чему не придем. Нет, я не против того, чтобы ты заперал меня каждую ночь. И догадываюсь, что ты сейчас чувствуешь. Но нашу женитьбу и женитьбой-то не назовешь, ведь мы даже не пытаемся сделать хоть один маленький шаг навстречу друг другу!

Джини растерянно отвернулся, раздумывая, как ему реагировать на такое странное предложение.

— Ты любишь меня, ты согласился остаться со мной и помочь пережить все трудности,— уговаривала его Лори — Ну так почему бы теперь тебе не доказать, что ты по-настоящему любишь меня? С моим нынешним телом, данным мне от природы?

Джини взглянул ей в глаза, пытаясь прочесть в них, что же Лори задумала на этот раз. Но взгляд этих зеленых глаз оставался непроницаемым.

— Если я впущу тебя,— хрипло проговорил Кейлер,— у меня не будет тогда никаких гарантий, что ты .

— Это верно,— согласилась девушка.— Гарантий я давать не намерена.

Джини задумчиво покосился на ключ, который все это время держал в руке. Что это — еще одна уловка — попытка пощекотать нервы, сознавая, как сейчас ты бу-

десь находиться на грани жизни и смерти, или же он действительно здорово перенервничал, и вся затея с запираанием — только перестраховка для его же собственного блага и спокойствия? Кстати, ведь Лори не принимала никаких попыток убить его, когда они вместе лежали на той громадной кровати в спальне. Ведь она всего-навсего прыгнула вниз и наскоро перекусила. Да и потом, по большому счету Лори права: поедание жареных барашков в конечном итоге ничуть не гуманнее, чем пожирание их сырого мяса.

Джини застыл в нерешительности, не зная, что предпринять.

Внезапно на лестнице послышались тяжелые шаги, и около спальни появился молчаливый каменнолицый Мэтью. Заметив Кейлеров, слуга остановился.

— Спокойной ночи, Мэтью,— прошептала Лори. И это означало, что сегодня она не нуждается в его услугах. Но Мэтью продолжал стоять, держась покрытой шрамами рукой за поручень лестницы. Казалось, он даже и не думал двинуться с места.

— Ну хорошо, Джини,— улыбнулась Лори.— Возможно, мы попробуем как-нибудь в другой раз.

Джини переводил недоуменный взгляд то на Лори, то на Мэтью. Что за странная молчаливая связь существовала между этими людьми, связь, которая в мгновение ока заставила Лори изменить свое решение провести ночь в спальне Кейлера? Лори чмокнула супруга и, впорхнув в комнатку, закрыла за собой дверь. Мэтью внимательно наблюдал, как Джини вставил ключ в замочную скважину и дважды провернул его. Убедившись в том, что дверь заперта, Мэтью удовлетворенно кивнул и зашагал вниз к свою каморку.

— Мэтью,— позвал Джини.

Немой слуга остановился как вкопанный. Если бы его спина могла иметь выражение, оно, безусловно, было бы таким же каменным, как и его лицо.

— Мэтью, послушайте, здесь, кажется, произойдет вскорости какая-то заварушка? Я угадал?

Мэтью не шевелился, и Джини никак не мог взять в толк, раздумывает ли слуга над ответом или ждет, пока новый хозяин начнет расспрашивать его.

Кейлер опустился на несколько ступенек и заглянул в глаза шоферу. Взгляд у того оставался пустым и в то же время подозрительным.

— Ведь вы один раз предупредили меня,— напомнил Джини.— Когда вы сказали про смитову газель. Ведь то было предупреждение. Однако это еще не все, верно? Есть еще что-то. И оно, я почти уверен, связано с Бастом.

— Баст...— прохрипел слуга, выжимая это слово из гортани. Затем отрицательно замотал головой и, протянув руку, схватил Джини за запястье. Тем же страшным голосом он прохрипел еще три слова: — сын Баста... сын.

— Сын Баста? — недоуменно переспросил Джини.— Что это такое?

Мэтью попытался еще что-то сказать, но запас его речевых возможностей иссяк. Тогда он принялся объяснять на языке жестов и мимики. Мэтью наморщил нос и оскалился. Джини испуганно отшатнулся.

— Вот так выглядит сын Баста? Вы это хотели показать?

Мэтью кивнул. Он, видимо, собирался продолжить свою страшную пантомиму, но в этот момент на лестнице послышался стук каблучков. Миссис Сэмпл отправлялась на покой. Мэтью взмахнул в воздухе руками, словно стирая представленный им ужасный образ сына Баста, и торопливо зашагал в темноту.

Джини стоял, как столб. Он не заметил, как миссис Сэмпл почти вплотную подошла к нему.

— А, Джини,— весело произнесла она.— Лори уже отправилась на боковую?

Кейлер хмуро кивнул.

— Впихнута в свою тюрьму и заперта,— мрачно констатировал он.

Миссис Сэмпл доверительно положила руку на плечо Джини. Он мгновенно ощутил все тот же знакомый мускусный аромат и через плотную ткань рубашки почувствовал неприятное покалывание ее длиннющих острых ногтей. Глаза миссис Сэмпл сверкали похлеще бриллиантов, вставленных в ее серьги.

— Ни о чем не беспокойтесь, милый мой,— промурлыкала она.— В самом ближайшем будущем все у нас

наладится. Вы даже вообразить себе не можете, как заботится о своем партнере женщина из племени убасты.

Джини устало провел ладонью по волосам.

— Я на это очень рассчитываю, миссис Сэмпл. Честно говоря, я нахожусь уже на грани срыва и больше не выдержу такого напряжения.

— Но вы же любите Лори и не сомневаетесь в ее ответной любви, разве не так?

— Совершенно верно.

— Так пусть это и станет вашей путеводной звездой и надеждой, Джини. Маяком, озаряющим ваш путь в годину тяжелейших испытаний, когда душа томится во мраке сомнений.

Джини пристально взглянул на женщину, пытаюсь угадать, исходят ли столь поэтические изыски от чистого сердца. Лицо ее вдруг показалось Кейлеру преисполненным страстности, и он решил, что миссис Сэмпл краснобайствовала сейчас вполне искренне.

— Ну, хорошо, миссис Сэмпл,— смягчился Кейлер.— Я попробую выдержать и это испытание.

* * *

На следующее утро «Вашингтон пост» поместила в своей передовице небольшую заметку, озаглавленную «Повинен ли тигр в смерти мальчика?». Джини схватил газету со своего стола в конторе и торопливо пробежал глазами текст.

«Вчера в районе Мерриам дворники обнаружили в одной из канав труп девятилетнего мальчика Эндрю Кэха. Ребенок был, очевидно, растерзан. Полиция предполагает, что на него напал крупный хищник, по размерам не меньше тигра. К такому заключению эксперты пришли после тщательного изучения трупа. По словам начальника местной полиции, это «что-то чудовищное». Телс обезображено и наполовину съедено, вероятней всего, каким-то диким животным. Никаких сообщений о появлении крупных хищников в районную полицию не поступало. Из зоопарка или из частных зверинцев не исчез ни один тигр».

Газета выскользнула из рук Джини. Лицо его покрылось мертвенной бледностью. Пошатываясь и с трудом различая дорогу, он добрался до туалета, где его долго и мучительно рвало.

* * *

В тот вечер за ужином царила какая-то особо торжественная атмосфера. Семейство держалось с видимым напряжением. Мэтью подал супницу с мясным бульоном, и все трое молча наблюдали за действиями слуги в свете ярко горящих свечей. Лори, как всегда, надела вечернее платье с глубоким вырезом, а ее мать, напротив, облачилась в официальный костюм со стоячим высоким воротничком, к которому была приколота камея.

— Что-то сегодня мы все не слишком разговорчивы, — заметила миссис Сэмпл, смакуя бульон.

— Это, наверное, из-за Джини, — усмехнулась Лори. — У него, видимо, какие-то сложности по работе. Он как явился сегодня домой, так из него и слова не вытянешь. Я угадала, Джини?

— Что?

— Ну вот, — обидевшись, насупилась Лори. — Ты меня даже не слушаешь!

— Прости, — отозвался Джини. — Я тут немножко задумался...

— Наверное, о чем-то исключительно интересном? — осведомилась миссис Сэмпл, изогнув брови.

Джини отложил ложку в сторону.

— Смотря что вы считаете интересным. Для меня, например, нет ничего более занятого, чем заброшенные канавы в районе Мерриам.

Лори быстро взглянула на мать, и та сразу же заговорила:

— Канавы? Что-то я не могу уловить ход ваших мыслей, Джини.

— Вы можете считать меня психом. Когда живешь в постоянном напряжении и буквально валишься с ног от усталости, подобного развития сюжета можно добиться за весьма короткое время. Но слишком уж много вокруг меня всяческих совпадений. Как говорится, в данном случае все сходится тютелька в тютельку.

— Джини, дорогой, мне кажется, вы слишком переутомились на службе в последние дни,— оторопела миссис Сэмпл.

— Неужели? — огрызнулся Кейлер.— А может быть, это вы и моя благоверная слишком уж усердничаєте, да так, что на сей раз просто перестарались?

— Я не знаю, о чем ты тут толкуешь,— вступила в разговор Лори.— Весь вечер напролет ты сидишь, как воды в рот набрал, а теперь загадываешь загадки. Почему бы тебе не рассказать все, как есть?

— А разве ты не читала сегодняшних газет? — скривился Кейлер.

— Нет. А в чем, собственно, дело?

— И новости по телевизору не смотрела?

— Признаться, нет.

Джини отпихнул тарелку с бульоном, вскочил из-за стола и, обойдя его, встал за спинкой стула миссис Сэмпл, так что если бы той захотелось взглянуть на Кейлера, то пришлось бы повернуть голову не больше не меньше, как на 180 градусов.

— В сегодняшних газетах сообщалось, что в канаве нашего района был найден растерзанный труп девятилетнего мальчика. Полиция утверждает, что, судя по всем признакам, над беднягой потрудился крупный хищник. Во всяком случае, не мельче тигра.

— Джини,— внезапно нахмурилась Лори,— я надеюсь, тебе не пришло в голову, что...

— А что другое могло прийти мне в голову? — взорвался Кейлер.— К какому еще разумному заключению пришел бы любой другой на моем месте?

— Вы что же, хотите сказать, будто моя Лори смогла убить ребенка? — возмутилась миссис Сэмпл.— Вы на это намекаете?

— Я ни на что не намекаю, а спрашиваю вас напрямую. Все факты представлены в газетах. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Ну, а если Лори вам скажет, что не делала этого?

— Тогда мне придется в очередной раз принять это на веру,— признался Кейлер.— Хотя будет это весьма трудно.

— Значит, вы все-таки не исключаете возможности, что это страшное убийство могла совершить именно Лори? — наседала миссис Сэмпл.

— Трудно сказать. Во всяком случае, оправдываться должна сама Лори, а не ее адвокат,— подытожил Джини.

Миссис Сэмпл поднялась со стула.

— Ну, а если бы она призналась, что это ее рук дело, то как бы вы тогда повели себя?

— Я думаю, для начала необходимо выяснить истину, а не теряться понапрасну в догадках,— отрезал Кейлер.

— Джини,— произнесла миссис Сэмпл своим восхижительным вибрирующим контральто,— вы должны помнить, что Лори — ваша законная супруга. И вы должны не только любить жену, но и доверять ей. Нельзя рассматривать женщину, как преступницу. Мы и так пошли на поводу у ваших прихотей и позволили вам каждую ночь запира́ть Лори в клетку. Но если вы каждый раз, прочитав очередную заметку о каком-либо происшествии с предполагаемым участием тигров, львов и невесть каких зверей, будете проявлять свою истерию подобным образом, то, вероятно, вам следует еще раз хорошенько поразмыслить относительно брака. Наверное, придется все же расторгнуть его ради блага и спокойствия обеих сторон.

— Миссис Сэмпл,— возразил Джини,— вы сами знаете, что сейчас я не хочу развода. Давайте подождем результатов пластической операции. Лори действительно сможет выкарабкаться из всей это чертовщины.

— Да, похоже, все американцы из одного теста! — презрительно фыркнула миссис Сэмпл. — Для вас главное — внешность человека, его товарный вид. Пока вы считали, что Лори достаточно привлекательна внешне, чтобы стать вашей женой, все шло как по маслу. Но стоило вам только узнать, что Лори отличается от других женщин, вы тут же начали преследовать ее, как из века в век преследовали убасти и «гуманные» представители рода человеческого. Ну, а уж сегодня-то вы превзошли самого себя, бросив нам в лицо обвинение в убийстве этого несчастного мальчика. Мне кажется, вы просто начинаете терять рассудок, вот и все.

— Джини, ты должен верить мне,— взмолилась Лори.

Джини перевел взгляд на жену и опустил глаза.

— Я теперь не знаю, кому верить, Лори,— произнес он хриплым голосом.— Думаю, мне лучше уйти. Тогда ты разом избавишься и от тяжкого бремени моих подозрений, и от необходимости терпеть рядом с собой нервную особу. Ты вольна выбирать любую форму существования: хочешь — оставайся львицей, а надоест — станешь нормальной женщиной. Я пытался помочь тебе, но, видимо, силе не в моих силах. Я переоценил свои возможности.

Лори положила салфетку перед собой, поднялась и, обогнув стол, приблизилась к Джини. Она протянула к нему руки; лицо девушки в этот момент было преисполнено такой нежности и любви, что у Кейлера не хватило мужества заглянуть ей в глаза.

— Джини,— тихо начала она,— неужели ты не понимаешь и не чувствуешь, как сильно я тебя люблю? Ты мне очень, очень нужен.

Кейлер молчал.

— Ты же должен был понять это еще в начале нашего знакомства, помнишь, когда мы встретились на банкете у Генри Несса. Я сразу почувствовала, что ты — само совершенство, что ты — единственный мужчина, о каком я мечтала всю жизнь

— Послушай, Лори,— устало вздохнул Джини,— нервы у меня уже на пределе. Я знаю, что ты любишь меня и хочешь, чтобы мы всегда были вместе. Но теперь я не уверен, сумею ли нести свой крест и дальше. Ведь я всегда буду требовать доказательств твоей невинности в том или другом происшествии.

— Так вы готовы поверить в то, что Лори убила этого мальчика? Вам, наверное, хочется в это верить! — вскипела миссис Сэмпл.

Джини подошел к столу и налил себе полный бокал вина.

— Ну нет же, нет,— еле слышно проговорил он.— Упаси меня Бог!

— Ну и не надо,— обрадовалась миссис Сэмпл.— Видите, как все просто и легко решается!

Джини в три глотка опорожнил бокал и вытер ладонью губы.

— Лори,— обратился он к жене,— я хочу услышать все только от тебя самой.

— Что именно услышать, Джини?

— То, что ты его не убивала. Что в ту ночь ты растерзала овцу, только безмозглую овцу, и никого больше.

Лори протянула руку и почти механически начала гладить аккуратно уложенные волосы Кейлера. Взгляд ее был таким отсутствующим, что несчастный Джини мог только догадываться, где сейчас витает его жена. Но несмотря на усталость и изможденность, что-то опять шевельнулось в душе Джини. А вдруг именно подсознательный страх и подталкивал Кейлера к этой девушке? Так загипнотизированные взглядом кролики сами лезут в пасть удаву. А может быть, это именно та редкая настоящая любовь, когда хочется во что бы то ни стало находиться рядом со своей избранницей? И неважно, какую смертельную опасность таит в себе эта близость.

— Ты и правда думаешь, что газетная заметка — не самая обыкновенная утка? — непринужденно спросила Лори.

Джини осторожно дотронулся до ее ладоней и взял их в свои руки.

— Ну почему ты все время задаешь какие-то ненужные вопросы? Почему не можешь прямо сказать мне, как было дело?

— Потому что ты должен доверять мне, — отозвалась Лори. — Ты должен свято верить в нашу любовь, иначе она теряет всякий смысл. Даже если бы я и убила кого-то, ты бы ведь не разуверился в моей искренней любви к тебе?

— Не знаю, Лори. Наверное, нет.

— Ну тогда какая тебе разница — убивала я того мальчика или нет?

Джини наполнил еще один бокал вина.

— Лори, я уже просто и слов не нахожу. Мне сейчас как никогда трудно описать, что происходит у меня в душе. И мнительность, и подозрительность, и страх — все остается. Если угодно, можешь называть это элементарной трусостью. Просто я теперь не знаю, как вести себя дальше.

— Джини, — опять вклинилась в разговор миссис Сэмпл. — Вы с Лори сейчас находитесь на перепутье. Но ведь можно идти и дальше, исследовать свои чувства, разобраться в них и преодолеть, наконец, всякий страх.

Конечно, вы можете и дальше гнуть свою линию, во всем подозревать Лори, но тогда скорее всего вы сами очень скоро забредете в тупик. Вы должны расслабиться и поверить ей, иначе любое упоминание о диких животных будет будоражить ваше и без того перегруженное воображение. О какой семейной жизни можно вообще говорить, если вы каждую ночь запираете собственную жену на ключ? А ведь сейчас в подобной прихоти вообще отпала необходимость.

— Миссис Сэмпл, — возразил Джини, — мне, конечно, неприятно напоминать, но ведь именно вы предложили дурацкую затею с запираанием.

— Я все помню, дорогой мой. Но эта предосторожность не должна превращать жизнь бедной девочки в настоящее тюремное заключение. Ведь все эти меры принимались исключительно для вас, чтобы вы чувствовали себя безопасно на то время, пока будете привыкать к Лори.

Наступила долгая, неловкая пауза.

— Миссис Сэмпл, — с трудом подбирая слова, заговорил наконец Джини, — так вы что же, хотите сказать, что Лори вообще не надо было запирать? То есть, если бы я попросил ее больше никуда не выходить по ночам, Лори послушалась бы меня?

— Ну разумеется. Надо больше доверять друг другу, — кивнула миссис Сэмпл.

— Подождите-ка. Помнится мне, что в ту ночь Лори заявила, будто спасла мне жизнь, и ей пришлось убить овцу, чтобы не растерзать меня самого!

— Джини, Лори постепенно привыкает к вам, точно так же как и вы, разумный и неглупый человек, адаптируетесь к ее образу жизни. И кроме того, прошло уже немало времени, кое-что ведь успело измениться.

— Что же именно изменилось? — поинтересовался Джини.

Зеленые глаза миссис Сэмпл сверкнули.

— Я прошу вас, оставайтесь у нас хотя бы еще на одну неделю. И вы сами поймете, что изменилось в Лори.

Джини окинул супругу недоуменным взглядом.

— Радость моя, ты никак пресытилась свежатиной? Душа, что ли, больше не лежит к живой плоти и теплой кровушке? Лори, неужели ты действительно становишься нормальной?

— Ну поверь мне, Джини,— воскликнула Лори.— Я умоляю тебя.

Джини горько усмехнулся. Он чувствовал себя так, словно находился в комнате с кривыми зеркалами, где зыбкая реальность то и дело расползается перед глазами.

— Вот те на! Я прихожу домой, обвиняю тебя черт знает в чем, а в итоге мы еще сильнее сближаемся!

— Люди нашего племени привыкли к вечным оскорблениям,— вздохнула миссис Сэмпл.— Однако в то же время известна и наша преданность своим любимым. Наверное, постоянная травля помогает развитию способности любить по-настоящему.

Опустив глаза, Джини задумался. Он понимал, что ему нельзя оставаться здесь. А как же тогда вести себя дальше? Ведь он истратил уйму жизненных сил, проявляя столько выдержки, чтобы наладить их отношения, и теперь одним махом порвать эту тонкую, но уже существующую нить казалось Джини такой же нелепостью, как и оставаться здесь. Подумать только! Ведь если у них действительно все наладится, то какую фантастическую пару они составят! Кейлер тут же представил, как Лори, сверкая бриллиантами, сопровождает его на банкеты в своем умопомрачительном платье с глубоким вырезом. Как она очаровывает всех и каждого. Молодой преуспевающий политик Джини Кейлер и его непревзойденная таинственная супруга-львица, которую Кейлеру удалось приручить.

На полированной поверхности стола отразилось бледное и измученное лицо Джини. Он глубоко вздохнул.

— Ну хорошо, миссис Сэмпл,— сдался Кейлер.— Я остаюсь. По крайней мере на неделю.

Лори с заметным облегчением улыбнулась и весело произнесла:

— Спасибо, Джини. Я тебя не подведу.

Он взял ладонь Лори в руки и нежно сжал ее.

— Наверное, ты права, дорогая. Мне надо научиться побольше доверять тебе.

— Не будем торопить события,— подытожила миссис Сэмпл.— Вы можете по-прежнему запираť Лори на ночь. Но вот когда вы оставите ее дверь открытой, мы поймем, что вы наконец по-настоящему прониклись к нам доверием.

Джини прикуривал сигарету и не заметил, как в этот самый момент мать и дочь обменялись напряженными и многозначительными взглядами. Не видел он и Мэтью, стоявшего за дверью и с каменным выражением лица наблюдавшего за ними в узкую щель.

* * *

Джини так вымотался за этот день, что супруги решили прилечь сегодня пораньше. Перед тем, как запереть Лори, Джини поцеловал ее. Взяв ее ладони в свои, Кейлер попытался найти нужные слова, чтобы выразить свою любовь и страсть. Ему не терпелось сказать Лори что-нибудь очень ласковое, но мешал инстинкт самосохранения. В глубине души Кейлер понимал, что потеряй он сейчас бдительность, и в любой момент может случиться непоправимое. Уж тогда-то Лори обязательно с ним разделается.

— Наверное, ты считаешь меня последним подонком, который уже замучил тебя своей подозрительностью? — выпалил вдруг Джини.

— Что ты, конечно, нет, — возразила Лори, покачав головой.

— А я бы на твоем месте так разозлился! И уж, во всяком случае, не стал бы безропотно переносить такое отношение к себе. Ты просто ангел.

— Джини, я тебе сто раз говорила и еще повторю: я люблю тебя, и ты мне очень нужен.

Кейлер прислонился спиной к дубовым панелям и потер глаза.

— Из меня вышел хреновый муж.

Лори обняла его за плечи и, поцеловав, пристально посмотрела в глаза.

— Ты великолепен, Джини. Другой мужчина на твоём месте уже давно удрал бы от меня.

— И все же... я пока не полностью доверяю тебе, хоть мне и неловко в этом признаться.

— Все пройдет.

Кейлер поцеловал ее. Лори по-прежнему не раскрывала губы. Но они были такими влажными и мягкими, что Джини моментально возбуждился.

— Лори, а самой-то тебе известно о переменах... ну, о которых говорила сегодня за столом твоя мать?

Девушка кивнула.

— Тогда расскажи мне,— попросил Кейлер.

— Еще не время. Подожди немного.

— А скоро оно придет, это время?

И Лори снова кивнула:

— Очень скоро, дорогой. Быстрее, чем ты предполагаешь.

* * *

Джини мгновенно заснул, и его тут же начали одолевать кошмары со львами и тиграми. Звери догоняли его и кусали за ноги. Джини тщетно пытался удрать от очередного огромного чудовища, а тот то удалялся, то снова настигал Кейлера и хватал его за лодыжки. А потом на Джини словно накинули пушистое меховое покрывало, и он начал задыхаться во сне. Он очнулся весь в поту с бешено колотящимся сердцем и обнаружил, что было всего два часа ночи.

Джини сел в кровати. В спальне царила кромешная тьма. Окно оказалось приоткрытым, и ставни время от времени хлопали. На улице разразился настоящий ливень. Джини тряхнул головой и побрел к умывальнику, чтобы глотнуть холодной воды.

Где-то вдали раздался странный стук, словно резко закрыли дверь или окно. Отхлебнув воды, Джини вытер губы полотенцем и, подойдя к окну, выглянул из него, стараясь определить, откуда мог исходить этот звук.

На улице бушевала гроза, и деревья раскачивались и походили на скачущих призрачных зверей. Ветер швырял пригорошни листьев на крышу особняка, подвывал и стонал в трубах.

И тут Джини заметил бледную тень, скользящую по соседней стене. Какое-то существо передвигалось по узкому — не более шести дюймов — карнизу. Джини напряг зрение, пытаясь разглядеть непрошенного гостя, но тот внезапно словно растворился во мгле. Джини еще минут пять провел у окна. Ливень тем временем заметно усилился, и непроницаемая дождевая пелена поглотила все вокруг.

Кейлер затворил окно и повернулся к кровати. Сомнения вновь одолели его. Джини вдруг понял, что вновь

подозревает Лори. Да и кто иной мог это быть в столь неурочный час? Неужели Лори нарушила свое обещание и снова вышла на охоту, гонимая жаждой крови?

Конечно, ничего нет проще, чем зайти сейчас в ее спальню и тем самым расставить все точки над «i». Но ведь в таком случае и он — Кейлер — нарушит свое обещание. Он унизит Лори подозрениями. Нет уж, если он хочет, чтобы в семье царили мир да любовь, надо держать слово.

Джини метался из угла в угол в темной спальне, убеждая себя в том, что он доверяет Лори, что нет никакой нужды идти и проверять, на месте его драгоценная жена или нет. Джини так и подмывало заглянуть в соседнюю комнату. Ведь если Лори опять превращается в львицу и промышляет по ночам, он должен знать об этом.

Подойдя к постели, Джини взял ружье и зарядил его. Затем накинул халат и, отперев дверь, шагнул в темный коридор. Старая деревянная обшивка дома поскрипывала от яростных порывов ветра, а ставни того самого распроклятого окна, породившего в Джини новые сомнения, все еще хлопали и хлопали. Похоже, никто не спешил закрыть их.

Засунув под мышку ружье, Джини двинулся вперед. Крадучись, он добрался до спальни Лори. Внезапно у Кейлера перехватило дыхание. Он понял, что пути к отступлению у него перерезаны. Джини снял с шеи цепочку, на которой висел заветный ключ, и осторожно вставил его в замочную скважину.

Замок щелкнул, и Джини замер, прислушиваясь к звукам, доносившимся из комнаты.

Медленно повернув ручку, Кейлер толкнул дверь и с бешено колотящимся сердцем всмотрелся туда, где стояла кровать Лори. Но в комнате стояла крошечная мгла, и Кейлеру так и не удалось ничего разглядеть. Постояв еще какое-то время на пороге, Джини на цыпочках двинулся в глубь спальни. Он выставил ружье перед собой, чтобы случайно не наткнуться на мебель.

Джини вплотную подошел к кровати и, наклонившись, вздохнул с облегчением. Лори мирно посапывала, безмятежно раскинувшись на постели. Копна ее пушистых волос разметалась на подушках. Дыхание девушки

было ровным, одну руку Лори закинула вверх, и эта беззащитная поза делала ее похожей на младенца.

Джини на цыпочках вышел из комнаты и запер ее на ключ. Теперь в доме стояла мертвая тишина, и Кейлер решил, наконец, прилечь.

А что касается той тени, которая померещилась ему на соседней стене... так ее скорее всего отбросили качающиеся деревья... Во всяком случае, трудно представить себе существо, способное удержаться на таком узком карнизе, да еще на высоте сорока футов. И куда потом оно делось?!

К тому же Лори сейчас мирно спит и видит, наверное, десятый сон...

В глубине души Джини чувствовал угрызения совести, однако по большому счету он был все-таки рад, что набрался духу и проверил, на месте ли супруга. Вот теперь-то у Кейлера появились все основания избавиться от подозрений. И — кто знает? — глядишь, отношения с Лори наладятся, а там... Страхи исчезнут сами собой. Конечно, Джини до сих пор не мог забыть ту страшную ночь, когда Лори вернулась в спальню вся окровавленная. Но он утешал себя мыслью, что психические отклонения, за редким исключением, поддаются лечению. Кейлеру просто необходимо верить жене, и тогда ее необычные пристрастия сойдут на нет, а совместная жизнь супругов станет сплошным наслаждением.

Успокоившись, Джини размышлял и постепенно погружился в сладкую дрему. И потому не мог услышать глухие удары, часом позже нарушившие тишину в доме. Вслед за ударами раздались шаги. Кто-то волочил по лестнице тяжелый предмет. Судя по звуку, тюк или матрас.

Кстати, вполне возможно, и тело умирающего мальчика.

Глава седьмая

Следующая неделя врезалась в память жителям столицы благодаря двум любопытным происшествиям. Одно из них оказалось достаточно курьезным.

Неподалеку от Белого дома «замели» весьма оригинальную личность. Этот бедолага на всех парусах мчался к зданию парламента, размахивая каким-то странным предметом, издаലെка похожим на пистолет. Потом выяснилось: этим предметом оказалось не что иное, как жареный цыпленок. Полицейским чудак объяснил: «Я хотел поделиться с Президентом обедом. Он же сам не раз заявлял, будто мечтал стать народным президентом. Или я ошибаюсь?»

Второе событие ознаменовалось преждевременными — на неделю раньше — гастрольями цирка Ромеро в Вашингтоне.

Погода стояла на редкость теплая. Направляясь на работу, Джини даже не стал закрывать в машине окон. Цирк раскинулся огромным цветастым куполом неподалеку от поворота, ведущего к Мерриам. Проезжая мимо шاپито, Джини разглядывал пестрые флажки. До него вдруг донесся знакомый с детства запах древесных опилок и конюшен.

Мэгги догадывалась, что в отношениях Джини и Лори происходят какие-то перемены, которые здорово отражаются на психике ее шефа. Мэгги изо всех сил старалась окружить его лаской и вниманием, дабы не раздражать Джини лишний раз. После свадьбы Кейлера она проревела всю ночь, но теперь, трезво оценив ситуацию, поняла, что только она — Мэгги — сможет стать для Джини настоящим другом и советником. Только она сможет помочь ему пережить эти трудные времена, пока Лори не превратится, наконец, в нормальную женщину. Как только на работе возникали какие-нибудь неприятности, Мэгги первой спешила на выручку, и стоило Джини появиться утром на пороге, Мэгги безошибочно определяла его настроение и вела себя соответственно.

Сегодня Джини был явно в духе.

— Ты собираешься сходить в цирк? — с ходу огорошила его Мэгги, роясь в кипе неотложных документов.

— Когда вкалываешь на Генри Несса, цирка хватает по горло,— отшутился Джини.

— Зря ты так. Программа великолепная. Обязательно сходите вместе с Лори.

Джини закурил сигарету.

— Ты знаешь, я не схожу с ума от цирка. Даже в детстве я не больно-то балдел от их трюков. Теперь — тем более. А вереница слонов, бредущих друг за другом, да еще цепляющихся хоботом за хвост впереди идущих, напоминает мне разве что сборище демократической партии.

Мэгги рассмеялась.

— Кофе хочешь?

— Нет, лучше подсоби мне кое в чем.

— Помочь тебе? Да ты, похоже, и сам готов кому угодно помощь оказать. В последние дни ты просто светишься от счастья.

Джини откинулся на спинку кресла.

— Да, это верно. И Лори тоже счастлива, как мне кажется. Теперь мы перешли на совершенно иную ступень отношений. Мы начали искренне доверять друг другу и уже сделали первый шаг. Теперь самое главное — это пластическая операция. Тогда, пожалуй, почти все трудности останутся позади.

— А какие именно здесь «но»?

— Я не говорил никаких «но»,— удивился Джини.

— Это верно. Вслух не произносил «но», однако явно подразумевал их. Ты налаживаешь отношения с Лори, ждешь не дожدهшься пластической операции, со спокойной душой переселяешься в гостеприимный и невероятно дружелюбный замок Дракулы... и все же остается маленькое «но».

— Если бы я женился на тебе,— улыбнулся Джини,— я бы, наверное, ничего не смог скрыть. Ну, хорошо, ты как ищейка, чувствуешь все. Моя проблема снова упирается в племя убасти. Понимаешь, мне кажется, существует какая-то тайна, в которую Лори и ее мать меня не посвящают, и касается она этого растреклятого племени. Думаю, если бы я поподробнее узнал об их обычаях и традициях, мне стало бы проще общаться с Лори. Короче, хотелось бы нарыть побольше информации. И не только о том, что убасти — это человекообразные.

Мэгги пожала плечами.

— Послушай, а может, все-таки имеет смысл не распутывать клубок этой тайны? Ведь если Лори сама ничего не рассказывает, наверное, она небезосновательно считает, что для твоей сверхчувствительной натуры эти сведения могут явиться слишком тяжким бременем.

Джини поднялся с кресла и потянулся.

— Может быть. Однако складывается такое впечатление, будто в доме всем, кроме меня, известна какая-то тайна, которую постоянно пытаются скрыть от меня. Возьмем, к примеру, их шофера, Мэтью. На днях он меня подкараулил и попытался сообщить про «сына Баста» или что-то в этом роде, но стоило появиться на горизонте мадам, Мэтью спешно ретировался.

— Сдается мне, о мудрейший, что фонтан твоего воображения не иссякает,— изрекла Мэгги, неспешно потягивая кофе.

— Ты не жила в этом доме, а я торчу там постоянно.

— Ну перестань, Джини, у Лори скорее всего какие-то проблемы генетического характера. И никакого они не имеют отношения ни к монстрам, ни к ящерам, ни к чудищам со дна морского. Ты ведь уже обращался к психиатру, да и операция не за горами. Теперь с тебя и взятки гладки.

— Не знаю,— задумчиво отозвался Кейлер.— Но я нутром чую, что атмосфера в поместье со дня на день накаляется и вот-вот произойдет нечто из ряда вон выходящее. Только вот что...

— Джини, милый, ну конечно же, так скоро напряжение и не спадет. Это вполне естественно. Все так и должно быть. Стоит тебе разрешить свои проблемы с Лори, как страсти улягутся. Все это вопрос времени.

— Да уж,— согласился Джини.— В ближайшие дни вряд ли стоит ожидать изменений.

Он нахмурился и с интересом уставился на струйку голубоватого дыма, поднимающуюся от тлеющей сигареты, словно именно в ней и крылась разгадка тайны.

— Послушай,— внезапно встрепенулась Мэгги,— если тебе и в самом деле полегчает от этого, отпусти меня на пару часиков. Я сгоняю в антропологическую библиотеку и пороюсь там.

— Ты не обязана делать это.

— Знаю, что не обязана, но теперь и у меня внутри засвербило. Надо же доказать тебе, что Лори действительно настоящая красавица... с небольшими генетическими отклонениями, а семейство Сэмплов — никакие не чудовища и не пришельцы и что, наконец, настало время забыть о волнениях. Знаешь, даже Генри Несс заметил, что ты не в себе. Он, похоже, предполагает, будто ты задумал нечто грандиозное, ну, например, ведешь переговоры с тайными агентами Фиделя Кастро о продаже им Панамского канала.

Джини взглянул на часы.

— Ладно, Мэгги. Два часа, максимум — три. И ровно к трем постарайся вернуться.

— Вот и прекрасно, — обрадовалась Мэгги, допивая свой кофе. — И еще одно, Джини.

— Что такое?

— Помни, что я любила тебя... А может быть, люблю и сейчас. Так что самое главное для меня — твое счастье.

Джини тепло улыбнулся.

— Спасибо, Мэгги. Ты мой ангел-хранитель.

* * *

Пробило уже пять часов, но Мэгги не возвращалась. Генри Несс вызвал Джини на срочное совещание. Кейлер сунул записку с просьбой позвонить ему домой на пишущую машинку Мэгги. Спешно собрав все необходимые документы, Кейлер помчался на двенадцатый этаж. У входа в конференц-зал стоял раздраженный Уолтер Фарлоу и нервно покусывал мундштук потухшей трубки.

— Что стряслось? — на ходу спросил Джини.

— Плохи дела. Газетчики пока не проноухали, слава Богу. Короче, какой-то маньяк похитил сына французского посла.

— Да вы шутите! Что, прямо сейчас?

— Насколько я понял, нынешней ночью. Полиция всячески старается, чтобы никакая информация не просочилась в прессу. Похоже, они ждут не дождутся, когда за ребенка потребуют выкуп в виде каких-то политических сделок. Генри просто с ума сходит.

— Представляю себе. Похитителей еще не вычислили?

— Пока что нет. Кстати, никто еще и не заикнулся о выкупе. Но Генри почему-то уверен, что эта чудовищная акция напрямую связана с проблемой Ближнего Востока. Ему кажется, что похитители начнут сейчас обвинять арабов в смерти ребенка.

В этот момент двери конференц-зала распахнулись. Генри Несс поджидал сотрудников в окружении мрачного представителя ФБР, французских дипломатов и агентов ЦРУ.

— Ну что ж, господа,— вздохнул Генри Несс,— давайте думать, что может означать это похищение.

Совещание длилось более трех часов. Высказывались самые безумные предположения, но постепенно переговоры зашли в тупик. Никаких сообщений из полиции так и не поступило, а зал к этому времени буквально заволокло сигаретным дымом. Когда Генри Несс раз в пятнадцатый начал излагать свою теорию относительно похищения ребенка, зазвонил телефон, стоявший возле Джини.

— Простите,— извинился Кейлер и снял трубку.

— Кейлер слушает.

— Дорогой, это Лори.

— А, привет. Послушай, милая, я сейчас очень занят. Я на важном совещании, освобожусь часа через два, не раньше.

— Прекрасно. Представление в цирке начинается в половине десятого.

— В цирке? В каком цирке? Что-то я не понимаю...

— У меня для тебя приятный сюрприз,— проворковала Лори.— Мне удалось раздобыть два билета на сегодняшнее представление.

Джини потянулся за пачкой сигарет.

— Лори, мне, конечно, очень неловко, но я не хочу сегодня никуда идти.

— Но все в восхищении от цирковой программы! — не унималась она.— Там такие воздушные акробаты!

Джини прикурил сигарету и в отчаянии потер затылок.

— Лори, после пятичасового совещания я уже не в состоянии оценить твоих гениальных акробатов. Так что, пожалуйста, сделай одолжение... сдай билеты.

— Ну, Джини...

— Прости, дорогая, но я занят.

— Джини, а я так мечтала сходить в цирк! — обиделась Лори.

— Ну, хорошо, как-нибудь в другой раз обязательно сходим.

— На все представления билеты уже распроданы. А сегодня, кстати, покажут нечто особенное.

— Что же именно?

— Увидишь.

И тут только Джини заметил, что Генри Несс искоса поглядывает на него. Действительно, семейные проблемы в самый разгар такого важного совещания! Генри Несс не раз высказывал мысль о том, что все его подчиненные как один должны быть женаты на своих рабочих местах, а уж если кто-то — чаще двух раз в неделю — уходил вечером к жене, то такой извращенец считался если не двоежизнем, то по крайней мере развратником.

— Ну, пока, — занервничал Джини, — я все-таки на работе.

— Ну, пожалуйста, пойдем, — настаивала Лори.

— Я перезвоню тебе попозже, и тогда решим.

— Я люблю тебя, Джини. Ну, пожалуйста, пойдем.

Генри Несс недвусмысленно кашлянул, и Джини виновато улыбнулся.

— Ну, хорошо, — сдался он. — Пойдем в цирк. Заскочи ко мне в девять. А теперь пока, у меня срочные дела. Я не могу больше разговаривать.

— Джини, ты просто прелесть. Я тебя обожаю!

— Я тоже. Пока.

Повесив трубку, Джини с таким невозмутимым выражением лица повернулся к присутствующим, словно разговаривал только что с британским премьером.

— Я надеюсь, дома у тебя все в порядке? — поинтересовался Генри Несс.

— Конечно, сэр. Все отлично.

— Ну и прекрасно. А то мои подчиненные так усерд-

ствуют на работе, что частенько забывают про дела домашние.

Раздались смешливые повизгивания, смахивающие скорее на вой гиен. Переговоры продолжились.

* * *

Представление закончилось около полуночи. Уставший и злой Джини пробирался к стоянке, перешагивая через груды пивных и лимонадных банок, стараясь не наступать на недоеденные куски пиццы. Огни цирка начали гаснуть, а жонглеры и наездники гуськом потянулись к вагончикам, чтобы принять душ и, переодевшись, усесться, наконец, перед телевизором с баночкой пива.

Несмотря на то, что Джини благоразумно надел в этот холодный ноябрьский вечер теплый плащ, он чувствовал, что его время от времени бьет дрожь. Однако Кейлер отнес это за счет своих пошаливающих нервов.

К началу представления они опоздали из-за затора, образовавшегося на подъезде к цирку. Вдобавок ко всему выяснилось, что места их уже заняты каким-то совершенно безразмерным джентльменом деревенского разлива и его дородной супругой. В итоге Кейлеры целых два часа проторчали на галерке среди улюлюкающей детворы и дряхлых стариков. С деревянной скамейки почти ничего не было видно, а вопли мальчишек вдобавок ко всему заглушали все звуки, доносившиеся с арены.

Однако Лори, похоже, была восхищена представлением. Джини полез в карман и обнаружил, что сигареты кончились.

— Джини,— с восторгом произнесла Лори,— мне так понравилось!

— Понравилось? — удивился он.— Чего же там было хорошего?

— Ну, все. Все здесь просто великолепно!

— Да ты издеваешься надо мной! Лично мне удалось разглядеть только каких-то толстозадых наездниц, да еще того бедолагу, которым зарядили пушку и выстрелили. Несчастный подлетел аж на полметра, не меньше.

Лори дернула мужа за рукав с такой силой, что Джини пришлось замолчать. Она уставилась на Кейлера возбужденным сверкающим взглядом.

— Джини, пойдем посмотрим на львов.

— На львов? Ты думаешь, стоит?

— Джини, ну они ведь такие красивые! Ты видел их во время представления?

— А-а... Ну, конечно. Настоящие красавцы.

— Вот именно. Они просто неотразимы! Помнишь того самца с обалденной гривой? Ты обратил внимание на его морду? Она такая мужественная, умная, и в то же время свирепая.

— Лори, прости, но я не специалист по львам.

— Но ты ведь женился на мне.

— Да, было дело, но сейчас, похоже, имеет смысл поскорее добраться до машины и вернуться, наконец, домой.

Лори поцеловала мужа. На душе у Джини сразу потеплело, и он снова уловил мускусный аромат, исходивший от Лори.

— Ну пожалуйста, Джини. Это же недалеко. Несколько шагов.

Кейлер покосился на жену и понял, что не сможет отказать ей: настолько хороша была сейчас Лори.

— Ладно. Только не долго — буквально на пару минут. И что ты в них находишь?.. А, впрочем, я-то простой наблюдатель... Что до меня, то я не отличу гриву от обыкновенной метлы.

Лори снова чмокнула его в щеку.

— Ты неотразим, — прошептала Лори. — Ты даже не представляешь себе, как ты неотразим.

Миновав вагончики, где разместились клоуны, они обогнули загон со слонами и, наконец, приблизились к рядам клеток, где обитали тигры и львы. Сейчас здесь было сумрачно, потому что свет на ночь отключали. Трава шелестела на ветру. То и дело из мрака доносилось царапанье и хриплое рычание сонных хищников.

Лори потянула Джини за рукав, и они пробрались к самой дальней клетке, где находился самец льва.

Заметив чужих, лев приподнял огромную косматую голову и прищурил свои раскосые глаза. А потом снова

широко раскрыл их, наблюдая, как двуногие пристально рассматривают его сквозь толстые прутья решетки.

— Вот он,— выдохнула Лори.— Правда, он великолепен?

Джини прищурился.

— Да, зверюга что надо.

— Да не просто «что надо»,— увлеченно подхватила Лори.— Он настоящий царь. Даже бог. Ты только взгляни на его мускулы. А какой роскошный мех! А когти!

Джини закашлялся.

— М-да. Только уж больно задрипанный.

Но Лори как будто и не слышала его.

— Тебя держат в клетке... Правда, красавец ты мой? Тебя так долго держали в этой клетке... Послушай, Джини, а ты не знаешь, сколько может весить такой зверь?

— Фунтов двести, наверное. Ну ладно, Лори. Я уже, похоже, околел тут. Пошли.

Лев глухо зарычал и тряхнул гривой. Лори обхватила себя руками и прикрыла глаза.

— Лори,— чувствуя закипающую в нем ярость, обратился к жене Кейлер,— нам пора идти. Я голоден как зверь и к тому же продрог до костей.

Но Лори продолжала стоять с закрытыми глазами. Она нежно поглаживала рукава своей меховой шубы, будто хотела сама себя приласкать. Лев снова зарычал, но в следующий миг положил морду на передние лапы.

— Лори,— нетерпеливо позвал Джини.— Скажи своему приятелю «до свидания» и быстрее домой.

Лори медленно открыла глаза и повернулась к мужу.

— Как ты можешь насмехаться над ним,— зашипела она.— Да, он заперт в клетке. Но он так прекрасен! И нечего тут над ним издеваться.

— А я и не издеваюсь,— оторопел Джини.— Я просто хочу домой.

— Ну подожди. Еще немножко...

Лори вплотную приблизилась к железным прутьям. Лев приоткрыл глаза, внимательно наблюдая за движениями девушки. Джини попытался было одернуть Лори и предупредить, что стоять так близко к решетке весьма опасно. Однако внутренний голос подсказывал ему, что Лори не нуждается сейчас в его советах.

Лев поднял голову, а затем резко вскочил на лапы. Это был мощный и крупный самец. Длительное содержание в клетке привело к тому, что шерсть его потускнела и кое-где потерлась, однако мускулы так и играли на его напряженном теле. От льва исходил мускусный запах.

Медленно, помахивая на ходу кончиком хвоста, лев подошел к тому месту, где стояла Лори. Обнажив огромные клыки, он тихо зарычал, но Лори и не думала отходить от клетки. Лев приблизился к прутьям и, тщательно обнюхивая Лори, начал скрести когтями деревянный настил. Несколько секунд Лори стояла не шевелясь, а потом вдруг отступила на шаг и низко поклонилась.

— Лори! — возмущенно воскликнул Джини.

Девушка неторопливо выпрямилась.

— Он прекрасен, — прошептала она. — Я должна дать ему понять, что признаю его превосходство. Я должна выказать льву свое почтение.

— Почтение? Какому-то зверюге? Лори, Бога ради, опомнись, что ты несешь?!

Лори напряглась.

— Джини, по-моему, ты кое-что забыл.

— Я никогда ничего не забываю. Просто мне претит, когда ты раздаешь поклоны всяким цирковым животным, вот и все.

Лори собралась было дерзко ответить, но взяла себя в руки.

— Ну не сердись, Джини. Прости меня. Но и ты не забывай, что я наполовину львица. Так что, он в некотором смысле мой родственник. И, кроме того, — просто великолепный зверь.

— Лори, я все понимаю. И стараюсь встать сейчас на твое место. Но ведь ты сама обещала постепенно избавиться от этой своей львиной половины и начать превращаться в нормальную женщину... с человеческими идеалами. А этот... повелитель джунглей... ну, может быть, он, конечно, самый обалденный из всех львов, уж не знаю... Но только не надо отбивать ему поклоны! Хоть это тебе понятно? Он — животное, а мы — люди. На эволюционной лестнице мы стоим над ними ступенью выше. И никакого родства тут быть не может. Это азбучные истины естествознания.

Лори отвернулась от мужа и снова поглядела на льва. А тот встряхнул гривой и, глухо рыкнув, улегся на настил.

— Ты слышишь меня или нет? — вскипел Джини.

— Да, — покорно отозвалась Лори. — Я тебя слышу.

— И ты со мной не согласна?

— А ты этого хочешь?

— Я не вправе заставлять тебя, но, конечно, мне бы хотелось, чтобы ты разделяла мое мнение.

Лори взяла его под руку, и они зашагали к автостоянке по хрустящей от мороза траве. Машины уже начали разъезжаться, и повсюду вспыхивали то белые, то красные огоньки фар и габариток.

— Джини, — вдруг посерьезнев, торопливо заговорила Лори, — ты ведь никогда не перестанешь сомневаться в моей любви, правда?

— А почему я должен сомневаться?

Девушка остановилась и внезапно прижала его к себе.

— Ты никогда не должен думать, что мои чувства фальшивые или неискренние, потому что это было бы неверно. Я люблю тебя больше, чем ты можешь себе представить.

Кейлер поцеловал жену в щеку и уткнулся лицом в ее пушистые волосы. Если бы только он сейчас не валился с ног от усталости!

— Лишь бы ты любила меня больше, чем львов, — прошептал Джини.

Лори вскинула голову и в упор посмотрела на него.

— На древнем языке убасти есть одно выражение. Звучит оно так «хакхим-аль фарикка» и означает «две страсти, сливающиеся в одну любовь». Однажды ты поймешь, что все это означает и какой силы может быть такая любовь.

Кейлер еще раз поцеловал жену.

— Каждый божий день узнаю что-нибудь новенькое, — нежно произнес он. — Что ж, поехали домой.

* * *

В час ночи, когда Джини собрался было погасить ночник и лечь в кровать, он вдруг вспомнил про Мэгги. Подняв телефонную трубку, Кейлер набрал знакомый но-

мер. После пятнадцатого гудка раздался, наконец, сонный голос Мэгги.

— Алло,— пробормотала она.

— Прости, я опять тебя разбудил.

— Джини, это ты? — встревожилась девушка.

— Да. Но я могу перезвонить тебе утром.

— Нет-нет,— торопливо возразила она.— Ни в коем случае. Подожди секундочку, сейчас я проснусь окончательно.

Джини начал ковырять спичкой в зубах. Вернувшись из цирка, он наспех слепил себе здоровенный сэндвич с холодной телятиной и маринованными огурчиками. Застрявшие между зубов мясные волокна досаждали, и теперь Джини с наслаждением избавлялся от них.

— Мэгги, с тобой все в порядке? — поинтересовался он — Что-то голос у тебя странный.

— Со мной-то все нормально,— оживилась девушка.— Но я сегодня черт знает сколько проторчала в библиотеке и узнала уйму чудовищных вещей.

— Слушай, а до утра твои сенсационные новости не подождут?

— Конечно, подождут. Но кое-что я должна сообщить тебе прямо сейчас. Секундочку... Вот. Это я вычитала в очень редкой старинной книге. Называется она «Запрещенные религии Нила». Там целая глава отведена твоим убасти. Правда, кто-то успел уже вырвать иллюстрации. Библиотекарь припомнил, что картинки эти были уж слишком устрашающи. Короче, не для слабонервных.

Джини кашлянул.

— Ну, и чего там новенького? О чем я еще не слышал?

— Новенького там навалом. Кстати, кое-что меня не на шутку встревожило,— посерьезнела Мэгги.— Там говорится и про город Тель-Беста, и про поклонение богу-льву Басту. Описаны ритуалы, некоторые из них настолько омерзительны, что и читать тошно. Однако мое внимание привлекли свадебные обряды.

— Ты мне можешь зачитать?

— Ну, конечно. Слушай внимательно. «Повинуясь воле богольва Баста, женщины убасти должны продолжать род. Для этого они через поколение обязаны сово-

купляться то с мужчинами, то с самцами львов. Другими словами, если женщина убасты совокупилась со львом, ее дочери надлежит взять в мужья человека, и так далее. Таким образом, эта необычная помесь льва и человека сохраняет свою силу».

— Ничего не понимаю,— признался Джини.

— Чего тебе непонятно?

— Ну то, что мать Лори вышла замуж за Жана Сэмпла... он ведь человек... а ее дочь Лори стала моей женой. Но я ведь тоже человек.

— Да, но не забывай, что ты с ней ни разу не переспал. Поэтому называть тебя ее мужем я бы пока не спешила.

— Ну, пока, конечно, нет, но как только будет сделана пластическая операция...

— Не торопись, Джини,— резко оборвала его Мэгги.— Слушай дальше. После всех рассуждений о том, что из поколения в поколение нужно строго чередовать мужчин и львов, идет следующее: «Обряд совокупления у племени убасты достаточно сложен и всегда выполняется в соответствии с требованием великого богольва Ба-ста. Если женщине предстоит совокупиться с мужчиной, она вручает ему свои деньги и драгоценности и во имя этого человека приносит в жертву льва. Но если женщине суждено совокупиться со львом, она обязана предложить ему в качестве жертвы мужчину».

— Мэгги,— попытался вставить слово Джини.

— Погоди, это еще не все. Вот, слушай: «После полового акта женщина обязана сохранить тайну своего происхождения и совокупления, заставив партнера молчать. Женщины племени убасты обычно откусывают своим мужьям языки».

Джини похолодел. Он отчетливо слышал, как тяжело дышит Мэгги на другом конце провода. Кейлер механически поглаживал свой лоб, а в его мозгу ронились тысячи мыслей.

— А ты все точно переписала? — хриплым голосом осведомился он.

— Слово в слово. Кстати, эту книгу частенько цитируют и в других изданиях, довольно солидных, которым, без сомнения, можно доверять.

— Ты думаешь, все это — правда? — тяжело вздохнув, спросил Джини. — Или, может быть, очередная легенда?

— Не знаю, Джини. Лучше бы, конечно, так. Однако я подумала, что тебе необходимо это знать.

— Мэгги, — как бы между прочим вспомнил Джини. — Мы сегодня ходили в цирк.

— А мне-то грешным делом казалось, что ты терпеть не можешь цирк...

— Все верно, это Лори настояла. А после представления она потащила меня смотреть на львов.

— И что?

Но Кейлер не смог бы рассказать всего даже Мэгги — своему самому близкому и верному другу. Однако если, согласно легенде, Лори полагалось совокупиться со львом, то Джини сегодня собственными глазами видел этого льва. И зверь, похоже, ждал ее. А ведь если книга не лжет, то получалось, что Лори вышла за Джини замуж вовсе не по любви. И даже не из уважения. Она намеренно соблазняла Кейлера и заставила-таки его на себе жениться, чтобы предложить Джини в качестве ростбифа своему хищнику. Вот, оказывается, что имел в виду Мэтью, заикнувшись о смитовой газели. Джини Кейлер являлся всего-навсего свадебным подарком для льва, который-то и должен был стать настоящим отцом детей Лори.

Джини уронил трубку на колени. Все сходилось, все совпадало. Кейлеру вдруг показалось, будто почва ускользает из-под его ног. Весь мир словно опрокинулся. Возможно, Лори поначалу действительно влюбилась в него и поэтому всячески пыталась предотвратить их дальнейшую связь. Уж она-то прекрасно понимала, что произойдет, когда они поженятся. Она знала, что Джини необходимо будет принести в жертву.

Но Кейлер словно ослеп и угодил в ловушку, можно сказать, по собственному желанию. Хотя, надо отдать им должное, сети были расставлены весьма искусно. А уж когда на Кейлера положила глаз миссис Сэмпл, судьба Джини была предрешена. Матушка Лори всеми правдами и неправдами добилась того, что Кейлер стал встречаться с ее дочерью. Не составило ей особого труда и убедить Лори выйти замуж за Джини. Для полного соблюдения ритуала.

И вот, наконец, обе женщины уговаривают Джини остаться в поместье Сэмпл, потихоньку готовясь к страшному обряду. Возможно, Лори допустила серьезную промашку, когда решила поохотиться той ночью, но зато как ловко ее мамаша обвела Джини вокруг пальца, усыпив бдительность Кейлера «искренними» обещаниями того, что Лори «скоро поправится».

Как бы не так! Никогда она не поправится. Лори — истинная дочь племени убасти. Как и все женщины их рода, она обязана свято чтить заповеди, завещанные богольвом Бастом, дабы сохранять чистоту племени. Наверное, легче обратить в христианство самого закоренелого мусульманина.

— Джини? — вдруг раздался из трубки голос. — Джини, ты меня слушаешь?

— Да-да, Мэгги. И очень внимательно.

— Джини, тебе, наверное, хочется знать, что я об этом всем думаю? Мне неприятно говорить, но...

Кейлер закашлялся.

— Я все понял, Мэгги. Да, все действительно сходится. Тут, пожалуй, и лежит разгадка.

— Но если это правда, тебе надо побыстрее сматываться оттуда. Я серьезно.

— А вдруг это не так?

— Джини, если они решили покормить тобой льва, я думаю, у тебя не больно-то много времени на всяческие предположения.

— Но если это не так? Если это просто древняя легенда? Если я сейчас сбегу, то потеряю Лори навсегда. Тут и без того обстановка достаточно напряженная.

Мэгги долго молчала.

— Послушай, а что если тебе попробовать разыскать Мэтью и спросить у него?

— Мэтью?

— Ты же сам рассказывал, как он предупреждал тебя о сыне Баста. Теперь-то тебе должно быть ясно, кого он имел в виду. Сын Баста, Джини, это лев. Самый настоящий лев.

— А почему, собственно, я должен...

Тут Джини замолк и нахмурился.

— Мэгги, — вдруг спросил он, — прочитай-ка мне еще раз тот отрывок, где говорится, будто женщины убасти должны хранить тайну.

В трубке послышался шелест.

— Вот. Нашла. «После полового акта женщина обязана сохранить тайну своего происхождения и совокупления, заставив партнера молчать. Женщины племени убасты обычно откусывают своим мужьям языки».

Слушая Мэгги, Джини печально кивал головой.

— Теперь все понятно.

— Что ты сказал?

— Я говорю, что теперь мне все становится ясно. Никакой он не Мэтью. Он — отец Лори. Пожалуйста, завтра как можно быстрее раздобудь мне в справочном отделе газетной хроники фотографию Жана Сэмпла. Если Сэмпл и Мэтью не одно и то же лицо, я готов провалиться сквозь землю.

— Но если сам Сэмпл в курсе их дел и догадывался, что ему откусят язык, почему же он не попытался бежать? — опешила Мэгги.

— Может, и пытался, — задумчиво промолвил Джини. — А может, и нет. Интересно, кому нужен немой дипломат? Каким образом Сэмпл мог бы заработать себе на жизнь? Очевидно, ему проще оставаться в доме, где за ним будут присматривать. А может быть, он все еще любит свою жену. Наверное, надо отыскать его самого и расспросить обо всем.

— Джини, — забеспокоилась Мэгги. — А у тебя ружье под рукой?

— Да. Охотничья винтовка. С ней впору идти и на крупную дичь.

— Только, пожалуйста, поосторожней. Позвони, если вдруг потребуется помощь. Я мигом примчусь.

— Надеюсь, что и сам управлюсь. А ты, пожалуйста, не отходи от телефона.

— Ну, разумеется. Когда поговоришь с Мэтью, перезвони мне, хорошо?

— Обязательно. Спасибо тебе, Мэгги. Ты настоящий друг.

— Джини, да я ради тебя на все готова. Лишь бы ты остался живехонек.

Джини достал из-под подушки винтовку и убедился, что она заряжена. Пробило четверть второго. В доме стояла крошечная тьма. Ветер улегся, и ночь, бесшумно крадучись, заполнила все вокруг. Время от времени крик сов тревожил сон обитателей мрачного особняка Сэмплов.

Кейлер натянул шерстяной свитер и темно-серые брюки. Подхватив правой рукой винтовку, он подошел к двери. Когда Джини открывал ее, раздался противный скрип. Снаружи царило мрачное безмолвие.

Кейлер знал, что комната Мэтью где-то внизу, на первом этаже. На цыпочках он добрался до лестницы. Сквозь витражное стекло просачивались разноцветные сумрачные блики, падая на лестничный пролет.

Джини замер и прислушался. Никого.

Опираясь на перила, Кейлер начал спускаться. Внизу стояла такая мгла — хоть глаз выколи. Джини пришлось некоторое время постоять на месте, чтобы глаза свыклись с окружающим мраком. Затем он подкрался к кухне и распахнул дверь. Кейлер надеялся обнаружить поблизости с кухней комнату Мэтью. По его расчетам она должна была находиться где-то рядом.

Дверь в кухню скрипнула, и Джини застыл на месте, прислушиваясь, не разбудил ли он кого-нибудь в доме. В отношении Лори Кейлер особенно не беспокоился: ведь он сам запер ее. А вот что касается миссис Сэмпл, то та могла сейчас здорово спутать ему карты. Если легенда, которую поведала Кейлеру Мэгги, имеет под собой реальную почву, то главным действующим лицом в семействе является миссис Сэмпл. Именно эта женщина свято чтит древние традиции и, разумеется, была заинтересована в том, чтобы племя убасти не вымерло окончательно. Уж она-то вряд ли потерпела бы ночные вояжи по дому. Да, мать Лори — противник серьезный.

В особняке по-прежнему стояла тишина, и Джини подкрался к следующей двери. Он тихонько толкнул ее дулом винтовки, и мрак снова со всех сторон обступил Кейлера. Передвигаться дальше приходилось исключительно на ощупь.

Выставив вперед руку, чтобы случайно не наткнуться на мебель, и приподняв ружье, Джини побрел влево, туда, где должна была располагаться дверь в комнату Мэтью. Кейлер то и дело останавливался и прислушивался. В доме было тихо.

Он уже собрался было ухватиться за ручку двери, как вдруг раздался подозрительный шорох. Джини застыл как вкопанный, но в особняке снова воцарилась тишина. Кейлер протянул руку вперед, и тут кто-то нанес ему сильнейший удар по шее, словно огрел куском железа. Джини потерял равновесие и, влетев в стену, рухнул на пол. Невидимый враг выкрутил из руки Кейлера винтовку, и она с шумом грохнулась наземь.

Что-то грузное тело навалилось сверху, крепкая рука зажала рот Джини, и как ни старался несчастный Кейлер вырваться — все было тщетно. Противник оказался намного сильнее его.

— Не шевелись, — раздался хриплый шепот. — Не шевелись, иначе я тебе шею сверну.

Джини перестал сопротивляться. Он и без того здорово ударился затылком о кафельный пол, и сейчас голова просто раскалывалась от боли.

— Месье Сэмпл? — только и выдохнул он.

Наступила пауза, затем противник поднялся.

— Вы знаете меня? — послышался все тот же присвистывающий и хриплый шепот. — Вы меня знаете?

Джини приподнялся на локтях, а затем осторожно ощупал рану на затылке.

— Я догадался, — тихо отозвался он. — Использовал, так сказать, антропологические данные.

— Вам известно что-нибудь об убастии?

— Стало известно. Но только сегодня. Моя секретарша специально ездила в антропологическую библиотеку и выяснила, каким изысканным способом это племя продолжает свой род.

— Смитова газель, — прохрипел месье Сэмпл.

— Вот именно, — подтвердил Джини. — Смитова газель. Сегодня мне стало известно, кто играет роль этой бедной газели и вообще, для чего здесь нужен я.

Месье Сэмпл протянул вперед руку и помог Джини подняться на ноги.

— Пойдемте ко мне, — предложил он. — А то женщины могут проснуться.

Сэмпл толкнул дверь рядом с буфетной, и взгляду Джини открылась крохотная комнатка. Здесь стояла единственная кровать, наспех прикрытая красным пледом, длинный ряд самодельных книжных полок и два протертых кресла. Обогревалась эта каморка стареньким электрокамином. Здесь же находилась выдавшая виды небольшая электроплитка, на которой месье Сэмпл, очевидно, разогревал себе еду и готовил чай или кофе. Стены пестрели многочисленными фотографиями французских офицеров в Тунисе и Алжире, здесь же висели снимки миссис Сэмпл и Лори, когда та была еще ребенком.

— Садитесь,—пригласил месье Сэмпл.—Простите, что ударил вас. Но мне надо было защищаться.

Джини опустился в одно из кресел.

— У вас есть сигареты? — сразу же спросил он.

— Если не брезгуете французскими,—извинился хозяин каморки.—Мне тут выделяют пять пачек в неделю.

Джини извлек из синей пачки сигарету, и очень скоро комнатка наполнилась едким табачным дымом. Месье Сэмпл устроился напротив гостя и скрестил ноги. Лицо его по-прежнему было бесстрастным. Однако вглядевшись в холодные глаза, Джини понял, что безразличие это отражает внутреннюю замкнутость Сэмпла.

— А вы неплохо разговариваете,—признался Кейлер.—Вы сами этому научились?

Месье Сэмпл кивнул.

— После того, как львица откусила мне язык, я очень долго не мог произнести ни звука. Как-то в журнале «Таймс» я прочитал о людях, которым были сделаны сложнейшие операции на гортани, и они самостоятельно научились разговаривать. Конечно, это было непросто, но уж львицам-то я никогда не показываю, что добился успехов. Однако в один прекрасный день мне это пригодится. Вот уж тогда-то я их удивлю!

— А сегодня вы ошарашили меня.

— Взаимно, мистер Кейлер. Я-то считал вас послушной жертвенной овечкой.

— Так вы знали, что они надумали сотворить со мной? — оторопел Джини.

— Разумеется.

— Так почему же вы не сказали мне об этом раньше?

— Я пытался намекнуть вам. Но эти львицы... они же постоянно шпионят за мной. Если бы они проникли о нашем разговоре, они бы тут же разорвали меня на части.

— Но разве вы не могли сообщить в полицию?

— Мистер Кейлер, мне пока еще дорога моя жизнь. К тому же, раз уж вы добровольно явились сюда, то у меня были все основания полагать, что вы готовы принести себя в жертву древним обрядам. Это ведь акция исключительно вашей доброй воли.

Последняя фраза далась месье Сэмплу нелегко, время от времени ему приходилось делать значительные паузы, чтобы перевести дыхание. И тем не менее Кейлера поразили удивительные способности Сэмпла. Тот вполне отчетливо выговаривал слова. Уж сколько дней потратил он на эти фонетические упражнения, тренируя свою гортань, одному Богу известно. На полке Джини заметил несколько книг по разработке голосовых связок. Тут же стоял и медицинский том, посвященный проблемам дикции.

— Месье Сэмпл,— промолвил Джини.— Не могли бы вы рассказать о всей этой чертовщине, происходящей в доме? Что же в конце концов задумали миссис Сэмпл и Лори?

Сэмпл прикурил сигарету.

— Они делают только то, что считают нужным и правильным. Для них в этом нет никакой чертовщины. Они просто продолжают род богольва Баста.

— Но как же можно заставить льва... совокупиться?

Лицо месье Сэмпла оставалось холодным и равнодушным.

— Существует обряд, и он свято исполняется. Своими корнями этот обряд уходит в далекое прошлое, когда еще существовал город Тель-Беста, о котором, я уверен, вы уже слышаны. Рамзес изгнал учеников богольва Баста с территории верхнего течения Нила и проклял их от имени бога Солнца Гора¹. Убасти же поклялись, что будут продолжать свой род и существование

¹ Гор — в египетской мифологии — бог Солнца, имеющий голову ястреба и тело человека, сын Осириса и Изиды.

человекольвов никогда не прекратится. И имя Баста не умрет. Ну и, как вы убедились, слово свое они держат. Замолчав, француз затаился сигаретой.

— И когда настает время совокупления со львом,— продолжал он,— обряд повторяется. Девушка сама должна подыскать жертву для льва. Очень важно, чтобы в роли приманки выступал достойный человек — и внешне красивый, и умный. Вот почему Лори и отправилась тогда на банкет. Чтобы наметить себе жертву. К сожалению, ей подвернулись именно вы. Вы ведь сами налетели на нее... Вы ей понравились, а через некоторое время девочка вас действительно полюбила. И не хотела поначалу, чтобы вы погибали. Но вы, мистер Кейлер, слишком уж навязчиво предлагали себя в качестве жертвы для Баста. А стоило моей жене увидеть вас... она мгновенно одобрила выбор, и поэтому они обе из кожи вон лезли, чтобы вы не бросали Лори и оставались здесь.

— Но как же тогда объяснить тот факт, что ночью Лори выбралась из дому и убила овцу? Это ведь было опрометчиво, я тогда чуть было не сбежал отсюда.

— Такие вещи случаются порой,— прохрипел месье Сэмпл.— Львицы не в состоянии контролировать себя. Как только приближается время совокупления со львом, львиная половина в убасти начинает доминировать, и тогда они выходят на охоту, как самые настоящие хищники — по ночам. Днем они охотиться не могут, ибо прокляты богом Солнца, а если это все же произойдет, то убасти непременно погибнут. Так вот, за несколько недель до совокупления, девушка убасти должна совершить помазание, и делается это кровью ребенка-первенца. Это, так сказать, подготовительная часть. Девушка обязана доказать, что она сильна как львица, и что в жилах ее течет настоящая кровь убасти. Происходит как бы самоутверждение.

— Так вы хотите сказать...— оторопел Джини.

— Никакой овцы, конечно, не было. Ваши подозрения оказались вполне справедливыми. В ту ночь она разорвала мальчика и сожрала его.

— Господи,— пробормотал Джини, опуская глаза.— А я ведь поверил ей!

Сэмпл только пожал плечами.

— Не казните себя, вашей вины в этом нет. Вы доверяли моей жене. Я ведь отец Лори, мистер Кейлер, не забывайте, и я просто уверен, что, будь она нормальной девушкой, вы бы составили идеальную пару.

Джини глубоко затянулся сигаретным дымом.

— Благодарю вас, месье Сэмпл. Это, конечно, слабое утешение, но все же...

Сэмпл поднялся с кресла и подошел к стене, сплошь увешанной фотографиями.

— Вот моя супруга в день нашей свадьбы. Правда, она восхитительна здесь? Если бы я только знал, чем все это кончится!

— Месье Сэмпл, послушайте,— спохватился вдруг Джини.— А вот ночью я видел... или мне показалось... не знаю, короче, какая-то тень, что ли... выпрыгнула из дома. Но я не могу сказать наверняка. Я сразу же проверил, на месте ли Лори, но она крепко спала.

Сэмпл кивнул.

— Совершенно верно. Это была моя жена. А в ее обязанности, как жрицы, входит соблазнить льва сокупиться с ее дочерью. Конечно, главная награда — это вы, как жертва. Но вас предложат льву только после акта совокупления. Вы вместе со львом благополучно перейдете в стадию «хакхим-аль фарикка», что означает примерно «две любви, сливающиеся в одну». Но, разумеется, льва надо еще заманить в ловушку. Делается это так. Находят ребенка. Не убивая, вспарывают ему живот, и еще теплыми внутренностями промазывают дорогу от львиного логова до места предполагаемой случки.

Джини нахмурился.

— Вы хотите сказать... Неужели погиб еще один мальчик?

Сэмпл грустно кивнул.

— Прошлой ночью. Сын французского посла. Моя жена знает посольство как свои пять пальцев и, разумеется, всех его обитателей. Поэтому ей не составило особого труда ловко выкрасть мальчика.

— Я не могу поверить в это. Я просто не могу поверить. Неужели вы пытаетесь убедить меня, что миссис Сэмпл смогла убить ребенка? И все лишь для того, чтобы пометить след?

— Я не заставляю вас ни во что верить,— спскойно отозвался Сэмпл.— Однако мне кажется, что вы уже видели достаточно, чтобы прислушаться к моим словам. Ведь это не обычные львицы, мистер Кейлер, они принадлежат к племени убасты. Это самые страшные существа, существовавшие на земле со времен Рамзеса и других фараонов.

Джини нервно затушил сигарету.

— Но вы-то почему сидели все это время сложа руки? Вы знали об их обычаях и молчали в тряпочку! Ничего не предпринимая!

Сэмпл присел на край кровати и затеребил обтрепанные кисти покрывала.

— Вы, наверное, принимаете меня за труса. И скорее всего вы правы. Меня заставили молчать и делать то, что приказывают. Только так у меня остается шанс выжить. Мне из этих сетей уже не выпутаться. Куда бы я ни скрылся, львицы очень скоро разыщут меня, а уж тогда пощады не жди.

— Поэтому пусть лучше гибнут беззащитные дети...

Сэмпл вскинул голову.

— Не надо напоминать, какой я негодяй, мистер Кейлер,— с жаром воскликнул он.— Бывают моменты, когда мне хочется удавиться от стыда. Но дело в том, что убасты несут с собой смерть и только смерть, где бы они ни находились. То же произошло и в Канаде, когда из-за меня погиб человек. Простой бродяга из Ванкувера. Моя жена передела его в мою одежду, чтобы не оставалось никаких подозрений, а потом растерзала до неузнаваемости. На следствии она подтвердила, что тело принадлежит мне. Вот таким необычным образом я и погиб для всех. Убасты — хладнокровные убийцы, мистер Кейлер, и вам остается либо умереть, как послушная овца, либо влачить довольно жалкое существование.

— Господи, да у вас же есть оружие! Почему вы до сих пор не отправили их к праотцам, черт возьми?

Но Сэмпл лишь усмехнулся.

— Ружье-то есть, мистер Кейлер, да только патронов к нему не хватает. Вам вот тоже они выдали винтовочку для безопасности. Только жаль, что заряды холодные.

Джини поднялся и стряхнул пыль с одежды.

— Месье Сэмпл,— твердо заявил он.— Я покидаю ваш дом. Прямо сейчас. И первым делом я позвоню в полицию.

— Я не позволю вам уйти,— холодно возразил Сэмпл.

— Ну тогда вам придется как-то остановить меня.

— Это не составит большого труда. Я в совершенстве владею кравмагой. Меня тренировали израильские профессионалы.

— Месье Сэмпл, вы, кажется, не понимаете, о чем я говорю. Если полиция вмешается, мы сразу вытащим вас отсюда, а вашу жену и дочь упрячем туда, где им и следует находиться.

Сэмпл отрицательно покачал головой.

— Все вы американцы одним миром мазаны. Либо полицейский, либо вор! Вы даже не представляете, что может произойти в результате вашего вмешательства. И что станет со мной. Ведь я тоже, хоть и косвенно, причастен к смерти мальчиков. Как это называется? Соучастник? Так вот, я и есть косвенный соучастник.

— Месье Сэмпл, я уйду.

— Даже не пытайтесь, мистер Кейлер. Вы умрете страшной и мучительной смертью. Так пусть лучше она будет легкой и мгновенной. Вас поймут гораздо раньше, чем вы сумеете добраться до ворот. Да, кстати, лев уже в пути. Он-то вас и встретит.

Джини поперхнулся.

— Лев? — переспросил он.

— Вот именно. Прошлой ночью моя жена пометила след от цирка к нашему дому. Так что на сегодня намечено совокупление Лори со львом. Пришлось поторопиться. Видите ли, руководство цирка изменило планы, и завтра шапито отправляется в другой город.

И тут Джини вспомнил просьбу миссис Сэмпл остаться в их доме ну хотя бы еще на одну неделю.

— Мне кажется, чем быстрее я уберусь восвояси, тем лучше,— пробормотал растерянный Джини.

Он приоткрыл дверь. Некоторое время Сэмпл сидел неподвижно, никак не реагируя на действия своего гостя. Но только Джини собрался было выскользнуть за

дверь, Сэмпл одним прыжком оказался рядом с Кейлером и ударом ноги захлопнул дверь.

Джини отшатнулся и принял боксерскую стойку, как его когда-то учили в школе. Сэмпл осторожно подкрадывался к нему. При этом француз окидывал Кейлера таким безучастным взглядом, что, казалось, глаза его принадлежали не живому человеку, а манекену.

— Соглашайтесь же, месье Сэмпл,—пытался убедить Сэмпла Джини.— Вместе мы смогли бы одолеть их. Зачем же нам, союзникам, драться друг с другом?

Но Сэмпл упрямо замотал головой.

— Потому что вы не можете тягаться со львами, вот зачем. Вы многого не понимаете, мистер Кейлер. Мне очень жаль, но я вас отсюда не выпущу.

Джини нырнул вперед, но Сэмпл нанес ему увесистый удар по голове, отчего у Кейлера сразу зазвенело в ушах. Он покачнулся, однако, устояв-таки на ногах, ловко увернулся от следующего удара, укрывшись за одним из кресел. Мужчины тяжело дышали и, напрягая мускулы, внимательно следили за каждым движением противника.

Внезапно Джини подхватил легкое кресло и швырнул его прямо в голени французу, а потом прыгнул и навалился на Сэмпла всей своей тяжестью. На какой-то миг Сэмпл обмяк, и этого мгновения с лихвой хватило Кейлеру, чтобы выпрыгнуть за дверь и скрыться в темноте.

Сэмпл отшвырнул кресло и рванулся вслед за Джини. Тот не успел и пикнуть, как француз припер его к стене в тесной буфетной.

— Вы совершили ошибку,—задыхаясь, прохрипел Сэмпл.— Вы не уйдете отсюда. Мне очень жаль, мистер Кейлер, но это так.

А потом что есть силы ударил Джини прямо в живот. Кейлер согнулся пополам от безумной боли и упал, ударившись плечом. При этом он чуть было не напоролся на собственную винтовку.

— Ну а теперь поднимайтесь, мистер Кейлер,—приказал Сэмпл.— И пожалуйста, без фокусов. А если будете шуметь, разбудите львиц.

Стоя на коленях, Джини судорожно хватал ртом воздух. Рука его вдруг нащупала винтовку. Выждав несколько секунд, он вскоре заметил, что Сэмпл слегка расслабился.

Надо было действовать решительно. И как можно быстрее. Чтобы Сэмпл не успел сообразить, что происходит.

Кейлер сосредоточился. Быстро сосчитав про себя — пять, четыре, три, два, один — он сунул винтовку прямо под нос Сэмплу. И нажал на курок.

Заряд был холостой, но взрыв пороха на какое-то время ослепил и оглушил француза. Дико закричав, Сэмпл грохнулся на пол и закрыл глаза руками.

Джини с грохотом швырнул винтовку на кафель и бросился прочь из буфетной. Времени оставалось в обрез, и уж если львицы проснутся, ему просто несдобровать. Надо было как можно быстрее выбраться из поместья.

Кейлер подбежал к кухонной двери и, рванув ее обеими руками, очутился в большом зале. Парадная дверь была от него всего в трех шагах. Три засова, один замок — и Джини на свободе. Кейлер захлопнул кухонную дверь и кинулся дальше.

Первый засов отошел с удивительной легкостью. Второй оказался попрочнее. И вот когда Кейлер возился с ним, он услышал сзади странные звуки. Кто-то приближался, и Джини безошибочно почувствовал страшную угрозу для своей жизни. Кто-то царапал когтями по дереву.

Джини оглянулся. В нескольких ярдах находилась лестница, ведущая наверх, к витражному окну. Вот по этой-то лестнице и спускались сейчас Лори и миссис Сэмпл. Гибкие и бледные, совершенно обнаженные, на четвереньках, как и подобает настоящим человекольвам. Их золотистые волосы растрепались, а глаза сверкали холодом, совсем как у того льва, которого они видели с Лори в цирке. Обе оскалились, обнажив острые клыки.

Шаг за шагом, пригнув головы, они спускались по ступенькам, а потом, рыча и мотая косматыми гривами, потрусили по кафелю зала. Желтоватые зубы угрожающе обнажились, и Кейлер совершенно отчетливо осознал, что в этих существах не осталось ничего человеческого. И никто теперь не в состоянии остановить их.

Глава восьмая

Адреналин разрывал его жилы, и Джини, мгновенно отодвинув оба засова, повернул ключ в замке. Эти действия не ускользнули от львиц. Лори приготовилась к прыжку.

И она прыгнула, но Джини успел отскочить в сторону. Лори тяжело опустилась на пол и царапнула когтями кафель, как промахнувшаяся кошка. Джини распахнул дверь и ринулся в темноту, на ходу задев ключ и выдрав из рукава здоровенный кусок ткани.

Кейлер мчался по гравиевой дорожке. Да, так резво бегать ему не приходилось уже давно.

Он слышал, как его настигают женщины из племени убасты. До ворот было рукой подать, однако Джини прекрасно понимал, что ему не успеть. Он явно уступал львицам и в силе, и в проворности. К тому же они были рождены, чтобы убивать.

Джини работал ногами, как мог, легкие его просто разрывались от боли. Дубы по обеим сторонам аллеи мелькали, словно частокол. Свернув за угол, Джини разглядел высокие кованые ворота.

Однако через пару секунд Кейлер заметил рядом с собой бледную тень. Одна из львиц нагнала его и теперь бежала сбоку, не отставая ни на шаг. Другая настигала сзади. Дыхание львиц заглушало все посторонние звуки.

В отчаянии Джини попытался было сквозь высокую траву прорваться туда, где он впервые взбирался на ворота в поисках Лори. Если удача улыбнется ему, то Джини обнаружит и ту самую веревку, по которой совсем недавно карабкался в это проклятое поместье. Кейлер прекрасно сознавал, что еще чуть-чуть, и он не выдержит. А если веревки на стене не окажется, львицы в два счета покончат с ним. Джини метнулся в заросли вереска и, продираясь сквозь него, выбрался на лужайку. Бледная тень сопровождала его слева. Повернув голову, Джини с ужасом обнаружил, что и вторая львица настигла его. Теперь она вровень с Кейлером мчалась с другой стороны. Они гнали Джини так же, как делают это львицы в Африке, охотясь на зебр или антилоп. И пока Джини судорожно соображал, куда ему бежать,

львицы хладнокровно преследовали его, руководствуясь лишь собственными инстинктами.

Джини вдруг понял, что стену ему не одолеть. Он задыхался от быстрого бега, ноги стали свинцовыми и готовы были вот-вот отказаться. А лужайка, как нарочно, резко пошла вверх. Джини покачулся и сбавил скорость, а львицы тем временем только входили во вкус погони.

И вот совсем рядом зашуршали опавшие листья. Джини инстинктивно поднял руку, закрывая лицо. Лори прыгнула на него слева, и от удара Джини повалился на усыпанную осенней листвой траву. Не рассчитав сил, Лори перекатилась через него. А Джини так и остался лежать на земле.

Он зажмурил глаза и с ужасом ожидал, когда же острые зубы вопьются в его тело. Он слышал, как тяжело и возбужденно дышит Лори, как сглатывает она набегающую слюну. Кейлер чувствовал и тяжесть ее тела. Вокруг стоял нестерпимо резкий запах зверинца.

Джини осторожно приоткрыл глаза. Лори заметила это и слегка отпрянула от Кейлера. Не сводя с него своих прекрасных кошачьих глаз, она отползла от Джини и, припав к земле, замурлыкала. Внезапно из-за деревьев вынырнула ее мать. Теперь они вдвоем уставились на свою жертву. И так они смахивали на настоящих львов, что Джини стало не по себе. Трудно было даже представить себе, что совсем недавно эти львицы имели человеческое обличье. А ведь Джини танцевал с Лори, сопровождал ее на вечеринки, они вели светские беседы и даже смеялись над чем-то. И вот теперь Лори стояла на четвереньках, в застывшем от холода ноябрьском лесу, и, оскалившись, не сводила с него звериного взгляда.

Похоже, они просто стерегли его. Джини не сразу понял это. Они и не думали убивать его. Еще бы! Ведь Джини предназначался для иной цели — его должен был разорвать лев. Жертва сыну Баста, который, кстати, с минуты на минуту должен был присоединиться к их живописной компании, чтобы совокупиться с Лори. Нет, эти львицы никогда бы не осмелились убить Джини. Ведь благодаря ему у Лори появятся все шансы доказать, что она достойна своих предков.

Джини чуть-чуть приподнялся в траве.

— Лори, — тихонько позвал он. — Ты слышишь меня?

Лори тряхнула головой и ничего не ответила. Так лев отгоняет назойливых мух.

— Послушай, Лори, — продолжал Джини, не зная, с какого края подойти к жене. — Ты должна понять, что никогда не сможешь этого сделать. Полиция уже на полпути к вашему дому. Точно говорю. Я успел ее вызвать, и очень скоро они будут здесь. А если тебя схватят, то посадят в тюрьму, причем на долгий срок. И никаких львят у тебя не будет, Лори. Если ты сейчас же не дашь мне спокойно уйти, они запрут тебя в клетку и отберут детеныша. Но скорее всего они его утопят.

Лори злобно оскалилась, однако Джини так и не понял, дошли до нее его слова или нет. Кейлер попытался было сесть, но обе львицы внезапно зарычали и угрожающе направились в его сторону. Джини поднял руки, как бы давая понять, что больше не позволит себе никаких вольностей, и тогда львицы отступили.

Похоже, сын Баста, то есть тот самый лев из цирка, должен был вот-вот явиться сюда, иначе они не стали бы так преспокойненько поджидать его. Интересно, а каким образом лев выберется из своей клетки? Вероятно, миссис Сэмпл успела подточить замок. Не исключено также, что, учуяв запах крови, хищник проломит деревянный настил или заднюю стенку клетки. Джини нестерпимо хотелось курить. Участь преступников, идущих на казнь, и то куда завиднее: перед депортацией в мир иной им разрешают выкурить сигарету.

Все вокруг словно замерло. Стоял легкий морозец. Однако ни одна львица не испытывала холода. Они сидели бок о бок и в ожидании льва прислушивались к малейшим шорохам.

— Лори, — предпринял очередную атаку Джини, — отпусти меня, Лори. И больше я ни о чем не попрошу. Ну, дай мне всего полчаса. Я не проболтаюсь ни единой живой душой ни о тебе, ни о твоей матери. Клянусь. Ведь ты можешь заниматься любовью со львом и без моего участия, верно? Зачем же меня впутывать?

Лори молча наблюдала за Кейлером своими прекрасными изумрудными глазами. Миссис Сэмпл то и дело

недовольно встряхивала роскошной гривой волос, очевидно, волнуясь, что льва до сих пор не видно. Уж такому монстру ничего не стоило проломить клетку и в мгновение ока одолеть небольшое расстояние, которое отделяет цирк от поместья. А ночью льва вряд ли кто-нибудь успеет разглядеть. Джини покосился на часы. Почти два часа.

К половине третьего Кейлер совершенно окоченел. Вдобавок ко всему затекли ноги и руки. В небе сгушались тучи, поднялся легкий ветер. Джини начал покашливать. Он собрался было сменить позу и растереть онемевшие руки, но миссис Сэмпл так грозно рыкнула на него, что Кейлер предпочел мучиться, но не шевелиться.

И тут вдруг послышался шорох. Грузный зверь прыжками приближался к тому месту, где в полуобморочном состоянии лежал Джини. Зашуршали листья под гигантскими лапами.

Тело Лори напряжилось, и она резко повернулась на шум. Вскочив на четвереньки, миссис Сэмпл нетерпеливо забегала взад-вперед.

Внезапно раздалось глухое рычание. Джини оглянулся и увидел сына Баста собственной персоной. Сейчас, на природе, лев казался еще крупнее, чем в клетке.

Зверь мчался прямо на них. Во всем его облике сквозила царственность. Каждый шаг был полон величия, а под шкурой то и дело перекачивались стальные мускулы. Кейлеру не раз попадались на глаза страшные снимки, где львы раздирают на части своих незадачливых дрессировщиков или несчастных посетителей сафари-парков. Каждый раз, глядя на подобные фотографии, Джини удивлялся, почему эти бедняги не могут убежать от льва. Однако теперь, столкнувшись лицом к лицу со взрослым самцом и по достоинству оценив его размеры, Джини понял, что тягаться в беге с этим монстром просто не имело смысла.

Остановившись, лев не спеша окинул лужайку горделивым взглядом. И зарычал. Внезапно волосы у Джини встали дыбом. Он услышал, как Лори ответила самцу. Однако ее рык отличался от предыдущего: в нем звучала покорность. словно Лори заискивала перед львом. Очевидно, так течная самка подзывает самца. Лев вскинул голову, и Джини увидел, как раздуваются

у него ноздри. Лев почуял запах самки, исходящий от Лори.

А та нетерпеливо царапала ногтями землю. Лори скрежетала зубами от вожделения, и все ее напряженное тело трепетало в порыве страстного возбуждения. Лев неторопливо приблизился к Лори и начал медленно обнюхивать ее с ног до головы. Миссис Сэмпл устроилась неподалеку в высокой траве. Она изредка поглядывала в сторону живописной парочки, и Джини был абсолютно уверен в том, что сделай он хоть одно лишнее движение, матушка Лори мгновенно окажется тут как тут.

Обнюхивание длилось никак не меньше десяти минут. За это время Лори и лев, похоже, попривыкли друг к другу. Джини видел, как Лори, нежно потираясь о шкуру своего избранника, входит постепенно в экстаз. Она была здорово возбуждена, такой Кейлер ее никогда раньше не видел. Лори нервно рыла землю ногтями.

Тогда в шапиту Лори призналась Джини, что сильно возбудилась. Однако Кейлер отнес это за счет циркового представления.

И тут послышалось странное журчанье. В тот же момент Лори повернулась и Джини, разглядев ее мокрые бедра, понял, что произошло. Лори помочилась, чтобы запах сильнее возбудил ее партнера. Лев хрипло зарычал и, фыркнув, грузно вскочил сзади на Лори.

Та стояла на четвереньках, дугой выгнув спину. Рядом с гигантским зверем девушка казалась хрупкой. И вот, взгромоздившись на Лори, лев вошел в ее тело.

Джини услышал пронзительный вопль. Но это был не человеческий крик, так, наверное, стонет раненый зверь или существо, которому причинили страшную боль...

Лев глубоко вонзил свои когти в плечи девушки, и по ее телу заструилась кровь. Он входил все глубже и глубже, мускулы его наливались и вздрагивали.

Комок подкатил к горлу Джини. Он почувствовал резкую тошноту. Но отвернуться от этого жуткого зрелища Кейлер уже не мог.

Внезапно тело льва охватила судорога. Дернувшись несколько раз в конвульсиях, он тут же соскочил с Лори. Глухо зарычав, лев отвернулся.

Лори дрожала с головы до ног. Обливаясь кровью, она повалилась на землю. Лев равнодушно обошел вокруг девушки. Теперь он ждал человеческой жертвы. А та находилась неподалеку. Ни жива ни мертва от ужаса.

Джини чутьочку приподнялся, стараясь не обратить на себя внимания. Он затаил дыхание. И хотя Кейлер прекрасно понимал, что тягаться в беге со львами бессмысленно, тем не менее внезапность была на его стороне и, если резко броситься к забору, вполне можно рассчитывать на успех.

Кейлер выжидал. Он надеялся, что лев снова обойдет Лори, и тогда наступит подходящий момент для бегства.

Джини собрался с духом и уже готов был пуститься наутек, как лев вдруг застыл на месте и настороженно поднял голову. Миссис Сэмпл тоже забеспокоилась.

И тут Джини услышал шорох. К ним кто-то приближался. Незнакомый шел прямо на них через вересковую пустошь. При этом он что-то выкрикивал. Джини прищурился, стараясь разобрать в темноте, кого это несет сюда в столь неподходящий момент. И разглядел человека, продирающегося сквозь густой кустарник. Казалось, он не разбирает дороги и двигался наобум.

— Лори! Лори! — послышался хриплый голос. — Это же я, твой отец! Лори, девочка моя! Моя крошка! Это твой отец!

В тот же миг лев бросился на крики. Он мгновенно пересек поляну и в несколько прыжков оказался рядом с французом. Сэмпл, ослепленный выстрелом, ничего не видел вокруг себя, хотя наверняка слышал, как страшный зверь мчится прямо на него. Лев схватил француз за ногу и рванул его на себя.

Джини услышал, как захрустели кости. В следующий момент чудовище подмяло под себя Сэмпла и, урча от вожделения, принялось разрывать беднягу на части.

Джини вскочил и, не помня себя от ужаса, бросился прочь.

Миссис Сэмпл не заметила поначалу бегства Джини. Она была полностью захвачена созерцанием гибели собственного мужа. Однако уже через несколько секунд львица пришла в себя и увидела Кейлера. Тот со всех

ног мчался по направлению к забору. Бежать было трудно. Кустарник сплошной стеной вставал на пути Джини, но тот, не обращая на него внимания, напролом пробирался к спасительной ограде.

Забор оказался значительно дальше, чем предполагал Джини. А Кейлеру-то казалось, что до него рукой подать. Видимо, заросли скрадывали расстояние.

Внезапно Джини споткнулся о какой-то корень. Ботинок слетел, и теперь Кейлер мчался наполовину разутый. Он мгновенно разодрал ногу. Да и второе дыхание, похоже, кончалось. Джини жадно хватал ртом воздух, словно никак не мог надышаться.

Львица настигала его. Она прекрасно понимала, что у Джини остается последний шанс и упускать его он, разумеется, не намерен. Львица рванулась вперед с удвоенной прытью. Джини уже слышал за спиной ее тяжелое дыхание.

Кейлер летел с такой скоростью, что не успел притормозить у забора и врезался в него головой.

Веревки на заборе не было. Вероятно, она просто померещилась ему с дальнего расстояния. Джини резко обернулся. Ярдах в двадцати он разглядел знакомую бледную тень: миссис Сэмпл почти нагнала Кейлера.

Джини набрал в легкие побольше воздуха и кинулся вдоль ограды к тому месту, где, как он рассчитывал, могла оказаться спасительная веревка. Рукой он касался забора, чтобы случайно не пропустить ее.

Миссис Сэмпл срезала угол и, таким образом, выиграла еще ярдов десять. Оглянувшись через плечо, Джини увидел ее сверкающие глаза и злобный оскал.

Что-то нашептывало Кейлеру: все напрасно, тебе не уйти. И канат ты не найдешь. А львица уже в нескольких ярдах от тебя. Прощайся с жизнью, дружок...

Джини опустил голову и что было духу рванулся дальше. Он понесся так быстро, что мгновенно отвоевал у миссис Сэмпл пару футов. Однако силы его были на исходе.

И тут Джини увидел веревку. Тот самый канат! Кейлер ухватился за его конец и, обливаясь потом, начал карабкаться вверх. В поисках опоры он то и дело нащупывал ногами очередной кирпич. Внезапно львица схватила зубами разутую ногу Джини.

Кейлер что есть силы лягнул в лицо миссис Сэмпл. Но та мертвой хваткой вцепилась в его ногу, и Джини чувствовал, как рвется под клыками львицы шерстяная ткань. Кейлер засучил ногами и, наконец, изловчившись, так пнул миссис Сэмпл, что та с хрипом отлетела. Теперь ей требовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

Подтянувшись на канате, Джини в мгновение ока взобрался наверх. Миссис Сэмпл снова попыталась было ухватить его за голень, но Джини опять с такой силой врезал ей ногой по лицу, что львица мгновенно соскочила на землю. Джини помешкал было наверху несколько секунд, а затем решительно сиганул с забора на другую сторону.

Кейлер неудачно приземлился. При падении он повредил колено. Но сейчас это не имело значения. Джини вскочил и стремглав ринулся к дороге прямо через полосу дерна. Впереди уже виднелись спасительные огоньки. Джини вдруг зашелся в кашле. Сплюнув, он помчался в сторону домов.

Кейлер отбежал от забора на приличное расстояние. Силуэт особняка, к которому он приближался, уже отчетливо проступал на фоне облачного неба. Здание было выстроено в колониальном стиле. Джини увидел и машины, припаркованные около дома, и изгородь. Ему даже показалось, что он различает в окнах фигуры гостей, съехавшихся, видимо, на какое-то торжество. Джини замедлил бег и постепенно сменил его на шаг. Еще немного — и Кейлер у заветной цели.

И вдруг он услышал позади тяжелый топот. Оглянувшись, Джини разглядел, как следом за ним по асфальту бок о бок мчатся Лори и лев.

— Господи! — холодея, прошептал перепуганный Джини и снова припустился бежать. Он едва волочил ноги. И дом, до которого было рукой подать, внезапно словно отъехал от Джини на целую милю. Кейлер не переставая кашлял, и это затрудняло бег. Теперь он проклинал все выкуренные сигареты. Джини казалось, что кто-то, сподобившись облить его легкие керосином, поджег их.

До изгороди оставалось каких-нибудь футов пятнадцать, когда львы настигли Кейлера. Однако самец по-

чему-то медлил. Обегая вокруг Джини, он постепенно суживал кольца. Лори шипела, фыркала и, стоя на четвереньках, тоже, казалось, не торопилась.

Джини застыл как вкопанный. Пытаясь защититься от львов, он невольно поднял руку, хотя прекрасно понимал, что этим жестом вряд ли сможет уберечься от их чудовищных клыков.

— Лори,— хрипло вымолвил Джини,— Лори, Бога ради...

Но та лишь лениво огрызнулась, и страшные зубы сверкнули в отсветах окон. «Господи, ведь я всего футах в двадцати от цивилизации,— пронеслось в голове у Джини.— А жители этого дома, выйдя поутру с собакой, обнаружат мой растерзанный труп. Как тело того несчастного девятилетнего мальчика». Кейлера охватила паника.

— Лори, прошу тебя! Лори, послушай... Я же знаю, что ты — Лори! Отзови его, Лори! Ради всего святого, отзови его!

Лев начал припадать к земле, готовясь к прыжку. Он прищурил глаза, концентрируя взгляд на жертве, и свирепо обнажил клыки.

— Лори! — что есть мочи закричал Джини.— Лори, уведи это чудовище! Лори, я же люблю тебя! Уведи его!

Лори обежала вокруг мужа. И вдруг зарычала на льва. Тот замешкался, и Джини разглядел, как расслабляются его мышцы. Гордо вскинув свою роскошную голову, словно связываться с Лори или Джини было ниже его царского достоинства, лев застыл на месте.

Джини не шевелился, пытаясь совладать с внезапно охватившей его дрожью.

— Лори,— взмолился он.— Я прошу тебя, Лори. Если ты когда-нибудь любила меня. Прошу...

Лев собрался было прыгнуть в сторону Джини, и тот нервно вздрогнул, но Лори тут же подскочила ко льву и боднула его головой. Зверь повиновался. Развернувшись, он рысцой потрусил прочь.

Джини не сводил с него глаз. Очень скоро зверь скрылся в темноте. Тогда Кейлер повернулся, Лори как сквозь землю провалилась. Джини едва волочил ноги. Он с трудом дотащился до ворот и, толкнув их, из последних сил вскарабкался на крыльцо и постучал в дверь.

Через пару минут ему, наконец, открыли. На пороге стоял седовласый мужчина в дорогом костюме. В руках он держал бокал с вином.

— Проходите,— испуганно пробормотал он, оглядывая незнакомца.— Что с вами стряслось?

— Львы,— только и успел произнести Джини, теряя сознание.

* * *

Джини не смог не явиться на похороны Мэтью. День выдался сухой и на редкость холодный. Кроме родных, никого не было. Листья шуршали под ногами, и все двигались ровным шагом, словно солдаты в строю. Небо было ясным, и только высоко-высоко виднелись легкие очертания облаков.

Миссис Сэмпл и Лори бок о бок стояли у могилы, обе в черном. Лица их скрывала вуаль. Надгробный камень поражал своей безыскусностью. Очевидно, он был из самых дешевых. Да и надгробная надпись отличалась незатейливостью: «Мэтью Беста от любящих друзей».

Джини чуточку запоздал и припарковал свой белоснежный «нью-йоркер» у кладбищенских ворот. С ним была и Мэгги в новом черном пальто, которое Джини купил ей по случаю траура. Они медленно подошли к могиле, однако никто не обратил на них внимания. И Джини почувствовал, что здесь они — всего лишь ненужные свидетели.

Священник как раз заканчивал отходную молитву. Нагнувшись, миссис Сэмпл сгребла горсть холодной земли и бросила ее на крышку гроба. Лори, не шевелясь, стояла рядом. Она сложила на животе руки, как будто находилась на последнем месяце беременности.

— А она действительно очень красива,— прошептала Мэгги.— Так близко я ее еще не видела.

— Красота,— возразил Джини,— это всего лишь внешняя оболочка...

Мэгги нахмурилась.

— Сразу видно настоящего политика. Ты говоришь штампами.

Он улыбнулся.

— Я уже слышал подобное обвинение,— признался он.— Правда, это было очень давно.

Миссис Сэмпл и Лори ушли с кладбища, даже не покосившись в сторону Джини. Теперь их делами занимались адвокаты. Они-то и сообщили Джини, что Лори согласна на развод. Она лишь просила, чтобы Кейлер выделил определенную сумму на ребенка, если Лори вдруг окажется беременной.

Джини и Мэгги еще несколько минут простояли у могилы, а затем вернулись к машине.

— А знаешь, что я хочу тебе сказать,— начал Джини, когда они въезжали в залитый утренними солнечными лучами город.

— Что же?

— Обычно на беззащитных-то и сваливают вину.

— Ты имеешь в виду людей или животных?

— Ну, в данном случае животных. Вернее, одного зверя.

— Но ведь он растерзал Сэмпла. Или как его, Мэтью Беста. Или как там его еще называли...

— Действительно,— согласился Джини.— А кто его выпустил? Он ведь сыграл всего-навсего роль орудия. Возможно, он предпочел бы всю свою жизнь проторчать в клетке, выходить иногда на арену, выполнять под свист бича приказы дрессировщика, а потом опять тащиться в свою клетку и хавать мясо вставными зубами.

— Не понимаю, как ты еще можешь шутить насчет зубов после всего того, что пришлось пережить.

Джини пожал плечами.

— Честно говоря, мне все это кажется сном.

— Именно поэтому ты и явился сегодня на кладбище?

— Знаешь, я чувствую вину перед Мэтью. Ведь если бы не я, бедняга, может быть, был бы сейчас жив. Мэгги сняла черную шляпку.

— Ну, конечно. Зато ты был бы уже на том свете.

Джини притормозил у светофора. Солнце ворвалось в окна машины, и волосы Мэгги внезапно вспыхнули в его лучах. На противоположной стене висел обтрепанный плакат, возвещавший о приезде цирка Ромеро. На нем был изображен лев, прыгающий в обруч. В сосед-

ней машине какой-то мужчина средних лет, не вынимая изо рта сигареты, громко спорил с женой.

— Мэгги,— вдруг позвал Кейлер.

— Да, Джини.

— Как ты думаешь, я еще не совсем тронулся? Ты знаешь, мне до смерти хочется, чтобы ты осталась со мной.

— Что ж, я, конечно, не Лори, и ты вполне можешь воспользоваться моей слабостью и загнать меня под каблук... Но если ты дашь мне клятвенное обещание не делать этого, то я, пожалуй, подумаю над твоим предложением,— засмеялась девушка.

* * *

Через девять месяцев в одной из газет появилось объявление. «У миссис Лори Сэмпл-Кейлер, бывшей супруги Джини Кейлера, проживающей в штате Мэриленд, родилась девочка Сабина. Миссис Лори Сэмпл-Кейлер разрешилась от бремени в одной из больниц района Мерриам. ХАКХИМ-АЛЬ ФАРИККА».

ЭЛЕН МАККЛОЙ

Удар из Зазеркалья

Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил. По-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; А как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, Гадательно, тогда же лицом к лицу; Теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, Подобно как я познан

*Первое Послание к Коринфянам
Святого Апостола Павла (13 : 11, 12)*

Глава первая

Миссис Лайтфут стояла у окна, выходящего на за-пруду.

— Садитесь, мисс Крайль, боюсь, я должна сообщить плохие новости.

Обычное благожелательное выражение лица Фостины исчезло, в глазах ее мелькнуло беспокойство. Правда, лишь на мгновение. Но в эту секунду она испытывала неприятное чувство. Такое обычно испытываешь, когда встречаешься с пронзительным взглядом чужака, заглядывающего в окно дома, в котором, по его мнению, в это время не бывает хозяев.

— Слушаю вас, миссис Лайтфут,— низким голосом сказала она. Фостина была довольно высокого роста, а миниатюрные запястья и лодыжки, узкие руки и ноги свидетельствовали о хрупкости тела. Все в ней говорило о мягкости и доброжелательстве — продолговатое, бледное, сосредоточенное лицо овальной формы, расплывчато очерченные, чуть близорукие голубые глаза, гладкие волосы без украшений со светло-коричневой опушкой, которая при малейшем движении головы образовывала над нею золотистый нимб.

Она полностью владела собой и, пройдя по кабинету, опустилась в кресло напротив директрисы.

Миссис Лайтфут тоже не приходилось занимать самообладания. Ее полное лицо выражало непоколебимую

твердость, а дерзко выдвинутая нижняя губа, большие круглые глаза, сверкающие из-под белесых ресниц, напоминали королеву Викторию. В одежде ей нравился традиционный для квакеров цвет — грязновато-желто-коричневый, который портные величали «серо-коричневым» в тридцатые годы, а в сороковые — «угреватый». Такого цвета был и ее грубый твид, и красивый вельвет, богатый шелк и легкая вуаль, — в зависимости от случая и сезона, — при этом все свои наряды она украшала изысканными нитками ожерелья и старыми кружевами, доставшимися ей от матушки в наследство.

Даже шуба у нее была сшита из меха крота — единственный мех, обладающий одновременно голубино-серым и густо-коричневым оттенками. Устойчивое пристрастие к такой скромной окраске помогало ей сохранять сдержанность и уравновешенность, что неизменно производило должное впечатление на родителей ее учениц.

Фостина, глядя на миссис Лайтфут, ответила:

— Но я не жду дурных новостей. — Улыбка, с промелькнувшей в ней мольбой, пробежала по ее губам. — У меня нет семьи, и вы об этом прекрасно знаете.

— Откровенно говоря, — продолжила миссис Лайтфут, — я вынуждена вас просить покинуть школу Бреттон. Шестимесячное жалованье, разумеется, будет выплачено целиком. Это оговорено в контракте. Но вам придется уехать немедленно. Самое позднее — завтра!

— Как?! В середине полугодия? Это неслыханно, миссис Лайтфут!

— Мне очень жаль, но вам все же придется уехать.

— Почему?

— Этого я сказать не могу. — Миссис Лайтфут села за письменный стол, сделанный из красного дерева в какой-то колониальной стране. Рядом со стопкой розоватой промокательной бумаги были разбросаны какие-то медные безделушки. Здесь же стояла фарфоровая ваза цвета бычьей крови с букетом красивых темных английских фиалок.

— А мне казалось, что здесь у меня все будет хорошо, — Фостина осеклась и умолкла. — Что же я натворила?

— Ничего такого, в чем можно было бы обвинить вас непосредственно. — Миссис Лайтфут вновь вскину-

ла на нее свои бесцветные глаза. Они, казалось, лишь отражали свет, в них не было своего, яркого, живого блеска.— Ну, скажем, вы не соответствуете общему духу, царящему в Бреретоне!

— Боюсь, что вынуждена просить вас объяснить все несколько подробней,— осмелилась возразить Фостина.— Должна быть какая-то достаточно определенная, веская причина, если вы требуете моего немедленного отъезда в разгар учебного года. Имеет ли ваше решение какое-то отношение к моему характеру? Или оно касается моих способностей, квалификации?

— Ни то, ни другое не вызывает никаких претензий. Просто... просто вы не вписываетесь в привычную картину Бреретона. Вам, конечно, известна несовместимость цветов? Может ли сочетаться цвет спелых томатов с цветом красного вина? То же самое и здесь, мисс Крайль. Вы тут не в своей тарелке. Но это не должно вас расстраивать. Может, в другой школе вы придетесь ко двору и будете счастливы. Это же место не для вас.

— Но я нахожусь здесь всего несколько месяцев, разве можно сделать окончательные выводы за такой короткий срок?

— Эмоциональные конфликты в женской школе возникают очень быстро, и еще быстрее осложняются. Словно в степи, когда горит ковыль. Этому способствует создавшаяся здесь атмосфера.

Противодействие всегда заставляло миссис Лайтфут переходить на повышенные тона, но тут она неожиданно столкнулась с оппозицией, идущей от человека, который всегда отличался робостью и послушанием.

— Все это настолько деликатно, что трудно подобрать нужные слова. Но я вынуждена потребовать от вас покинуть школу ради ее благополучия.

Фостина вскочила на ноги. Хотя ее буквально сотрясал нахлынувший на нее гнев, она осознавала свое полное бессилие.

— Вы отдаете себе отчет в том, что это означает для моего будущего? Ведь все вокруг подумают, что я совершила нечто ужасное! Попробуй-ка докажи, что я не клептоманка и не лесбиянка!

— Послушайте, мисс Крайль. Есть вещи, которые у нас в Бреретоне не подлежат обсуждению.

— Нет, они должны обсуждаться у вас в Бреретоне, если вы ни с того, ни с сего заставляете убраться преподавателя в середине учебного года, не объясняя причин такого решения! Только два дня назад вы утверждали, что моим классом вы довольны больше других. Это ваши слова, не так ли? И вот теперь... Кто-то распространяет обо мне заведомую ложь. В чем она состоит? Кто этим занимается? Я имею полное право знать, если речь идет о моей работе!

В глазах миссис Лайтфут промелькнуло что-то для нее необычное, вероятно, сострадание.

— Мне на самом деле очень вас жаль, мисс Крайль. Но я не могу назвать причину. Боюсь, что до настоящего момента я еще не взглянула на это дело вашими глазами. Видите ли, школа Бреретон очень много для меня значит. Когда я принимала ее из рук умиравшей миссис Бреретон, то и сама школа, можно сказать, находилась на грани смерти. Я вдохнула в нее новую жизнь. Теперь, после окончания войны, к нам приезжают девушки из всех штатов, даже из Европы. У нас не обычная, захудалая школа, которую заканчивают миллионы. У нас почитаются твердые традиции. Кто-то сказал, что истинная культура — это то, что вы помните, позабыв о своем образовании. Наши выпускницы знают значительно больше, чем их сверстницы, обучающиеся в других школах. Любые две наши выпускницы непременно сразу же узнают друг друга по манере речи, способу мышления. После смерти мужа эта школа заняла место в моей жизни, принадлежавшее когда-то ему. Я — не жестокая по природе женщина, но когда возникает угроза, что вы, именно вы в состоянии ее погубить, то я могу быть беспощадной.

— Погубить Бреретон? — тихо повторила Фостина. — Но как?

— Скажем, благодаря той атмосфере, которую вы создали вокруг своей личности.

— Что вы имеете в виду?

Миссис Лайтфут перевела блуждающий взгляд на открытое окно. За ним, на внешней стороне, вился плющ, отбрасывая на широкий подоконник густую тень. Позднее вечернее солнце обливало своим прозрачным светом пожухлую осеннюю траву. Сумерки дня, казалось,

столкнулись с закатом года и посылали друг другу приветствие, прощаясь с летним теплом.

Миссис Лайтфут тяжело вздохнула:

— Мисс Крайль, скажите мне откровенно. Вы на самом деле... не в силах догадаться?

Наступила короткая пауза. Собравшись с мыслями, Фостина ответила:

— Конечно, не догадываюсь. Не могли бы вы подсказать?

— Я не намерена рассказывать вам больше того, что уже сказала. Вы не услышите от меня ни слова.

Фостина поняла, что разговор окончен, но все же продолжала возражать — медленно, растягивая слова, сникшим голосом, словно какая-то надоедливая старушка.

— В разгар учебного года мне вряд ли удастся найти новую работу. Не могли бы вы порекомендовать меня директору какой-нибудь школы и сообщить ему, что я человек, хорошо знающий свой предмет — искусство? Ведь не по собственной же воле мне приходится столь спешно покидать Бреретон.

Взгляд миссис Лайтфут стал холодным и сосредоточенным, это был взгляд хирурга или палача:

— Мне очень жаль, но я не могу рекомендовать вас на должность преподавателя.

Все, что еще оставалось у Фостины от детства, мгновенно проступило на ее лице. Ее рыжеватые ресницы смахивали слезы. Губы дрожали от обиды. Но она больше не прекословила.

— Сегодня вторник, — резко сказала миссис Лайтфут. — У вас всего один урок. Значит, будет время, чтобы собрать вещи. Насколько я помню, у вас в четыре встреча с членами комитета по греческой драме. Остается время, чтобы сесть на последний поезд в Нью-Йорк. Он отходит в 6.25. В этот час ваш отъезд не привлечет большого внимания. Девочки будут заняты подготовкой к ужину. А завтра на общем сборе я сообщу о вашем отъезде. К моему великому сожалению, сложившиеся обстоятельства исключают ваше возвращение в Бреретон. Не нужно лишних разговоров. Так будет лучше как для школы, так и для вас.

— Понятно, — тихо проговорила Фостина и, спотыкаясь, направилась к двери. Слезы мешали ей идти.

За кабинетом, в просторном холле, пространство прорезал косой луч света, падавший из окна рядом с лестницей. По ней спускались две маленькие четырнадцатилетние девочки — Мэг Вайнинг и Бет Чейз. Мужская строгость школьной формы Бреретона еще больше оттеняла женскую привлекательность Мэг — ее беловато-розовую кожу, серебристо-золотистые завитушки, подернутые поволокой яркие, как сапфиры, глаза. Но та же форма особо подчеркивала все заурядное в Бет — коротко стриженные мышиного цвета волосы, остренькое, белое лицо с рассыпанными по нему комичными веснушками.

Увидав Фостину, обе девочки сильно побледнели, но тем не менее прокричали веселыми голосками:

— Добрый вечер, мисс Крайль!

Фостина молча кивнула, так как уже не надеялась на твердость голоса. Две пары глаз, не отрываясь, следили за ней со стороны, наблюдая, как она поднимается по лестнице. Их отнюдь не невинные глазки были широко раскрыты. В них сквозило любопытство и подозрительность. Фостина ускорила шаг. На верхней площадке она остановилась и прислушалась. Откуда-то сверху послышался пронзительный смешок, похожий скорее на мышиный писк.

Фостина бросилась прочь от лестницы и быстро зашагала по холлу второго этажа. Вдруг справа отворилась дверь. Из комнаты вышла какая-то девушка в фартуке и чепце и выглянула через окно в конце коридора. Последние лучи заходящего солнца отражались в ее пестрого цвета волосах.

Фостине, наконец, удалось унять дрожь на губах.

— Арлина, мне нужно с тобой поговорить!

Арлина резко дернулась в сторону и обернулась. Она была чем-то возбуждена и не скрывала своего явно враждебного настроения.

— Только не сейчас, мисс. Прежде я должна закончить работу!

— Хорошо... Тогда позже.

Когда Фостина проходила мимо нее, Арлина кинулась к стене и плотно прижалась к ней.

Две маленькие девочки не спускали глаз с Фостины. Им было явно не по себе, и на их лицах отражался страх.

Глава вторая

Фостина вошла в комнату, откуда только что выпорхнула Арлина. На полу цвета жженого сахара лежал белый меховой ковер. На окнах висели белые занавески. На фоне белой стены выделялась бледно-желтая краска комода. На белой каминной доске стояли медные подсвечники со стеклянными подвесками и ароматно пахнувшими свечами из зеленоватой восковницы. Стулья с высокими спинками и скамья возле окна были покрыты мебельным ситцем кремового цвета с изображением фиалок и зеленых листьев. Эти жизнерадостные, яркие цвета были похожи на свежее весеннее утро. Кровать, однако, была не застелена, а в корзине — полно мусора. В пепельнице кучкой возвышались сигаретные «бычки», обильно посыпанные пеплом.

Закрыв за собой дверь, Фостина прошла по комнате и остановилась у окна возле скамьи, на которой лежала раскрытая книга. Захлопнув ее, она засунула книгу под подушку, которую старательно взбила, чтобы ликвидировать следы беспорядка.

— Войдите!

Появившаяся в дверях девушка выглядела так, словно сошла с иллюстраций к куфическим рукописям, на которых изображались ушедшие в небытие две тысячи лет назад персидские женщины, восседающие на таких же черноглазых, белокожих, стремительных и стройных кобылицах, как и они сами. Она могла бы с такой же грациозностью и изяществом носить их одеяния из розовато-золотистой парчи. Но американский климат и атмосфера двадцатого столетия заставили ее надеть опрятную фланелевую юбку и свитер цвета вечнозеленой сосны.

— Фостина, эти греческие костюмы...— начала девушка и осеклась.

— Что с тобой?

— Пожалуйста, присаживайся,— обратилась к ней Фостина.— Я должна тебе кое-что сообщить...

Девушка тихо повиновалась и выбрала себе место не в кресле, а на скамье возле окна.

— Сигарету?

— Спасибо.

Медленным движением руки Фостина положила пачку обратно на стол.

— Гизела, ты не знаешь, что им от меня нужно?

Гизела неуверенно переспросила:

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе отлично известно, что я имею в виду! — сказала Фостина сухим, надтреснутым голосом. — Ты, конечно, слышала сплетни, которые обо мне здесь распускают. Что обо мне говорят?

Длинные ресницы — это весьма удобный инструмент для прикрытых глаз. К нему и прибегла Гизела. Когда она вновь вскинула ресницы, то в ее взгляде чувствовалась полная невинность. Ее рука слегка дернулась к лежавшей возле нее подушке, увлекая за собой тонкую струйку сигаретного дыма.

— Сядь поудобнее, Фостина. Ты что, на самом деле подозреваешь меня в том, что я прислушиваюсь к сплетням? Я ведь иностранка, и прибыла в вашу страну как беженка. А здесь, в Америке, никто иностранцам не доверяет, не говоря уже о беженцах. Ведь многие из них так и не сумели найти свое место, и в результате платили вам черной неблагодарностью. У меня нет близких друзей. А в школе меня терпят только потому, что мой немецкий с грамматической точки зрения совершенен, а мой венский акцент более приятен американцам, чем речь берлинцев. Но мое имя, Гизела фон Гогенемс, после войны вызывает малоприятные ассоциации. Так что... — она пожала плечами, — у меня почти нет возможности сидеть за чашкой чая или бокалом с коктейлем и бесконечно болтать на разные темы...

— Ты увливаешь от вопроса, — Фостина сидела напряженно, не позволяя себе ни на минуту расслабиться. — Поставим тогда вопрос иначе, напрямую: — Ты слышала какие-нибудь сплетни обо мне?

Гизела резко ответила:

— Нет.

Фостина вздохнула:

— Нужно слушать, что говорят вокруг!

— Зачем? Разве приятно, что люди о тебе судачат?

— Нет, конечно. Но так как им рот не заткнешь, то уж лучше пусть сплетничают с тобой. Ведь ты — единственный человек, к кому я могу обратиться с та-

кой просьбой. Только ты можешь сообщить мне, кто этим занимается и что именно говорят обо мне.— Ты — единственная моя подруга.— Она вдруг густо покраснела от набежавшего на нее чувства робости.— Могу ли я тебя так называть?

— Конечно, я — твоя подруга, и, надеюсь, ты относишься ко мне точно так же. Но я ничего не понимаю. Что заставляет тебя думать о сплетнях?

Фостина аккуратно раздавила погасшую сигарету в пепельнице.

— Меня уволили. Вот и все.

Гизела была поражена ее словами.

— За что?

— Не знаю. Миссис Лайтфут не пожелала объясниться. Если не считать ее глупых банальностей о том, что я не вписываюсь в общую атмосферу школы Бреретон, основополагающей причиной. Я уезжаю завтра.

Фостина с большим трудом произнесла последнюю фразу.

Гизела наклонилась вперед и дотронулась до ее руки. Это было ее ошибкой. Вдруг черты лица Фостины исказились, слезы брызнули из глаз, словно чья-то жесткая невидимая рука выжимала их.— Но это еще не самое страшное.

— А что же?

— Видишь ли, вокруг меня что-то происходит.— Слова теперь пулей вылетали изо рта Фостины, она уже не могла их сдерживать.— Я чувствую давно, но не знаю, что это такое. Какие-то намеки. Неприметные детали.

— Например?

— Посмотри на эту комнату.— Фостина с горестным видом повела рукой.— Горничные отказываются делать для меня то, что охотно выполняют для тебя и других учителей. Они никогда не раскладывают мою постель на ночь. Зачастую к ней вообще никто не прикасается. В графине никогда не бывает холодной воды, в комнате не проводят уборку, не вытирают пыль. Я должна сама выносить мусор, высыпать окурки из пепельницы, а однажды кто-то из них оставил на весь день окна открытыми, и в результате ночью я продрогла до костей.

— Почему же ты не рассказала об этом миссис Лайтфут? Не пожаловалась экономке?

— Я хотела, но пойми, я здесь новичок, приехала недавно, и это место очень много для меня значит. Кроме того, я не хотела создавать неприятности для Арлины. Ей поручено убирать в моей комнате, но мне всегда ее жалко. Она такая неумеха, ужасно косноязычная. Разговаривать с ней — все равно, что беседовать с глухим!

— Она тебя не слушает?

— Она прекрасно слышит, но не слушает. Под маской ее внешнего безразличия я постоянно чувствую какое-то упрямое сопротивление и никак не могу понять, чем все это вызвано. — Фостина настолько увлеклась разговором, что, закулив, забыла предложить сигарету Гизеле. — Арлина не дерзила, не дулась на меня, просто она была какой-то рассеянной, казалось, вся ушла в себя. Выслушав мои обвинения, она что-то промямлила. По ее словам, она и понятия не имела, что плохо убирает в моей комнате, обещала исправиться в будущем. Но все осталось по-прежнему. В тот вечер, помню, она всячески избегала меня, словно боялась. Но это же глупо. Как можно опасаться такого книжного червя, как я?

— У тебя вызывает подозрение только поведение Арлины?

— Нет, не только. Почему-то все меня старательно избегают.

— И я тоже?

— Ах, Гизела, честное слово, ты — единственное исключение. Стоит мне попросить других учителей посидеть со мной за чашкой чая в здешней деревне, или за коктейлем в Нью-Йорке, все они неизменно отвечают отказом. И такое случалось не раз, и не два, это происходит постоянно. Все отказывают. Все, кроме тебя. И делают это как-то неловко, словно я перед ними в чем-то провинилась. Неделю назад, будучи в Нью-Йорке, я столкнулась на 5-й авеню с Алисой Айтчисон, как раз напротив библиотеки. Но она... отвернулась в сторону, притворившись, что не видит меня. Конечно, она меня видела. Ее притворство было очевидно.

— А как девочки из твоего класса? Не слушаются тебя?

— Нет, дело не в этом. Они выполняют все, что я требую. Задают вполне разумные вопросы по поводу уроков. Но...

— Что но?

— Гизела, они не спускают с меня глаз.

Гизела рассмеялась.

— Я бы не возражала, если бы они не спускали с меня глаз особенно когда я им объясняю что-то на доске.

— Но они глядят на меня в упор не только, когда я им что-то показываю или объясняю,— уточнила Фостина.— Они не спускают с меня глаз постоянно. Все время. И в классе, и в коридоре. Согласись, в этом есть что-то... противоестественное.

— Особенно в классе!

— Да ты не смейся,— возмутилась Фостина.— Все это очень серьезно. Они все время следят за мной, прислушиваются. Кроме того, иногда у меня возникает странное ощущение... что следят они не только за мной.

— Ничего не понимаю.

— Я не могу объяснить тебе, так как сама ни черта не понимаю, но...—Голос Фостины сник:— Они прислушиваются ко мне так, словно ожидают, что вот-вот что-то произойдет. Что-то мне неизвестное.

— Может, они ожидают, когда ты упадешь в обморок или с тобой приключится истерика?

— Может быть. Не знаю. Что-то вроде этого. Только такого со мной в жизни не случалось... Но и это еще не все. Во-первых, они ужасно вежливы со мной. Во-вторых, когда я сталкиваюсь с ними в коридоре или холле, в глазах у них мелькает какой-то любопытный всепонимающий взгляд. Как будто им обо мне известно больше, чем мне самой. И все они непременно начинают хихикать за моей спиной. И это, поверь, не обычное для школьниц зубоскальство, а какой-то нервный смехок, который может запросто перейти в смертельный испуг, либо просто в истерику.

— Это и имела в виду миссис Лайтфут, когда предложила тебе уехать?

— Вначале она была со мной холодна, но потом мне позалось, что она даже сочувствует.

Гизела кисло улыбнулась:

— Это самое любопытное из всего, что ты рассказывала. Миссис Лайтфут, по-моему, жестокая эгоистка.

— Вероятно, у нее существуют какие-то причины для такого поступка,— продолжала свой рассказ Фостина.— Ведь школе придется выплатить мне деньги вперед за шесть месяцев, если они увольняют меня раньше завершения учебного семестра. Я уже не говорю об утрате довольно квалифицированного преподавателя по искусству, которому в это время не так просто подыскать замену. Но при всем при этом она оставалась непреклонной. Я даже не могу рассчитывать на ее рекомендацию, если начну поиски работы где-нибудь в другом месте.

— Ты имеешь право на объяснение причины увольнения,— возразила Гизела.— Почему бы тебе не обратиться к адвокату? Пусть он поговорит с ней.

— Нет, я так не могу. Из этого ничего хорошего не выйдет. Какой школе в округе понравится идея взять к себе преподавателя, который готов прибегнуть к помощи адвоката при первом же признаке надвигающейся беды?

— Да, она действительно приперла тебя к стенке...— Гизела вздохнула и оперлась спиной на подушку. Но она оказалась слишком жесткой опорой. Гизела отодвинулась, и подушка скосилась на сторону. Она попыталась распрямить ее, но в этот момент заметила за ней корешок книги, старинной книги в кожаном переплете с золотым тиснением.

— Ах, прости,— торопливо сказала Фостина и, схватив книгу, прижала ее, словно младенца, обеими руками к груди. Гизеле не удалось рассмотреть ее название.— Прости, тебе было неудобно сидеть.

— Ничего. Я и не знала, что там лежит книга.— Легким грациозным движением Гизела встала. В голосе ее послышались спокойные нотки: — Жаль, но я не могу ничем тебе больше помочь.— Она направилась было к двери, затем помедлила и оглянулась: — Да, совсем забыла, зачем пришла. Хотела спросить, сделала ли ты эскизы для нашей греческой драмы? Но теперь, вероятно, тебе уже не до них.

— Они уже закончены, и миссис Лайтфут попросила представить их на рассмотрение комитета до моего отъезда.

— Отлично. Встречаемся, как всегда, у меня. В четыре.

Гизела прошла через холл, направляясь в свою комнату. Закрыв двери, она немного постояла, сморщив лоб, словно старалась что-то припомнить, затем подошла к своему секретеру и отодвинула задвижку застекленной книжной полки. На первых трех полках книги были аккуратно и плотно расставлены, между ними не было ни малейшего зазора. Но на нижней, казалось, они стояли не так тесно, как обычно. Ее пытливый взгляд остановился на собрании из нескольких кожаных томов с золотым тиснением. Первого тома не было.

Все еще морща лоб, она села за письменный стол. Четыре страницы белой бумаги были разложены на откидной доске — три были исписаны, а четвертая — чистая.

Она придвинула ее к себе и начала писать:

«Р. S. Случалось ли тебе читать «Мемуары» Гете? У меня есть французское издание в переводе мадам Карловиц. Фостина Крайль взяла у меня первый том, не удосужившись спросить на то разрешения. Я обнаружила это совершенно случайно только тогда, когда она попыталась у меня на глазах спрятать книгу. Зачем она ей понадобилась — ума не приложу. Я бы не придавала этому особого значения, если бы не странное отношение всех к Фостине, о чем я тебе уже писала. Что-то дошло до ушей миссис Лайтфут, и сама Фостина сообщила мне о ее требовании к ней покинуть школу.

Во всем этом деле есть что-то зловещее, и, если сказать правду, ничего от тебя не скрывая, то мне самой иногда становится страшно. Мне бы очень хотелось, чтобы сейчас ты был в Нью-Йорке. Я уверена, ты обязательно найдешь какое-то разумное объяснение всему происходящему здесь. Но увы, ты далеко отсюда...

Я боюсь спуститься с холла верхнего этажа после десяти вечера, когда на лестнице горит только одна ночная лампочка. Я не в силах сдержаться и не оглянуться через плечо, все время ожидая увидеть... Не знаю, что именно, но что-то особенное и весьма неприятное...»

Гизела положила ручку, с решительным видом перечитала то, что только что написала, сложила все четыре листа, вложила их в конверт и наклеила на него марку. Снова взяла ручку и написала на конверте:

*Д-ру Базилу Уиллину,
Парк-Авеню, 18-А, Нью-Йорк.*

Набросив шубку поверх свитера, она поспешила вниз с письмом в руках.

На улице сумеречный пронизывающий ветер пощипывал ей щеки и трепал волосы. Порывы ветра яростно гнали вперед серые, но уже слегка просветленные облака. Она шла по мягкому ковру опавших листьев и за несколько минут преодолела те полмили, что отделяли здание школы от главных ворот.

Какая-то девушка стояла возле будки, расположенной на обочине шоссе.

— Привет, Алиса, — поздоровалась Гизела. — Приезжали за вечерней почтой?

— Еще нет. Почтальон должен прибыть с минуты на минуту.

Алисе Айтчисон на вид было около девятнадцати лет, но внутренняя раскованность и свобода в действиях делали ее скорее похожей на молодую учительницу, чем на воспитанницу. Это была литая, созревшая красotka, с блестящими, как у газели, глазами, мягкой, словно подернутой тонким слоем жемчуга, кожей, с полными и сочными губами. На ней был костюм коричнево-орехового цвета в тон ее волосам. Яркий темно-оранжевый шарф закрывал разрез на груди жакета. Она улыбалась. В это время старенький, выдавший виды «форд», громыкая, остановился рядом с ней, и какой-то человек в макинтоше и мокасинах шумно выкарабкался из машины.

— Еще два письма нужно доставить в мгновение ока! — сказала Алиса, взяв из рук Гизелы письмо и передавая его почтальону вместе со своим.

— Будет сделано, — ответил тот, бросая их в сумку. — Ваши девушки, я вижу, обожают обильную корреспонденцию. Все амурные дела?

«Форд», натужно чихая, двинулся по шоссе, а девушки пошли обратно к дому.

— А доктор — это ваш приятель? — спросила вдруг Алиса.

Гизела с удивлением посмотрела на нее. Алиса, конечно, обладала грубой речью и несветскими манерами, чего себе не могли позволить ее учителя, однако, считалось, что она получила хорошее воспитание и, судя по всему, не могла быть похожей на тех любопытных де-

виц, которые без особого стеснения могли прочесть адрес на чужом конверте.

— Да, это один психиатр. А почему вы спрашиваете?

— Кажется, я уже встречала это имя где-то прежде — Базиль Уиллинг.

Гизеле это показалось забавным.

— Он довольно известный человек. Теперь, когда ваше любопытство удовлетворено, могу ли я, в свою очередь, задать вам вопрос?

— Валяйте!

— Вы здесь живете значительно дольше меня, — начала Гизела.

— Не напоминайте мне об этом, — угрюмо перебила ее Алиса. — Целых пять лет одиночества в мире, где нет мужчин! Все равно, что жить в монастыре или женской тюрьме! До этого я провела четыре года в Мейдстоуне. Нет, не в роли учительницы — воспитанницы. С трудом дождалась того дня, когда, наконец, закончила школу. Но что за дикая жизнь началась у меня! Вы сильно удивитесь, если я расскажу вам, какие грандиозные планы я там строила. — Ее глаза смотрели поверх Гизелы, чувствовалось, что она пребывает в каком-то мрачном и грустном настроении. — Но за три недели до школьного выпуска отец покончил с собой. Застрелился.

— Ах, простите... — Гизеле никак не удавалось подобрать нужное слово. — Право, я не знала...

— Прошел только год, и об этом уже никто не помнит. — Алиса посмотрела на нее с вызовом в глазах. — Еще один биржевик с Уолл-стрита, поставивший не на ту лошадь. Итак, я осталась ни с чем. Вдруг я узнала, что миссис Лайтфут ищет преподавателя по театральному искусству. Тогда я попросила миссис Мейдстоун порекомендовать ей меня, думая, что здесь, в Бреретоне, все значительно лучше, чем в Мейдстоуне. Но оказалось, что все то же самое. До смерти надоело. Мне нужна работа в Нью-Йорке, где можно по-человечески жить.

— Значит, в Мейдстоуне было все так же, как и здесь? — спросила Гизела.

— Те же принципы, правда, иной подход. Школа Мейдстоун хочет предстать более современной, разрекламировать свой метод как более полезный для здоровья.

Девочки там пили свежее молоко, ходили в походы и спали на сеновалах. В общем, простая жизнь, но по шикарной цене. Посетителей пускали только по воскресеньям, и то не сводили с них глаз. Мой несчастный отец думал, что мне там будет лучше, но пребывание в Мейдстоуне лишь прибавило мне решительности как можно скорее оттуда выбраться и попасть в настоящий мир.

— Нравится вам Бреретон или не нравится, все же вы чувствуете себя более в своей тарелке, по сравнению со мной,— продолжала Гизела.— Ваша работа дает возможность устанавливать близкие контакты с девочками, ведь вы почти их возраста. Они могут быть с вами откровенными там, где в разговоре со мной предпочтут отмалчиваться.

Алиса внимательно посмотрела на Гизелу.

— Например?

— Ну, скажем, в отношении Фостины Крайль...

— Не понимаю, о чем вы говорите...

— Нет, вы все понимаете,— резко возразила Гизела.— Я заметила, как вы иногда на нее смотрите,— с каким-то недружелюбным любопытством, как будто вы находите в ней что-то странное, непонятное.

— Вздор! — грубо отрезала Алиса.— Фостина Крайль просто глупа. И в этом нет ничего странного. У нее слабый характер, она бесцветна, не умеет преодолеть робость и ужасно озабочена тем, чтобы понравиться всем на свете. У нее нет чувства юмора. Она не обладает даром обзаводиться друзьями. Просто стареющая девица, размазня. Одна из тех, которые постоянно принимают витамины, не получая от них никакой пользы. Вы заметили этот флакон с витаминами Б-2, который постоянно стоит возле ее тарелки за обедом? С такими людьми, как она, ничего не поделаешь. Она рождена, чтобы стать мишенью для любого юмориста и задиры, а ведь таких в мире немало. Взять хотя бы Тяжелое копытце!

— Тяжелое копытце? — переспросила Гизела, не совсем уверенная в точном значении нового американизма.

Алиса ухмыльнулась.

— Так девочки называют миссис Лайтфут.

— Значит,— раздумчиво произнесла Гизела,— Фо-

стине предстоит потерять работу лишь потому, что у нее не достает истинно твердого характера, столь необходимого для хорошего учителя.

— Может быть,— Алиса продолжала изучающим взглядом осматривать Гизелу.— Что, она потеряла работу?

— Ну, это не наше с вами дело,— и Гизела поспешила сменить тему разговора.— Скажите, нельзя ли вернуть мое письмо? Что, если позвонить почтальону в деревню и сообщить ему о моем намерении забрать письмо обратно?

Алиса рассмеялась раскатистым грубым смехом:

— Девочка моя, ваше письмо уже поступило на хранение на почту Дяди Сэма. Конечно, вы можете попытаться прорубить себе тропу через джунгли американской бюрократии и заполнить пятьдесят формуляров, каждый из которых состоит из пяти частей. Но даже если вы это сделаете, я не уверена, что вам удастся заполучить письмо обратно. А для чего оно вам понадобится? Слишком забористое?

— Да нет же,— Гизела не скрывала, что слова Алисы ее раздражают.

— Что же тогда?

— Я приписала к нему постскрипtum и теперь в этом раскаиваюсь. То, что в Америке называется «напрасный труд».

— То есть пытались попасть пальцем в небо?

Они подошли ко входу в главное здание школы. Алиса повернула ручку и толкнула дверь.

— Странно. Двери закрыты.

Гизела нажала кнопку звонка. Так они и стояли под дождем, трясаясь от холода. Дневной свет медленно угасал, постепенно вокруг них сгущалась мгла.

— Черт подери! — воскликнула в сердцах Алиса.— Пойдемте через черный ход, он всегда открыт.

Гизела согласилась, хотя и подозревала, что миссис Лайтфут не по душе такие вольности.

Они побрели по тропе, подставляя свои непокрытые головы резким порывам ветра. У них не было перчаток, и они сунули руки в карманы. Когда девушки завернули за угол дома, то увидели, как весело горит свет во

всех окнах кухни, пробиваясь к ним через сумеречную мглу. Алиса открыла дверь. Гизела вошла вслед за ней.

В этом старинном деревенском доме кухня занимала много места, значительно больше, чем гостиная в средней нью-йоркской квартире. Такие кухни строились в те далекие годы, когда повсюду предлагали свои услуги множество поваров, зарплату им платили небольшую, и никого, по сути дела, не беспокоил вопрос, сколько же стоит приготовление пищи. Современное оборудование — белая эмалированная печь, мойка из нержавеющей стали, электрический холодильник — были как-то не к месту в этой просторной комнате с длинным рядом окон со шторами и паркетным полом, который мыли и натирали ежедневно.

Кухарка стояла у мойки и промывала очищенные листья бельгийской капусты. Из духовки тянуло ароматом поджаривающихся каштанов, которые предстояло смешать с капустными листьями. Стол, стоявший в центре, был завален букетами цветов и пучками собранных листьев. Фостина аккуратно складывала их в большую вазу штейбенского стекла, — обычная обязанность младших преподавателей в школе Бреретон. Она была одета для прогулки — в наглухо застегнутом пальто голубого цвета и в коричневой фетровой шляпке.

Выдержав небольшую паузу, Алиса спросила:

— Вы только что со двора?

— Да, — Фостина Крайль посмотрела на нее с нескрываемым удивлением.

В это время отворилась дверь, выходящая на черную лестницу. В кухню вошла Арлина. В одной руке она несла небольшой чайный поднос.

— Последние полчаса я провела в саду, — сказала Фостина, но с гораздо большим жаром, чем требуется при ответе на такой пустяковый вопрос. — А почему вы меня об этом спрашиваете?

— Просто так. Мне показалось, что я видела ваше лицо в окне наверху, когда мы с Гизелой шли по дорожке к дому.

Вдруг раздался звон разбитого вдребезги стекла и фарфора. Это из рук Арлины выскользнул поднос.

Кухарка в сердцах заорала:

— Разье так уж трудно следить за тем, что ты де-

лаешь, Арлина? Еще две чашки разбиты. Когда я была девчонкой, то нас обучали, как нужно обращаться с китайским фарфором. Ну, а вы, молодежь, в наши дни просто неуклюжи. В чем дело? Опять отвлекает любовь?

Арлина молчала, уставившись на Фостину испуганными глазами.

— Возьми мусорную корзину и веник и убери весь этот ералаш! — решительно сказала кухарка. — Я попрошу миссис Лайтфут вычистить из твоего жалованья стоимость разбитой посуды

— Позвольте мне заплатить за нее! — вмешалась в разговор Фостина. — В конце концов это я ее напугала.

Алиса увлеченно наблюдала за сценой, не скрывая своего живого интереса. Теперь наступил черед вмешаться ей

— Не глупите, Фостина! Вы ведь ничего такого не сделали! Не так ли, Гизела? — сказала она, повернувшись к своей спутнице.

— Конечно, нет, — неохотно согласилась Гизела. — По крайней мере я лично ничего не заметила.

Такой ответ, вероятно, не понравился Алисе и озадачил ее. Но она больше не произнесла ни единого слова и молчала до тех пор, пока они с Гизелой не оказались наедине в столовой, соединяющей холл с кухней.

— Вы отдаете себе отчет в том, что родители уже забрали из школы пять девочек после начала учебного года?

— Нет. Насколько мне известно, уехали трое, но я не предполагала, что их число значительно больше.

— А две из них уехали отсюда весьма поспешно. — Гизела повернула голову и внимательно посмотрела на Алису. Свет, вырвавшийся из открытой двери в холл, осветил, словно огнями ramпы, ее лицо, блестящие глаза, насмешливые ярко-красные губы, которые расплылись в издевательской дерзкой улыбке. — Я хочу кое-что вам сказать, Гизела фон Гогенемс. Если только вы написали своему психиатру что-нибудь о Фостине Крайль, то вам придется сильно пожалеть об этом!

Глава третья

Весь следующий день Гизеле было не по себе, и ее душевное состояние никак не соответствовало тем немногим фактам, которые были известны ей о Фостине. Какая-то подобная ситуация, как ей казалось, находилась ниже порога ее сознательной памяти. Ее эмоции ассоциировались с какими-то забытыми фактами, всплывавшими в сознании в форме навязчивого ощущения зла. Она была похожа теперь на контуженного человека, который весь съеживается при звуке взрыва, не отдавая себе отчета в том, почему он так поступает. Она еще раз поняла, что эмоции более свободны, чем факты и идеи, они не сталкиваются с препятствиями и легче проникают через пласты сознания.

Честно говоря, Гизела и не рассчитывала на ответ Базиля Уиллинга. Последнее письмо она получила от него из Японии. Ведь он мог еще находиться в составе американского флота где-нибудь за рубежом. Гизела направила ему такое подробное письмо только потому, что безраздельно доверяла ему.

Она не встречалась больше с Фостиной до заседания художественного совета, готовившего греческую драму для сцены. Первой туда явилась Алиса с сигаретой, зажатой в уголке рта.

— Что означает весь этот шум с увольнением Фостины? — спросила она с ленивым безразличием, усаживаясь на подоконник.

— Не могу сообщить ничего нового, — ответила Гизела. — Я только знаю, что она уезжает.

— По какой причине? — упрямо переспросила Алиса.

— Не знаю.

Ни Гизела, ни Алиса не слышали, как открылась дверь. На пороге стояла Фостина с папкой эскизов под мышкой.

— Я стучала, — оправдываясь, робко сказала она. — В коридоре было слышно, что кто-то здесь разговаривает, и я вошла.

Алиса бросила на нее высокомерный взгляд.

— Не стоит так суетиться со своими манерами, Фостина, я уверена, ты всегда поступаешь так, как нужно.

Фостина стала развязывать шнуры папки, но руки у нее дрожали, не слушаясь ее.

— Просто не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что я подслушивала за дверью.

— Как это могло прийти тебе в голову? — спросила Алиса.

Фостина разложила на столе эскизы и только потом отважилась поднять глаза на Алису.

— Не знаю, Алиса. Мне кажется, что вы все время меня в чем-то подозреваете. В каком-то проступке, что ли.

Алиса рассмеялась:

— Скажите, пожалуйста! Сбавь обороты, Фостина!

— Как вы смеете разговаривать со мной в таком тоне! — нахмурилась Фостина.

Гизела взяла в руки один из эскизов, на котором была изображена женщина в греческом античном костюме.

— Это костюм для Медеи?

— Да, — ответила Фостина. Казалось, она очень обрадовалась, что Гизела сменила тему разговора. — Все утро я провела в поисках нужного варианта. Длинная баска, наброшенная на голову... Именно так ее носили гречанки в дни скорби или траура. А Медея скорбит с самого начала пьесы. Все складки нужно уложить поаккуратней. Небрежное ношение баски считалось проявлением провинциализма.

— Ну тогда, как мне кажется, Медея и должна носить баску небрежно, — вмешалась в разговор Алиса. — Разве она не была дикаркой, представительницей варваров?

— Может, это и так, но не забывайте, что она многие годы прожила в Греции, — поправила ее Гизела. — К тому же она была принцессой.

— В ее уголки нужно что-то вложить, — продолжала Фостина, — ну, подобно тем свинцовым грузикам, которые наши прабабки подшивали к подолу своих длинных юбок.

— А что у нее на голове? — поинтересовалась Алиса. — Что-то вроде корзины, емкостью в добрый бушель.

— Это же митра! — воскликнула Фостина, пораженная ее невежеством. — Корона Церцеры. Этот головной убор носили многие гречанки.

— Медея не стала бы следовать примеру такой прославленной домашней учительницы, какой была Церцера. Медея — феминистка и колдунья.

— Я в этом не уверена, — вставила Гизела. — Все женщины древности гордились тем, что имели отношение не к колдовству, а к хлебопечению. Само слово «госпожа» этимологически означало «дарующая хлеб».

— Может, надеть на нее тиару? Как у Геры с Афродитой? — предложила Фостина.

— Я бы предпочла именно ее, — подчеркнула Алиса.

— Заменить митру на тиару довольно просто. Это можно сделать, — согласилась Фостина. — А что вы скажете по поводу обуви? Вам нравятся сандалии, вышитые цветочными кружевами?

— Мне бы самой хотелось иметь такую пару! — заметила Гизела. — Они просто очаровательны!

Но Алиса с отвращением рассматривала сандалии.

— Все это слишком условно. Почему бы не взять простые зашнурованные туфли, отделанные кошачьим мехом? А мордочку и коготки использовать как украшение? Женщины в Греции носили такую обувь. Только подумайте о том удовольствии, которое мы получим, когда убьем кошку и сдерем с нее шкуру! Или даже двух. Ведь туфли-то две?

— А почему бы не содрать шкуру с них живых? — насмешливо подхватила Гизела. — Ведь вам, Алиса, это доставит большое удовольствие, не так ли?

Но Алису ни капельки не смутили ее слова.

— Вы, конечно, считаете меня дикаркой! Но ведь здесь, в этой школе, я буквально подыхаю от скуки! Готова сделать что угодно, чтобы немного взбодриться!

— Ну, а что вы скажете о Ясоне и Креоне? — Фостина протянула им еще два эскиза

— Мне нравится, — сказала Гизела. — Сразу видно, что Ясон обладает очаровательной глупостью профессионального служаки, а Креона вы превратили в настоящего президента местного клуба деловых людей «Ротари», правда, в греческом стиле.

Алиса залилась злобным смехом.

— Фостина! Тебе нет цены! Тебе, вероятно, и в голову не пришло, что ты превратила Медею в уличную девку?

— Что вы имеете в виду? — спросила, смутившись, Фостина.

— Только посмотрите на эту накидку и жакет. Они у тебя цвета голубого гиацинта, но ведь этот цвет в Греции безраздельно принадлежал проституткам.

— Боже,— произнесла ошарашенная Фостина и умоляюще взглянула на Гизелу.— Это правда?

— Боюсь, что да,— призналась Гизела.— Хотя мне это и в голову не приходило!

— Конечно, правда,— властно заявила Алиса — Разве вам не приходилось читать о Керамике, этом районе «красных фонарей» в Афинах? Если какой-то мужчина по имени Тезей хотел обладать какой-то женщиной по имени Мелита, то писал на стене углем: «Тезей любит Мелиту». Если она принимала его предложение, то подписывала внизу: «Мелита любит Тезея» и ожидала прихода своего возлюбленного на этом месте с веточкой мирты, зажатой в зубах.

— Но, может, такое происходило только в Афинах? — возразила Фостина.— Ведь место действия пьесы — Коринф.

— Тогда вам придется затратить еще одно утро, чтобы определить, какие наряды носили проститутки в Коринфе! — Алисе, казалось, очень нравилась идея задать Фостине побольше работы.— А может, вам это давно известно? У меня складывается впечатление, что вы обладаете завидными познаниями о традициях проститутток. Приходилось ли вам слышать о Розе Дайамонд?

Лицо Фостины залилось мертвенно пунцовой краской.

— Нет, не знаю. В любом случае я больше делать ничего не буду, так как сегодня вечером уезжаю.

— Счастливица!

— Нет, я ужасно несчастная. Я не хочу уезжать.

— Куда же вы едете?

Но тут опять вмешалась Гизела:

— Почему бы тебе не создать еще один эскиз костюма Медеи? Сменить цвет довольно просто, если

только подыщешь нужный материал. Что скажешь, например, о бледно-желтом? Он вполне подойдет к сандалиям, как и гиацинтовый.

— Как хотите,— сказала Алиса с полным безразличием.— А это что такое? — она подняла еще один эскиз.— Похоже на имитацию пестрой шотландской шали.

Фостина посмотрела на Гизелу:

— Это та отравленная одежда, которую Медея вручает невесте Ясона. В тексте несколько раз ее называют «разноцветной». Я скопировала дизайн с фотографии одной греческой вазы времен Эврипида. Только вместо фиалок в оригинале я использовала наперстянку, так как она — ядовитое растение.

— Разве стала бы Медея расшифровывать подготавливаемый ею удар? — возразила Алиса.— Если бы кто-нибудь прислал мне в подарок платье, вышитое листочками наперстянки, у меня он, несомненно, вызвал бы подозрения. Точно так же отреагировал бы любой поклонник детективов.

— Но дочь Креона не была любительницей детективов,— сказала Гизела.— У этого рисунка приятный привкус символизма. Любой человек, верящий, как и Медея, в магию, сделал бы то же самое.

— Ну а что вы скажете о красках? — упрямо гнула свое Алиса.— Мне они кажутся скорее персидскими, чем греческими.

— Но ведь персы и греки оказывали влияние друг на друга,— возразила Фостина.— Эти интересные сведения я почерпнула в ходе подготовительной работы. Когда начинаешь что-то искать, рыться в материале, обязательно обнаруживаешь уйму побочной информации, не имеющую никакого отношения к тому, что ты пытаешься отыскать. Вот вы, например, знали, что сибариты направляли приглашения на обед заранее, за целый год вперед, чтобы иметь достаточно времени для придумывания всевозможных яств и роскошных умопомрачительных нарядов? Или что греки уже тогда играли в теннис? Правда, это была спартанская игра, и греки играли обнаженными.

— Мои поздравления, Фостина! Видать, вы неплохо все проштудировали.— Теперь было заметно, что Алиса получает от всего происходящего большое удовольст-

вие.— В следующий раз я отправлюсь на теннисный корт абсолютно голой. И если мне миссис Лайтфут скажет что-то поперек, я заявлю ей с самым невинным видом: «Идея принадлежит Фостине Крайль. Она утверждает, что греки бегали по корту обнаженными, а мне просто необходимо пройти через такой опыт».

— Я вас к этому не принуждала! — закричала Фостина, чуть не плача.— Алиса, пожалуйста, не делайте этого!

— Наверняка сделаю.— В глазах Алисы вспыхивали злобные огоньки.

— Вы, Алиса, конечно, так не поступите,— вмешалась в спор Гизела.— А ты, Фостина, не давай себя так легко дурачить!

— Конечно, она шутит, я понимаю.— Фостина сильно побледила, и на лице у нее появилось серьезное, озабоченное выражение.— Ну, если все вопросы решены, то я оставляю вам эскизы и забираю только Медею, чтобы успеть заменить ей митру до отъезда.

Когда за Фостиной закрылась дверь, в комнате наступила короткая тишина. Затем Алиса с вызовом бросила:

— Не смотрите на меня с укором! Я не выношу таких людей, как она. Их нужно постоянно донимать.

— Вы в этом уверены? Вы очень грубы, Алиса. И это совсем ни к чему, тем более что она сегодня уезжает.

— Вы слишком мягкий человек, Гизела.— Резким движением Алиса раздавила окурочек и встала.— Нужно научить Фостину наносить ответные удары.

— Избивая ее своей дубинкой до полного бесчувствия? Именно так вы поступили в психологическом смысле.

Алиса задержалась у двери. Никогда еще на ее прекрасном лице Гизеле не приходилось замечать столько злобы. Это было уже просто неприлично. Алиса начала говорить, но осеклась и лишь в сердцах прошипела:

— Черт вас возьми!

Затем вышла, не произнеся больше ни слова...

Дав свой последний урок в этот день, Гизела отправилась на прогулку по территории школы. Это был один

из тех обманчивых осенних дней, когда прозрачный солнечный свет кажется ласковым и теплым, а вы все равно не можете согреться. Гизела прошла по тропинке, выходящей через лесок, и приблизилась к ручейку, который служил границей владений Бреретона. По пути домой она вышла на открытую полянку и вдруг увидела чью-то фигуру, сидевшую за мольбертом. Это была Фостина. Как всегда в наглухо застегнутом пальто голубого цвета, но на этот раз без шляпки. Повернувшись спиной к дому, Фостина рисовала пейзаж, открывавшийся с полянки. Возле ее ног стоял ящик с красками, а в левой руке она держала небольшую палитру. Она работала кистью, нанося ловкие энергичные мазки, и, казалось, настолько была поглощена своим занятием, что не заметила появления Гизелы. Бесшумно передвигаясь на своих резиновых подошвах, Гизела приблизилась к ней и бросила взгляд на полотно.

Вдруг произошло нечто из ряда вон выходящее, что-то такое, что не поддавалось объяснению.

Фостина все еще рисовала пейзаж. Ее рука с зажатой кистью уверенно двигалась по полотну. Но вдруг она утратила живость. Каждое ее движение стало вялым и замедленным, словно кадры, снятые рапидом; казалось, вот-вот кисть выпадет из ее безжизненных пальцев.

Гизела очнулась от крика, который мгновенно заставил ее позабыть обо всем на свете. Он доносился из открытого окна за спиной Фостины. Гизела подбежала к нему, затем быстрыми шагами вошла в библиотеку. Там стояла полная тишина. Не было ни души. Лишь слегка от ветра покачивались и шуршали шторы. Внутри дома было темно, так как мрачные подступающие тени поглощали золотистые отблески позднего солнца. Одна дверь, выходящая в холл, была закрыта, а другая — лишь чуть приоткрыта. Через эту щель доносились истошные вопли вместе с рыданиями: «О, Бет, успокойся! Умоляю тебя! Что же мне делать?»

Гизела быстро пробежала через коридор в маленькую комнату. Мэг Вайнинг корчилась на полу. Ее личико, обычно розоватое и хорошенькое, теперь казалось почти уродливым. Оно сильно побледнело, а мышцы его напряглись. Рядом с ней на полу лежала Бет Чейз,

вся обмякшая и безжизненная. Вероятно, она была без сознания.

Гизела быстро опустилась на колени и начала растирать ей руки. Потом попыталась нащупать пульс, но он был настолько слабеньким, что едва ощущался.

— Это — шок! — Уверенный ровный голос Гизелы успокоил Мэг, и завывания прекратились. — Беги к экономке. Пусть принесет одеяла и бутылку с горячей водой!

— Что здесь случилось? — По ту сторону открытого французского окна стояла Фостина, и в глазах ее было заметно сильное удивление. В руках она держала мокрую кисть. Фостина сделала шаг вперед, чтобы войти в комнату, но Мэг Вайнинг что было сил завизжала:

— Нет, нет! Не приближайтесь ко мне!

— Маргэрит, следи за собой! Фостина, сбегай, пожалуйста, за экономкой! Пусть принесет одеяла и бутылку с горячей водой. С Бет Чейз обморок. Поторопись!

— Да, да, сию минутку! — Фостина выскочила в холл, а Гизела сняла жакет, завернула в него девочку и подняла на руки.

— Ну, что стряслось? — спросила она Мэг, не спуская глаз с мертвенно-бледного лица Бет.

— Не... знаю...

— Как это понять? Ведь что-то здесь произошло!

Щеки Мэг залила пунцовая краска. Ее нижняя губа была упрямо выдвинута вперед.

— Я не знаю, что послужило причиной обморока Бет, мисс фон Гогенемс. Вероятно, она что-то заметила. Может, это приступ какой-то болезни. Она закричала и упала на пол. Вот и все!

В холле послышались чьи-то быстрые шаги. У Гизелы оставалось всего несколько мгновений, и она решила воспользоваться ими с максимальной пользой.

— Это очень серьезное дело, Маргэрит. Я хочу знать правду. Скажи, что здесь произошло?

Глаза у Мэг блеснули холодным блеском, словно два бриллианта.

— Я сказала правду, мисс фон Гогенемс.

— А мне кажется, что нет...

Не успела Гизела договорить, как в комнату ворва-

лись миссис Лайтфут, Фостина и экономка с одеялами в охапке.

Миссис Лайтфут взяла на руки Бет и отнесла ее к себе наверх. Постепенно естественный розоватый цвет возвратился к бледным провалившимся щекам девушки, и вздох искреннего облегчения вырвался из груди миссис Лайтфут. Наконец Бет подняла свои песочного цвета ресницы и обвела долгим взглядом незнакомую комнату:

— Что это?.. Где я?

— Помолчи и попытайся отдохнуть,— мягко сказала директриса.— Экономка посидит возле тебя и принесет все, что надо. Благодарю вас, мисс фон Гогенемс за то, что вы так быстро среагировали. Маргэрит, спустись вместе со мной и зайди ко мне в кабинет.

— Хорошо, миссис Лайтфут.

Направляясь в свою комнату, Гизела услышала чьи-то быстрые шаги. В полутемном холле с ней чуть не столкнулась запыхавшаяся от ходьбы Фостина.

— Почему миссис Лайтфут не сказала мне ни слова? Ведь сегодня — мой последний день в школе. Через час приедет такси. Разве трудно в такую минуту быть немного повежливее?

— Как ты думаешь, чем вызван обморок у Бет? — задала ей встречный вопрос Гизела.

— Понятия не имею. А ты? Я стояла спиной к дому, рисовала на лужайке около двадцати минут. Затем услышала детский крик и настолько испугалась, что не сразу пришла в себя. Знаешь, такое часто бывает, если внимание чем-то поглощено, особенно, если пишешь что-то или рисуешь. Я обернулась, но за спиной никого не увидела. Окна в доме были открыты, значит, крики раздавались оттуда. Я подбежала к ближайшему — это оказалось окно класса для письменных работ.

— Ты видела, как я бежала к библиотеке?

— Нет, не видела. Вероятно, ты добралась до цели быстрее меня. Когда я подбежала к классу, ты уже находилась там и стояла на коленях, склонившись над Бет.

— Я попала в класс через библиотеку,— объяснила Гизела.— А ты прибежала прямо к окну классной комнаты с лужайки. И на это у тебя ушло все же больше времени.

— Я так испугалась.— По глазам Фостины чувствовалось, что она умоляет подругу простить ее за медлительность.— К тому же я не столь подвижна, как ты.

— Ты стояла у окна прямо напротив двери в холл. Дверь была распахнута. Ты никого не заметила?

— Нет, нет.— На лоб Фостины набежали морщины, и в ее голосе послышалась какая-то неуверенность.— Нет, не могу утверждать, что я кого-то там видела...

— Ну, а что ты вообще видела? — нетерпеливо перебила ее Гизела.

— Теперь, когда ты сказала об этом, я припоминаю, что у меня возникло ощущение... такое ощущение, будто кто-то движется в холле. Но освещение было тусклое из-за поднятых наполовину жалюзи венецианских окон. На дворе было жарко. К тому же я не обращала внимания на то, что происходит в холле. Я высматривала вас и Бет, а вы были в классной комнате.

— Ты рисовала на лужайке, когда я возвращалась по тропинке от ручья,— продолжала Гизела.— И твои движения показались мне ужасно замедленными, неестественными. Тебе было плохо?

— Нет, я чувствовала себя хорошо. Просто какое-то сонное состояние. Мне с трудом удавалось преодолевать дрему и не закрыть глаза. Этот ужасный вопль словно пробудил меня...

— А как ты сейчас себя чувствуешь?

— Неплохо,— со вздохом ответила Фостина.— Просто... немного устала.— Она слегка улыбнулась бледными губами.

— Помочь тебе собрать вещи? — предложила Гизела.

— Очень мило с твоей стороны. Только у меня с ними немного хлопот. Я все сделала сегодня утром. Вещей у меня мало.

Перевязав кожаным ремешком и закрыв последний из трех довольно потрепанных чемоданов, Фостина взяла с тумбочки возле кровати книгу — старый фолиант в кожаном переплете с золотым тиснением и с потрепанными краями.

— Это — твоя книга,— сказала она с чувством неловкости.— Первый том «Воспоминаний» Гете. Я набра-

лась смелости и взяла ее с твоей полки, когда тебя не было.

— Благодарю.— Гизела, взяв книгу, посмотрела на форзац. Выцветшими светло-коричневыми чернилами кто-то написал мелкими буквами «Амалия де Буасси, Нойвельке, 1858». Что-то опять дало о себе знать на смутной границе сознания, но так и не выплыло в памяти...

— Может, пойдем ко мне и выпьем по чашке чая на дорожку? — неожиданно предложила Гизела.— У тебя еще есть несколько минут до прихода такси.

Когда они вошли в комнату Гизелы, день почти угас. Она включила настольную лампу под шелковым янтарным абажуром, заварила чай на спиртовке и подала его с дольками лимона на старомодном сервизе.

— За твои будущие успехи! — Гизела элегантно движением подняла свою чашку так, словно это был бокал с вином.— Пусть следующее место работы будет для тебя удачнее!

Но у Фостины не было настроения для взаимной галантности. Она отставила в сторону чашку, едва пригубив из нее.

— У меня нет будущего,— резко сказала она.

— Чепуха! Пей чай, пока не остыл. Тебе станет лучше.

Подчиняясь ее уговорам, Фостина выпила чашку. Она всегда соглашалась молча, или лучше сказать— «под влиянием внешнего воздействия».

— Ну, теперь мне пора. Спасибо.— Она поставила на стол пустую чашку.— Я не могу заставлять таксиста ждать. Можно опоздать на поезд в Нью-Йорк.

— Я провожу тебя до ворот,— предложила Гизела.— Не забудь прислать свой точный адрес, как только окончательно устроишься.

Девушки вышли в холл. Покидая навсегда школу в эту промозглую ночь. Фостина казалась какой-то маленькой, одинокой в своем тонком застегнутом наглухо голубом пальтишке. Она шла на несколько шагов впереди Гизелы. Сделав поворот, они подошли к лестнице, на верхней площадке которой возвышалась неподвижная фигура миссис Лайтфут. Одна рука ее покоилась на

балюстраде, и она вглядывалась с лестницы в неосвещенный холл.

У нее была новая прическа. Ее тронутые сединой волосы были уложены в кольца, а вечерний туалет был выдержан в камейных тонах. Кроме того, на ней была выходная накидка из темно-серого вельвета, ниспадающая тяжелыми складками до щиколоток и покрывающая шифоновую юбку, а из-под нее виднелся носок сатиновой туфли того же цвета. Вокруг шеи были заметны белые пятна — горностаевая оторочка, цветков капского жасмина и нитка жемчуга. Вельветовые рукава достигали лишь до локтей. Дальше их сменяли длинные перчатки безупречно белого цвета. Ее глаза напряженно выискивали кого-то в темноте, а голос отличался строгостью и резкостью:

— Мисс Крайль!

— Слушаю вас, миссис Лайтфут!

Миссис Лайтфут от этих слов сильно вздрогнула и, повернувшись, устремила свой пронзительный взгляд на Фостину. Наступила короткая мертвая тишина, в которой было слышно даже их дыхание. Первой ее нарушила Фостина.

— Вы меня звали?

Миссис Лайтфут заговорила, и в ее голосе уже не чувствовалось прежнего апломба.

— Давно вы там стоите?

— Всего секунду, — ответила девушка, нерешительно улыбаясь. — Я так спешила, что хотела проскользнуть мимо вас по лестнице. Но вовремя одумалась. Такой шаг с моей стороны можно было бы расценить как ужасную грубость.

— Несомненно, мисс Крайль, несомненно, — согласилась миссис Лайтфут, плотно сжав губы. — Если вы так торопитесь, то не стану вас задерживать. Всего хорошего! — В разговаривающем на ходу наряде она спустилась по лестнице, сохраняя всю свою грациозность.

Фостина с Гизелой следовали за ней на почтительном расстоянии. Когда она дошла до последней ступеньки, из гостиной вышла Арлина в черном платье, белом фартуке и зажгла свет. Вспышка лампы осветила пустой холл. Никто не мог догадаться, что же приковало внимание миссис Лайтфут к этому месту.

— Ты появилась слишком поздно, Арлина,— с раздражением заметила миссис Лайтфут.— Нужно включать лампу на лестнице до наступления темноты. Неровен час, можно с нее и упасть.

— Виновата,— надулась Арлина.

Миссис Лайтфут с нарочитым безразличием разглядела одну из перчаток:

— Ты не видела кого-нибудь только что там, около тебя? А в холле? Может, в столовой, когда возвращалась из кладовки?

— Нет, мадам, там не было ни души.— Но какой-то бесенок вселился в нее, и она с вызовом спросила:— А вы, мадам?

— Само собой разумеется, нет! — отрезала директриса, но в ее голосе уже не слышались властные нотки.

Установившуюся неловкую тишину вдруг разорвал залиvistый телефонный звонок. Миссис Лайтфут вздрогнула, а Гизелу вдруг осенило: значит, кто-то напугал миссис Лайтфут так же сильно, как и Бет Чейз...

Арлина подошла ко второму аппарату в кладовке, расположенной прямо под лестницей:

— Школа Бреретон... Простите, как ваше имя? Минутку... Это вас, мисс фон Гогенемс. Междугородная. Вас вызывает какой-то доктор Базиль Уиллинг...

Глава четвертая

Он был уверен заранее, что она придет вся в черном. Ведь она венка и принадлежала к поколению Шанель — как же она могла посчитать свой туалет совершенством, если бы он не был черного цвета. На сей раз это было тяжелое платье из крепа, разумно перехваченное у талии, ниспадающее более свободно к ее стройным ногам, обтянутым тонкой «паутинкой», и изысканные сандалии-плетенки на высоком каблуке. Четкая линия ее белых плеч не перекрывалась ни рукавами, ни штрипками. Ни на шее, ни на голове не было никаких драгоценных украшений, но посадка головы заставляла воображать россыпь драгоценностей, — вероятно, целый сонм ее предков носил в волосах диадемы. Волосы у нее были пострижены короче, чем обычно, и зачесаны за уши. Под их гладкими темными волнами ее бледноватое лицо с тонкими очертаниями было похоже на белый цветок.

Он взял ее за руки.

— Гизела...

Больше он ничего сказать не смог. В ее улыбке соединились веселость с нежностью. Ее искренняя веселость воскрешала в памяти воспоминания о Европе, о довоенном мире. Еще одна война вроде этой, и в мире больше не останется ни одного человека с такой удивительной милой улыбкой, подумал он. На какое-то мгновение она предстала перед ним как обломок какой-то погибшей цивилизации, пусть обломок, но обломок милый и обожаемый, вроде изуродованной древней статуи из Африки или Лидии.

Они сели на обитую бархатом скамью возле стены, а официант поставил перед ними на столе два бокала с горьким «мартини».

Гизела обратила внимание на белый галстук, слегка пожелтевший за шестилетнее пребывание в темном ящике шкафа.

— Расстался, наконец, с формой? Надеюсь, навсегда?

— Если будет угодно Богу, то навсегда! Поэтому я и выбрал это уютное местечко для нас. Скажи на ми-

лость, можно ли найти еще такое же цивилизованное место, как этот «Лебединый клуб»?

— Ну...— Она снова улыбнулась.— И тот маленький бар на Первой авеню, куда мы с тобой имели обыкновение ходить, не пользовался популярностью только у военных...

— Значит, ты все помнишь?

Остальное они договорили взглядами. Базиль рассмехался:

— Кажется, это мой любимый бар. Любой посетитель там — тип, сошедший со страниц Диккенса или Сарояна. Но он сейчас не годится, это не то место, где можно отметить мое возвращение из царства смерти. Мне так хочется вернуть прошлое. Я вновь в своей старой должности врача-помощника окружного прокурора, хотя теперь другой прокурор и другой мэр в городе. Мое прежнее место заведующего психиатрической клиникой при больнице «Никербокер» отдал моему приятелю, парню по имени Дунбар, которого в последний раз я видел в Шотландии. Но я нашел себе работу получше в другой больнице, на Мюррей Хилл. Я со своим слугой Юнипером вчера переехал туда, и вскоре, я надеюсь, ко мне вернется ощущение пребывания в собственном доме. Будет не хватать только одного.

— Чего именно?

— Тебя.

Ее бледные щеки залила слабая краска.

— Почему ты преподаешь в Бреретоне? Это место не для тебя! Ты подписала контракт?

— До июня.

— А сейчас — ноябрь. Разорви контракт!

— Да ты что, дорогой, шутишь?

— Я никогда в жизни не был настолько серьезен, как сейчас. Бреретон может погубно отразиться на твоём здоровье. Там даже не безопасно.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты видишься с этой... как ее, Фостиной Крайль?

— А, ты об этом письме! — рассмеялась Гизела.— Я совсем позабыла о нем. Теперь, когда я с тобой, все это кажется мне каким-то нереальным.

— Но сегодня вечером, когда ты вернешься в школу, все вновь станет реальным.

— Нет, теперь все кончено.
— Кончено, с отъездом Фостины.
— Ты так считаешь? Но ведь люди, которые ее прогнали, все еще живут и работают там..

Официант принес булочки. Когда они вновь остались одни, Базиль наклонился к Гизеле:

— Твое письмо дает лишь общую картину. Расскажи мне подробно. Где и при каких обстоятельствах ты впервые заметила странности в поведении мисс Крайль?

— Но в самой Фостине не было ничего странного,— возразила Гизела.— Странное заключалось в реакции на нее окружающих.

— Ну, это одно и то же. Когда все началось?

— Несколько дней назад.— Гизела была сильно удивлена, что ее собеседник воспринимает все случившееся с такой серьезностью.

— А первый инцидент? Когда он произошел?

— Не помню,— мрачно ответила она.— Ведь на новом месте работы от тебя многое требуют. Это был мой первый учебный семестр, как и у нее. Кажется, я уже преподавала в Бреретоне с неделю, как вдруг начала сознавать, что Фостина не пользуется популярностью в школе. Все началось с прислуги, затем передалось ученикам, а от них учителям. Обстановка вокруг нее постоянно накалялась, и вот все вылилось в требование покиннуть школу. То есть ее уволили.

— И это все?

— Ну, были еще кое-какие инциденты. О них я тебе писала.

— Расскажи поподробнее.

Она рассказала ему о том, что ей самой было известно.

— По какой причине преподаватели избегают мисс Крайль? — поинтересовался Базиль.

Было видно, что Гизела колеблется.

— У меня сложилось впечатление, что они ее боятся. А кому может понравиться то, что вызывает страх?

— Но чего они боятся?

— Я этого не знаю! Все испытывали жуткий страх. Может, это чувство, владеющее толпой... Я никак не могу отделаться от удивительного ощущения, что уже знала об этом прежде, давно читала что-то в этом роде.

— Может, оно так и было. Закончив читать твоё

письмо, я позвонил Брентано и попросил его прислать мне «Воспоминания» Гете во французском издании в переводе мадам Карловиц.

— После того, как Фостина вернула мне книгу, я перечитала этот том, но не обнаружила там ничего такого, что могло быть связано с нашей ситуацией.

— Но ты ведь не знала, что искать,— напомнил ей Базиль.— Ведь тебе, по сути дела, неизвестно истинное положение Фостины.

Грянул оркестр и принялся портить хорошую музыку, что в последние годы стало, вероятно, модой. Гизела вздохнула:

— Ну разве можно разговаривать о чем-то неуловимом в таком шумном месте?

— Тогда мы отправимся в другое,— тут же отозвался Базиль.— Тебе действительно здесь не нравится?

— Не очень...

Он подозвал к себе удивленного официанта, чтобы заплатить по счету за так и не съеденный обед.

Замшелые завсегдатаи бара на Первой авеню в тот вечер были крайне изумлены внезапным вторжением в их обитель какой-то экзотической пары, этих «чужаков» с Пятой авеню или даже Центрального парка. Женщина, в длинном вельветовом жилете черного цвета, с пламенно-красными шелковыми отворотами; мужчина, в цилиндре с длинным белым шарфом, болтающимся на шее,— такое они видели только в кино. Здесь публика была повежливее, чем на Пятой авеню, и никто из гостей на них не глазел и не перешептывался. Вежливость, однако, ничего не стоит, если люди не проявляют терпимости. Они, конечно, смогут вынести и эту незаслуженно богатую парочку, если только она будет вести себя тихо и соблюдать приличия.

— Сюда и нужно было податься с самого начала,— сказал Базиль, бросая ностальгический взгляд на потемневшие от времени, дыма и уличного смога стены заведения.— Здесь ничего не изменилось.

— А автоматический проигрыватель? — возразила Гизела.

Они с отвращением посмотрели на этого сияющего никелем монстра, уставившегося на них через плотный покров сигаретного дыма.

— Похож на одну из тех рыб, которые снабжены собственной электробатареей на океанском дне,— прошептала Гизела. Затем они все же поддались очарованию этого старого бара.— У тебя есть пара монет?

— Только если ты не будешь ставить надоевший «Северный олень».

Он сделал обычный заказ — тосты с сыром и пиво, которое было почти как «Пильзенское». Она вернулась к столу, сияя от счастья, так как ей удалось отыскать «Вальс хрустальной туфельки» из сюиты «Золушка», написанной дедом Базиля Василием Красновым.

— Конечно, он чересчур синкопирован, но и в таком виде прелестен. Ума не приложу, как сюда попала эта пластинка? Все остальное здесь — дрянь!

Никто, кроме них, музыку не слушал. За соседним столиком пара бродяг делила кружку пива на двоих и сосредоточенно, не отрываясь, словно ученые, расшифровывающие средневековый манускрипт, изучала забытую кем-то на столе газету. Что же такое отыскиали они в новостях дня, что заставило их совершенно позабыть собственные беды, мрачные картины мира, голод, нищету и грязь?

В это время один из них произнес:

— Я ведь говорил тебе, что от перхоти нет средств. Наука против нее бессильна.

— Нет, вот здесь говорится...— второй собеседник начал старательно выговаривать напечатанные слова:— Вначале тщательно вымойте... голову...

— Ну чем не сценка из Сарояна! — прошептала Гизела.— Твоему «Лебединому клубу» есть с кем потягаться!

Здесь было так легко разговаривать, а им нужно было о многом поговорить, так что они не возвращались к теме о Фостине до тех пор, пока Гизела не начала бросать беспокойные взгляды на висящие над стойкой часы.

— Мне неприятно думать о твоём возвращении туда,— сказал Базиль, приканчивая третью кружку пива.— Ваша миссис Лайтфут не могла бы столь безжалостно разрушить карьеру девушки, если бы сама не несла какой-то доли вины за все, что произошло в Бреретоне.

— Ты хочешь сказать, что сама Фостина занималась подобными фокусами? Но каким образом? И ради чего?

— Когда мисс Крайль спросила тебя, слышала ли ты какие-нибудь сплетни о ней, ты ответила отрицательно. Почему?

— Я знала, что люди о ней судачат, но нельзя передавать жертве распространяемые о ней сплетни. Ни в коем случае. Неписанный закон. Это все равно, что сообщить супругу о неверности жены.

— Даже если жертва сама на этом настаивает?

— Тем более, если жертва настаивает! Ведь никто из нас не желает видеть себя таким, каким его видят со стороны. Если люди задают подобные вопросы, то только ради того, чтобы лишний раз убедиться. Ведь ни один артист или писатель не хочет слышать правдивой критики в свой адрес. Требуется только похвала. Персидские цари, как известно, даже убивали тех гонцов, которые привозили им дурные вести. Мы тоже стремимся к таким поступкам.

— Ты на самом деле так думаешь? — спросил Бавиль.— Может, ты не доверяешь мисс Крайль?

— Да нет же! — воскликнула Гизела.— Я ей всегда доверяла, как доверяю и теперь, и готова сделать все на свете, только бы помочь ей.

— Тогда позволь мне стать ее представителем. Завтра же я отправлюсь в Бреретон и буду настаивать на получении объяснений по поводу поступка миссис Лайтфут. Как психиатр, я выражаю особый интерес к этому весьма странному воздействию сплетен в школе.

— Чепуха! Ты просто хочешь уберечь меня от беды!

— Только я не стал бы говорить о беде. Я употребил бы другое слово — «опасность».

— Почему?

— Во всем этом чувствуется чей-то злой умысел, в результате которого мисс Крайль лишилась места. Злой умысел, таинственность и одержанный триумф — это далеко не «святая троица». Может появиться нужда в следующей жертве.

— Фостина остановилась в Нью-Йорке в «Фонтенбло». — Гизела вытащила из сумочки визитку. — Есть ручка? Я напишу адрес.

Базиль попросил ручку у бармена.

— А теперь я отвезу тебя на Центральный вокзал, если ты на самом деле собираешься уехать одиннадцатичасовым поездом.

— Завтра вечером в Бреретоне состоится школьный вечер. Не хочешь ли приехать к нам?

— Вечер у меня занят. Я выступаю свидетелем на судебном заседании по поводу одного странного случая помешательства. Я приеду в Бреретон утром.

— Но утром у меня урок! — на лице Гизелы появилась кислая гримаска.

— Не хотела бы ты пообедать со мной в пятницу вечером?

— С удовольствием. В субботу у меня нет уроков. Значит, не нужно торопиться, нервничать, чтобы вовремя возвратиться в школу.

Автомобиль затормозил между Первой и Второй улицами. Не говоря ни слова, они прильнули друг к другу губами.

Наконец Гизела отстранилась, и он выпустил ее из объятий.

— Ради этой встречи я пролетел шесть тысяч миль! — сказал Базиль. — Меня хотели оставить в Японии еще на годик-другой.

— Я очень рада, что ты этого не сделал, — еле слышно ответила Гизела.

— Если рада, то разорви контракт с Бреретоном!

— Ох, право, не знаю, что делать!

— О чем тут думать?

— Сейчас любая женщина, если только она не умалишенная и не калека, кажется тебе очаровательным существом. Но завтра... — Гизела пожала плечами. — Я выйду здесь. Вокзал отсюда всего в двух кварталах.

Машина поехала навстречу ярким огням Лексингтон-авеню. Возле вокзала Базиль наклонился к ней и поцеловал руку.

— Завтра утром я буду в Бреретоне.

— Завтра утром? Но ведь тебе нужно прежде встретиться с Фостиной!

— Я повидаюсь к ней сегодня ночью...

Глава пятая

«Фонтенбло» был типичным порождением другой, предыдущей инфляции, разразившейся после другой, предыдущей войны. Когда-то он задумывался как отель-люкс. Но в настоящее время стал старомодным общежитием для фабричных девчонок, хотя и лишенным внешней позолоты и отлично налаженного быта, отвечающего всем современным требованиям. Сюда не допускались гости мужского пола. Само здание представляло собой небоскреб, расположенный на окраине фешенебельного района, с просторными залами для свиданий на первом этаже, бассейном и теннисным кортом в подвале. Правда, сами комнаты, где жили девушки, были похожи на бедно обставленные узкие кельи. Его владельцы сыграли на двух разновидностях женского характера,— боязнь предстать перед всеми либо в неопрятном виде, либо с подмоченной репутацией. Однако Базиль подозревал, что Фостина остановила свой выбор на плотно заселенном, хорошо охраняемом здании не из-за этих широко распространенных опасений.

Войдя в холл «Фонтенбло», Базиль вдруг вспомнил о том времени, когда двадцать лет назад, по сути дела, совсем еще молодым человеком, он заглядывал в гости к девочкам, с которыми когда-то познакомился в Балтиморе.

С тех пор здесь ничто не изменилось. Залы для свиданий по-прежнему сияли искусственным мрамором и металлическими пластинами, обитыми планками из красного дерева. В этот поздний час здесь еще было полно девушек, будущих волчиц или крольчих, которые сегодня выглядели безобидными и милыми лисичками или куницами. Они живо щебетали, прощаясь со своими безвкусными кавалерами, которые доставили их домой из театра или кино. Наивная простота радостных мордашек, не сложившееся еще выражение губ, длинные шишковатые запястья рук заставили его почувствовать себя мудрым, озабоченным стариком в их компании. Он решительным движением руки снял трубку внутреннего телефона и попросил позвать мисс Крайль.

— Я вас слушаю.

— Меня зовут Базиль. Базиль Уиллинг. Вы меня не знаете, но я приятель Гизелы фон Гогенемс.

— Да, да. Я слышала, как она называла ваше имя.

— Я только что посадил ее в поезд, отправляющийся в Бреретон. Мы вместе пообедали, и она рассказала о ваших затруднениях. Я хотел бы поговорить с вами.

— Очень любезно с вашей стороны. Может, завтра...

— Дело не терпит отлагательств. Я нахожусь внизу, в холле. Встретимся сейчас? Думаю, еще не слишком поздно?

— Нет, что вы! В нашем здании, на крыше, есть небольшой садик. Садитесь в лифт-экспресс. Я там вас встречу.

Когда Базиль вышел из лифта в садик, то понял, что там никого нет, кроме него самого и еще одной парочки, забившейся в дальний угол. Он облокотился о парапет. С наступлением темноты свет с улицы и других высотных зданий превращал всю округу в какой-то колдовской сумеречный мираж. В выложенном изразцами желобе кустилась чахлая растительность, а вокруг стояли металлические столы и стулья, покрытые толстым слоем городской пыли. Вид отсюда просто захватывал дух. Сотни тысяч кубических метров каменной кладки всей своей громадой причудливым образом устремлялись в ночное небо, сверкая мириадами желтых огней. Казалось, сотни торжественных процессий с факелами над головами карабкаются на сотни Лысых гор, чтобы там, на самом вершине, отпраздновать Вальпургиеву ночь. Трудно было себе представить, что такое искусственное великолепие было лишь случайным разрастанием города, который теснился на своем островном месте рождения. Чувства Базиля к «Фонтенбло» постепенно теплели. Может, этот отель и давал какой-нибудь девчонке из провинциального Ошкоша то, что она никогда не увидела бы из окна третьего этажа своего кирпичного дома.

— Доктор Уиллинг?

Ему сразу понравился ее голос — спокойный, с какой-то подчеркнутой ясностью произносимых слов. Он обернулся и увидел девушку — очень хрупкую, с такими узкими, сутулящимися плечами, что трудно было принять ее за взрослую женщину. Она прошла мимо, направляясь к стульям, стоявшим рядом с низеньким столиком.

— Начну с объяснения, почему я оказался здесь,— приступил к делу Базиль.— Мне не нравится то, что происходит в Бреретоне. Гизела снова отправилась туда, и я очень обеспокоен. Из-за нее.

— Из-за нее? — повторила за ним спокойным, лишенным эмоций голосом девушка.— Не вижу для этого никакой причины. Что ей может угрожать?

Базиль уже начал раскисать в том, что согласился встретиться с Фостиной здесь, на крыше небоскреба, так как в этих искусственно созданных сумерках он никак не мог рассмотреть выражение ее лица. Высокая, хрупкая, с плоскими бедрами и узкими плечами, она казалась ужасно худосочной и даже какой-то нематериальной, как бумажная кукла.

— Гизелу всегда в школе связывали с вами. Теперь, когда вас там больше нет, злоумышленник может переклочить свое внимание на нее. Она ведь была тем человеком, которому вы доверяли?

— Да, я рассказала ей обо всем, что произошло.

— Обо всем?

Даже если после такого вопроса цвет лица Фостины изменился, или она в недоумении вскинула глаза, он все равно не мог бы этого заметить. Она по-прежнему сидела перед ним, облитая слабым светом, и, видимо, не теряла самообладания. Ее ответ был простой отговоркой:

— Мне больше нечего добавить. Доктор Уиллинг, ведь вы — психиатр, не так ли?

— Да, это моя специальность.

— Поэтому Гизела и направила вас ко мне? Она на самом деле уверена, что все это — лишь игра моего воображения?

— Мисс Крайль, буду с вами откровенен. Гизела так не считает. Но об этом подумал я, когда она мне обо всем рассказала...

— Ну а теперь? Что вы скажете?

— Трудно сказать что-то определенное без проведения тщательного психиатрического обследования.

— Мое психическое здоровье никогда и никем не подвергалось сомнению,— горячо запротестовала Фостина.— Мое физическое состояние никогда не выходило за пределы нормы. Правда, я немного анемична, но я принимаю железистые соединения и витамины. Вы и впрямь

считаете, что необходимо провести психиатрическое обследование?

— Все можно выяснить и другим, гораздо более простым способом, если только, конечно, вы на это отважитесь.

— В чем он заключается?

— Разрешите мне поговорить с миссис Лайтфут от вашего имени. Она обязана дать какие-то объяснения. Мне она может сообщить такое, о чем никогда не расскажет вам.

— Ах...— Фостина все еще оставалась какой-то незримой, несуществующей в этих густых сумерках, но голос ее выдал. Базиль так и не понял, была ли она оскорблена бесцеремонным отношением к ней со стороны миссис Лайтфут или же просто сердита на нее. Но чего же она боялась?

— Гизела говорила, что у вас нет ни семьи, ни близких. Это правда?

— Да. У меня действительно никого из близких не осталось, кроме мистера Уоткинса. Он был адвокатом моей матери. После ее смерти он стал моим доверенным лицом и опекуном.

— Он знает о случившемся?

— Мистер Уоткинс — старый, практичный человек, который не терпит неясностей. Но что определенного могла я ему сообщить, кроме того, что меня уволили без каких-либо объяснений на этот счет?

— Кто-то из нас должен повидать миссис Лайтфут. Либо он, либо я от вашего имени.

— Лучше, если это будете вы.

— Но такой шаг грозит вам серьезными испытаниями. Готовы ли вы?

— Я согласна.— В ее голосе, казалось, все еще гнезвился страх, но и чувствовалась нотка отчаянной дерзости, последней вынужденной отваги робких людей, оказавшихся в ловушке.— Я готова к этому. Именно сейчас.

— Умница. Я зайду к вам утром,— торопливо произнес Базиль.— Сколько еще вы здесь пробудете? Насколько дней?

— Да, хочу воспользоваться представившимся шансом, чтобы немного отдышаться и прийти в себя.

— Ну а потом?

— Если мне удастся найти другую работу, поеду в Нью-Джерси. Мать оставила мне коттедж на берегу моря в Брайтси. Я могу перебиться там эту зиму.

— Надеюсь, вы не утратите благоразумия. Не сочтите меня нахалом, но... каково ваше финансовое положение?

— Во-первых, мне положено жалованье за шесть месяцев в школе миссис Лайтфут, во-вторых, у меня есть кое-какие сбережения. В общем, достаточно, чтобы протянуть несколько месяцев, если не транжирить деньги.

— И это все?

— К тому же в день своего тридцатилетия я унаследую от матери еще кое-что. Драгоценности. Большой частью — безделушки, но, по мнению мистера Уоткинса, там есть несколько весьма дорогих камней. Мистер Уоткинс готов выдать мне в качестве аванса часть их залогой стоимости, если мне понадобятся деньги до осени следующего года. Мне исполнится тридцать в октябре.

— Почему вы не унаследовали и остальную часть вместе с коттеджем?

— Этот дом не представляет большой ценности, и мать передала мне его сразу, когда я автоматически получила право на наследство, достигнув совершеннолетия. Но несколько драгоценных камней являются моим единственным надежным капиталом на всю жизнь, и мать опасалась, как бы я их не продала и не растратила деньги, если бы получила их в наследство в незрелом возрасте, когда еще не умеешь по достоинству оценить такое достояние. Видите ли, когда она умерла, мне было всего семь лет. Она оставила мне достаточно личными, так что я без хлопот могла закончить школу и колледж. На каникулы мистер Уоткинс обычно отправлял меня в летние оздоровительные лагеря за свой счет. У него не было ни жены, ни детей, и он на самом деле не знал, что со мной делать. Я помню свою мать. Это была очень красивая женщина с золотисто-каштановыми волосами, в накидке из тюленьей кожи, в белых перчатках на руках и фиалками, прищипленными к муфте. Я совсем не помню отца, так как он умер, когда я была еще совсем младенцем. Я не раз интересовалась родственниками с его стороны. Пару раз спрашивала об

этом мистера Уоткинса, но он всегда заверял, что у меня нет родственников ни с той, ни с другой стороны, и что я должна привыкнуть к мысли о своем одиночестве в этом мире.

— После встречи с миссис Лайтфут мне хотелось бы поговорить с мистером Уоткинсом. Как можно с ним связаться?

— Его контора находится на углу Бродвея и Уолл-стрита.

Базиль удивился.

— Уж, случайно, не Септимус Уоткинс? — Он предполагал, что «мистер Уоткинс» — какой-то заштатный крючкотвор, располагающий небольшой конторкой в полутемном переулке. Ничто в облике Фостины не говорило о том, что адвокат ее матери — одно из знаменитых светил юриспруденции его поколения.

— Да. Но если вы хотите встретиться с ним, придется подняться ни свет ни заря. У него весьма странные часы приема посетителей — от шести до семи утра.

— На самом деле? — Базиль был уверен, что она ошибается. Вероятно, пустяковое дело — связаться с секретаршей Уоткинса и условиться о более позднем времени для встреч, если действительно потребуются встретиться и поговорить с этим человеком.

Базиль поднялся.

— Я очень рад, что вы полны решимости взяться за это дело.

Фостина проводила его до лифта.

— Надеюсь, вы позвоните мне, когда вернетесь в Нью-Йорк?

— Непременно. — Он окинул ее внимательным взглядом. — Хочу спросить у вас еще об одном. Как вам в голову пришла идея взять с полки Гизелы первый том «Воспоминаний» Гете? У вас были на то какие-то особые причины?

— Нет, никаких. Я всегда интересовалась Гете.

Давний опыт врача-психиатра научил Базиля тут же распознавать неумелого лгуна. Но сейчас, в такое время, нельзя было обвинять в этом несчастную девушку. Вначале необходимо заручиться ее полным доверием. Уже сам факт, что она так неуклюже попыталась ему соврать, произвел на Уиллинга должное впечатление.

Было ясно, что в душе она — честный человек. Трудно было представить Фостину ключевой фигурой в каком-нибудь масштабном надувательстве или недостойных, низких интригах.

— Доктор Уиллинг...

— Я вас слушаю.

Фостина глубоко вздохнула.

— Что бы завтра ни рассказала миссис Лайтфут, прошу вас, верьте мне, верьте в мое чистосердечие.

— Я ведь собираюсь отстаивать ваши интересы, — с серьезным видом ответил Базиль. — Не хотите ли сказать мне еще что-нибудь?

Загремела открывающаяся дверь лифта. Он прищурился от внезапного, словно удар, снопа яркого света. Впервые он увидел четко ее лицо — тонкое, анемичное, с каким-то по-особому мягким выражением. Можно было сказать, — совершенно невинное лицо, если только оно не было бы искажено проступившими на нем беспокойным сомнением и неуверенностью в успехе их предприятия.

— Нет, ничего, — прошептала она, — просто мне хотелось бы увидеться с вами сразу же после вашего возвращения из школы.

— Я позвоню завтра вечером. Вы едете со мной? — спросил он, указывая на кабину лифта.

— Нет. Это лифт-экспресс, а я живу на шестнадцатом этаже. Спокойной ночи, благодарю вас.

Стремительно приближаясь в лифте к первому этажу, Базиль пытался ответить на вопрос, что бы она ему еще рассказала, если бы кабина прибыла на верхний этаж на минуту-другую позже...

На следующее утро, в половине десятого, Базиль поручил своей секретарше позвонить в адвокатскую контору Септимуса Уоткинса и условиться об удобном времени для встречи с главой фирмы. Она положила трубку и, с удивлением взглянув на шефа, сообщила довольно странную вещь:

— Его секретарь говорит, что мистер Уоткинс не назначает встреч с клиентами.

Раздраженный таким бесцеремонным отказом, Базиль сам взял трубку и повторил вопрос. Мужской голос нараспев произнес фразу, словно какой-то ритуал:

— Мистер Уоткинс не назначает встреч своим клиентам.

— Но...

— Вы при необходимости можете встретиться с ним в любой день, но только рано утром, между шестью и семью часами.

— Вы что, шутите? — возмущенно закричал в трубку Базиль. — Вы даже не соизволили поинтересоваться, кто говорит с вами.

— Простите, сэр. Этого не требуется. Мистер Уоткинс с шести до семи утра принимает любого клиента без предварительного согласования.

Базиль в сердцах швырнул трубку и спустился вниз, к машине. Чтобы доехать до Бреретона, потребовалось два часа непрерывной езды «с ветерком». Он притормозил, въезжая в старые железные ворота и окидывая придирчивым взглядом особняк, представлявший собой безвкусную казарму красной кирпичной кладки, которая казалась сероватой в сумеречном свете, пробивавшемся через ноябрьские облака.

На его звонок вышла горничная в голубом фартуке. Скучающее выражение на ее лице сразу же испарилось, как только она заметила незваного гостя-мужчину.

— Дома ли миссис Лайтфут?

— Она вам назначила, сэр?

— Нет, но, думаю, она примет меня, если вы соизволите передать ей мою визитку.

Губы девушки беззвучно шевелились, когда она разбирала содержание визитной карточки: «Доктор Базиль Уиллинг, помощник прокурора нью-йоркского округа по медицинской части». Она взглянула на него с нескрываемой жадной закоренелой любительницы автографов, но вдруг, вспомнив о требованиях хорошего тона, сказала:

— Прошу вас, сэр, войдите. Я выясню, дома ли миссис Лайтфут...

— Доктор Уиллинг? — громко произнесла миссис Лайтфут, стоя у края письменного стола в своем кабинете. Она пренебрежительно зажала визитную карточку Базиля между большим и указательным пальцами. — Но здесь ведь Коннектикут, а не Нью-Йорк. И вообще я не вижу, с какой стороны может заинтересовать Бреретон окружного прокурора или его помощника по медицинской части.

— К сожалению, у меня в кармане оказалась только эта карточка, — пояснил Базиль. — Моя работа в окружной прокуратуре — лишь часть моей деятельности. Прежде всего я врач-психиатр.

Слово психиатр, судя по всему, так же подействовало на миссис Лайтфут, как и словосочетание «окружной прокурор».

— Кажется, вы — знакомый одной из моих преподавательниц, мисс фон Гогенемс. Я помню ваш телефонный звонок сюда, в школу.

— Мисс фон Гогенемс познакомила меня с мисс Фостиной Крайль.

Миссис Лайтфут тяжело вздохнула.

— Не хотите ли вы тем самым сказать, что намерены вернуться к этому злосчастному делу? — Она мастерски демонстрировала сдержанное негодование. — Это может самым неприятным образом отразиться на всех заинтересованных лицах, да и на самой миссис Крайль прежде всего.

— Неужели вы считаете, что поступили справедливо, уволив учительницу без характеристики и не приведя при этом никаких серьезных причин?

— Садитесь, пожалуйста, доктор Уиллинг.

Она тоже уселась за письменный стол. У нее были припухшие, как у ребенка, руки, которые она сцепила над промокашкой на столе, но в ее приземистой фигуре, в ее профиле правильной формы на фоне красной шторы, висящей за стулом, угадывались большой человеческий опыт и твердость характера. Само собой разумеется, она многое оценивала, пропуская через призму своей любви к школе и заботы о ее процветании. Чувство собственного достоинства было тем профессиональным

вкладом в общее дело, который она постоянно умножала. Она была интеллигентной и агрессивной по характеру женщиной, и ей был неведом покой. При случае она могла и пренебречь щепетильностью, если что-то затрагивало ее собственные интересы.

Миссис Лайтфут внимательнейшим образом изучала его, а Базиль, в свою очередь, ее. Чуть изогнутая дугой бровь подсказывала ему, что его приход сильно ее озадачил. Она, несомненно, ожидала увидеть перед собой человека, связанного с нью-йоркской окружной администрацией, занятого политика, типа какого-нибудь пламенного ирландца или горячего выходца из Италии. Но этот визитер совсем не был похож на тип людей, которых она распознавала по нескольким произнесенным словам или жестам. Это был индивидуум, в котором, вероятно, таилась бездна противоречий, которого, вероятно, сбивала с толку или даже раздражала обычная, повсеместно распространенная практика.

— Вы утверждаете, что я уволила мисс Крайль, не предъявив ей никаких формальных обвинений. Это правда. Я даже не стала расследовать более чем странные обвинения, выдвигаемые против нее другими.

— Почему?

— Потому что я не обладаю вульгарным любопытством.

— Вульгарным любопытством? — переспросил Базиль и улыбнулся. — Любопытство — это побочный корень нашей интеллектуальной жизни, наиболее ценная из наших обезьяноподобных черт.

Миссис Лайтфут ответила ему улыбкой на улыбку, правда, ценой небольшого усилия над собой.

— Позвольте вам лучше объяснить смысл моих слов. Даже если все невероятные истории, которые рассказывают о мисс Крайль, являются ложью или галлюцинациями, мне абсолютно все равно. Так как их воздействие на школьную атмосферу — ложь они или правда — от этого не меняется.

— Но это далеко не все равно для мисс Крайль. Почему ей ничего не объяснили? Ведь она, несомненно, чем-то заслужила такое повышенное к себе внимание!

— В большинстве случаев, может, и да. Но суть не в том. При таких обстоятельствах чем скорее все будет

забыто, тем лучше для всех действующих лиц. Так что же вы хотите, доктор Уиллинг?

Он ответил ей с той же откровенностью.

— Выяснить, по какой причине была уволена мисс Крайль. Вы выдали ей шестимесячное жалование всего за пять недель работы. За этим, вероятно, кроется какой-то нешуточный мотив?

— Да, конечно. А сама мисс Крайль не намекнула вам на этот самый... нешуточный мотив?

— Она не в состоянии этого сделать, поскольку не имеет понятия о причинах...

— Я никогда до конца не была уверена в том... что мисс Крайль на самом деле представляла себе, что происходит здесь, в Бреретоне. Иногда мне казалось, что она все же отдает себе в этом отчет, более того, сама является зачинщицей, хотя я никак не могла уразуметь, в силу каких причин. Иногда мне приходила в голову мысль, что она стала жертвой каких-то внешних сил, ничего о них не знает и не в состоянии сдерживать их натиск.

— Внешних сил? — удивился Базиль. — Все это звучит весьма расплывчато. Конечно, существуют какие-то обстоятельства, тающиеся в тени, которые могут вызывать подозрения и не поддаваться проверке. В таком случае вы могли бы уволить мисс Крайль, так как не желали брать на себя определенный риск. Но вы сделали бы это, конечно, не приводя истинных причин, так как она могла бы привлечь вас к суду за клевету или необоснованные обвинения в ее адрес. Именно так рассуждают многие, когда узнают об увольнении мисс Крайль без указания побудительных причин. Это ведь тоже не красит вашу школу.

Оторвав взгляд от стола, миссис Лайтфут посмотрела на Базиля.

— Здесь ничего подобного не происходило. Вероятно, все же мне придется рассказать вам обо всем.

— Почему вы меня боитесь? — спросил он без прежней напористости.

Ее ответ неожиданно поразил его.

— Потому что вы мне не поверите. — Она вздохнула. — Да и сама я в это с трудом верю. И все же лучше, если вы узнаете обо всей этой истории из уст некоторых

очевидцев. Тогда вы не станете подозревать меня во лжи. Это не займет много времени, так как осталось всего четыре свидетеля. Остальные семеро уехали.— Она нажала кнопку звонка на столе.— Но прежде, чем появится Арлина, я хочу вам кое-что пояснить. Я до сих пор не знаю, правда ли все то, что говорилось здесь о мисс Крайль, или ложь. Но я знаю другое. Она могла быть причиной всего того, что здесь происходило, но могла и не быть ею. Но теперь, когда ее здесь нет, все прекратилось. Поэтому она и должна была уехать, и поэтому я не возьму ее назад. независимо от того, с какой горячностью вы станете взывать к моему состраданию.

Ее речь прервал стук в дверь.

— Войдите!

Дверь отворилась, и в комнату вошла та же горничная, которая встречала Базиля на пороге дома. На этот раз Базиль рассмотрел ее более внимательно. У нее было мешковатое, лишенное отточенных форм тело, а лицо похоже на какой-то обрубок, которому в величайшей спешке чьей-то малоискусной рукой придано человеческое подобие. Ей совсем не шел голубой наряд — блузка с высоким воротником, длинными рукавами, широкая юбка. Миссис Лайтфут в сражении с ней удалось отстоять низкие каблуки, передник и чепец, но Арлина все же внесла в свой актив два очка — губную помаду и чулки яркого цвета.

— Вы звонили, мадам?

— Да. Вот, доктор Уиллинг, перед вами наша вторая горничная — Арлина Мёрфи. Закрой дверь, Арлина, и подойди поближе. Будь любезна, повтори специально для доктора все, что ты рассказала мне о мисс Крайль.

— Но ведь вы сами предупреждали меня, чтобы я ничего не рассказывала.

— Я освобождаю тебя от обещания, но только на этот раз.

Арлина с любопытством разглядывала Базиля. Изпод чепца на голове выбились пышные волосы, но у нее не было бровей. Это придавало ее лицу какой-то необычный, оголенный вид. «Вероятно, расстройство желез», — отметил про себя он. Кроме того, она дышала ртом, что

говорило о нарушении функций носовых пазух или наличии аденоидов. А это, в свою очередь, свидетельствовало о ее нищенском существовании в детстве и отсутствии к ней всякого внимания. Может, ее дурные манеры объяснялись тем пренебрежением к ней со стороны других девушек в Бреретоне, чья холеная кожа, белоснежные зубы, блестящие волосы столь красноречиво свидетельствовали о той заботе, которую могли проявлять в богатых и интеллигентных семьях в отношении своих членов-подростков? Разве ей не приходилось с завистью разглядывать их шубки в кладовке или же с презрением мусолить пальцем их красивые дорогие учебники? Но что можно было ожидать от девушки того же возраста, что и воспитанницы, которым она должна была заправлять постели по утрам и вытирать пыль с мебели в их комнатах? У кого же была богаче и разнообразнее жизнь?

— В первый раз это случилось месяц назад, как раз две недели спустя после начала нового учебного года,— приступила к рассказу Арлина.— Я была наверху, в комнатах, и разбирала постели на ночь. Закончив работу, я начала спускаться по черной лестнице. Мне нужно было пройти в гостиную, чтобы разжечь там камин и выбросить мусор из корзины. Я бы, конечно, могла сэкономить пару минут, если бы спустилась по парадной лестнице, но миссис Лайтфут требует, чтобы мы спускались только по черной. Ну, я и выполнила ее распоряжение.

Уже темнело,— продолжала Арлина,— но еще было достаточно светло, чтобы разглядеть ступеньки. Черная лестница отделена стеной, в которой есть два окна. У нее два витка. Вот тогда...— Она нервно хихикнула, а по внезапно побледневшему лицу пробежала нервная дрожь.— Вот тогда я и увидела мисс Крайль, которая поднималась по лестнице мне навстречу. Я не придавала этому никакого значения. Просто мне показалось забавным, что она пользуется черной лестницей. Я столкнулась с ней совершенно случайно, на первом повороте, и прижалась к стене, чтобы дать ей возможность беспрепятственно пройти, сказав при этом: «Добрый вечер, мисс!» Она ничего не ответила, даже не посмотрела на меня, а просто продолжала подниматься на второй этаж. Это мне показалось весьма странным, но я не придавала

этому большого значения. Я отправилась на кухню, и вдруг опять,— Арлина снова осеклась, чтобы сглотнуть слюну,— там оказалась... мисс Крайль! Клянусь перед Богом, сэр, она не могла пройти на кухню через холл наверху, парадную лестницу и столовую за такое короткое время, которое понадобилось мне, чтобы спуститься на кухню с черной лестницы. Она никак не могла этого сделать, даже если бы стремглав пробежала весь путь. Я стояла на кухне, словно ошарашенная, и во все глаза смотрела на нее. Мне казалось, что я схожу с ума. Затем, придя в себя, я сказала: «Боже, мисс, ну вы меня и напугали!» Она была крайне удивлена и спросила: «Кто? Я? Что ты имеешь в виду?» Я ответила: «Могу поклясться, что только что видела вас на черной лестнице. Вы поднимались по ней мне навстречу, когда я с нее спускалась». На что она заявила: «Вероятно, ты ошиблась, Арлина. Я с трех часов сидела на лужайке и писала этюд. Я с минуту назад вернулась в дом и еще не поднималась наверх».

Кухарка подтвердила ее слова. «Действительно,— сказала она,— мисс Крайль находится рядом со мной с того момента, как вошла сюда со двора».

Я не сдавалась: «Но я видела вас, мисс Крайль. Все-го пару секунд назад, когда спускалась по лестнице, а вы в это время поднимались мне навстречу». На что мисс Крайль ответила: «Это, вероятно, был кто-то другой, на ком было похожее голубое пальто».

Я настаивала: «Извините меня, мисс, но это были вы, и никто другой. Я видела собственными глазами... ваше лицо».

— А чем занималась мисс Крайль на кухне? — спросил Базиль.

— Она принесла туда свой мольберт, ящик с кистями и промывала их в мойке. Все время перед этим она провела во дворе, где рисовала крохотные пурпурные цветочки, которые распускаются поздней осенью.

— Были ли эти две женские фигуры одинаково одеты? Та, с которой ты столкнулась на лестнице, и та, которую ты видела на кухне?

— Да, сэр. Их наряды были похожи как две капли воды. Коричневая фетровая шляпка и голубовато-серое пальто.

— Достаточно ли отчетливо видела ты лицо мисс Крайль?

— Видела ли я его отчетливо? И да, и нет. Во-первых, я ведь не старалась на нее глазеть. Во-вторых, край шляпы был опущен на глаза. Но вот ее подбородок, ее рот я видела отчетливо. Готова поклясться, что это была она. Очень скоро другие горничные стали рассказывать точно такие же истории о мисс Крайль. В тот самый день, когда мисс Крайль уезжала, она находилась на кухне, собирая букеты цветов, а мисс Айтчисон с мисс фон Гогенемс возвращались домой через черный ход. Я слышала, как мисс Крайль сказала в разговоре с мисс Айтчисон: «Последние полчаса я провела в саду», а мисс Айтчисон ответила ей с какой-то странной интонацией в голосе: «А мне показалось, что я видела ваше лицо в окне второго этажа». Эти слова меня так потрясли, что я выронила из рук поднос. Видите ли, дело в том, что в это время я была наверху, где разбирала постели на ночь, как обычно. Там никого не было, но вдруг я услышала шаги...

— Доктора Уиллинга интересует только то, что ты видела собственными глазами,—вмешалась миссис Лайтфут.

— Могу побиться об заклад, он мне не верит.— Арлина скосила глаза на Базиля.— Поначалу и миссис Лайтфут не верила. Она устроила мне допрос, в результате чего посоветовала обратиться к врачу. Я показала врачу, и он не нашел ничего подозрительного.

— Да, Арлина действительно обратилась к своему семейному доктору. Обычный терапевт, практикующий в небольшом городке. Вряд ли ему под силу поставить точный диагноз в таком сложном случае. Я предложила ей оплатить все расходы, если она обратится к какому-нибудь психиатру в Нью-Йорке, но она наотрез отказалась. Попроси мисс Айнинг и мисс Чейз явиться ко мне в кабинет немедленно.

— Слушаюсь, мадам! — Лицо Арлины вновь стало замкнутым и угрюмым. Мягко ступая по полу, она вышла из кабинета и тихо закрыла за собой дверь.

— Ну,—миссис Лайтфут с вызовом посмотрела на доктора,—вы, вероятно, этого не ожидали?

— Едва ли. Но я начинаю понимать кое-что.— Он

загадочно улыбнулся.— Гете. Первый том «Воспоминаний». Серая обложка с золотым тиснением. Вы входите в комнату, появляетесь на улице, идете по проселочной дороге. Вдруг замечаете впереди себя какую-то фигуру — осязаемую, вещественную, трехразмерную, в ярком наряде. Она движется, подчиняется всем законам оптики. Ее одежда и походка вам кого-то отдаленно напоминают. Вы убыстряете шаг, чтобы посмотреть на нее поближе. Она поворачивает голову — и вы видите себя самого. Или скорее собственное зеркальное отражение. Вы начинаете отдавать себе отчет в том, что перед вами — двойник. Но больше всего вас пугает, что, по преданию, тот, кто видит своего двойника, должен в скором времени умереть...

— Как психиатр, вы, вполне естественно, знаете историю сего предмета, — перебила его миссис Лайтфут. — Я лично познакомилась с этим явлением всего несколько дней назад. Предание об этих явлениях весьма любопытно с психологической точки зрения.

— Но, вероятно, оно вызывает излишнее любопытство, чего нельзя поощрять в школе для девочек?

— Совершенно верно. Мне хотелось бы знать, являются ли такие видения чем-то абсолютно субъективным, или же, при некоторых неизвестных нам обстоятельствах, определенный слой воздушной атмосферы может играть роль зеркала?

Базиль в упор посмотрел на собеседницу:

— Скажите, может ли какая-нибудь из ваших воспитанниц иметь зуб на мисс Крайль?

— Нет. А почему вы задаете такой вопрос?

— Традиционно двойник всегда ассоциируется со смертью, независимо от того, перед кем он предстает. Таким образом, появление двойника мисс Крайль, что бы он там ни затевал, может стать символическим знаком скорой смерти мисс Крайль. В психологическом плане его можно уравнивать с угрожающим анонимным посланием. Мисс Крайль не пользовалась здесь любовью, но, может, кто-то особенно ее ненавидел?

Миссис Лайтфут открыла было рот, чтобы ему ответить, как в дверь кабинета постучали...

Глава седьмая

Мэг и Бет благопристойно вошли в кабинет и вежливо присели, когда миссис Лайтфут представила их Базилю.

Мэг была юной и свежей, словно пунцовая роза на рассвете, но Базиль по чувствительному изгибу губ сразу заметил ее нервный темперамент. Бет являла собой разительный контраст с подругой. У нее были светло-коричневые волосы, подстриженные под голландского сельского паренька, а узкое лицо сплошь усыпано веснушками.

Обе они с самым серьезным видом выслушивали то, что им объясняла миссис Лайтфут.

— Вы обе дали обещание никому больше не рассказывать о случае, который произошел с вами в классной комнате, когда там находилась мисс Крайль. Теперь я освобождаю вас от него. Но только на этот раз. Я хочу, чтобы вы подробно рассказали доктору Уиллингу обо всем, что случилось...

— Это случилось в прошлый вторник,— начала Мэг.— Мы сидели вдвоем в классной комнате на первом этаже, я писала письмо своему брату Раймонду, а Бет — своей матушке. Все наши девочки и большинство учительниц прогуливались по тропинке для верховой езды. Для ноября выдался очень теплый денек. Окно в нашем классе было открыто настежь, и солнце сияло всю, ярко освещая лужайку, которая сбегает вниз, к ручейку. Мисс Крайль сидела как раз напротив окна, и я ее отчетливо видела. Она установила свой мольберт посередине лужайки и начала рисовать какую-то акварель. На ней было голубое пальто и коричневая шляпка. У ее ног стоял ящик с красками, и она держала в левой руке палитру. Задумавшись на минуту, что же мне писать дальше, я подняла голову и принялась наблюдать за тем, как ловко она орудует кистью. С минуту она размешивала краски на палитре, а затем, в следующее мгновение, ловко наносила их на лист белого картона.

— Так быстро? — перебила ее Бет.

— Да, в эту минуту она работала быстро,— огрызнулась Мэг.

— Все это верно. Ты забыла про кресло.

— Какое кресло? Ах, то, с голубой обшивкой! — Мэг повернулась к Базилу: — В холле, сразу за этим классом, стоит кресло с чехлом из твида голубого цвета. Его хорошо видно из классной комнаты, когда открыта дверь. Мы называли это кресло «стулом мисс Крайль», так как она частенько на нем сидела. Ей нравилось любоваться оттуда нашим садом из растворенного окна в холле.

— Я ожидала, что она, как обычно, придет домой и усядется в свое любимое кресло, — добавила Бет. — И вот тогда все это и произошло.

— И что же случилось? — нетерпеливо переспросил ее Базиль.

— Разве миссис Лайтфут вам не говорила? — Мэг, которая отличалась живостью, вдруг словно окаменела, и Бет, взяв на себя инициативу, продолжила рассказ с апломбом выдавшей виды взрослой женщины.

— Я подняла голову и увидела мисс Крайль, которая совершенно бесшумно вошла в холл. Я совсем не слышала ее шагов. Через минуту она уже сидела в голубом кресле, опустив руки на колени и прислонив голову к спинке, словно устала от работы. Глаза ее были открыты и устремлены куда-то вдаль.

— У нее был рассеянный взгляд, — попытался подсказать ей Базиль.

— Да, это я как раз и имею в виду. На ней по-прежнему было голубое пальто и коричневая шляпка. Но рядом не было ни ящика с красками, ни мольберта. Она не смотрела в мою сторону и не пыталась заговорить со мной. Просто неподвижно сидела в кресле. Тут я нечаянно выглянула в окно и... — Бет осеклась, видно, у нее сдали нервы. — Расскажи-ка об этом лучше ты, Мэг, — обратилась она к подруге.

— Но он... он мне не поверит, — возразила Мэг.

— А ты все же попробуй! — предложил Базиль и, видя, что она колеблется, задал ей наводящий вопрос: — А в это время мисс Крайль спокойно рисовала за окном, не так ли?

— Откуда вам это известно? — Мэг бросила стремительный взгляд на Базилья. — Наверное, вам рассказала миссис Лайтфут. Видите ли, в этот момент я услышала, как Бет начала задыхаться. Я оглянулась. Лицо ее

ужасно побледнело, стало белым, как полотно. Она, не отрываясь, разглядывала обеих мисс Крайль — одну, сидевшую в кресле в доме рядом с нами, и другую — ту, которая находилась за окном и сидела за мольбертом на лужайке.

— Ты заметила какое-либо различие между двумя фигурами? — поинтересовался Базиль.

— Та, которая была в кресле, сидела в нем абсолютно неподвижно, не шевелясь. Та, за окном, продолжала двигаться, только... — Голос у Мэг упал.

— Только что?

— Вы, вероятно, помните из моего рассказа, как быстро и ловко она работала кистью. Она у нее просто летала от палитры к полотну, словно клювик у птички, клюющей зерна.

— Ну и что?

— А после того, как мы увидели фигуру, сидевшую в кресле, вторая фигура там, за окном, замедлила движения. Они у нее стали какими-то вялыми, тяжеловесными, словно она смертельно устала.

— Она мне напоминала лунатика, — вставила Бет.

Базиль припомнил ту же любопытную деталь в версии инцидента, предложенной ему Гизелой. А это был такой свидетель, которому он не мог не доверять, свидетель, который при этом не видел второй фигуры и даже ничего о ней не слышал...

— На каком расстоянии от вас находилась каждая из фигур?

— Та, на лужайке, находилась от нас на расстоянии добрых сорока футов, — быстро сообразив, ответила Бет. — Я знаю, что от лужайки до ручья шестьдесят футов, а она сидела как раз посередине. Та, которая отдыхала в кресле, находилась от нас на расстоянии около тридцати футов, — так я предполагаю. Наш класс — это узкая, вытянутая комната, а холл широкий, в нем много свободного пространства.

— Ты сказала, что лужайка была ярко освещена солнцем. А насколько светло в это время было в холле?

— Мы писали письма при дневном свете, — сказала Мэг. — Было около трех часов дня, и еще не начинало темнеть. Но эта сторона дома освещается полуденным солнцем, поэтому венецианские жалюзи на окнах были

наполовину подняты. Значит, в холле было чуть темнее, чем обычно. Вероятно, еще и от того, что за окном свет был значительно ярче.

— Как долго наблюдали вы за второй фигурой, сидевшей в кресле?

— По крайней мере минут пять,— неуверенно произнесла Мэг.

— Но точно засечь время всегда трудно. Вы определяли время по своим часам или по настенным?

— Нет, конечно. Но я уверена, что прошло несколько минут после того, как мы впервые ее увидели.

— Это было просто ужасно! — голос Бет сорвался на визг. — Вы только представьте себе, сидим мы вдвоем. А напротив в кресле расположилась эта странная фигура, а настоящая мисс Крайль находится там, за окном, сидит на лужайке и рисует.

— Уже после этого мы обдумывали, что могли бы предпринять тогда,— сказала Мэг. — Ну, например, войти в холл и прикоснуться к фигуре в кресле. Или же позвать из окна мисс Крайль, разбудить ее или вывести из транса,— не знаю уж, что там с ней приключилось. Но когда все происходит у вас на глазах, то об этом просто не думаешь. Одолевает страх...

— Я сидела за партой и все время пыталась убедить себя в том, что все это — выдумка и ничего особенного не происходит. Но ведь все это как раз и происходило у нас на глазах. Тогда я решила их закрыть. Когда я снова их открыла, картина передо мной не изменилась. Я все время убеждала себя: послушай, это ведь не может длиться вечно. Когда-то это должно все-таки прекратиться. — Бет замолчала, переводя дыхание.

— Может, этот инцидент занял минуту, другую, но тогда мне казалось, что минули столетия,— продолжала за нее Мэг. — Затем фигура, сидевшая в кресле, поднялась и бесшумно удалилась из холла. Казалось, она растворилась в густых тенях в дальнем его конце, возле столовой. В этот миг Бет завизжала и упала в обморок, а мисс фон Гогенемс вбежала в классную комнату из библиотеки.

— Придя в себя, я увидела, что в ней ничего не изменилось,— добавила Бет. — Я имею в виду, конечно, мисс Крайль. Она быстро двигалась и говорила с нами

так, словно ей ничего не известно о том, что здесь произошло.

— Ты заметила лицо женщины, которая сидела в кресле?

— Конечно,— уверенно сказала Бет.— Это было лицо мисс Крайль.

— Это был первый случай, когда вы столкнулись со странностями мисс Крайль?

Девочки переглянулись.

— Мы слышали разные истории. Но своими глазами увидели все впервые.

— Какие истории? — поинтересовался Базиль.

— Ну,— опять начала Бет.— Говорили, что мисс Крайль появляется неожиданно в таких местах, где никак нельзя было ее ожидать. Дело в том, что ее видели, скажем, в одном месте, а через мгновение в другом. Сначала все считали, что это какая-то ошибка, просто недоумение. Но когда такое происходит пять или шесть раз подряд и все время только с мисс Крайль, все начинают перешептываться, искать в этом что-то предосудительное, выискивать странности в поведении самой мисс Крайль...

— Странности,— повторил за ней Базиль.— В чем же они выражались?

Красивые, полнокровные губы Мэг задрожали, когда она выступила в защиту Бет.

— Она боится сказать, что думает, доктор Уиллинг. Она опасается, как бы вы не подняли ее на смех.

— В данный момент мне, увы, не до смеха,— заверил он ее с самым серьезным видом.

— Судя по всему, нечто подобное случалось и прежде,— наконец отважилась Бет.— Правда, это было не часто. Но случалось. Люди об этом боятся говорить, так как заранее уверены в том, что им никто не поверит. Поэтому они обычно хранили молчание, но несколько лет назад одна шотландская девушка, помощница няни, рассказала мне историю о двойнике, которого видели у нее на родине, в этой древней стране, как раз перед смертью одного человека. Она называла его «gavan Voke». Я эту историю давно забыла, но случай с мисс Крайль заставил меня вновь вспомнить о ней. Тогда я рассказала об этом Мэг.

— И вскоре о ней заговорила вся школа,— добавила миссис Лайтфут,— ученики, прислуга, даже некоторые из учителей, а ведь вроде образованные люди...— Она недоуменно пожала плечами.— Спасибо, девочки. Если у доктора Уиллинга нет вопросов, можете идти.

Базиль отрицательно покачал головой. Мэг с Бет во все глаза глядели на него: чувствовалось, что их так и распирало задать доктору кучу вопросов, но они не осмеливались сделать это в присутствии миссис Лайтфут.

Базиль встал со своего стула, подошел к двери и распахнул ее. Девочки, расплывшись в улыбке, нараспев протянули:

— До свидания, доктор Уиллинг.

Он закрыл дверь и повернулся к миссис Лайтфут.

— Ну,— сказала она с ноткой усталости в голосе.— Может ли перед женщиной практического склада возникнуть более фантастическая история? И все же даже в ней есть своя деловая сторона. Можете представить себе, что чувствовали родители детей, когда самые изощренные версии стали просачиваться из школы и доходить до их ушей? Девушки сообщали обо всем в своих письмах домой. В результате уже пять воспитанниц покинули мою школу.

— Вы обмолвились, что выбыло семь свидетелей.

— Кроме этих пяти учениц, уехали две горничные, даже не поставив меня в известность. Их примеру могут последовать другие. Родители могут забрать еще многих, если только этим разговорам не положить решительный конец. Вот почему мисс Крайль должна была отсюда уехать. Конечно, родителям невдомек, что все эти рассказы о мисс Крайль — истинная правда. Они считают, что все это темное дело, приступ истерики среди суеверных воспитанниц, а это свидетельствует о неспособности нашей школы сохранять на должном уровне интерес девочек к нормальной учебе, работе и театральной практике.

— Но ни Маргэрит, ни Бет еще не уехали,— сказал Базиль.— Написали ли они своим родителям о том, что здесь происходит?

— У Маргэрит нет родителей, один брат. Довольно легкомысленный молодой человек лет двадцати четырех, который спустя рукава относится к своим обязан-

ностям опекуна. Родители Элизабет в разводе. Ее мать обивает пороги судов, пытаясь добиться от бывшего супруга большей суммы алиментов, а отец — завсегда тайночных клубов на Пятьдесят второй улице. Она пришла к нам в школу девятилетней девочкой. Маргэрит появилась у нас этой осенью.

Базиль стоял посередине кабинета, опершись одной рукой о плиту камина.

— Скажите, кто-нибудь еще в вашей школе видел двойника мисс Крайль на таком близком расстоянии, которое позволяло бы произвести надежную его идентификацию? Кроме двух тринадцатилетних девочек и горничной семнадцати или восемнадцати лет?

Миссис Лайтфут сразу догадалась, что имел в виду доктор.

— Как вы помните, я говорила еще и о четвертом свидетеле. Это человек среднего возраста, трезво мыслящий, рассудительный и наблюдательный, причем настроенный довольно скептически.

— И кто же он?

— Я.

Рука доктора Уиллинга резко соскользнула с каминной плиты.

— Вы серьезно?

— Абсолютно. Будьте настолько любезны, сядьте на свое место и закуривайте, если хотите. Это случилось в тот день, когда мисс Крайль уезжала. Меня пригласили на обед в одно семейство. Завершив свой туалет, около шести вечера я вышла из комнаты в своей накидке и перчатках. В это время в холле верхнего этажа всегда горит пара светильников. В каждом ввинчена 100-ваттовая лампочка под маленьким абажуром из пергаментной бумаги, и свет от них заливает всю первую площадку парадной лестницы. Ниже площадки в тот памятный для меня вечер на лестнице было довольно темно, так как Арлина забыла включить свет в нижнем холле.

Я спустилась по лестнице, держась одной рукой за перила и продвигаясь довольно медленно из-за своей длинной, сдерживающей шаг юбки. Когда я дошла до первой площадки, кто-то, вероятно, спешивший больше меня, пронесся мимо, без всяких извинений, и я заметила, что это была мисс Крайль. Но я почувствовала

ее присутствие там еще до того, как ее увидела. Она меня не задела, но я ощутила сквознячок, небольшое перемещение воздуха, обычно возникающее тогда, когда кто-то проходит мимо вас быстрой походкой. Когда она проходила мимо, мне не удалось разглядеть как следует ее лицо. Опередив меня на лестнице, она так и не повернулась. Но я прекрасно узнала ее по виду сзади—знакомую фигуру, осанку и одежду. На ней была коричневая шляпка и застегнутое наглухо пальто голубого цвета — единственный ее наряд для выхода на улицу.

Я была просто возмущена такой грубой выходкой. Конечно, у нее были основания сердиться на меня, но что может быть противнее выражения своего гнева с помощью дурных и развязных манер. Я остановилась и стояла как вкопанная. Повывсив голос, я постаралась придать ему как можно больше строгости и негодования. Должна признаться, мне это удалось. Я громко позвала ее: «Мисс Крайль!» И она тут же откликнулась: «Да, миссис Лайтфут». Но голос мисс Крайль донесся из холла верхнего этажа, расположенного над моей головой, хотя в эту самую минуту я отчетливо видела удаляющуюся от меня вниз по лестнице фигуру. Она тут же растворилась в темноте нижнего холла.

Я отшатнулась от перил, со мной такое случается нечасто. Быстро повернув голову, я обвела взглядом всю лестницу и на верхней площадке увидела мисс Крайль. На ней была та же коричневая шляпка и то же наглухо застегнутое пальто голубого цвета. Ее яркие, полные жизни глаза заглядывали в мои, и она повторила: «Да, миссис Лайтфут, вы звали меня?» Я никак не могла принять ее за кого-то другого. Это была мисс Крайль. Но кто же тогда торопливой походкой проскочил мимо меня по лестнице, оставив за собой характерный сквознячок? Я еще раз посмотрела вниз. Там, в нижнем холле, не было ни души, ничего, кроме причудливых теней.

Помедлив секунду, я спросила: «Давно ли вы там стоите?»

«Всего несколько секунд,—ответила она.—Я так спешила, что хотела обогнать вас на лестнице, прошмыгнуть мимо. Но, конечно, вовремя остановилась. Я не могла допустить такой грубости».

Значит, у нее был какой-то, так и не реализованный импульс обогнать меня на лестнице... Трудно объяснить, почему все это меня до такой степени взволновало. Именно волнение испытала я, стоя там, на лестнице, доктор Уиллинг. Во-первых, в памяти тут же всплыло воспоминание о том, что лунатик часто во сне подчиняется тому импульсу, который был ранее подавлен им, когда он находился в бодрствующем состоянии. Могу признаться вам, что мне стоило немалых усилий продолжить спуск по лестнице и вступить в эти чудовищные разлапистые тени. Конечно, там никого не было, никого, кроме Арлины, которая выходила из кухни через столовую, чтобы зажечь свет в гостиной и холле. Я спросила, не видела ли она кого? Она ответила отрицательно.

Но у той женщины, которая обогнала меня, были только две возможности выйти из холла нижнего этажа — либо через гостиную, либо через парадную дверь. А я отвлеклась от этой двери буквально на несколько секунд, когда посмотрела наверх, туда, где стояла мисс Крайль.

Базиль хотел спросить: «А не могла ли Арлина?..» — но его вопрос повис в воздухе.

— Исключено. В этот момент она разговаривала с кухаркой.

— Вы упомянули об ощущении сквозняка в тот момент, когда двойник быстро прошел мимо вас. Слыхали ли вы при этом какой-нибудь звук? Шелест платья?

— Я не слышала ничего.

— А шаги?

— И шагов тоже. На лестнице положен толстый мягкий ковер.

— От любого человека обязательно исходит какой-то слабый запах или даже определенное сочетание запахов, — принялся вслух размышлять Базиль, — пудра, помада, тальк для волос, лосьон для перманента или одеколон для бритья, йод или какое-то другое лекарство. Запах пищи, вина, табака. Запахи, исходящие от одежды, — нафталин, вакса для обуви, раствор для выведения пятен. Вы единственный свидетель, который оказался в непосредственной близости с двойником. Вам удалось почувствовать какой-нибудь, пусть мимолетный, запах?

Миссис Лайтфут энергично замотала головой.

— Не было там никакого запаха, или я его не почувствовала, доктор Уиллинг.

— Очень в этом сомневаюсь,— он бросил взгляд на целую вереницу цветочных горшков, выстроившихся на подоконнике.— Только женщина с очень тонким обонянием может наслаждаться такими нежными и слабыми запахами, которые издают розовая герань или лимонная вербена.

Миссис Лайтфут улыбнулась.

— Да, я пользуюсь лимонной вербеной, употребляю ее даже для носового платка. Это — один из моих недостатков. А одна французская фирма выпускает эссенцию вербены, от которой я просто схожу с ума,— мужской лосьон «после бритья». Так что, вероятно, я — единственная женщина в мире, пользующаяся этим мужским средством.

— А какими духами обычно пользовалась мисс Крайль?

— Лавандой. Она всегда брызгала ее на свой носовой платок.

— Вы не почувствовали запаха лаванды, исходящего от двойника?

— Нет,— Миссис Лайтфут перешла на ироничный тон.— Нельзя же ожидать запаха от отражения в зеркале, не правда ли? Или, скажем, от миража?

Базиль затаился сигаретой.

— Это ваше собственное объяснение случившегося?

Улыбка сошла с губ миссис Лайтфут.

— Я вижу здесь три варианта. Во-первых, мисс Крайль может быть любительницей всевозможных трюков. Но если это так, то как ей удалось создать иллюзию своего двойника? И ради чего? Ведь она от этого ничего не выиграла. Напротив, лишилась хорошего места. Во-вторых, мисс Крайль могла оказаться в роли обманщицы бессознательно, не отдавая себе в этом отчета, раздвоенной личностью, со склонностью пугать людей и поражать их воображение. Все эти импульсы не поддавались ее собственному контролю. Такие импульсы она получала от своего двойника, своего второго «я», и подчинялась им в каком-то сонном, безвольном состоя-

нии, а ее первоначальная, сознательная личность ничего об этом не ведала. Ведь такое случается, не так ли?

— В психиатрии существует описание подобных случаев,— признал Базиль.— И это, вероятно, объясняет ее искреннее удивление вашим решением уволить ее и таким образом от нее избавиться.

— Это просто отвечает на поставленный вопрос: «Почему?» — согласилась с ним миссис Лайтфут.— Но оставляет без ответа третий вопрос: «Каким образом?» Каким образом ей удалось убедить двух маленьких девочек в том, что она сидит в холле, в кресле, в то время как на самом деле находилась во дворе и, сидя на лужайке, безмятежно занималась живописью?

— Ну и какова, на ваш взгляд, третья версия?

Миссис Лайтфут посмотрела прямо ему в глаза.

— При сомнамбулизме, гипнозе или раздвоении личности первоначальная, сознательная личность человека погружается в сон, и в это время бессознательная, вторичная личность его начинает целиком овладевать организмом и часто приводит в результате к таким действиям, которые вызывают заторможенность в состоянии бодрствования. Предположим, не поддающееся контролю, автономное действие подсознательного усиливается какими-то факторами. Маргэрит с Элизабет утверждают, что Фостина Крайль двигалась, словно во сне, при появлении ее двойника. Вероятно, мне пришлось наблюдать, как двойник подчинялся тому импульсу, который в себе подавила мисс Крайль. Этот так называемый двойник, вероятно, и был визуальной проекцией подсознательного мисс Крайль.

Вы меня понимаете? Предположим, что чье-то бессознательное может вобрать в себя столько жизненной энергии, что ее окажется достаточно, чтобы произвести чисто визуально собственный «имидж» или собственное отражение в воздушной среде. Может, с помощью какой-то формы преломленного излучения. Какой-то формы наподобие сна, которая является видимой как для человека, в него погруженного, так и для окружающих его людей, видимой, но нематериальной. Отражение в зеркале тоже видимый, но нематериальный фактор, как, впрочем, радуга или мираж. Они настолько видимы, что их можно зафиксировать на фотопленке. Но к ним нель-

зя прикоснуться, у них нет третьего измерения, и они беззвучны. Они не существуют в нормальном представлении о времени и пространстве. По мере вашего передвижения они перемещаются вместе с вами. Поэтому еще никто не сумел прикоснуться к такому двойнику или услышать его. Его можно только видеть.

— И вы верите в это? — спросил Базиль.

— Я — современная женщина, доктор Уиллинг. А это означает, что я ничего не принимаю на веру. Я родилась без веры в религию и утратила веру в науку. Я не понимаю теорий Планка и Эйнштейна. Но я достаточно соображаю, чтобы понять, что наш вещественный мир может оказаться лишь притворством, а не миром реальным. Все, что мы видим, слышим, к чему прикасаемся, может быть настолько же обманчивым, как иллюзия, отражение в зеркале или мираж в пустыне. Все это, насколько мне известно, Эддингтон называл «пляской электронов». Любопытно отметить, что индусы называли материальную жизнь «иллюзией», а символом понятия «майя» был танцор. По их мифологии, танец призван отвлечь человека от созерцания высшей реальности, точно так, как эротический танец отвлекает его от всего прочего своим гипнотическим эффектом ритмически движущегося тела...

Что скрывается за танцем «майя»? Нам это неизвестно. Даже наши мозги — лишь часть целого, не больше. Каким образом воздействует ваш мозг на тело, когда вам вдруг захочется двинуть рукой? Этого вам не скажут ни психологи, ни физиологи... Итак, они отрицают раздвоенность души и тела. На протяжении всей истории науки всегда наблюдалась тенденция отрицать то, что никак не поддавалось объяснению. Проще было сказать: «Мы этого не знаем». Легенда о двойнике стара, как мир. В любом языке существовал термин для его обозначения...

Таков, доктор Уиллинг, мой третий вариант. А если предположить, что такое случается на самом деле? Предположим, что Фостина Крайль — человек ненормальный, причем ее ненормальность проявляется каким-то чрезвычайным способом, который не доступен для понимания современной психологии, не говоря уже об исследовании?

Если миссис Лайтфут рассчитывала своим яростным приступом скептицизма, который является сам по себе уже признаком подспудной веры,— дурак опасается, как бы его самого не одурачили,— поразить доктора Уиллинга, то она сильно недооценила своего собеседника. Базиль спокойно сказал:

— Другими словами, вы предполагаете, что мисс Крайль может оказаться бессознательно действующим медиумом?

Она залилась краской.

— Ненавижу это слово. Я не сентиментальная эгоистка, жаждущая сохранить свою жизнь за порогом смерти.

— Я бы не назвал вас сентиментальной.— Базиль устремил взгляд на лужайку за окном, где осенний легкий ветерок сгонял в кучи опавшие листья и резвился в них, взметая вверх, словно расшалившийся котенок.

— Но вы бы назвали меня эгоисткой?

— Может быть! — он снова повернулся к ней.— Столкнувшись с опытом, вдребезги разбивавшим все ваши прежние представления о вселенной, вы все же не пожелали их как следует изучить. Вас беспокоил больше всего тот эффект, который они могут оказать на вашу школу. Почему бы вам не подойти к мисс Крайль и все не рассказать? Почему вы не дали ей возможности объясниться перед вами?

— Послушайте, доктор Уиллинг. Как можете вы или кто-то другой намекнуть ей, что она являет собой какое-то чудовище, перед которым пасуют все наши познания как в теории, так и на практике? Приходило ли вам когда-нибудь в голову, что, признав реальность таких вещей, мы тем самым ставим в ужасное положение самого медиума? За повсеместным представлением о тебе как о мошеннике последует утрата привычной социально-экономической жизни — сердитое, раздражающее недоверие, науки, фанатические гонения со стороны церкви, постоянные насмешки острословов, коммерческая эксплуатация циниками, взлет печально знаменитого суеверия, предательство близкого друга. Кроме того — как будто уже этого одного недостаточно, — вам придется страдать от своих недоказуемых представлений о том, что вы явились невинной жертвой неизвестных, сверхъ-

естественных сил, возможно, несущих угрозу и творящих зло, сил, от жесткой хватки которых вас не освободит ни один человек на свете. Может ли еще кто-нибудь чувствовать себя более отрезанным от остального человечества? Что за жизнь в тоскливом одиночестве при постоянном терроре, осуществляемом со всех сторон! По неволе будешь искать выход в алкоголе или наркотиках, как и поступают так называемые медиумы. Это одна из причин, в силу которой вы, надеюсь, не станете передавать мисс Крайль этот разговор.

— Но все же я считаю, что она имеет право знать правду.

— А я думала, что если вы узнаете всю правду, то согласитесь с моим нежеланием передавать ей то, что нам известно!

Базиль улыбнулся.

— В этом и заключается ваша ошибка.— Он поднялся, взял в руки шляпу и автомобильные перчатки. Затем выдержал паузу: — А как вы объясните тот факт, что двойник мисс Крайль появился только здесь, в школе Бреретон?

Миссис Лайтфут приберегла свою тяжелую артиллерию напоследок.

— Не хотелось вам говорить. Молли Мейдстоун — моя подруга. Она рассказала правду несколько дней назад, вырвав у меня клятву о неразглашении того, что сообщила. Ладно, теперь я скажу.

— Что именно?

— Мисс Крайль в прошлом году покинула школу Мейдстоун точно по той же причине, по какой была вынуждена уехать отсюда, из Бреретона.

Глава восьмая

В то утро, во вторник, Гизела проснулась на рассвете. Яркие лучи солнца уже пробивались в окно. Она спустилась по лестнице к главному входу, прошла по южной лужайке к увитому виноградными побегами летнему домику и выбрала себе место поудобнее, чтобы полюбоваться садом. Это был утопленный в земле продолговатой формы сад, куда можно было спуститься по пролету каменных ступеней. Гизела сошла с последней ступеньки на песочную дорожку, ведущую к расположенному в центре пруду с застывшим зеркалом воды. Весной и ранней осенью это место благоухало какими-то тяжелыми, сиропными запахами и переливалось сочными красками. Здесь еще сохранилось несколько пожелтевших, клочковатых хризантем, издававших скорее терпкий, чем обычный медовый запах. Она опустилась на мраморную скамью, подперла рукой подбородок и залюбовалась задумчивой поверхностью пруда.

— Кто рано встает, тому Бог подает!

Молодой мужской голос заставил ее вздрогнуть. Закинув голову, она увидела над собой моложавое лицо, под стать голосу, — классический овал, говорящий о наличии в незнакомце итальянской крови, хотя кожа его была абсолютно белая, а черты лица почти детские. Озорные искорки в его голубых глазах то вспыхивали, то гасли за густыми золотистыми ресницами. Губы нервно дрожали, и, казалось, с них вот-вот вспорхнет насмешка.

— Кажется, я вас не знаю.

— А я вас знаю. — Не ожидая приглашения, он плюхнулся на другой край скамьи и забросил ногу на ногу.

— Вы — Гизела фон Гогенемс. Я узнал многое о вас из одного безупречно чистого источника, и вы мне ужасно нравитесь.

— Почему?

— Ах, — он сделал широкий жест рукой. — Несчастная беженка, без гроша в кармане, красивая и молодая, предпринимая недюжинные усилия, чтобы добиться чего-то в чужой стране. Даже люди, которые вас никог-

да не видели, вправе восхищаться вами, а теперь, когда вы предстали передо мной...

Он дерзко улыбнулся.

— К великому сожалению, вынуждена испортить набросанную вами романтическую картину,— произнесла Гизела.— Во-первых, я не столь молода, а во-вторых, отнюдь не без гроша. Я здесь неплохо зарабатываю.

— Вся загвоздка в слове «зарабатывать». Вы ничего не должны зарабатывать, а просто неподвижно сидеть и демонстрировать свою красоту.

— И помереть от тоски? Нет уж, благодарю. Ну, а вы-то отдаете себе отчет в том, что находитесь на территории женской школы? У нас предусмотрены определенные часы для посещений лиц мужского пола. А шесть утра в распорядке не упоминаются.

— Ну вот, опять эти правила, строгая регламентация жизни! — с возмущением воскликнул он.— Терпеть не могу правил и всегда их нарушаю. Имейте в виду.

— Не думаю, что такое объяснение удовлетворит нашу директрису, миссис Лайтфут.— Гизела встала.— Помоему, вы не пьяны, но...

— А почему бы и нет?

— Но кто пьет в такую рань?

— Вот вам еще одно правило, которое я неизменно нарушаю. Но на сей раз я трезв... Я уничтожен. Раздавлен. И кем бы вы думали? Вами!

— Рей, дорогой! А я и не знала, что ты уже здесь! — невысокая девичья фигурка в темно-голубом платье бежала к ним, продираясь через густые заросли жимолости.— Рей! Рей! — Маргэрит Вайнинг, словно снаряд, влетела в его объятия.

— Послушай, малыш! — он мягко высвободился из ее объятий и опустил девочку на землю.

— Ну, теперь понятно,— сказала Гизела.— Вы — Раймонд, брат Маргэрит. И она — ваш незамутненный источник информации.

— Совершенно верно.— Его улыбка поблекла, он с нежностью взирал на девочку, сжимавшую его руку. Затем снова посмотрел на Гизелу, на сей раз отрезвевшими, почти виноватыми глазами, только его губы все еще слегка дрожали, и вот-вот, казалось, им овладеет приступ беспричинного смеха. Сходство между братом и

сестрой, особенно когда они стояли рядом, было просто поразительное.

— Мисс фон Гегенемс! — Маргэрит все еще держала его за руку и, не отрываясь, смотрела на него снизу вверх. В глазах ее сквозило обожание. — Как вы считаете, позволит миссис Лайтфут моему брату Рейю пригласить меня на завтрак в деревенскую гостиницу? Он обещал позавтракать со мной до того, как придет к нам на школьный вечер. Он сказал, что закажет оладьи, сосиски и клубничный джем.

— И ни одного витамина, — добавил с ухмылкой Вайнинг. — Насколько мне известно, девочкам здесь до чертиков надоели витамины.

— Можешь спросить у миссис Лайтфут разрешения. Она появится в восемь, — сказала Гизела, обращаясь к Вайнтингу.

— Я уверена, что она позволит, если к ней обратится Рей. — Мэг скакала на одной ножке, держась за руку брата, чтобы не упасть. — Рей всегда добивается того, чего хочет.

Школьные вечера проводились раз в месяц. После заседания попечительского совета миссис Лайтфут устраивала для его членов чаепитие вместе с учителями и воспитанницами, которым по такому случаю разрешалось приглашать родителей или родственников. Для более молодых преподавательниц этот вечер был серьезным испытанием, так как в такой день от них требовались особая элегантность и непременная педагогическая благопристойность, дающаяся обычно с таким трудом.

В тот вечер Гизела посмотрела на себя в зеркало и пришла к выводу, что ей удалось в своем внешнем виде достичь счастливого компромисса — белое шерстяное платье с золотым ожерельем и браслеты на руках.

Когда она направилась к холлу, то заметила, что дверь комнаты Алисы распахнута настежь. Бросив на нее мимолежный взгляд, она сразу поняла, что та была менее скромна в своем туалете. На ней был длинный, перевязанный шнуром шелковый халат такого же ярко-оранжевого цвета, что и шарф на шее. На ногах туфли — «лодочки» из черной замши на умопомрачительных высоких каблуках с большими застёжками, украшенными искусственными бриллиантами. Впервые Алиса пока-

залась Гизеле красивой, дерзкой и пылкой. Но ничто не могло скрыть безвкусицы ее наряда.

Повернувшись, Алиса заметила Гизелу:

— Ты выглядишь как Мэг Вайнинг или Бет Чейз, если бы, правда, им позволили одеться по собственному вкусу,— прокомментировала Гизела ее наряд.

— Плевать! — отрезала Алиса и пошла к двери под хруст переливающегося шелка. На ее щеках горел румянец какого-то странного абрикосового оттенка. Ее газельи глаза отливали золотистым цветом под модной прической темно-коричневых волос.

— А ты подумала, что на это скажет миссис Лайтфут?

— Еще чего! Я не намерена больше здесь торчать! — Алиса взяла Гизелу под руку. — Сегодня все прояснится.

— А если нет?

— Ну тогда тем более.

Когда обе девушки прошли через арку дверей в просторную гостиную, на Гизелу никто не обратил внимания. Алиса же намеренно задержалась в дверях и приняла драматическую позу. Старая мисс Челлис в поношенном платье из тафты синего цвета чуть не выронила поднесенную к губам чашку с чаем. Мадемуазель де Витре, в просторном вельветовом костюме лилово-красного цвета, казалось, была готова лопнуть от зависти и злости. Мисс Додд — новая учительница по искусству, очень привлекательная в своем отлично сшитом креповом платье, вероятно, сильно переживала, опасаясь, что теперь обиднее впечатление от нее поблекнет. Миссис Грир, волосы которой были подернуты серебром седины, в бледно-голубом платье с большими пармскими фиалками на груди, оставалась, как всегда, невозмутимой. Но все девочки в белых платьицах из тонкой полупрозрачной белой ткани были просто поражены. На их лицах было написано: «Вот это да! Высший класс! Так и мне надо вырядиться при первой представившейся возможности!»

Гизела вдруг вспомнила, что сама Алиса была всего на год взрослее самых старших воспитанниц в Бреретоне.

Миссис Лайтфут выглядела превосходно. Ни единым неловким движением она не выдала тех чувств, которые охватили ее при виде появившейся в дверях разодетой

в пух и прах фигуры. Как ни в чем не бывало, она продолжала беседовать с каким-то пожилым джентльменом, сидевшим в кресле справа от нее. На губах ее играла улыбка, а взгляд выражал полное безразличие ко всему.

Гизела была рада, что нашла спасение в компании миссис Чейз, матери Элизабет.

— Я слышала, что моя дочь в этом году принимает участие в постановке греческой драмы! Только подумать! Элизабет будет говорить и читать по-гречески! Все эти буквы кажутся мне следом от куриных лапок. Но когда я была девочкой, никто особенно не заботился о нашем образовании, — так, немного французского и танцы. Я закончила школу, когда мне исполнилось шестнадцать лет. В семнадцать начала выезжать в свет, а через год вышла замуж. Это был мой первый брак.

Гизела внимательно на нее посмотрела и попыталась про себя определить ее точный возраст. Темно-каштановые волосы с красноватым отливом были настолько же искусственными, как и томатно-красный цвет губ и ногтей; такая крутая краска делала ее кожу и глаза еще более бесцветными. Ее вздернутый нос и круглый подбородок носили на себе несмываемую печать детства, а незаметная цепочка шрамов на шее, на границе волосяного покрова, объясняла причину глянцевої гладкости ее лица. Когда она принималась перебирать на коленях перчатки, то на ее маленьких шишковатых пальцах вспыхивали два больших квадратных изумруда. Кожа на ее руках была на десять лет старше кожи лица.

— Скажите, о чем эта пьеса? — продолжала миссис Чейз.

— «Медея»? — переспросила Гизела, не находя точного ответа. — Ну, это пьеса о ревности и убийстве.

— Убийстве?! — Изумруды погасли. — И такое вы показываете в женской школе? Ну, знаете ли, фрейлейн. — Обращаясь к любой учительнице — немке, она называла ее «фрейлейн», а к французенке «мадемуазель».

— Но ведь они по радио слушают сногшибательные пьесы о гангстерах, — возразила Гизела. — А это полная трагизма поэзия, выдержанная в самой чистой греческой традиции.

— Какую роль в ней играет Элизабет?

— Она со своей подружкой Мэг Вайнинг играет роль сыновей Медеи, которых та убивает, чтобы отомстить отцу за супружескую измену.

— Мать убивает собственных детей? Ради чего? Девочкам еще рано знать об этом!

— Может, вы хотите сказать, что им вообще не нужно образование?

— Но...

Когда миссис Чейз неожиданно умолкла, Гизела подумала, что та приведена в замешательство дерзостью Эврипида. Но тут она заметила, что миссис Чейз вообще ее не слушает. Она смотрела куда-то в противоположную сторону, в дальний конец гостиной, и в ее глазах застыло откровенное изумление.

Там, возле распахнутого французского окна, стояла Алиса Айтчисон. Она была похожа на яркую бриллиантовую вспышку и поневоле приковывала к себе внимание всех присутствующих, словно какое-то заранее рассчитанное на эффект броское пятно на афише рекламной тумбы. В руке у нее дымились сигарета, и она неосторожно смахивала пепел на сухие серые кустики за окном. Рядом с ней остановился какой-то мужчина лет сорока, лысый, довольно плотного телосложения. Его подчеркнуто сельский твидовый костюм выдавал в нем городского человека, который по какой-то необычной причине проводил денек в деревне.

— Кто это? — прошептала миссис Чейз, мать Элизабет.

— Девушка или мужчина? — переспросила Гизела.

— Девушка.

— Ее зовут Алиса Айтчисон. Она — наш театральный режиссер. Не знаю, кто стоит рядом. Может, ее родственник?

— Что это за девушка? — не унималась миссис Чейз, не спуская глаз с Алисы.

— Трудно сказать, — осторожно начала Гизела. — Она умеет находить общий язык с воспитанницами. Она — знающий специалист.

— Понятно. — Рот миссис Чейз вдруг утратил свое детское выражение. — Было так приятно познакомиться с вами, фрейлейн. — Она улыбнулась и поспешила выб-

ратся из толпы. Гизела подошла к столу, на котором приготовили чай. Рядом с ней раздался чей-то голос:

— Так-то вы зарабатываете свое приличное жалование? Пытаясь вбить ценности классического образования в мозг простофиль типа Доротей Чейз?

Она повернула голову и увидела перед собой смеющиеся, озорные глаза Раймонда Вайнинга.

— Вы слышали наш разговор?

— Я ни за что на свете не пропустил бы его мимо ушей. Она убеждена, что Эврипид в свое время был нашим Эдгаром Уоллесом или еще чем-то похуже!

— О боже! Надеюсь, она не обратится к миссис Лайтфут с просьбой заменить «Медю» какой-нибудь чепухой, скажем, нашими современными шедеврами типа «Поллиана» или «Долговязый папашка»?

— Уверен, что именно этим она сейчас занята.

Гизела вместе с Раймондом глянули в ту сторону, где миссис Чейз только что подошла к миссис Лайтфут.

Они стояли в двух-трех метрах от открытого окна, вблизи от Алисы, по-прежнему новозмутимо болтавшей с мужчиной, облаченным в твид.

Подчиняясь какому-то смутному импульсу, Гизела спросила:

— Вы знаете человека, который так оживленно беседует с Алисой?

— Конечно. Это биржевой маклер Флойд Чейз. Отец Бет. Бывший супруг Доротей. Я уверен, что Доротей ни за что бы не пришла сюда, если бы знала, что и он будет здесь. Все-таки он отец их ребенка. Мне всегда жаль таких детей, как Бет, которым приходится снова туда-сюда между родителями, объявившими друг другу войну.

— Было бы еще хуже, если бы она жила в одном доме с враждующими родителями,— возразила Гизела.

— Само собой разумеется,— улыбнулся Вайнинг издевательской улыбочкой. Видимо, он насмеялся над самим собой и заодно над всем миром.— Но так рассуждать нельзя. Мы должны приводить хоть какое-то рациональное оправдание брака, если его мистическое толкование ни к черту не годится. Таким образом, мы притворяемся, что все родительские ссоры оказывают благотворное воздействие на здоровье ребенка, в то время как

прекращение перебранок путем радикального развода может пагубно сказаться впоследствии на его психическом состоянии. Только подумайте, как удобна такая идея для людей, которые не могут позволить себе пойти на столь решительный шаг, как бракоразводный процесс. И они уже не просто несчастные люди, нет,— теперь они чувствуют свое моральное превосходство.

— Да вы, я вижу, мизантроп.

— Вам, наверное, обо мне рассказывала Алиса.

— А с Алисой Айтчисон вы знакомы?

— Очень хорошо. Когда-то мы с ней были помолвлены.

Рей бросил взгляд через всю гостиную к оранжевому наряду, и дьявольская искорка заплескала в его глазах.

— Алиса обожает деньги. У Флойда Чейза их куры не клюют. А у меня их нет.

— Вы удивительно откровенны со мной.

— Очень удобно говорить правду, так как тебе никто не верит. Все уверены, что вы что-то скрываете, изворачиваетесь, что-то искажаете, и стараются выудить из вас «реальную» истину. Вот почему я не люблю эти вечера с чаепитием. Я сейчас иду к своей машине. Не хотите пройти со мной? Это недалеко.

— Нет, благодарю за приглашение.— Гизелу забавляла его неукротимая дерзость.— К тому же я люблю чай... И...— Гизела осеклась. Рядом с ней стояла Арлина.

— Простите меня, мисс фон Гогенемс, вас просят к телефону. Междугородная.

— Благодарю. Кто меня спрашивает?

Коварное любопытство проглядывало через маску показного безразличия опытной прислуги.

— Мисс Крайль.

Гизела поспешила к двери. Когда она проходила мимо окна, возле которого Алиса разговаривала с Флоридом Чейзом, та вдруг окликнула ее:

— Гизела! Познакомься с мистером Чейзом. Мисс фон Гогенемс.

— К сожалению, я должна бежать. Меня ждут у телефона.

Алису это немного позабавило:

— Твоему врачу-психиатру придется выложить приличную сумму за телефонные разговоры.

— На сей раз это — Фостина.

— Неужели несчастная дура все еще тебя преследует?

Не отвечая на грубые слова, Гизела постаралась поскорее пройти мимо этой пары и поспешила закрыть за собой дверь в телефонной будке под лестницей.

— Хэлло!

— Гизела, это ты? Говорит Фостина.

— Как поживаешь? Надеюсь, неплохо?

— У меня все хорошо,— медленно, почти нараспев, произнесла Фостина, словно ей с большим трудом удалось выговаривать слова.— Но я скучаю по тебе. Нет ли новостей? Разговаривал ли доктор Уиллинг с миссис Лайтфут? Он обещал это сделать.

— Да, он был здесь сегодня утром. Но я его не видала. У меня в это время был урок.

— Что же ему сказали?

— Не знаю, но думаю, что он при первой же возможности сообщит тебе обо всем. Может, даже сегодня вечером.

— Хочется надеяться. Я так волнуюсь.

— Сколько ты еще пробудешь в городе?

— До пятницы. Потом поеду в Брайтси. У меня там коттедж. Не хочешь приехать ко мне на уикенд?

— Я бы с удовольствием, только у меня приглашение на обед, как раз вечером, в пятницу,— объяснила Гизела.— Может, ты останешься еще на денек в Нью-Йорке, и мы там с тобой встретимся?

— Но вечером в пятницу у меня назначено свидание с одним человеком в моем коттедже. Я хотела бы вас познакомить. Не могла бы ты приехать туда попозже, после обеда?

— Право, не знаю. Можно позвонить завтра? Когда тебе удобнее?

— Не нужно звонить, не беспокойся. Просто приезжай туда в любое время, когда сможешь,— в пятницу, субботу или воскресенье. У меня нет других встреч, кроме этой, в пятницу.

Ее голос стал еще более холодным и каким-то замедленным, словно в эту минуту она пребывала в летаргическом сне.

— Ну, придумай что-нибудь! — нетерпеливо посоветовала Гизела. — Если уж попала в Нью-Йорк, то попытайся устроить себе настоящий праздник. Тебе это просто необходимо. Поищи старых друзей.

— У меня их нет.

— Сходи в театр. Отправляйся по магазинам. Купи себе что-нибудь.

— Я постараюсь. До свидания, Гизела.

— До свидания.

Она повесила трубку, испытывая смутное чувство горькой вины. С глаз долой — из сердца вон. Последние несколько часов она постоянно думала о Фостине. А теперь вот эта маленькая далекая фигурка все уменьшалась в размерах, уходила куда-то за горизонт ее памяти. Миссис Лайтфут была права: с отъездом Фостины все об этих сумасбродных событиях в Бреретоне забудут через месяц. Это — один из тех незначительных, не поддающихся объяснению случаев, которые мы стараемся обойти стороной в своей повседневной, такой занятой жизни. Годы спустя кто-нибудь из нынешних учениц начнет свой рассказ перед сидящими вокруг костра в день Всех Святых друзьями: «Со мной в жизни никогда ничего странного не происходило, — вот только помню однажды, когда я была девочкой и училась в школе... Этот случай так и не получил своего объяснения. У нас была одна молодая преподавательница по театральному искусству, она...» Остальное в этом рассказе будет подернуто пленкой давнишней памяти, искажено другими, более свежими личными воспоминаниями о том, что же тогда на самом деле произошло...

Гизела вернулась в гостиную, взяла чашку с чаем и отошла с ней к окну. Алисы уже не было, исчезли и Чейз с Вайнингом. Гизела подумала, что вся троица отправилась к машине Вайнинга, чтобы хлебнуть там что-нибудь покрепче чая. Это вполне в манере Алисы...

Поднеся чашку к губам, она бросила через окно взгляд во двор, к летнему домику, который выглядел таким сиротливым и беззащитным на фоне обнаженных деревьев сада в этот ноябрьский вечер. Ей показалось, что в его смутном интерьере кто-то движется, но

она не была в этом уверена,—слишком большое расстояние отделяло ее от дома. И вдруг темно-оранжевое пятно в саду приковало к себе ее внимание. Она поставила чашку на стол и вышла через французское окно во двор. Через несколько секунд она уже сбегала по каменным ступеням лестницы в сад.

Алиса Айтчисон лежала на земле, и ее ярко освещали лучи холодного ноябрьского солнца. Голова покоилась на последней ступеньке. Ее накрашенные губы выделялись на фоне мертвенного лица кровавым пятном. Слегка наклонясь, чтобы взять ее руку и удостовериться во всем, Гизела уже знала, была уверена в том, что Алиса мертва. Она выпрямилась и тут же почувствовала внезапный приступ тошноты. Закружилась голова. Здесь, на этом ветреном месте, она оказалась одна, наедине с трупом женщины. Так как вся школа в эти дни зубрила Эврипида, ей пришли на память такие его слова: «Какого же ужасного поступка мы вправе ожидать от этого высоко парящего, нераскаившегося духа, гонимого отчаянием?»

Алиса играла Медею — этот высоко парящий, не знающий раскаяния дух. Только сегодня днем Алиса сообщила о своем намерении покинуть Бреретон, как женщина, гонимая отчаянием. «Тем лучше», — сказала она. Но ведь это мог быть и просто несчастный случай, пыталась убедить себя Гизела. Так и должно быть. Никто не должен догадываться, что на самом деле это — самоубийство. Ведь запросто можно наступить высоким каблуком на подол своей длинной, ползущей по земле юбки. А он разорван.

Такая идея становилась вполне вероятной. С ноги спала туфля. Она валялась каблуком вверх, недалеко от тела.

Гизела взбежала по ступеням. Более медленным, умеренным шагом прошла по лужайке, направляясь к окну гостиной. Она прокладывала себе путь через густую толпу гостей, подошла к миссис Лайтфут и не успела еще открыть рот, как миссис Лайтфут почти неслышно зашептала:

— Где вы пропадали? Такое поведение по отношению к нашим гостям никак не назовешь цивилизованным. Я не вижу и мисс Айтчисон. Где же она?

— Простите,— Гизела тоже перешла на шепот.— Меня позвали к телефону. Когда я вернулась сюда, то случайно посмотрела в сад. Я увидела там Алису, которая лежала возле лестницы. Она была мертва.

Никогда еще у Гизелы поведение миссис Лайтфут не вызывало такого восхищения, как в эту минуту. Губы миссис Лайтфут чуть дрогнули:

— Вы уверены в этом?

— Да, я дотрагивалась до нее.

— Покажите, где она.— Миссис Лайтфут спокойно поднялась и с извиняющейся улыбкой на губах начала пробираться сквозь толпу. Когда она вышла из дома, улыбка сразу исчезла с ее лица. Спустившись на нижнюю ступеньку, она рассматривала лежавшую на земле девушку с самым непроницаемым видом. Наконец Гизела прервала тишину.

— Может, вызвать доктора? Иногда бывают случаи столбняка, который очень трудно отличить от смерти...

— Я точно определяю состояние смерти, стоит мне только взглянуть на труп,— отозвалась миссис Лайтфут.— Посмотрите на ее шею. Она сломана. Вам, конечно, известно, что это значит. К тому же, я не знаю, где в настоящий момент искать coronera или же медика-следователя.

— Вероятно, смерть наступила в результате несчастного случая,— сказала Гизела.

Миссис Лайтфут вздрогнула и внимательно посмотрела на нее:

— Другого и быть не может.

— Но,— неуверенно возразила Гизела,— существует еще и возможность самоубийства...

— Чепуха! — миссис Лайтфут была настроена решительно.— Мы не допустим никакого скандала. Естественно, будет проведено соответствующее расследование, но окончательный вердикт можно вынести уже сейчас — несчастный случай. Посмотрите на ее разорванный подол и на свалившуюся с ноги туфлю на высоком каблуке. Она поскользнулась. Здесь я не могу доверять никому, кроме своего шофера Спенсера. Ступайте к нему в гараж и попросите немедленно явиться сюда. Пусть он незаметно вынесет тело в гараж до окончания школьного вечера. Мне вовсе не хочется лицезреть об-

мороки моих девочек и их родителей. А это непременно случится, если они увидят труп.

— Но труп нельзя передвигать на другое место! — воскликнула Гизела. — По крайней мере до тех пор, пока его не осмотрит полиция.

— Конечно, при таких обстоятельствах...

— Могу ли быть чем-нибудь полезен? — раздался с верхней ступеньки задорный молодой голос. Обе женщины одновременно подняли головы вверх. Там стоял, глупо улыбаясь, Флойд Чейз. Гизеле показалось, что за это время миссис Лайтфут заметно постарела.

— Слишком поздно, — процедила она сквозь зубы. Чейз спустился по ступеням.

— У кого обморок? — поинтересовался он, продолжая так же глупо улыбаться. — Боже, да это Алиса! Боже, боже, мой! — причитал он, стоя на ступеньке.

— Мистер Чейз, произошел несчастный случай, — начала объяснять ему миссис Лайтфут. — И вы можете нам помочь. Станьте наверху лестницы и никого не подпускайте к нам, пока не уберут тело. Наверное, вам не нужно объяснять, почему мы не хотим, чтобы наши ученицы увидели эту сцену?

Он посмотрел на миссис Лайтфут так, словно видел ее впервые, и хриплым голосом спросил:

— Что здесь произошло?

— Не знаю, — резко отозвалась миссис Лайтфут. — В последний раз я видела мисс Айтчисон в гостиной, когда она разговаривала с вами.

— Нашу беседу прервала моя бывшая жена. — Его голос выдавал внутреннее потрясение. — Алиса тут же отошла в сторону и вышла из дома. Я перекинулся парой слов с Доротеей, но постарался отделаться от нее поскорее и тоже вышел, чтобы присоединиться к Алисе.

— А куда направилась ваша «бывшая»?

— Не знаю.

— Флойд! Что ты здесь делаешь? Я повсюду тебя ищу, даже на кухню заглянула.

Доротея Чейз уже поставила ногу на верхнюю ступеньку. Бет изо всех сил тащила за руки свою мать вниз.

— Она там, там! — кричала Бет. — Я ничего не думаю. Это произошло на самом деле!

— Доротея! Не тащи сюда ребенка, не делай этого!
Впервые Гизела почувствовала симпатию к Флойду Чейзу. Но тут сварливо заговорила его бывшая супруга.

— Да это не я, это она меня тащит! Ну теперь-то я обязательно спущусь, чтобы посмотреть, почему это ты мне запрещаешь! Я...

Голос ее осекся, и она остановилась, молча рассматривая тело погибшей девушки.

— Элизабет! — закричала она. — Немедленно отправляйся обратно!

Но Бет как будто застыла рядом с матерью. Она тоже рассматривала труп, испытывая одновременно и ужас, и жуткий интерес.

Чейз выругался. Миссис Лайтфут сделала шаг вперед, закрыв своей широкой юбкой лежащую на земле Алису от глаз ребенка.

— Миссис Чейз, видели ли вы Алису, когда вышли из дома в поисках своего супруга?

— Нет, я находилась с другой стороны, — ответила та с полным безразличием, как будто не понимая всей остроты вопроса.

— Я видела ее!

Все разом повернулись к Бет.

— Ну, — чуть заикаясь, проговорила она. — Мама велела мне найти отца. Я пришла сюда, по эту сторону дома. Я высматривала его в саду, а мисс Айтчисон стояла наверху этой лестницы.

— Что же она делала? — спросил ее Чейз.

— Разговаривала...

— Значит, — поддаваясь охватившему ее страху, спросила миссис Лайтфут, — она была не одна?

— Нет, нет. Миссис Лайтфут, я и не говорила, что она была здесь одна, не правда ли?

— Ну и кто был с ней?

— Еще одна учительница. Ну та, худая и бледная, которая обучала нас технике рисунка и созданию театральных декораций. Мисс Крайль!

— Не может быть! — воскликнула Гизела. — Я с ней только что разговаривала по телефону. Она звонила по междугородной из Нью-Йорка!

— Но я же видела ее собственными глазами, мисс фон Гогенемс! — возразила Бет.— Когда я об этом сказала маме, она мне тоже не поверила, поэтому я и привела ее сюда, чтобы она сама во всем убедилась. На мисс Крайль, как всегда, было ее голубое, наглухо застегнутое пальто и коричневая шляпка. Когда мисс Айтчисон подошла к летнему домику, там уже стояла мисс Крайль и, вероятно, поджидала ее. Мисс Айтчисон что-то сказала, но я не разобрала. Тогда мисс Крайль вскинула руку и что было силы толкнула мисс Айтчисон. Та вскрикнула и упала на спину, а затем покатилась по лестнице. После этого мисс Крайль исчезла... так, как делает всегда, совершенно тихо, без шума, не издавая ни единого звука...

Глава девятая

В тот вечер сотрудники и попечители больницы «Мюррей Хилл» собрались на заседание в кабинете председателя совета, одного из издателей газет. Уже после двенадцати часов ночи Базиль вышел из здания на улицу и пошел вверх по Бродвею в направлении Седьмой авеню. Там на стоянке он оставил машину. Мирное время превратило Бродвей в какую-то лишенную вкуса, кричащую улицу, похожую на Кони-Айленд. Хотя он смертельно устал, громадные квадраты бегущей яркой рекламы и половодье электрических огней привлекали его внимание то к одной компании по производству сигарет, то к другой, производящей виски. Безвкусица такой рекламы самим своим существованием напроочь отвергала искусство как таковое, — все эти гигантские, механические игрушки, предназначенные для переросших детей, которые были просто в восторге от броских фраз, примитивных цветов и однообразных повторяющихся движений. Яркий, брызжащий свет от рекламных огней заливал темный асфальт, превращая ночь в подобие дня. Когда разносчик вложил ему в руку номер завтрашней утренней газеты, Базиль прочитал заголовок на первой полосе: «Учительница, сломав шейные позвонки, умирает». Его внимание привлекла дата сообщения: «Бреретон, четверг, 17 ноября...» Он задержался на нем на несколько секунд, а затем дочитал остальное: «Преподаватель театрального искусства мисс Алиса Айтчисон была обнаружена сегодня вечером мертвой на территории школы Бреретон другой учительницей мисс Гизелой фон Гогенштейн. Тело пострадавшей лежало на ступеньке каменной лестницы, ведущей в сад. По словам представителя полиции, смерть мисс Айтчисон наступила в результате перелома шейных позвонков, которое произошло во время падения с лестницы после того, как она наступила своим высоким каблуком на оторвавшуюся подкладку длинной юбки.

Как утверждают, этот инцидент был засвидетельствован одной из воспитанниц школы, мисс Элизабет Чейз, тринадцати лет, которая отправилась сообщить об этом своей матери, гостившей в это время в школе.

Но до этого мисс Гизела фон Гогенштейн самостоятельно обнаружила труп. Отец ребенка, Флloyd Чейз, не разрешил репортерам взять у девочки интервью, но, по слухам, она видела, как мисс Айтчисон перед разыгравшейся трагедией разговаривала с бывшей преподавательницей школы Фостиной Крайль, которая в настоящее время проживает в отеле в центре Манхэттена. Связаться с ней не удалось из-за позднего часа.

Мисс Айтчисон была дочерью покойного Стэнли Мордента Айтчисона, биржевого маклера, который закончил жизнь самоубийством в 1945 году после финансовых неудач на Уолл-стрите. В похоронах примут участие только родственники и близкие семье люди.

Базиль сложил газету, засунул ее в карман пальто и поспешил к автостоянке. Если «Гизела фон Гогенштейн», по мнению репортера, является Гизелой, то ко всему сообщению нужно подходить осторожно, не доверяя и в прочих деталях. И все же... Базиль крутанул баранку, и его автомобиль влился в широкую реку уличного движения.

Около часу ночи он добрался до «Фонтенбло». В холле гостиницы не было ни души. Базиль показал свою визитку ночному дежурному.

— Я не репортер, и мне необходимо увидеться с мисс Крайль. Будьте любезны, сообщите ей, что я жду ее внизу.

— Но у нее отключен телефон с шести вечера, — ответил клерк. — Вероятно, она уже спит.

— Дело не терпит отлагательства.

Клерк, взглянув еще раз на карточку, повернулся к внутреннему телефону.

— Мисс Крайль спустится через несколько минут.

Когда она шла к нему через холл, Базиль, наконец, смог ее отчетливо рассмотреть при ярком свете. Она по-прежнему оставляла впечатление хрупкой девушки, но уже не была столь воздушной и бесплотной, как прежде. У нее были тонкие сухие светлые волосы, а бело-голубые глаза казались какими-то нереальными, абстрактными, подернутыми сонной пленкой. На ней было вязаное платье из светло-коричневой шерсти, а ее желтовато-бледный приятный цвет лица портил вскочивший на щеке прыщ. От ее прежнего неуловимого

шарма в приглушенном свете на крыше здания остались лишь мягкость и спокойствие.

Они сели в угол большого холла.

— Ну, вы видели миссис Лайтфут?

— Да, видел.— Базиль зажег сигарету и откинулся на спинку стула.— Мисс Крайль, где вы были сегодня в пять часов вечера?

— Здесь, наверху, в своем номере.

— Вы были одна?

— Да, одна.

— Чем вы занимались?

— Я говорила по междугородному телефону. Я уже сообщила об этом представителю нью-йоркской полиции. Затем меня начали донимать репортеры, и я была вынуждена отключить телефон.

— Известно ли вам, по какой причине полиция устроила вам допрос?

— Из-за смерти Алисы Айтчисон. Они сказали, что это простая формальность.

— Они всегда так говорят — «простая формальность». Но это далеко не так.— Базиль вытащил из кармана газету.— Вот, прочтите.

Фостина добралась только до второго абзаца, и газета выпала из ее рук.

— Но это же невероятно! Я никак не могла быть в районе Бреретона в этот вечер, что подтверждает мой телефонный разговор с Гизелой.

— Именно поэтому они не стали допрашивать вас дальше.

— К счастью, я могу доказать, что весь день провела в номере. В отеле только один выход. Лифтер, администратор, привратница — все знают меня в лицо. Им прекрасно известно, что в этот вечер я не выходила из отеля.

— А что вы скажете о пожарной лестнице или о служебном входе?

— Полиция все проверила. Через служебный вход можно выйти, но для этого нужно пройти через кухню ресторана. Там весь день крутились повар и два его помощника. А вход на черную лестницу находится в кухонном коридоре. Нельзя пройти туда незаметно.

Злоумышленника обязательно либо увидят, либо услышат.

— Чем вы занимались после телефонного разговора с Гизелой?

— После разговора? Ну, я... легла спать.

— В пять вечера?

— Да, разговаривая с Гизелой, я вдруг почувствовала, что засыпаю на ходу. После приезда сюда у меня появилась привычка спать по вечерам.

Базиль согласно кивал головой, постигая то, что она от него утаила. Фостина была настолько удивлена, сломлена, поражена своим увольнением из Бреретона, настолько устала от всех этих событий, что просто не находила себе места и искала забытья от действительности в дневном сне, словно старуха или грудной ребенок, которые, как правило, не способны долго выносить бремя сознательного бодрствования.

Озноб, который он почувствовал в эту минуту, объяснялся не только сырой ноябрьской погодой.

— Вы никогда не испытывали желания убить Алису Айтчисон?

— Конечно, нет! — Фостина, казалось, была поражена таким вопросом. Но ведь подсознательный импульс подавляется, а она ничего не могла знать об этом.

— Вы ведь не любили ее, не правда ли?

— Да, не любила, — откровенно призналась девушка. — Она была грубой и всегда старалась проявлять недоброжелательность ко мне. Иногда я просто ее ненавидела.

Базиль вновь понимающе кивнул. Он мог себе представить ненависть Фостины к Алисе, — слабый обычно ненавидит сильного, называя при этом собственную слабость утонченностью, а силу другого — «грубостью». Те люди, которые не могут физически нанести удар по своему недругу, бьют по призракам своих врагов, сохраняя таким образом в своей психике полную свободу и свою безопасность. Ненавидеть кого-нибудь, значит, желать его исчезновения, и единственный способ заставить исчезнуть ненавидимого человека, вызвать его смерть. Дети это инстинктивно понимают. Как часто они кричат: «Я тебя ненавижу. Чтоб ты сдох!» Легла ли накануне вечером Фостина спать с садистской фантазией о

смерти Алисы? Погружалась ли она в сон с этим желанием смерти? Поднялась ли с постели, уже находясь в сомнамбулическом трансе?

Нет, конечно. Расчет времени говорит о том, что это невозможно. Будь то в сонном или бодрствующем состоянии, Фостина не могла незамеченной покинуть «Фонтенбло» и добраться из Нью-Йорка до штата Коннектикут за те несколько минут, которые прошли со времени ее телефонного звонка Гизеле и смертью Алисы Айтчисон. Если только... ее «бессознательное» не сумело сконцентрировать в себе столько жизненной энергии, чтобы спроецировать чисто визуальный образ или собственное отражение в воздушной среде... ведь ни миражи, ни радуги не существуют в привычных представлениях о времени и пространстве...

Смерть, вызванная чьим-то желанием, — преступление, которое приписывается колдуньям с незапамятных времен. Эта сумасбродная, архаичная идея заставила его улыбнуться, и все же ее атавизм удивительно сильно будоражил глубины его сознания, словно нудный, однообразный плеск волн.

— Несомненно, полиция в Коннектикуте решила, что либо Элизабет Чейз ошибается, либо она — истеричка. Ведь в конце концов ей всего тринадцать лет. Но... она что-то видела, мисс Крайль. Как вы думаете, что?

— Я... Я не знаю.

— Мне кажется, что вы... знаете. Или догадываетесь.

Ее голубые глаза поблекли. Она сидела в полной неподвижности, как будто рассталась с собственным телом и унеслась в какой-то сон, приносящий ей больше утешения, чем суровая реальность.

Что сказал отец Чернокожего Энди о Тэде Лапрайке? Кажется, люди сжигали таких за рассказанные ими сны... На шотландском эта фраза звучит более зловеще. И так было. Было время, когда девушек, подобных Фостине Крайль, сжигали заживо, и они корчились в огне и вопили диким голосом. Такова была жертва собственного невежества и страха, которую люди приносили богам.

— Послушайте, мисс Крайль. Вы со мной ведете нечестную игру. Еще вчера вам было известно, что мне

сообщит миссис Лайтфут. Начнем сначала. Почему в прошлом году вы ушли из школы Мейдстоун?

Она вздрогнула, и лицо ее исказилось гримасой. Как будто выход из собственной скорлупы и очередной контакт с реальным миром приносили ей невероятные страдания. Она по-прежнему молчала, чтобы не давать ему в руки козырную карту.

— Уж не хотите ли вы заставить меня поверить, что вам незнакомо древнеанглийское поверье о двойнике? Двойнике-призраке, который есть у каждого живущего на земле человека? Если это не так, то вы навряд ли позаимствовали бы у Гизелы том «Воспоминаний» Гете.

Он ожидал услышать какой угодно ответ — удивленный, возмущенный, наконец, резко отрицательный, — но так и не сумел предусмотреть ее реакции. Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Доктор Уиллинг! Что же мне делать?

Он бросил взгляд через холл на дежурного за столом. Клерк сидел на расстоянии приблизительно двадцати метров, склонившись над каким-то грессбухом, но ничего не заметил. Доведенная до отчаяния Фостина рыдала очень тихо. Да и сидели они в темном углу.

— Почему вы ничего не сказали об этом перед тем, как отправили меня к миссис Лайтфут?

— Я вас туда не посылала! — слабо запротестовала Фостина. — Вы сами настаивали на поездке. И я... я ничего не знаю.

Она безжизненно опустила руки, повернулась к нему лицом, на котором было написано страдание. Она, казалось, совсем позабыла о своих распухших, покрасневших веках и залитых слезами щеках.

— Я никогда не видела... этого... Я не знаю, что это... такое. Я знаю только то, что мне рассказывали в Мейдстоуне. А теперь, кажется, такое произошло вновь, но на сей раз в Бреретоне. Я ничего не знала... Миссис Лайтфут мне ни о чем не говорила. Я ее не могла спрашивать по этому поводу. Ведь она все равно мне ничего бы не сказала. Вот почему я не возражала против вашего посещения школы. До этого я ничего не могла вам сказать, вы бы просто посмеялись надо мной. Или сочли бы неврастеничкой. Еще год назад я бы са-

ма посчитала безумцем любого, кто мог всерьез воспринимать все это. Но я понимала, что если вы услышите об этом из уст миссис Лайтфут, то вам будет уже не до смеха. А я... Я... очень боюсь.

— Вы считаете, что миссис Лайтфут неврастеничка?

— Ну, а была неврастеничкой миссис Мейдстоун? И все другие учителя, ученики и прислуга в обеих школах? Доктор Уиллинг, когда теряешь работу по одной и той же причине дважды, то тут уж не до смеха, не до утверждения, что все это — игра воображения. Понятия не имею, как это назвать. Может, совсем не то, что все они думают, но только — не игра воображения. Что-то здесь есть. Я хочу сказать, что за этим скрывается что-то вполне реальное. Но не я. Я знаю, я не злоумышленница. Вы в этом, конечно, сомневаетесь, так как вынуждены верить только моему слову. Но я-то знаю. Ну и каков результат? Остается предположить, что я все вытворяю в бессознательном состоянии... Но это физически невозможно. Даже пребывая в сомнамбулическом состоянии, я не могу оказаться в двух разных местах одновременно, а именно это, по их словам, произошло. Может, все они вступили в заговор против меня, чтобы пустить эту «утку»? Не понимаю, почему такие непохожие друг на друга люди, как миссис Мейдстоун в Вирджинии и Арлина Мёрфи в Коннектикуте, могут организовать бессмысленный заговор и с торжествующим видом разыгрывать столь бесполезный для них фарс на протяжении года? Чтобы только мне досадить и сделать мою жизнь невыносимой? Не знаю, но... я... я... очень боюсь.

Она посмотрела поверх него, в пустоту ярко освещенного холла.

— Вы можете представить, чем все это мне грозит? Я постоянно, находясь в полном отчаянии, задаю себе одни и те же старые, как мир, вопросы, на которые пока не даны ответы: для чего нам дана жизнь? Для чего мы, люди, страдаем? Почему мы с такой легкостью принимаем на веру, что Бог добр хотя скорее всего он жесток? Может, мы просто какая-то случайность, непонятная химическая реакция, в которой нет ни начала, ни конца, ни смысла? Может, все мы какие-то суперколлоиды, разыгрывающие жестокую, бессердечную ко-

медию? Или же мы всего сон Божий, как утверждают буддисты? Не потому ли мы все в раннем детстве любим смотреть в зеркало на свои лицо, руки, ноги и повторять при этом: «Вот это я, Фостина Крайль. А не кто-нибудь другой. И все же, как бы вы ни старались познать саму себя, самого себя, в глубине души вас не покидает чувство, что это еще не вся истина, что и ты, Фостина Крайль, существуешь временно, в ограниченном пространстве. Что ты запросто могла быть другой. Вот что делает нашу жизнь похожей на сновидение — чувство собственной нереальности...

Я прочитала основные книги по философии, науке и религии. Они не имеют ничего общего с самыми насущными потребностями реальной жизни и личными проблемами человека. Разве у этих мужей, сражающихся в интеллектуальные шахматы друг с другом, есть хоть какое-то представление о том, как люди, попавшие в беду, мучительно ищут ответа на то, что их волнует, такого ответа, который успокоил бы сердце и рассудок? Просишь у них хлеба, а получаешь в ответ пустые слова. Ну как, скажите на милость, могу я дальше жить с тем шлейфом, который неизменно ползет повсюду за мной? И так до конца жизни? Что же со мной будет?

Она вновь начала тихо плакать. Базиль подождал, пока ей стало легче. Затем, набравшись терпения, он сказал:

— Расскажите, что произошло в Мейдстоуне.

Когда она вытащила носовой платочек, чтобы вытереть глаза, он почувствовал слабый запах лаванды. Ее лицо разгладилось, она взяла себя в руки, ни никак не могла унять дрожь в грудном голосе.

— Это была моя первая работа после окончания колледжа. Я была счастлива, что оказалась в Мейдстоуне, и очень гордилась своим местом. Это — школа-пансионат со спортивным уклоном. Там царят такие же строгие порядки, как и в Бреретоне.

Через неделю я вдруг начала осознавать, что за мной постоянно следят и шушукаются за спиной. Я никак не могла понять, почему это происходит. Я чувствовала, как одна из девочек с любопытством взирает на меня, но стоило мне повернуться к ней, как она торопливо отводила глаза в сторону. Когда я входила в комнату, где

велись разговоры, то все присутствующие тут же умолкали и возобновляли беседы в совершенно ином ключе. Таким образом, становилось ясно, что речь шла обо мне. Но мне и в голову не приходило, о чем они могли судачить. Другие преподавательницы сторонились меня. Девочки в моей компании чувствовали себя принужденно, не в своей тарелке, и были в разговоре со мной крайне сдержанны. Прислуга, судя по всему, опасалась меня и ненавидела, как это произошло впоследствии и в Бреретоне. Но тогда такое случилось со мной впервые, и я не принимала все эти странности всерьез. Мне казалось, что им что-то во мне не нравится — одежда, речь, манеры.

Постепенно начал вырабатываться определенный стереотип. Скажем, я сталкиваюсь с кем-нибудь на лестнице или в холле. Встречная выражает свое искреннее удивление и говорит: «Как вы здесь оказались? Только что я вас видела наверху». А я, ничего не подозревая, отвечаю: «Вы, вероятно, ошиблись. Весь вечер я была в саду». Тогда удивление сменяется подозрением. После двух или трех подобных казусов я начала задаваться вопросом: «Что все это значит? Почему все считают, что видели меня в тех местах, в которых в указанное ими время я находиться никак не могла?» Все это было необъяснимо, и с самого начала сильно беспокоило меня. А потом от миссис Мейдстоун поступило уведомление... о моем увольнении и чек с суммой, причитающейся за год работы.

Тогда я была гораздо смелее, чем сейчас. А миссис Мейдстоун была куда более приятной и мягкой по характеру, чем миссис Лайтфут, и куда более доступной. С уведомлением в руках я вошла в кабинет к миссис Мейдстоун. Вначале она весьма уклончиво отвечала на мои вопросы, но мое отчаяние, наконец, сломило ее сопротивление. Она вытащила из шкафа какие-то книги и посоветовала мне их прочесть.

Я не спала всю ночь, читала эти книги, правда, с трудом понимала, о чем идет речь. Я всегда подтрунивала над спиритами, и мне было хорошо известно, что их в равной мере презирует как наука, так и религия. Но их авторы не были спиритами. Они не верили ни в привидения, ни в бессмертие. Большинство из них были

атеистами. Но они считали, что в мире существует какая-то толика необъяснимых явлений, которые с порога были отвергнуты ортодоксальной наукой без должного анализа. А они не были чокнутыми обскурантами. Один из них, психолог Уильям Джеймс, исследовал подобные вещи в частном порядке, так как предание гласности своего опыта грозило ему гибелью карьеры. Шарль Рише, тоже психолог, занимался этой проблемой открыто и вынес все последовавшие за этим насмешки и издевательства, как необходимую дань, которую вынужден выплачивать любой нарушитель табу, установленных закоренелой ортодоксией.

Вскоре я начала понимать, зачем миссис Мейдстоун выбрала для меня именно эти книги. В них приводились фактические описания так называемых «двойников» — бодрствующих сновидений, призраков живущих на свете людей, упоминалось и об опытах, поставленных Гете. Вот почему я взяла с полки Гизелы его «Воспоминания». К тому же известен один случай с молодой учительницей французского, который произошел около ста лет назад в Ливонии и был поразительно схож с моим.

После этого я отодвинула книги в сторону, так как их авторы даже не пытались объяснить природу подобных явлений, и просто сидела в полном одиночестве в своей комнате возле окна, наблюдая за звездой Орион и россыпью Большой Медведицы. Отзвуки событий последних дней отдавались в моем сознании: «Мисс Крайль, что это вы делаете здесь, наверху? Мгновение назад я выглянула в окно и увидела, как вы шли по дорожке в саду... Мисс Крайль, это вы только что были на балконе? А я думала, что вы играете в данный момент на фортепиано в музыкальной комнате...» Подобные случаи не были единичными, а повторялись раз пять-шесть...

Больше мне не хотелось читать эти книги, так как их авторы, собрав и обобщив несколько подобных случаев, даже не пытались объяснить их природу. Все они по своему складу были учеными-агностиками. Они просто приводили слова свидетелей и, по сути дела, утверждали следующее: «Все эти люди рассказывают о том, что произошло. По нашему мнению, большая их

часть — обманщики. Но во имя торжества научной дискуссии мы предполагаем, что их показания истинны. В таком случае, если они считают, что свидетели посвоему говорят правду,— то какова же причина этого явления? Каким образом все происходит, и что, наконец, это значит?

Если только они говорят правду,— это «если» с тех пор не покидает меня. У меня нет на это ответа, как не было и у них. Но я по крайней мере теперь знала, что говорят обо мне за моей спиной в Мейдстоуне.

Я сама тогда в это не верила, но была ужасно напугана, так как понимала, что за всем этим что-то кроется... Может, просто глупый трюк, или неудачный розыгрыш, но все же это означало какой-то недружественный по отношению ко мне жест.

На следующее утро я отправилась к миссис Мейдстоун и вернула ей книги. Она призналась мне, что скрывает свой интерес к подобным случаям, так как от директрисы школы требуют строжайшей ортодоксальности. Она была добра ко мне. Она на полном серьезе толковала со мной о какой-то моей «исключительной психической энергии». Сама она, конечно, в это верит. Но как раз по этой причине она, к сожалению, не могла держать меня в своей школе ни минуты дольше. Как видите, миссис Лайтфут избавилась от меня, считая меня либо обманщицей, либо трюкачкой, либо жертвой обмана или трюкачества, а миссис Мейдстоун поступила таким образом потому, что была уверена в моей невиновности. А это ее больше всего беспокоило. Как, впрочем, и меня. Если бы меня обвинили в трюкачестве, я могла бы отрицать такое обвинение и доказать свою невиновность. Но я была лишена всякой судебной защиты от такого необычного обвинения. Здесь я ничего не могла доказать. Я сама не знала истины.

Миссис Мейдстоун испытывала ко мне жалость, так как не верила в мою виновность. И вот однажды, подчиняясь женской слабости, она написала мне рекомендательное письмо, которое помогло мне получить работу в Бреретоне и...

— Позвольте перебить вас, Фостина,— сказал Базиль.— Как часто видели вашего двойника в Мейдстоуне?

— Вначале я не считала эти инциденты, так как не придавала им никакого значения. Но из разговора с миссис Мейдстоун я узнала, что, по ее подсчетам, это наблюдалось семь раз. Два раза меня видели ночью на лужайке из лестничного окна, а в это время я спала в своей комнате. Три раза утром на балконе, а я в это время давала урок в классе. Дважды днем, когда я проходила с внешней стороны дома мимо открытого окна в конце холла, а в это время я находилась внутри здания совершенно в другом месте, у главного входа.

— Во всех этих случаях на вас были голубое пальто и коричневая шляпка?

— Та же шляпка, но разные пальто. Тогда у меня было пальто из верблюжьей шерсти. Такие пальто пользовались большой популярностью в Мейдстоуне, они как раз подходили для тамошнего холодного климата, особенно зимой.

— И все же, несмотря на все эти странные случаи, вы решились поехать в Бреретон?

— Эти поразительные происшествия не столько меня пугали, сколько озадачивали. Даже если все это было ловко придуманным розыгрышем, если даже так называемый мой «двойник» был результатом каких-то коллективных галлюцинаций, то в другом месте такое не повторится. Со мной прежде такого никогда не случалось, и я считала, что причиной таких явлений могли стать какие-то особые условия в Мейдстоуне, например, воздействие климата, или какое-то особое психологическое состояние учениц и преподавательниц.

Я была очень счастлива от того, что мне удалось получить работу в Бреретоне и покинуть после такого унижения Мейдстоун. Я отчаянно старалась всем угодить, и мне казалось, что в первую неделю пребывания там это удалось сделать. Я часто вспоминаю эту неделю как относительно счастливый период в моей новой жизни, первый за последний год, и вот затем...

Однажды я столкнулась с пожилой миссис Челлис наверху, в холле, и она мне сказала: «Мисс Крайль, миссис Лайтфут против того, чтобы преподаватели пользовались черной лестницей». На что я возразила: «Прошу прощения, миссис Челлис, но я не пользовалась черной лестницей». Она сильно удивилась: «Как же так?

Минуту назад я видела вас в саду. Теперь вот, поднявшись по передней лестнице в холл второго этажа, я вижу вас здесь. Но ведь вы не проходили передо мной по этой лестнице, значит...»

Тогда я поняла, что все начинается сначала, и испугалась. Как мог мой «двойник» добраться из Мейдстоуна в Бреретон через столько времени, если он не существовал на самом деле? Я была единственным связующим звеном между двумя школами, следовательно, всему причиной была только я. Если это был чей-то нечистоплотный трюк, то мне нужно было попытаться изловить злоумышленника. Каким это было бы облегчением для меня...

— Но существует по крайней мере еще одно связующее звено между Мейдстоуном и Бреретоном,— возразил Базиль.— Это — Алиса Айтчисон. Можете ли вы объяснить, почему Гизела «пожалует», если обратится ко мне с просьбой расследовать эти нелепые слухи?

— Мне кажется, Алиса боялась, как бы миссис Лайтфут не рассердилась на Гизелу, если та сообщит на сторону о том, что происходит в школе...

— Были ли мисс Айтчисон в числе тех лиц, которые видели «двойника» в Мейдстоуне?

— Нет, нет, но она слышала все истории обо мне, которые там распространялись. Когда я встретила Алису в Бреретоне, то ужасно боялась, как бы она не начала распространять здесь мейдстоунские рассказы. При первой же нашей встрече наедине я умоляла ее дать мне твердое обещание, что она не станет об этом рассказывать никому в Бреретоне. Она обещала, и я уверена, что она сдержала слово. Но Алиса имела обыкновение упоминать об этом в разговорах со мной в присутствии других,— все эти намеки на загадочные явления были мне понятны, но недоступны для понимания окружающих. Она прекрасно понимала, что тем самым заставляет сидеть меня как на иголках, но ей, видимо, мои страдания доставляли удовольствие. В день моего отъезда она даже сообщила мне, что видела мое лицо в окне верхнего этажа, хотя в это время я была в саду. Но я была уверена, что это притворство, что ничего она не видела и говорила так, чтобы лишний раз мне досадить.

— Как вы это поняли?

— На ее лице не было никаких признаков испуга. Она явно издевалась надо мной, ее выдавали глаза. Видите ли, Алиса была уверена, что во всем повинна я. В тот день, когда она дала мне обещание не разглашать моей тайны в Бреретоне, у меня на глазах выступили слезы, а она, не обращая на это никакого внимания, продолжала выговаривать мне в своей обычной язвительной манере: «Такие вот робкие, заторможенные девицы, как ты, всегда кончают истерикой. Если ты хочешь сохранить свое место здесь, в Бреретоне, тебе следует научиться держать под контролем свои подсознательные импульсы». Я была совершенно шокирована. Попыталась выяснить, что она имеет в виду, и она ответила, что существует только одно разумное объяснение моему поведению — я сама инсценирую все эти невероятные трюки. Она сказала, что я все вытворяю в сомнамбулическом состоянии, а потом ничего не помню. Вероятно, поэтому Алиса всегда с презрением относилась ко мне и никогда не обнаруживала страха передо мной. И, вероятно...— Фостина помедлила, словно была в чем-то неуверена, и медленно произнесла: — это и стало причиной ее гибели.

Базиль вздрогнул.

— Что вы имеете в виду?

— Вспомните, доктор, как была убита Алиса. Никакого осязаемого орудия убийства — ни веревки, ни ножа, ни пули. Она поскользнулась, упала с каменной лестницы и сломала себе шею. Несчастный случай. Но разве так называемые «несчастные случаи» не происходят так же часто под воздействием как изнутри, так и извне? Разве страховые компании не располагают статистикой, утверждающей, что некоторые люди имеют «склонность к несчастным случаям»?

— Верно, — согласился Базиль. — Большой бизнес пришел на выручку Фрейду. У него есть одна теория, в соответствии с которой несчастным случаям подвержены такие люди, которые обладают импульсами вины и самонаказания. Высокий каблук и отпоротившийся подол юбки могут стать попутным обстоятельством при несчастном случае, но не его причиной. Она глубоко запрятана в склонном к предательству сознании

жертвы. Это что-то вроде бессознательного самоубийства.

— Но, предположим, что подсознание одного человека получает доступ к подсознанию другого и имплантирует в него импульс самоубийства, причем ни первый, ни второй даже не подозревают об этом процессе. Что это будет — убийство? Как по-вашему? Новый способ убийства, который не поддается раскрытию? Он неизвестен ни самому убийце, ни его жертве. Поэты на протяжении столетий утверждали, что любое проявление ненависти — это уже убийство.

— Убийство с применением телепатии? — усмехнулась Базиль. — Тогда никто из нас не может считать себя в полной безопасности. К счастью, пока не существует прямых доказательств, свидетельствующих о влиянии психики одного человека на психику другого на расстоянии и без гипноза.

— Я не говорю ни о телепатии, ни о гипнозе, — сказала Фостина. — Я просто думала...

— О чем же? — наводил ее на мысль Базиль.

— Я думала о том, что свидетельство маленькой Бет Чейз может оказаться достоверным. Люди обычно оступаются и падают при испуге. Отлетевшая в сторону туфля, разорванная подкладка юбки часто могут быть следствием падения, а не его причиной. Что могло испугать Алису Айтчисон? Мое видение, моя фигура, стоявшая на верхней ступеньке лестницы, а она знала, что Гизела только что разговаривала со мной по междугородному телефону.

Видите ли, Алисе были известны все версии рассказов обо мне, и она никогда не верила ни одной из них. Именно по этой причине она могла испытать сильный шок, когда вдруг лицом к лицу столкнулась в Бретоне со мной, причем днем, а она была уверена в том, что в данный момент я нахожусь в Нью-Йорке. Она вдруг обнаружила, что все, над чем она потешалась, оказалось реальностью. Такое открытие могло оказаться для нее чувствительным ударом. А если еще это изваяние протягивает руку и сильно ее толкает, то со страха она вполне могла оступиться и скатиться по каменным ступеням.

— Значит, вы полагаете, что перед Алисой предстал ваш призрак, потому что вы, испытывая к ней ненависть, направили к ней свое изображение в сонном состоянии, совершенно бессознательно, не отдавая себе в том отчета?

— Но какое иное объяснение может соответствовать всем фактам? — в отчаянии воскликнула Фостина. Легкая краска, залившая от перевозбуждения ее лицо, придала всему ее облику новое свойство, — в ней появилось какое-то внутреннее сияние, которое иногда быстро возникает и столь же быстро исчезает, давая о себе знать через прозрачную кожу истинного праведника. Если бы она обладала большей жизненной энергией, более высоким уровнем обмена веществ, более теплотворной, быстрее пульсирующей кровью, то она могла бы быть весьма привлекательной, даже красивой девушкой. Ее фигура, цвет кожи и лица в основном отличались приятностью. Было, правда, что-то вялое, инертное, медлительное в ее натуре, что превращало это милую девушку в какое-то бесцветное, незаметное существо. Теперь ему удалось увидеть проблеск того, какой она могла быть при иных жизненных обстоятельствах.

Он был уверен, что ее отчаяние не было наигранным. Но, как это ни парадоксально, он был не менее этого уверен и в том, что ее отчаяние теперь блекло, растворялось в том удовольствии, которое она испытывала от чувства своей силы, — ощущение столь же приятное, сколь и непривычное. Она никого не просила наделять ее такой силой, но теперь была уверена, что такая сила снизошла на нее. Она бы не была столь человеческой, если бы испытывала при этом какие-то более сложные чувства, чем откровенный ужас. Но вместе с ним она переживала и какие-то еще более утонченные чувства. Не слишком огорчалась из-за того, что она, Фостина Крайль, эта обычная, робкая, пренебрегаемая всеми женщина, покарала смертью свою дерзкую красавицу-подругу, которая с таким презрением, с таким высокомерием и жестокостью издевалась над ее искренними чувствами.

Впервые Базиль понял, почему многие ведьмы и колдуны в семнадцатом столетии признавались в предъявленных им обвинениях в совершении преступлений с

радостным блеском в глазах. Такие ложные признания добывались не только с помощью пытки. Они получали искреннее наслаждение от возможности вселять жуткий страх в своих обвинителей, даже тогда, когда сами умирали мученической смертью. То была единственная, оставшаяся у них месть. Само собой разумеется, наиболее упорные из них умели убедить самих себя в том, что они наделены какой-то дьявольской силой, ибо такое представление о себе было гораздо приятнее, чем сознание того, что ты лишь беспомощная жертва дикого разнузданного варварства. Интересно отметить, что ведьмами большей частью становились такие женщины, которые не находили никакой отдушины для выхода наружу внутреннего ощущения своей магической силы. Или, как мог добавить Чернокожий Энди, молодые, некрасивые, отвергаемые всеми девушки, не имеющие ни собственности, ни устойчивого положения в обществе. С психологической точки зрения ведьмы появляются из того же социального слоя общества, что и заключенные и истерички, все они — испытывавшие разочарование в жизни отщепенцы, которые исподтишка стремятся каким-то изощренным способом отомстить обществу за то, что оно предоставило им так мало возможностей для получения удовольствий и проявления снедавшей их гордыни.

Но, принимая все это во внимание, один громоздкий и неудобный вопрос остается без ответа: диктовалась ли такая месть разочарованием в самом себе? Был ли способен человек, это создание природы, под влиянием какого-то сильного психологического стресса, в силу все той же причины излучать какую-то особую психическую энергию, превращая себя в властителя над людьми, ведущими обычную, здоровую жизнь? Разве это случайность, что во всех религиях мира существуют три великие фрустрации, то есть психологические крушения? Это — безбрачие, пост и бедность, которые стали признанным горючим материалом, способным в результате своего горения вызывать видения, рассматриваемые как проявление высшей духовности?

— Не думаю, что вы должны разделять вину за гибель мисс Айтчисон, — постарался успокоить Фостину Базиль. — В науке существует разумное соответствие

между нужными доказательствами и вероятностью существования того, что вы намерены доказать. По сути дела, требуется немного свидетельских показаний, чтобы самым убедительным способом подтвердить все уже имеющиеся в распоряжении факты. Но если вы хотите доказать то, что противоречит установленным фактам и разработанной теории, то вам потребуются для этого горы безукоризненных свидетельств, для собирания которых нужен труд многих поколений. Полиция считает, что смерть мисс Айтчисон наступила в результате чисто материальной причины — высокий каблук, длинная юбка, распоротая подкладка, пролет каменной лестницы, на котором она сломала себе шею. Здесь нет ничего таинственного, кроме показаний Бет Чейз, но тринадцатилетняя девочка — это не самый надежный свидетель. Я убежден, что в Бреретоне замысливается зло, и я еще не вполне уверен, что оно, это зло, бесплотно. Все это напоминает мне... между прочим, вы составили свое завещание?

Фостина глубоко вздохнула.

— Еще нет.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Вы же знаете, что из родственников у меня никого не осталось. Мне даже в голову не приходило, кому я могу передать в наследство кое-что из своей собственности.

— Тогда выберите кого-нибудь наобум — пусть это будет случайный знакомый, в общем, кто угодно. Всегда впоследствии можно изменить завещание, скажем, в случае вашего брака или появления каких-то близких друзей. Но ни один человек, которому, судя по всему, грозит опасность от неизвестного субъекта, не может идти на риск, не составив предварительно завещание. В таком случае из вашей смерти может извлечь выгоду любой.

Фостина рассеянно улыбнулась.

— Если бы у меня была какая-то стоящая собственность, то такой шаг имел бы смысл. Но в моем положении никто от моей смерти не получит никакой выгоды, независимо от того, умру я, оставив завещание, или же вовсе без него.

— Завтра я навещу мистера Уоткинса и попытаюсь выведать у него что-нибудь относительно связей вашей семьи, несмотря на то, что он выработал какую-то дикую заморскую привычку принимать посетителей в такую рань. Для этого мне нужно будет встать в пять утра. Я позвоню вам завтра вечером.

— Меня не будет.

— Почему?

— Мне необходим отдых и полное одиночество. Я хочу улизнуть от всех этих назойливых репортеров, отправиться в свой коттедж и провести там остаток зимы.

— Не делайте этого, — запротестовал Базиль. — Еще не время. Если вам не нравится этот отель, найдите другой. Но я прошу вас оставаться здесь, в этом большом, ярко освещенном, шумном отеле, где полно швейцаров и лифтеров. Обедать ходите в главный ресторан. Никогда не гуляйте одна. Держитесь ближе к людям. И, пожалуйста, закрывайте на ключ двери своего номера. Я вам скоро позвоню и дам о себе знать.

— Закрывать двери на ключ! — рассмеялась Фостина. — Вы думаете, запертая на ключ дверь может помешать, если... придется узреть своего «двойника»? Это как раз и произошло однажды с Гете.

— Значит, вы сами никогда его не видели?

— Только раз, но это было мимолетное видение. Теперь я даже не уверена, что видела. Это было в тот вечер, когда я уезжала из Бреретона. Я стояла на верхней площадке передней лестницы. Ниже на лестнице находилась миссис Лайтфут. Мне показалось, что я увидела какое-то движение в сгустке теней в самом низу лестницы, больше ничего. Но поведение миссис Лайтфут заставило меня заподозрить, что она видела все более отчетливо. Что бы там ни было, но ее это сильно расстроило.

— А вас?

— Я не испугалась. Если бы все кончилось этим, то я бы пережила. Какое-то еле уловимое движение в тенях, за освещенным пространством... Меня бы, вероятно, не смутило появление женщины, издали похожей на меня, при неясном свете в течение нескольких секунд, да-

же если в эту минуту рядом со мной стояли свидетели. Это могло быть чем-то, но могло быть и ничем, скажем, оптическим обманом. Я могла бы даже смело заглянуть в лицо этой женщины, если бы увидела его на каком-то расстоянии. Это тоже можно было объяснить каким-нибудь ловким трюком или иллюзией. Но представьте себе, если этим не ограничиться...

— Но что же еще может приключиться?

— Неужели вы и в самом деле не понимаете? — Фостина понизила свой и без того тихий, дрожащий, словно в ознобе, голос. Ее тонкие руки впились в подлокотники стула. — Представьте себе, как в один прекрасный день или ночью, когда я в полном одиночестве сижу в своем номере в отеле, погасив свет и заперев дверь на ключ, передо мною вдруг появляется чья-то фигура, приближает свое лицо к моему, и я вижу, что это мое собственное лицо, его точные очертания, все отдельные памятные детали, каждый дефект, как, скажем, вот этот прыщик на щеке. Тут уж не может идти речь ни о подделке, ни об иллюзии. Если такое случится, то у меня больше не останется никаких сомнений в том, что это я сама или какая-то часть меня, моего тела путешествует в неизвестных весах. Мне, конечно, так никогда и не станет известно, каким образом я туда попала, почему я там оказалась или что я там делала... Я буду знать только одно — что я там была. И я стану испытывать страх перед этой частью самой себя. Можете ли вы представить себе тот смертельный шок, который мне придется в таком случае испытать? Мне придется поверить в реальность происходящего перед глазами и умереть...

— Оставьте эти мысли, — успокоил ее Базиль. — Ничего подобного не произойдет, и вы сами прекрасно знаете об этом...

Он был гораздо честнее с самим собой, чем многие люди, получившие гуманитарное образование. Несколько минут спустя, выйдя из отеля, он, задрав голову, начал разглядывать эти вечно бодрствующие звезды — яркие, молчаливые, безличностные и немыслимо далекие от нас, если только все предположения астрологов имеют под собой реальную почву. В университете его учили, что чем дальше отрываешься от земли, тем становится

значительно холоднее. И вот в ходе последних исследований выявлены какие-то альтернативные слои холода и тепла, во всяком случае, на том расстоянии, куда ученым удалось доставить свои теплоизмерительные приборы. Никто из них не смог объяснить, почему там, вверху, не было сплошного холода, как предполагалось раньше.

Базиль продрог и поднял воротник пальто. Стук его каблучков об асфальт гулко разносился в холодной, ночной тишине. Подойдя к перекрестку, он пробормотал: «Кто я такой, чтобы с уверенностью утверждать, что может, а что не может произойти в этом почти незнакомом нам мире?»

Глава десятая

Но нам неведомо, что уж судьба,
Вытаскивает сеть из жизни тины,
И в ней сверкнешь, как миру похвальба
В последний раз, Фастина...

Настойчивый стук в дверь слуги Юнипера прервал здоровый сон Базиля, длившийся несколько часов. Проклиная эксцентричное время приема посетителей, установленное Септимусом Уоткинсом, Базиль с трудом поднялся с постели и усилием воли заставил себя встать под холодный душ, отчего его кожа тут же покрылась синеватыми пупырышками, хотя холодная струя и не принесла желаемого ощущения свежести. Низкие, серые облака затемнили рассвет. Расстилавшийся по земле туман затягивал белой пеленой город. Базиль прошагал два квартала к гаражу, где стояла его машина.

Он знал Уоткинса только по его репутации. Этот человек принадлежал к клану адвокатов, которые никогда не являлись в суд, но, несмотря на это, он на протяжении полустолетия был консультантом и доверительным лицом почти половины владельцев громадных состояний в Нью-Йорке. Он направлял деятельность их трестовских фондов, улаживал брачные и бракоразводные дела, исполнял их волю, хранил перечни ценных бумаг. Он пользовался такой широкой популярностью и так редко показывался на людях, что почти превратился в легенду. Бесконечные анекдоты лишний раз подчеркивали мудрую гибкость его ума и здравомыслие его жизненных суждений, но у Базиля, как и у большинства людей, не было ни малейшего представления о том, кем является этот человек, лишенный ореола привычного мифа.

Без десяти шесть холл большой конторы, расположенной на пересечении Бродвея и Уолл-стрит, был пустым, если не считать скучающего лифтера и уборщицы, устало водившей грязной шваброй по выложенному мозаикой мраморному полу с медными вкраплениями. Выйдя из лифта на двадцать шестом этаже, Базиль остановился у двух соединенных дверей с непрозрачным стеклом, за которыми не горел свет. Большими буквами на стекле было начертано: «Уоткинс. Фишер. Андервуд. Вэн Арсдейл и Трэверс». Он pokrutil ручки. Обе две-

ри были заперты. Он обнаружил маленькую кнопочку в стене и нажал ее. После четвертого звонка он начал подумывать о том, уж не водил ли умышленно за нос людей Уоткинс, изобретя такой простой способ, чтобы отбиваться от напора посетителей. Он уже хотел повернуться и направиться обратно к лифту, как вдруг стекло двери изнутри окрасилось желтоватым цветом, и она широко распахнулась. На пороге стоял щупленький живой человечек. С седыми, но густыми выющимися волосами, широким скуластым лицом и розоватыми щеками. Он казался мужчиной средних лет, волосы которого преждевременно поседели. Но ведь Септимусу Уоткинсу было уже за семьдесят.

— Надеюсь, мистер Уоткинс на месте в столь ранний час? — Базиль все еще никак не мог поверить в реальность такого необычного для приема посетителей времени. — Не передадите ли ему, что пришел доктор Уиллинг.

— Я и есть Уоткинс. Проходите, пожалуйста. Вы, должно быть, доктор Уиллинг, психиатр? Моя контора прямо по коридору. Сюда, пожалуйста.

Они прошли через просторную приемную, длинный коридор, через три частных офиса — просторных, пустых и неосвещенных. Наконец, он толкнул какую-то дверь в угловом офисе, который был больше других; из его окон по обеим сторонам открывался чудесный вид на нью-йоркскую бухту. Болезненное ноябрьское солнце боролось с белым плотным туманом, все еще закрывавшим небоскребы.

Базиль остановился перед камином из рыжевато-коричневого мрамора, в котором желтые языки пламени лениво лизали березовые поленья, удаляя из помещения утреннюю прохладу.

— Я не видел, как топят камин дровами со времени моего пребывания в Лондоне. Вы здесь готовите свой обычный пятичасовой чай?

Уоткинс ответил сердечной, открытой улыбкой человека, которого никто не сумел ни смутить, ни обмануть за все эти долгие годы.

— Я привык к определенному комфорту везде, где бы ни находился. Я не очень люблю чай, но у меня есть

небольшой бар за этой панелью. Если хотите выпить, нажмите кнопку.

— Нет, благодарю вас.— Базиль вновь полюбовался панорамой самого крупного в мире морского порта.— Не удивляюсь, что вы приходите сюда так рано. На вашем месте я вообще бы переехал сюда жить.

— Но я здесь так рано не по этой причине,— сказал Уоткинс, и в его голубых глазах проскочила хитрая искорка.— Вы, вероятно, были этим удивлены? Но я постараюсь вам все объяснить по порядку. Много лет назад, когда у меня была не столь обширная клиентура, я пришел к выводу, что деловому человеку постоянно мешают люди, которым просто некуда девать время. Решительно настроенная секретарша может оградить от явных надоед, от агентов по страхованию, продавщиц, торгующих шелковыми чулками, от самозванных филантропов, ходатайствующих об организованном милосердии, и просто от обычных бродяг, которые являются сюда за подаванием.

Она может даже отвадить нахальных репортеров, окружных руководителей, обычных «чайников» или просто мошенников. Но что вы прикажете делать с собственными клиентами, со своими партнерами, если они приходят ко мне, чтоб просто посидеть и потрепаться. Ведь нельзя же работать, когда они здесь торчат, но у вас не будет никакой работы вообще, если они прекратят появляться в конторе.

В конце концов я остановился на таком решении. Я назначаю особые часы для приема. Каждый день я прихожу в свой офис и нахожусь здесь с шести до семи утра. Я никому не отказываю в приеме, особенно тем, кто желает поговорить со мной лично, независимо от того, какой пост этот человек занимает и какое дело или отсутствие такового привело его ко мне.

Но здесь и кроется большое «но». Чтобы встретиться со мной, он обязан явиться ко мне в контору к шести утра. Значит, он должен встать с постели в пять, а то и в четыре тридцать. Из моих наблюдений за природой человека я сделал предположительный вывод, что ни один клиент не поднимается в такую рань только ради того, чтобы потрепаться со мной, не имея при этом никакого действительно важного дела.

— И вы оказались правы в своих расчетах?

— За последние двадцать три года мне пришлось только дважды толочь воду в ступе, принимая многоречивых визитеров, которым, в сущности, нечего было сказать. Я не имел против этих двоих ничего. Я понимал, что если им нравилось столь бездарно терять время, что ради этого они были готовы встать в пять утра, то они, конечно, заслуживали с моей стороны определенного внимания.

Большинство клиентов, узнав, что им предстоит прийти сюда к шести часам, если только они хотят застать меня в конторе, предпочитают встречаться с моими партнерами в более удобное для них время и обычно просят передать мне подробности интересующего их дела. Вы удивитесь, как мало у меня посетителей, но я все же рассматриваю свои условия как дело чести и никогда не отказываю никому в личной встрече, если только проситель возьмет на себя труд и явится ко мне в указанное время. И я на самом деле уверен, что за этот только один час никем не прерываемой работы я выполняю больший ее объем, чем за восемь часов, когда мне мешает постоянный поток посетителей. Само собой разумеется, я отключаюсь ровно в семь, перед отъездом. Всю оставшуюся работу я забираю с собой домой.

Базиль горько улыбнулся.

— Хорошо, мистер Уоткинс, я постараюсь быть не очень многоречивым. Мое дело не имеет абсолютно никакой важности для вас, но весьма важно для меня, иначе я бы не стоял здесь перед вами.

Уоткинс рассмеялся.

— В этом вся суть. Если это важно для вас, то я слушаю. Я всегда был против людей, донимающих меня «делами», не имевшими и для них абсолютно никакого значения, и приходящих, чтобы послушать самих себя. Садитесь, пожалуйста, и рассказывайте, что вас привело ко мне.

Базиль сел лицом к окну, повернувшись спиной к огню.

— Вы, или по крайней мере ваша фирма, действуете в качестве опекуна некой мисс Фостины Крайль. Мне хотелось бы узнать, кто унаследует ее собственность в случае ее внезапной смерти.

В глазах Уоткинса сразу же исчезли озорные искорки.

— Адвокаты не вправе предоставлять подобную информацию случайным посетителям.

— Я не совсем случайный. Я — помощник по медицинской части окружного прокурора и к тому же друг мисс Крайль. Вам известно что-нибудь о тех обстоятельствах, при которых она покинула Бреретон?

— Мне только известно, что она оттуда уехала, — осторожно ответил Уоткинс. — Она не сообщила мне причину отъезда. Во всяком случае, ей нечего особенно расстраиваться. В день своего тридцатилетия, в ноябре будущего года, она получит неплохое Христово яичко в виде своего наследства. Ее собственность в любом случае останется неприкосновенной.

— Я не говорю о ее собственности, — сказал Базиль. — Меня скорее беспокоит ее здоровье, может, даже и жизнь.

— Она консультировалась у вас как у психиатра?

— Нет, она не входит в число моих клиентов. Она консультировалась со мной как с другом. Но, как психиатр, я не могу закрывать глаза на то, что ее нынешнее положение в конечном итоге может сказаться на ее психическом здоровье. Не обратили ли вы внимание на тот факт, что последние два года она потеряла одно за другим два места. Не кажется ли вам, что в этом есть что-то странное? И всякий раз это случалось через несколько недель после начала учебного года. Оба раза ей пришлось расторгнуть договор.

— Будучи единственным попечителем мисс Крайль, я бы хотел узнать поподробнее о переживаемых ею трудностях. Может, вы сочтете мое любопытство за покушение на то доверие, которое она оказывает вам?

— Думаю, что нет. В любом случае я готов поступиться ее доверием, если это спасет мисс Крайль.

— Спасет? Но от кого?

Базиль кратко изложил адвокату приключения Фостины в Мейдстоуне и Бреретоне. Уоткинс внимательно его слушал. Когда Базиль закончил, в кабинете повисла напряженная тишина. Затем Уоткинс встал со своего кресла.

— Поразительную историю рассказали вы мне, док-

тор Уиллинг! Я слишком стар и умудрен опытом, мне ведь приходилось сталкиваться со множеством странных случаев, поэтому я не намерен отмахиваться от всего этого, как от истерики какой-то школьницы. Однако это не означает, что я принимаю объяснения, связанные с проявлением сверхъестественных сил. Не знаю, что и сказать.

— Я нахожусь точно в таком же положении. Но ведь существует вероятность, что у кого-то есть вполне определенный мотив, чтобы довести мисс Крайль до самоубийства или до безумия. Такой мотив может диктоваться каким-то психопатическим злым умыслом, но может объясниться и самой прозаически-материальной причиной в мире — собственностью. Вам известны наследники мисс Крайль или, может, наследник?

— Да, известен. У нее только один наследник.

— Кто он?

— Это я... — Уоткинс улыбнулся, заметив удивление на лице Базиля. — Видите ли, я не был до конца с вами откровенен. По закону я являюсь наследником мисс Крайль. В соответствии с завещанием, составленным ее матерью, если мисс Крайль постигнет безвременная смерть до ее тридцатилетия, то мне перейдут некоторые предназначенные ей драгоценности. Но между мной и ее матерью было заключено вербальное соглашение, по которому в таком случае я должен буду передать их некоторым лицам. Их имена она не пожелала внести в завещание.

— Не могли бы вы мне их назвать?

— К сожалению, я не вправе этого делать.

— Можете ли вы назвать их мисс Крайль?

Уоткинс отвел глаза в сторону и устремил взгляд через ближайшее к нему окно на бухту. Где-то внизу виднелся шпиль церкви Святой Троицы, а сама она была похожа на какого-то карлика, приютившегося среди гигантских офисов финансового мира.

— Нет, этого я тоже не могу сделать. Видите ли, дело мисс Крайль крайне необычно. Я расскажу вам то, что могу, так как, по-моему, это — кратчайший путь, который позволит вывести вас из заблуждений и исключить абсурдное предположение о том, что любая угроза в отношении мисс Крайль может исходить только из одного

направления — моей конторы. Но я буду вынужден опустить все имена. И прошу вас не разглашать наш разговор. Особенно нежелательна его передача самой мисс Крайль. Мне известна ваша добрая репутация. Я вам оказываю доверие, поэтому и вы должны вести себя соответственно в столь деликатной ситуации. Думаю, мне лучше рассказать обо всем самому, чем побуждать вас заниматься расследованием прошлого мисс Крайль.

— Значит, у нее есть прошлое?

Глаза Уоткинса сузились, а губы плотно сжались. На лице появилась какая-то скоротечная гримаска, словно он в данный момент тужился, чтобы сконцентрировать все свои умственные способности.

— Эта несчастная девушка Фостина Крайль — незаконнорожденный ребенок. Ее мать была — ну, как это назвать поделикатнее? — одной из тех, которых Киплинг первым назвал «представительницами древнейшей профессии на земле». Теперь мы знаем гораздо больше о доисторических нравах и отдаем себе отчет, что проституцию можно считать самой современной профессией. Здесь нет никакой собственности, не существует брака, а там, где нет брака, нет и порока.

— Значит, ее мать была проститутка? — воскликнул, не веря своим ушам, Базиль.

— Если выразиться точнее — куртизанкой, выдержанной в лучших традициях Нинон Д'Анкло. — Улыбка сузилась, стала более интимной, вероятно, он про себя смаковал какой-то скандал, выхолощенный неумолимым временем.

— Крайль — это ее настоящее имя. Но в кругу подобных ей профессионалок она была известна под другим.

— Вы, конечно, мне его не назовете.

— Думаю, лучше этого не делать. Она родилась в Балтиморе и была дочерью человека, который сочинял религиозные песнопения. В девяностых годах она убежала из дома и очутилась в Нью-Йорке, а затем в Париже. Там она стала звездой «полусвета» — одной из тех парижских гурий, которых с такими подробностями и с таким блеском описывал Бальзак. Она, по сути дела, была простой американской провинциалкой, но от своих великолепно образованных любовников научилась гово-

рить и писать на прекрасном французском языке, разбираться в музыке, понимать толк в искусстве и беллетристике... Это, конечно, непонятно американцу вашего поколения! Только Париж в девятнадцатом веке и Афины в век Перикла рождали таких женщин. Эта истинная представительница «полусвета» обладала всем, что имели наиболее знаменитые светские дамы, за исключением одного — права на законный брак и соответствующий статус, который этим браком приобретается. Она вела более роскошную жизнь по сравнению с любой респектабельной женщиной. У нее было состояние, она энергично занималась общественной деятельностью, пользовалась любовью и даже уважением со стороны своих обожателей. В наше время, молодой человек, даже порок мог обладать какой-то изысканностью. Но вашему поколению этого никогда не понять. Я говорю, что она была куртизанкой, но что это вызывает в вашем сознании двадцатого столетия? Накрашенные волосы, кроваво-красные ногти и особые слэнговые словечки типа «фрайер». А эта женщина была наделена умом. Она обладала превосходными манерами.

— А кто отец Фостины?

— Этот человек был нью-йоркцем и вложил крупные деньги в торговое судоходство. В 1912 году он без лишнего шума хотел получить развод от своей супруги и ради этого отправился в Париж. Там он нарочно разъезжал в роскошном авто с этой женщиной в Булонском лесу, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание. Одной-единственной прогулки с ней в открытом автомобиле было достаточно, чтобы шокированный таким пассажем пуританский суд признал это неопровержимым доказательством супружеской измены с его стороны. Для этой цели из Франции в Америку были доставлены свидетели, и таким образом он добился от жены желанного развода. В это время широкое распространение получили слухи о том, что он заплатил соучастнице тысячу долларов за привилегию прокатиться с ним в открытом автомобиле в общественном месте и использование ее имени на бракоразводном процессе. Она поставила условие, что он, доставив ее до порога дома, там и распрощается с ней навсегда, не претендуя больше ни на что, кроме, может, поцелуя руки. Но... Фостина — ребенок этой парочки.

— Выходит, они не расстались на пороге ее дома?

— Тогда они расстались. Но затем произошло нечто экстраординарное. А может, ничего такого особенного в этом и не было. Вероятно, она отлично знала свое ремесло. Может, та невероятная выдержка, которую она продемонстрировала во время их выезда в парк, входила в разработанный ею план. Видите ли, он отводил ей роль подставного лица. Эта женщина, в компании которой его все видели, должна была стать предлогом для развода. Однако эта женщина, которая стала для него лишь удобным поводом для осуществления своих замыслов, радикальным образом перевернула его жизнь: он без памяти в нее влюбился. Что, трудно в это поверить? Годы, проведенные в Париже, настолько отточили ее ум, что она стала самой интеллигентной и красивой женщиной, ее волосы казались снопом огня, кожа — белым снегом, а тело у нее было, как у Афродиты с картины Боттичелли...

— Вы близко знали ее в то время? — спросил Базиль и тут же спохватился, осознав, что выражение в таком контексте приобретало несколько иной смысловой оттенок.

— Да, мне была предоставлена такая привилегия, — просто, без подтекстов, ответил Уоткинс, но в его старых глазах промелькнула озорная искорка. — Кроме всего прочего, я был и адвокатом этого богача.

— Вот, значит, каково происхождение этой робкой, анемичной, мечтательной девушки! — Базиль старался обдумать все, что ему пришлось услышать о Фостине.

Уоткинс недоуменно пожал плечами:

— У нас в те времена бытовала поговорка — при флирте зачинают ханжу.

— Подозревает ли она об истинном положении вещей?

— Думаю, что нет. Как ее опекун, я исполнил все пожелания родителей и утаил от нее эти сведения. Поэтому я и не хочу, чтобы вы передали Фостине наш с вами разговор. Она подвержена условностям и вообще чрезвычайно чувствительная девушка. Это еще больше подорвет ее моральный дух, который и без того никогда не отличался особой крепостью.

— А ее мать влюбилась... в этого человека?

На старые глаза адвоката набежала пелена, и он устремил свой взгляд снова на бухту.

— Какой же мужчина может до конца понять такую женщину, как она? Да и зачем ее понимать? Он просто ею наслаждался! — И вновь Базиль заметил, что адвокат прибегает в своей речи к глаголу с двусмысленным значением.

— Он привез ее в Америку, подарил небольшой домик в Манхэттене и летний коттедж в Нью-Джерси, который был ее собственностью много лет. Он получил развод от супруги, но на своей пассивности так и не женился. Даже тогда, когда она от него забеременела.

— Почему?

— Мой дорогой юноша, все началось в 1912 году. Мужчины этого поколения не женились на женщинах такого сорта. Думаю, что сегодня он бы это сделал. Ваше поколение стерло все разграничительные линии. Вы теперь не называете этих женщин представительницами «полусвета». Вы называете их либо хозяйками сомнительных салонов, либо манекенщицами, либо «звездами» и женитесь на них без особых угрызений. Ваш подход к этому делу известен, ваше слэнговое словечко «путана» обычно употребляется в сочетании с прилагательным «дешевая», и вы обычно относите это выражение только к заляпанной грязию, не имевшей успеха в жизни проститутке. Ваше поколение готово стерпеть любое нравственное падение, но только не экономический провал.

— А разве ваше поколение не порождало зло, уподобляя Еву женщине легкого поведения? — возразил Базиль. — И все только ради получения удовольствия от мерзкого разврата. Нет, наше поколение более реалистично и не обладает такой бессердечностью.

— Может быть. Я слишком увяз в старых идеях, и у меня нет никакого желания подвергать их анализу. Само собой разумеется, наши условности заставили Фостину страдать из-за того, чего она не знала и не понимала. Она родилась в 1918 году. Ее матери в то время было сорок три, а отцу за пятьдесят. Он знал, что долго не протянет. Болезнь сердца, которую унаследовала от него Фостина. Он хотел обеспечить свою маленькую дочь и ее пользовавшуюся скандальной репутацией мать, но без особой огласки, что могло лишь нанести вред ре-

бенку. Он посоветовался со мной, и я пояснил ему, что он может не упоминать в своем завещании их имена и не вызывать таким образом грандиозного скандала, так как существовали другие, законные наследники со стороны разведенной жены, которые непременно оспорят в суде правомочность включения в завещание пункта, касавшегося его любовницы. Я предложил ему сделать им дорогой подарок перед смертью, то есть сделать то, к чему теперь часто прибегают, чтобы избежать уплаты налогов на наследство. Но, к сожалению, за день до подписания сделки у него произошел сердечный приступ, и он умер, не оставив матери Фостины почти ничего, если не считать двух домов и нескольких драгоценных камней. Она пришла ко мне за советом. Мы решили сохранить коттедж в Нью-Джерси, а дом в Нью-Йорке продать. Эта сделка принесла достаточную сумму, чтобы обеспечить приличную жизнь Фостине, включая и расходы на ее образование. Я был против продажи драгоценностей, сегодня они могут принести приличные деньги.

— Что вы называете приличными деньгами?

— Что-то около двадцати или тридцати тысяч долларов. Я не могу назвать вам точную сумму, так как давно не проводил переоценку, а рынок, как вы знаете, меняется постоянно. Речь идет о рубиновых серьгах, которые сегодня стоят гораздо дороже, чем раньше, но сколько именно, я не знаю. Эти драгоценности были единственным капиталом, который мать завещала Фостине. Она очень опасалась, что дочь может либо потерять из-за своей неопытности единственный источник благополучия, либо растратить деньги, и поэтому настояла на составлении такого завещания, по которому она становится наследницей только по достижении тридцатилетия. Но такое решение породило тот же вопрос, который задали и вы: кто же получит драгоценности, если и мать и дочь умрут до достижения Фостиной тридцатилетнего возраста?

Когда я задал этот вопрос матери, она долго молчала. Затем ответила: «Я оказывала вам доверие многие годы. Теперь я хочу довериться вам еще в одном. В последний раз. Этот план созрел у меня давно. Есть имена, которые я не могу внести в завещание. Если я это

сделаю, то при его оглашении эти люди будут сильно уязвлены. Поэтому в своем законном, открытом для общественности завещании я оставляю все эти драгоценности вам. Но в частном порядке я представляю вам список близких мне людей. Напротив каждого имени будет опись ювелирных изделий. Если мы с дочерью умрем до достижения ею тридцати лет, вы передадите драгоценности указанным в списке лицам, либо их прямым наследникам».

Это была необычная просьба с ее стороны. Да и всю ситуацию не назовешь рядовой. Я сразу понял, куда она клонит,— в списке были перечислены ее любовники, мужчины, которые когда-то подарили ей эти драгоценности. Большая часть из них, вне всякого сомнения, попала к ней в руки из семейных реликвий, и совесть этой романтически настроенной женщины начала тревожить ее в зрелом возрасте. Если Фостина оказывалась не в состоянии ими воспользоваться, то она хотела вернуть их женам и дочерям, у которых на них было какое-то сентиментальное право. Ну вот, чтобы защитить собственную репутацию, я направил ее к другому юристу, который и составил завещание. В нем я фигурировал в качестве наследника Фостины в случае ее преждевременной кончины. Это завещание хранится в моем сейфе. Если я наследую эти драгоценности, то передам их перечисленным в документе лицам и сожгу список.— Он рассмеялся.— Как видите, и камин в кабинете пригодится для этого случая!

— Не сомневаюсь,— сказал Базиль, размышляя про себя о всех тех скандальных тайнах, которые, вероятно, в этой голове роились под пышной седой шевелюрой.— Сколько лиц ознакомлено с этим списком?

— О нем не знает никто, кроме матери Фостины и меня. Он хранится в большом конверте из плотной манильской бумаги, а на печати из красного сургуча виден след от ее большого пальца. Так как ее уже давно нет в живых, подделать этот документ, сами понимаете, не представляется возможным.

— Скольким лицам известно о существовании списка?

— Я никогда не говорил о нем никому, кроме вас.

— У меня к вам еще один вопрос. Можете ли вы назвать имена, внесенные в список?

Ответ последовал незамедлительно:

— Дорогой доктор Уиллинг, я не вправе сообщить вам об этом. Я не могу предать веру этой славной женщины в мою честность и порядочность. Я также не смею пятнать позором знаменитые уважаемые семьи, которые оказались вовлеченными в этот старый, давно забытый скандал. Но я могу лично заверить вас в том, что это не те люди, от которых вы вправе ожидать какого-то подвоха или прямого насилия.

— Можете ли вы мне гарантировать, что эти люди не прибегнут к подлогу или прямому насилию, если на них будет оказано давление со стороны? — резко возразил Базиль. — Все эти события, по вашим словам, произошли давным-давно. Но финансовое положение семей может меняться с поразительной быстротой. Сегодня, вероятно, кто-то из них испытывает острую нужду в живых деньгах, хотя бы в нескольких тысячах долларов.

— По-моему, ни одна упомянутая в списке семья не может рассчитывать на получение более пяти или десяти тысяч.

— А что произойдет, если несколько лиц из списка умрут, не оставив после себя наследников? Если в конечном итоге останутся две семьи или даже только одна, — могут ли они в таком случае получить крупное наследство? Скажем, сумму настолько большую, которая может сообщить неуравновешенному, предрасположенному к насилию сознанию еще один побудительный импульс, который заставит мужчину или женщину преступить черту закона?

— Сумма, соответственно, возрастет, если в итоге останутся два наследника или один. Само собой разумеется, — признал Уоткинс. — Но почему в этом случае вы ссылаетесь на возможность неуравновешенной психики?

— Если кто-то разыгрывает эти подлые трюки в отношении мисс Крайль, то психику того, кто все это задумал и осуществляет на практике, никак не назовешь уравновешенной. Женщины типа ее матери могут порождать в таком рассудке какой-то садистский раж, который может коснуться и дочери.

— Вы забываете об одном,— перебил его Уоткинс. Печать на пакете остается нетронутой до сих пор, и я никому не говорил о существовании списка. Кроме нас, само собой разумеется. О нем не знает даже Фостина. Ибо если бы я сообщил ей об этом, то она, несомненно, заподозрила бы, что от нее что-то скрывают, и тогда, вероятно, докопалась бы до истины и до всей этой истории, связанной с ее появлением на свет. Поэтому ни одному из этих семейств не известно, что фамилии некоторых их членов внесены в список.

— Вы уверены в этом? Ведь и сама мать могла сообщить одному из мужчин о внесении его имени в список перед смертью. А тот мог передать их разговор другим, например, своим наследникам.

— Вряд ли мать могла вести себя столь опрометчиво. Во всяком случае, смею на это надеяться.

— Я тоже.

— Доктор Уиллинг, в разговоре со мной вы произнесли слово «убийство», хотя и не подразумевали именно это. Давайте будем более откровенны друг с другом. Все убийцы — практичные люди. Они никогда не станут привлекать внимание к своей жертве, разыгрывая в течение целого года тщательно разработанную комедию перед исполнением своего плана, не так ли?

— Мне это неизвестно, как, впрочем, и вам.— Мягким тоном Базиль постарался сгладить остроту брошенной реплики.— Что вы намерены предпринять, если я сообщу о существовании списка в полицию?

— Хочу искренне надеяться, что вы не предпримете столь безрассудного шага, если только еще раз все трезво взвесите. Ведь пока ничего не случилось такого, что могло навести вас на мысль о существовании физической угрозы Фостине.

Базиль уже поднялся со своего места, намереваясь выйти из кабинета, но вдруг остановился:

— Мистер Уоткинс, может, вы все же дадите мне маленький намек? Встречаются ли в списке следующие имена — Лайтфут, Чейз, Вайнинг, Мейдстоун, Айтчисон?

— Ни один адвокат не даст ответа на подобный вопрос.

Когда Базиль вышел из кабинета, Уоткинс все еще недовольно хмурился. Что-то ему, видимо, не давало покоя.

Глава одиннадцатая

Какие, призраки, исчадья зла,
Кружат, не распевая гимна,
Над клумбою, куда вошла
И скрылась в ней Фостина?

Сумерки сгущались, переходя в ночную темноту, когда Базиль вернулся домой после целого дня, проведенного в психиатрической клинике. Еще до войны его низенький домик в нижней части Парк-авеню казался ему бледным подобием того особняка в Балтиморе, в котором прошло его детство. Но и теперь, после стольких лет, проведенных там, за океаном, он оставался для него родным домом и таковым, вероятно, останется навсегда. Он уже привык к этому району, полюбил его, особенно в этот поздний час,— поток автомобилей, движущихся по улице в центр города, размеренно шуршащие по асфальту шины, мягкий свет из зашторенных окон в невысоких одноэтажных домах по обе стороны улицы, широкой старомодной авеню, блестящие, как мишура, огни здания Грэнд Сентрал с его ярко очерченными контурами на фоне голубого вечернего неба. После дня работы, которая требовала от него постоянного, огромного внимания, приятно было представить, как его слуга, заслышав лязг дверной щеколды, тут же отправится на кухню и приготовит ему холодный коктейль с мартини, который он любил выпить перед обедом.

Но сегодня его сладостным мечтам не суждено было сбыться. Базиль, проходя по мраморному, в шахматную клетку, черно-белому полу вестибюля, заметил, как осторожно отворилась дверь, ведущая в комнаты, и из ее проема вынырнула коричневая, вся в морщинах физиономия Юнипера, который тихо предупредил его:

— Вас ждут в библиотеке, доктор Уиллинг. Мистер и миссис Чейз и мистер Вайнинг. Вы подниметесь к ним? Или мне сказать, что вы звонили и сегодня домой не придете?

— Нет, нет, благодарю.— Базиль сразу же позабыл о своей усталости. Он поднялся по лестнице в библиотеку, которая одновременно была и жилой комнатой, и его кабинетом. Услышав шаги Базиля, какой-то молодой человек быстро повернулся и распахнул настежь двери.

Лампа освещала его золотистые волосы, которые мелко курчавились на маленькой головке.

— Доктор Уиллинг? Прошу простить за вторжение, но дело не терпит отлагательства. Я — брат Маргэриг, Раймонд Вайнинг. Миссис Лайтфут посоветовала мне обратиться к вам за консультацией. Я взял на себя смелость привести с собой мистера и миссис Чейз. Это — родители Элизабет.

Элизабет? Маргэрит? Базилю потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, что эти звучные имена принадлежат двум маленьким девочкам, Бет и Мэг, которые рассказывали ему, как видели одновременно и Фостину, и ее «двойника».

Он не видел отчетливо мужчину и женщину, присутствовавших здесь, так как они сидели в тени светильника. Она сидела в кресле возле погасшего камина, и лицо ее было скрыто какой-то причудливой тенью, отбрасываемой полями странной, сверхсовременной шляпы. Ее темная одежда хорошо сочеталась с тусклым фоном комнаты; лампа высвечивала только блестящий мех, наброшенный на плечи, и зеленоватый отблеск изумрудов на ее маленьких, сухоньких руках. Мужчина стоял, повернувшись спиной к камину, широко расставив ноги. У него была короткая, медвежья фигура с какой-то грубоватой статью, и лысая голова, блестящая, словно натертая воском.

Стоя в проеме двери, Базиль почувствовал слабый запах лимонной вербены. Но когда он дошел до середины комнаты, запах улетучился. Он не мог точно определить, от кого из трех гостей исходил этот запах.

Доротея Чейз с сердитым видом обратилась к Базилю:

— Миссис Лайтфут сообщила, что вам известно гораздо больше, чем всем нам, об этом несчастном случае в Бреретоне. Как вы думаете, забрать мне Элизабет из школы?

— Мне кажется, Бет должна немедленно покинуть эту школу, — вставил Чейз. — Надеюсь, вы согласны со мной, доктор Уиллинг? Лично я в данном случае ничего не могу предпринять. Мы с Доротеей находимся в разводе, и она осуществляет опеку над ребенком.

— Я уже почти решил забрать Мэг из школы, — до-

бавил Вайнинг,— но хочу, чтобы мне толково объяснили, что там происходит. Я очень обеспокоен.

Но особого беспокойства на его лице не было заметно. Он стоял небрежно, опершись локтем о книжную полку. У него было узкое лицо и длинные ноги, лишенная бедер фигура, которую писатели викторианской эпохи называли «аристократической». Базилю часто приходилось встречать такую худосочность в семьях фермеров и фабричных рабочих, и поэтому он не верил, что костную структуру человека можно изменить через несколько поколений достатком и бездельем.

— Это такая чудесная школа! — недовольно ворчала Доротея. — Флойд, мой муж, никак не может понять, какую выгоду сулит Элизабет общение с теми девочками, которые учатся вместе с ней. Если забрать ее оттуда, то этот шаг может перевернуть всю ее жизнь!

— Но ведь есть и другие школы? — сухо отозвался Чейз.

— Для нее существует только школа Бреретон, и тебе это отлично известно. В Америке она то же самое, что школа Родиян в Англии.

— Но после всего того, что там произошло, вряд ли она впредь останется таковой!

— Миссис Лайтфут сказала, что ужасная мисс Крайль покинула школу навсегда.

В эту минуту в разговор вмешался Вайнинг:

— Чем же так ужасна мисс Крайль? Мне до сих пор неясна ее роль во всех этих историях. Скажите нам, доктор Уиллинг, мисс Крайль на самом деле была главным действующим лицом, или же она сама оказалась несчастной жертвой?

Базиль важно заметил:

— Судя по всему, жертвой стала Алиса Айтчисон.

Наступила короткая пауза, в которой чувствовалась напряженность. Первой тишину нарушила Доротея:

— Черт возьми, что вы имеете в виду? Ведь произошел несчастный случай? Не так ли?

— Несчастный случай произошел тогда, когда мисс Айтчисон увидела мисс Крайль в такое время и в таком месте, где она никак не могла оказаться, — продолжал Базиль. — По крайней мере такова версия вашей дочери. Падение с лестницы могло привести к гибели мисс

Айтчисон, но что заставило ее упасть? Тот факт, что она увидела мисс Крайль, и неожиданная встреча вызвала у нее сильнейший шок.

— Уж не считаете ли вы, что мисс Крайль намеренно пыталась запугать мисс Айтчисон? — спросил Вайнинг.

— Может, это была вовсе и не мисс Крайль, — ответил Базиль. — У нее есть алиби: в то время она находилась в Нью-Йорке.

— Тогда кто же это был? — воскликнул Чейз. — Что же там, черт подери, на самом деле произошло?

Чтобы ответить на этот вопрос, Базиль подошел к полке, на которой были собраны книги, трактующие о границах ненормальной психики человека. Он взял в руки книгу в коричневом выцветшем переплете, опубликованную сто лет назад, подошел к настольной лампе, стоявшей на камине, и открыл ее:

— Вот что, как полагают, произошло в 1845 году в Ливонии с девушкой по имени Эмилия Саже.

Он начал громко зачитывать текст, вглядываясь в желтоватые страницы с порыжевшими потрепанными краями. Пока он читал, тишина становилась все более глубокой. Ему казалось, что нервы его слушателей напряжены до предела и вот-вот могут просто лопнуть.

История, которую он зачитывал, была удивительно похожа на то, что стряслось с Фостиной Крайль. Только женская школа находилась в Вальмиере, в сорока восьми милях от Риги, а учительница была француженкой из Дижона, ей было тридцать два года. Вначале появились сообщения о том, что мадемуазель Саже видели в разных местах на большом удалении друг от друга, так что практически у нее не было времени, чтобы переместиться из одного пункта в другой. Затем две идентичные фигуры этой женщины были одновременно замечены целым классом — сорока двумя воспитанницами — во время занятий по вышиванию: одна фигура в течение нескольких секунд сидела в кресле в классной комнате, а другая в это время за окном рвала в саду цветы. В то время, как первое видение в кресле пребывало в полной неподвижности, девушка за окном передвигалась «медленной, тяжелой походкой, словно человек, либо не отошедший до сих пор после глубокого сна, либо страшно уставший».

— Помилуйте, но об этом как раз и рассказывала Бет, когда увидела мисс Крайль,— проворчал сквозь зубы Чейз.

Базиль захлопнул книгу и обвел взглядом слушателей. Доротея Чейз сидела, откинувшись на спинку кресла, а ее украшенные драгоценностями тонкие руки по-прежнему покоились на коленях. В темноте можно было различить только ее рот — надутые губки, окрашенные в ярко-красный цвет. Указательный палец, которым Чейз тербил тонкую полоску усов над верхней губой, подозрительно дрожал. Но выражение его глаз оставалось серьезным, и было заметно, что он чем-то озадачен. Вайнинг не изменил своей позы и по-прежнему стоял, облокотившись рукой о книжную полку. Но хотя поза его оставалась неизменной, в его поведении произошла перемена. Он, казалось, впился глазами в чтеца, словно боялся пропустить мимо ушей хоть одно словечко. Глаза у него были такие же, как и у его маленькой сестрички,— ярко-голубые, подернутые странной поволокой, и блестели словно звездочки из сапфира.

— Были отмечены и другие появления «двойника», даже более любопытные,— продолжал Базиль.— В конечном итоге родители всех сорока двух учениц забрали своих дочерей из школы, а мисс Саже была уволена. Она, как утверждают, безутешно рыдала и кричала: «В девятнадцатый раз, начиная с шестнадцатилетнего возраста, я теряю место из-за этого!» С того момента, как она покинула школу Нойвельке, следы ее теряются. Никто не знает, что с ней случилось. Одна из учениц, тринадцатилетняя баронесса Юлия фон Гульденштюббе, рассказала эту историю своему брату, который занимался исследованием психики человека. Благодаря его усилиям этот случай вошел в медицинскую литературу и стал для немногих специалистов классическим примером появления «двойника», или «doppelgänger», хотя он оставался неизвестен широкой публике до настоящего дня.

В 1895 году Фламмарион, оказавшись в Дижоне, проявил любопытство и заглянул в нотариальную запись о рождениях за 1813 год — в этот год, по-видимому, и родилась мадемуазель Саже. В записях фамилия Саже (Sageé) не упоминалась. Но 13 января 1813 года в книге регистраций занесено рождение ребенка жен-

ского пола, родившегося в Дижоне, по имени Октавия Саже (Saget), но в другой транскрипции. По-французски обе фамилии, хотя и пишутся по-разному, звучат одинаково. Любой человек, услышав это имя, не мог знать его точное правописание, тем более тринадцатилетняя девочка Юлия фон Гульденштюттбе, которая к тому же не была французенкой. Вполне вероятно, что она ошибочно назвала учительницу Эмилией, хотя ее звали на самом деле Октавианой. Но в книге регистраций после записи о рождении стояло одно слово, имеющее большое значение для сути дела. Это слово — *незаконнорожденная*.

Такое рождение могло объяснить странствующую или ссыльную жизнь, которую Эмилия или Октавия Саже, судя по всему, вела в Германии и России. Дижон — не большой провинциальный город. Трудно найти где-нибудь еще в мире более подчиненных условиям и более пуританских людей, чем во французской провинции, тем более в девятнадцатом веке. Можно вполне допустить, что сама Саже потворствовала изменению правописания своей фамилии с целью сокрытия своего происхождения. И если и существовала какая-то психологическая основа для необъяснимых событий, произошедших в школе Нойвельке, то корни такого состояния следует искать в психическом расстройстве этой весьма чувствительной девушки в результате воздействия на нее груза представлений о своем незаконном появлении на свет. Но это, конечно, чистой воды спекуляция...

Доротея вздрогнула и повернула голову. Теперь свет от лампы упал ей на лицо. Под маской из косметики Базилю удалось различить ту особую неловкость, которую обычно испытывают фривольные женщины, когда им приходится заставлять себя казаться невероятно серьезными.

— На самом деле, доктор Уиллинг? Не хотите ли вы убедить нас в том, что мисс Крайль и эта девушка-французенка на самом деле могли вызвать какой-то призрак? Но ведь это противоречит здравому смыслу и — она долго подыскивала нужные слова и, наконец, с видом триумфатора, заявила — настолько непрактично!

— Тем не менее во всем этом кроется одно весьма практическое обстоятельство, — возразил Базиль.

— Вы это серьезно? — Вайнинг не скрывал своей язвительной иронии. — В чем же оно проявляется?

— Я имею в виду тесную параллель, существующую между этими двумя случаями. «Дело Крайль», по сути дела, является чистым плагиатом «дела Саже».

— Кроме факта незаконнорожденности, — пробормотал Вайнинг.

— Предположим, — продолжал Базиль, проигнорировав слова Вайнинга, — что тот, кто хотел навредить мисс Крайль, случайно прочитал или услышал историю о мадемуазель Саже и решил повторить ее с какой-то низкой целью.

— Но каким образом этот злоумышленник мог навредить мисс Крайль? — спросил Вайнинг.

— Она уже потеряла два места.

— Два? — Доротея была искренне удивлена.

— Да, именно два. Но это еще не все. Я убежден, что эти происшествия отрицательно сказываются на ее психическом здоровье. Они могут довести ее до... последней черты. Но существует только один инцидент, который не вписывается в «образец» Саже, — гибель мисс Айтчисон. Если только она не стала случайной жертвой какого-то трюка, предназначавшегося для мисс Крайль.

— Если я правильно вас понял, то появление «двойника» в Бреретоне после отъезда мисс Крайль преследовало цель напугать мисс Крайль, которая, конечно, не могла об этом не узнать, — сказал Вайнинг. — Очевидно, предполагалось, что «двойник» должен напугать любого, кто его там увидит. Но вряд ли до такой степени, чтобы испуганный человек упал, прокатился по ступеням каменной лестницы и свернул себе шею. Это просто несчастный случай.

Ум Чейза не мог угнаться за быстрым мышлением Вайнинга.

— Позвольте мне во всем разобраться, Рэй. Вы хотите сказать, что этот «двойник» представляет собой какой-то подлог?

— Естественно, — ответил Вайнинг, теряя терпение.

— Но тогда... — Чейз поглядывал то на Вайнинга, то на Базиля. — Но как это можно сделать? Как можно до такой степени подделать наружность мисс Крайль и выглядеть настолько правдоподобно, чтобы Алиса, увидев ее, сильно испугалась и даже упала от страха?

Вайнинг переадресовал вопрос Базилю:

— Ну, что вы скажете на это?

Базиль в ответ только вздохнул.

— Очень хотелось бы самому узнать.

— Если фигура этой женщины была копией фигуры мисс Крайль, то, вероятно, весь трюк был проделан с помощью какого-то отражения,— предложила свою догадку Доротея.

— Но ведь мисс Крайль рисовала на лужайке за стенами дома, а «двойник» сидел в кресле в самом доме.— Базиль отрицательно покачал головой.— По словам вашей дочери, мисс Крайль выглядела точно так, как и «двойник», но они не занимались одним и тем же в одно и то же время. Никакой рефлектор не способен создать такую иллюзию.

— Все это чертовски странно,— неохотно признался Чейз.— Я все время думал о зеркалах. Разве можно передать какую-нибудь живую картину, не имея при этом экрана?

— Да еще в разгаре дня,— рассмеялся Вайнинг.— Думаю, что нельзя, Флойд. Кроме того, трудно представить себе, как кто-то незаметно доставляет в Бреретон кучу необходимой аппаратуры, а затем столь же таинственно исчезает вместе с ней. В пансионе трудно сохранить секретность.

— Тогда что же это было? — спросил Чейз.

— Я не в силах привести ни одного разумного объяснения,— сказал Базиль.— Как только мне кажется, что я нашел его, тут же возникает какая-то деталь, которая никак не вписывается в общую картину. В одном случае так называемый «двойник», судя по всему, подчинялся тому импульсу, который мисс Крайль в себе подавила, когда он обогнал миссис Лайтфут на лестнице. Таким образом, «двойник» мог быть видимой проекцией подсознательной мысли мисс Крайль. Не знаю, как все это разумно объяснить... Или чем вызвано замедление речи мисс Крайль, когда она разговаривала по телефону, а в этот момент мисс Айтчисон лежала на земле и умирала...

— Может, в этот момент она находилась под влиянием наркотиков,— предположил Чейз.

— Если это так, то их прием был рассчитан с по-

разительной точностью,— ответил Базиль.— Окажись я на месте миссис Лайтфут, я бы с радостью выпроводил из школы и Элизабет, и Маргэрит, включая и мисс Крайль. И я бы уволил Арлину Мёрфи.

Вайнингу такие слова пришлось не по вкусу:

— Не хотите ли вы сказать, что Мэг...

— Каким бы ни было объяснение, здесь где-то должен скрываться человеческий фактор. Если отдалить друг от друга всех, кто в этом был замешан, то, может, все эти странные явления прекратятся.

— Но могут и продолжаться,— резко возразил Вайнинг.— Благодаря вам, доктор Уиллинг, я принял решение. Моя сестра немедленно покинет Бреретон.

— И я требую, чтобы Бет немедленно ушла из этой школы. Ты слышишь, Доротея? Я обращусь в суд, если потребуется,— проворчал Чейз.

— Ну...— Доротея перебирала пальцами свои изумруды.— Может, на следующий год отправить ее в Партингтон? А до конца года я найму ей домашнего учителя. Но все это кажется мне ужасно... непрактичным. Какое отношение мы с Элизабет имеем к тому, что произошло в Ливонии сто лет назад?

Она поднялась, натягивая перчатки. Мужчины вышли следом за ней в вестибюль. Там, при ярком свете люстры над головой, она предстала перед Базилем как законченный образец искусства из какого-нибудь салона красоты — окрашенные хной каштановые волосы, румянец кирпичного цвета на щеках, пунцовые губы и ногти, густо намазанные краской ресницы, и под всем этим слоем искусственной красоты просвечивала старая, высохшая плоть, отмассированная, упомаженная кремами и пудрой. Все это отличалось такой кричащей безвкусицей, что Базилю пришел на память один смешной французский фарс, который ему довелось видеть много лет назад.

Невеста удаляется за экран, чтобы раздеться перед первой брачной ночью. Вначале на пол из-за ширмы летят ее одежды. Потом взлетает парик, фальшивые зубы, ресницы, стеклянный глаз, деревянные протезы рук и ног. Наконец, жених, теряя терпение от столь томительного ожидания, заглядывает за экран, а там никого нет. Только кучка одежды на полу. Может, этот шедевр

галльского остроумия и отражает в какой-то мере и первую брачную ночь Флойда Чейза?

Базиль заглянул в глаза Доротей, эту единственную принадлежность ее тела, которая так или иначе не была подделана. Радужная оболочка у нее была светло-коричневая, и, что особенно любопытно, ее глаза были какими-то мелкими и пустыми. Складывалось впечатление, что глядишь через слой воды в несколько сантиметров на скучное, мутное от грязи лицо. Эти глаза ни о чем не говорили.

Еще в вестибюле Доротей, намеренно игнорируя своего бывшего мужа, обратилась к Вайнингу с предложением:

— Моя машина поджидает возле дома. Не хотите прокатиться со мной до центра?

— С большим удовольствием.

Он отправился за ней через улицу к припаркованному автомобилю. Шофер предупредительно открыл дверцу.

Чейз стоял рядом с Базилем, держа шляпу в руке.

— Мне бы хотелось переброситься с вами парой слов наедине.

Базиль взглянул на него:

— Видите ли, у меня назначена встреча с приятелем в ресторане.

— Разрешите, я вас туда подвезу. Можно поговорить и в машине.

Базиль хотел было ответить отказом, но какое-то униженно-просительное выражение на лице Чейза заставило его переменить решение.

— Хорошо. Подождите минутку. Мне нужно оставить телефонный номер ресторана на случай, если позвонят из клиники.

Когда Базиль вышел из дома, Чейз уже стоял на тротуаре рядом с щеголеватым авто с откидывающимся верхом. Салон его был обит кожей бронзового цвета. Именно такую машину ему давно хотелось иметь.

— Ну что у вас? — спросил Базиль, когда их машина влилась в широкую реку уличного движения.

— Это касается... Алисы.

— Вы имеете в виду Алису Айтчисон? Ту самую преподавательницу, которая погибла в Бреретоне?

— Да. Видите ли... я любил ее.

Глава двенадцатая

Ты яду дашь им, скажем так, Фостина,
Что же еще?

Ресторан находился на Мэдисон-авеню — небольшой, тихий, уютный, только что отремонтированный и сменивший свой интерьер. Здесь подавали нежирные блюда с южно-африканскими острыми приправами. Но на него пока не натолкнулась ни одна знаменитость, поэтому за столиками почти никого не было. Базиль отдавал себе отчет в том, что, когда он придет сюда в следующий раз пообедать, столики в центре уберут и освободившееся место предложат в аренду. Здесь требуется шумная, назойливая реклама, столкновение точек зрения, всевозможные ухищрения, и все только с целью обратить на себя внимание потенциальных посетителей...

Гизела сидела за столиком в одном из кабинетов. Она сняла шляпку. Базиль сразу же заметил ее гладко причесанные волосы и тонкие очертания лица. Она набросила на спинку стула свое бобровое манто. На ней было серое платье, наглухо застегнутое серебряными пуговичками.

Она взглянула на Базиля с улыбкой, затем с удивлением перевела взгляд на стоящего у него за спиной незнакомого мужчину.

— Мистер Чейз решил пропустить с нами по коктейлю, — объяснил Базиль. — Ему это просто необходимо.

— Как мило с вашей стороны, что вы притащили меня сюда, — сказал Чейз, переводя взгляд с него на Гизелу и испытывая, видимо, при этом щемящую зависть. — Я только выпью что-нибудь и уйду. Но, по правде говоря, мисс фон Гогенемс, я очень рад представившейся возможности поговорить с вами, как и с доктором Уиллингом. Дело касается Алисы. Она вам рассказывала... о нас?

— Не очень многословно, — ответила Гизела. — Хотя она и говорила о своем намерении навсегда покинуть Бреретон.

Официант, подойдя к столику, принял от Базиля заказ. Чейз подождал, пока они снова не оказались втроем.

— Да, она приняла такое решение,— продолжал Чейз.— Ведь я сделал ей предложение.

— Ах, вот почему она вырядилась в этот оранжевый капот,— сказала Гизела.— Хотела предстать перед вами во всем блеске, несколько не задумываясь о том, что подумают об этом окружающие.

— Может быть. Хотя, конечно, мне было все равно, как она одета. Я бы продолжал любить ее, даже если на ней была бы надета мешковина. Когда я разошелся с Доротеей, то поклялся больше никогда не жениться. Но у Алисы было все то, чего не было у Доротей,— веселость, теплота, жизненная сила, человечность...

Официант поставил перед ними три бокала. Чейз с рассеянным видом чуть отхлебнул из своего, словно дегустируя напиток, и не выражал при этом никаких чувств.

— Вот почему с самого начала я был уверен, что это — не самоубийство. Ведь она была счастлива. Я это знаю. Она хотела жить. К тому же у меня еще много денег, несмотря на все усилия Доротей конфисковать все до цента. Я мог бы дать Алисе все, что она пожелала бы. Какая глупая, бессмысленная смерть, наступившая в тот момент, когда она была на пороге исполнения всех своих желаний.

— Несчастный случай,— перебила его Гизела.

Чейз остановил ее взглядом.

— Знаете, ведь очень просто сломать шею человеку. Нас этому обучали в армии. В определенном положении стоит положить ладони на голову человека, сделать резкий рывок в сторону, и шейные позвонки выскакивают.

Иллюстрируя такое действие, он поднял обе ладони с растопыренными пальцами вверх, удерживая их на одной высоте на расстоянии размера головы. Его рывок в сторону отличался какой-то противной четкостью и резкостью, словно он в этот момент демонстрировал отдавание воинской чести или какое-то упражнение из военной подготовки, что, естественно, нужно было использовать в подчеркнуто щеголеватой воинской манере...

— После этого можно выпустить тело из рук и не препятствовать его падению на лестничные ступеньки. Можно разорвать подол платья, отшвырнуть туфельку

в сторону. Все это займет несколько секунд. А потом по-
пробуй, докажи, что это не несчастный случай!

Гизела открыла рот: «Но...»

Чейз перебил ее монотонным, печальным голосом.

— Ее ненавидели трое: Доротея, моя бывшая супруга, Раймонд Вайнинг и Фостина Крайль. Доротея при мысли о моем новом браке испытывала страх и ревность. Особенно, если речь шла о такой молодой женщине, как Алиса, которая могла иметь от меня нескольких детей. Таким образом, все они могли претендовать по наследству на те деньги, которые в противном случае оставались бы у Бет. Рэй Вайнинг год назад был помолвлен с Алисой — глупая детская интрижка. Но, кажется, она его отвергла. Мне известно, что между ними вышла ссора. У Алисы был острый язычок, и, как мне говорили, ей нравилось поддразнивать Крайль.

— Мне как-то трудно представить женщину, которая ломает шею другой, — сказала Гизела. — Женщины скорее прибегнут либо к пистолету, либо к яду.

— Охваченная ревностью женщина в гневе способна на что угодно, — возразил Чейз. — Даже столкнуть другую женщину с каменной лестницы. А по словам Бет, мисс Крайль именно так поступила с Алисой... Скажите, мисс фон Гогенемс, вы сами что-нибудь видели?

— Нет, к сожалению, ничего. Только Алису, порванный подол ее платья и лежавшую в стороне туфлю.

— Может, какие-то следы?

— Нет, следов я не видела. Но тогда я и не старалась их обнаружить.

— Ладно. Думаю, все это напрасные надежды. Нам никогда не удастся выяснить, как именно умерла Алиса.

— Вы же знаете, что Фостина в это время была в Нью-Йорке, — продолжала Гизела. — Я разговаривала с ней по телефону как раз перед тем, как обнаружила труп Алисы.

— Насколько мне известно, мисс Фостина Крайль — единственный человек в мире, у которого никогда не будет алиби... Не знаю, что и думать! Спасибо за выпивку. Должен идти. Всего хорошего. — Чейз поставил пустой бокал, встал со своего места и зашагал по проходу между столиками по направлению к гардеробу.

Гизела посмотрела на Базиля.

— Как ты считаешь, что же на самом деле произошло с Алисой?

— Не знаю. Возможно даже, что сам Чейз ее убил. Ведь он мог выуживать у тебя сведения о том, заметила ли ты следы на месте преступления, или какие-то другие улики.

— Любовная ссора?

— Может быть, что-то в этом роде. Скажи, она на самом деле любила Чейза?

Гизела поморщилась.

— Но ты же видел и его, и Вайнинга.

— Вайнинг, конечно, более привлекательный тип для женщины.

— Думаю, что да. Конечно, о таких вещах трудно судить с уверенностью. Иногда довольно уродливые мужчины нравятся женщинам. А мужчин привлекают «прекрасные» уродки. Но нельзя не считаться с тем, что Чейз — состоятельный кавалер, а Алиса ужасно устала от тоскливой жизни обычной преподавательницы в школе... Какой ужас, если Бет Чейз на самом деле что-то видела вчера. Но может ли ребенок в таком возрасте обладать такой остротой ума, чтобы воспользоваться всеми историями, рассказанными в школе о Фостине, и тем самым отвести подозрения от своего отца? А может, все эти невероятные истории с Фостиной — лишь плод оптического обмана?

Базиль покачал головой.

— Не так все просто, дорогая. Миссис Лайтфут сказала мне, что Фостина была вынуждена оставить школу Мейдстоун в прошлом году по той же причине.

— Боже мой, но ведь в этой школе училась и Алиса!

— Да, и при этом Алиса всегда любила поддразнивать Фостину.

— Ты хочешь сказать, что Алиса подстраивала злобные трюки в обеих школах, чтобы досадить Фостине? Эти трюки дважды стоили ей работы. Затем каким-то образом Фостина обо всем узнала и явилась в Бреретон, чтобы отомстить Алисе?

— Но тогда кто же разговаривал с тобой по междугородному телефону?

— Я сразу узнала голос Фостины. — Гизела нахмурилась. — Я ни с кем не могла перепутать этот слабый,

вялый, далекий голос. И мне известно, что действительно звонили из Нью-Йорка. Коннектикутская полиция надела соответствующую справку в телефонной компании.

— Но некоторые люди обладают способностью подражать чужим голосам и делают это весьма искусно,— подчеркнул Базиль.

— Вряд ли Фостина прибегла бы к помощи другого человека и доверилась бы ему.

— Предположим, она притворялась, и телефонный разговор оказался мистификацией.

— Тогда исполнитель был обязан немедленно отправиться в полицейский участок после того, как вечерние газеты опубликовали сообщение о гибели Алисы. Нет, здесь кроется что-то другое. Мог ли трюк, разыгранный Алисой в отношении Фостины, каким-то образом отозваться на ней самой, испугать ее и даже вызвать глубокий шок?

— О каком трюке ты говоришь? Что могла на самом деле сделать Алиса, чтобы вызвать «двойника»? И каким образом это могло сказаться на ней самой?

На этот раз Гизела покачала головой.

— Я задавал себе этот вопрос десятки раз,— продолжал Базиль,— и не могу дать на него ответ. В Бретоне «двойника» видели четверо: довольно глуповатая горничная, две маленькие тринадцатилетние девочки и сама миссис Лайтфут. Взрослые свидетели — горничная и миссис Лайтфут — видели «двойника» при слабом, мутном свете. Никто из них не сумел разглядеть его лица. Никто не видел одновременно саму Фостину и ее... «заманку».

— Заманку?

— Да, если употребить это староанглийское слово. Его происхождение довольно трудно объяснить. Но, вероятно, призрак-двойник живущего человека называется «заманкой», так как его появление обычно символизирует предупреждение о скорой смерти человека. Мы ведь говорим о привлекательном, манящем лице. Такое выражение встречается у Диккенса. Обычно такой образ возникает при тусклом освещении, в сумерках, на заре, при лунном свете.

— Но эту вашу заманку или «двойника» видели в

разгар дня,—напомнила Гизела, пытаюсь опровергнуть его предположение.

— Да, но только дважды. Вначале две маленькие девочки, а потом только одна. Что касается Алисы, то мы уже никогда не узнаем, видела ли она кого-нибудь перед смертью. И только однажды «двойник» был замечен в тот момент, когда и мисс Фостина находилась в поле зрения. И этот самый странный инцидент опять же подтверждается лишь свидетельскими показаниями двух маленьких девочек.

— Но какой смысл им лгать? — спросила Гизела. — Они же на самом деле испугались. Бет даже упала в обморок, губы Мэг посинели и сильно дрожали. И я сама видела, в каком замедленном темпе Фостина совершала движения.

— Не думаю, чтобы они лгали сознательно, — ответил Базиль. — Но даже взрослые люди часто видят то, что хотят увидеть. Обе девочки, конечно, слышали все эти странные истории о Фостине до того, как увидели собственными глазами это — уж не знаю, что. Сплетни подготовили их психику к такому восприятию, и они могли сильно преувеличить сходство фигуры, сидевшей в кресле, с настоящей мисс Крайль.

— Но чья фигура была в кресле? И почему она там оказалась? Была ли это та самая фигура, которую видели в Мейдстоуне год назад?

Базиль вздохнул.

— Вначале я испытывал большой соблазн, хотел поехать в Вирджинию. Но все эти странные случаи произошли там год назад. И теперь тамошние свидетели вряд ли смогли бы вспомнить с большой точностью те детали, которые нам необходимо знать, — я имею в виду подробности об освещенности места встречи, дистанции, отдельные детали одежды и т. д. По словам самой Фостины, «двойника» в Мейдстоуне видели при всех видах освещения — утром, в полдень и вечером, но это всегда происходило на почтительном расстоянии.

— Мог ли, по твоему мнению, кто-нибудь отважиться на такой трюк и повторять его в течение года только ради того, чтобы потерзать несчастную Фостину?

— Ни один человек в здравом уме этого не сделает.

— Бет сказала, что Фостина протянула к Алисе руку и сильно толкнула.

— В результате Алиса могла испытать гораздо более сильный шок, если такой образ оказался нереальным.

— Или если Алиса считала его нереальным,— поправила ее Базиль.

— Ну вот,— рассмеялась Гизела.— Ты никак не можешь примириться с идеей, что такое вполне возможно! Мне это дается легче, так как я воспитывалась в Европе. Наша древняя цивилизация скептически относится ко всевозможным верованиям, даже к тем верованиям современной науки, к которым вы, американцы, проявляете прямо-таки религиозное рвение. Этого о нас, европейцах, не скажешь, так как наша цивилизация прошла через ряд интеллектуальных революций. Вновь и вновь приходилось замечать, как наука одного поколения становилась мифом для следующего. Мы помним, что науке об электричестве от силы два столетия. И ведь только какие-то десять лет назад ученые-физики с весьма солидной репутацией утверждали, что расщепление атома невозможно. Мы слишком хорошо помним печальную старую пословицу: *все пройдет...*

А прошлое всегда с нами, оно дает о себе знать. И в наших привычках, и в наших семьях, домах, наших книгах. Какой-нибудь старинный замок или крепость—это не только место, о котором мы читаем в книгах, там до сих пор живут люди. Странные вещи происходят в этих старинных жилищах типа Вассерлеонбург или Гламис. Но живущие там люди настолько привыкли к необъяснимым явлениям, что утрачивают перед ними страх и даже всякий интерес к ним. Вы либо начнете все отрицать, либо приступите к расследованию. А они просто улыбнутся и, пожав плечами, скажут: *«Все пройдет, и это тоже...»*

— Не пытаешься ли ты заставить поверить меня, что ты не испугалась бы, если бы вдруг столкнулась лицом к лицу с тем, что увидела Айтчисон? В своем первом письме, в котором речь шла о Фостине, ты не проявляла подобной смелости!

— Но тогда я не знала, как это все объяснить. Незвестное всегда наводит ужас. Но теперь я знаю и не вижу, отчего мне бояться любого изображения такой роб-

кой, застенчивой и беззлобной девушки, как Фостина Крайль. Если подобные явления существуют, то они составляют часть природы, так как, несомненно, ничего сверхъестественного в мире нет. То, что происходит, является естественным независимо от того, приемлемы такие инциденты для науки или нет. Только догматически настроенные скептики, вроде Алисы, могут впадать в глубокий шок в подобных обстоятельствах — ужасный шок, как результат внезапного расхождения между тем, во что веришь, и тем, что видишь на самом деле. Я бы не испытала шок, так как мне известны и другие случаи, подобные этому.

— А тебе самой приходилось испытать нечто подобное?

— Нет, не приходилось. Но моя прабабка Амалия де Буасси обладала кое-каким личным опытом. Ее отец служил во французском посольстве в России, и ее отправили в одну частную школу в местечке Вальмиера в Ливонии.

Базиль встрепенулся:

— Школа Нойвельке?

— Ты о ней слышал?

— Да, я слышал об Эмили Саже и о том, что там происходило. В конце концов моя профессия — психиатрия, и любое проявление паранормальной психологии представляет для меня особый интерес. А почему ты прежде не говорила мне ничего об Эмили Саже?

— Ты помнишь наш первый разговор о Фостине? В тот вечер в «Лебедином клубе»? Там я сказала тебе, что в моей зыбкой памяти хранится нечто подобное. Я как раз имела в виду историю с Эмилией Саже. Я слышала ее давно, когда была маленькой девочкой. Наверное, я так долго вспоминала этот эпизод, и, само собой разумеется, случай с «Воспоминаниями» Гете помог восстановить его в моей памяти. Когда тетя Амалия впервые рассказала об Эмили Саже, она также сообщила мне о том, что нечто подобное произошло с немецким поэтом Гете, и дала мне французское издание его «Мемуаров», в которых он сам рассказывает о своем поразительном опыте.

Если вспомнить историю Саже, то можно сказать, что она, в основном, напоминает историю Фостины, за

исключением одной детали — мадемуазель Саже была незаконнорожденным ребенком.

— И Фостина тоже. Но только, умоляю тебя, никому об этом не говори! Она ничего не знает.

— Боже, бедная Фостина...— Гизела явно растрогалась.— Вот почему она мне всегда казалась такой одинокой!

— Ее мать пользовалась дурной репутацией в Париже в начале века. Но она носила другую фамилию.

— Недавно я слышала псевдоним подобной женщины. Всего несколько дней назад... Сейчас... Алиса Айтчисон упоминала о ней, разговаривая с Фостиной в моем присутствии.

— Какое имя она назвала?

— Роза Дайамонд. Я слышала о ней постоянно. Она была королевой утонченного разврата в Париже в 1912 году, не так ли?

Базиль утвердительно кивнул. Роза Дайамонд. Это странное имя звенело в закоулках его памяти, вызывая отдаленные отголоски.

— Не она ли была замешана в скандальном бракоразводном процессе 1912 года? — задумчиво проговорил он.

— Не знаю.

— Вот это я и должен завтра выяснить. Да еще имя одного джентльмена, который фигурировал на процессе, если только Роза Дайамонд на самом деле была матерью Фостины.

— Если? Вероятно, она и есть. Только таким обстоятельством можно объяснить те грубые слова, которые произнесла Алиса.

— А что она сказала?

— Это произошло в день отъезда Фостины из Бретона. Мы обсуждали дизайн одежды Медеи в знаменитой греческой пьесе, разработанный Фостиной. Алиса заметила, что Фостина выбрала такой цвет костюма, который в Афинах носили только проститутки. Фостина возмутилась и призналась, что не знала этого. Алиса рассмеялась и заметила, что Фостине должно быть многое известно о традициях продажных женщин. И поинтересовалась, не слышала ли она что-нибудь о женщине по имени Роза Дайамонд.

— Но может ли ненормальный обладать таким печальным, неистощимым на выдумки чувством юмора? Базиль улыбнулся.

— Ненормальность — это, по существу, непредсказуемость. Вот и все.

В ответной улыбке Гизелы чувствовалась какая-то каверза.

— Из всех твоих предположений следует, что все это — искусно разыгрываемые трюки. Но представь себе на минутку, что существует такое явление, как нематериальный образ живого человека, который в течение какого-то времени могут наблюдать окружающие. А что, если Фостина и является одним из таких редких людей, которые бессознательно создают такой мираж человека?

— Ты разговаривала с миссис Лайтфут?

— Да, разговаривала, а почему бы и нет? Она удивительно интеллигентная женщина. Забудь про науку и подумай, не может ли выдвинутая ею гипотеза быть единственной, которая объясняет каждый шаг в деле о Фостине без всяких ухищрений и натяжек.

— На самом деле? — Его улыбка говорила о непреодолимом скепсисе.

Но Гизела продолжала совершенно серьезно.

— Ее версия объясняет все инциденты, произошедшие с Фостиной как в Мейдстоуне, так и в Бреретоне. И смерть Алисы могла предполагать, что все эти странные трюки дело рук самой Фостины или кого-то другого. Встретившись с Фостиной в Бреретоне, она не стала сплетничать и не понеслась сломя голову к миссис Лайтфут, чтобы посвятить ее в странные события, связанные с новой учительницей. Но она третировала Фостину, постоянно выражала к ней свое насмешливое презрение, которое обычно испытывают такие люди, как Алиса, к истеричкам или обманщикам. Когда же Алиса столкнулась лицом к лицу с обликом Фостины в разгар дня, зная, что я только что разговаривала с настоящей Фостиной по телефону, такая неожиданная встреча вызвала у нее глубокий шок, и она, поскользнувшись, упала на ступеньках. В таком случае, как видно, Бет Чейз говорила правду. Она ясно видела, что происходит у нее перед глазами.

— А теперь, прежде чем ответить на мой вопрос, хорошенько подумай. И постарайся быть поточнее: могла ли ты по выражению лица Фостины догадаться, что ей известно имя Розы Дайамонд?

— Честно говоря, не помню. Все, что тогда говорила Алиса, судя по всему, сильно задевало Фостину. А ей известна история ее матери?

— Адвокат уверяет, что она ничего не знает, но он может и ошибаться. Более того, мне придется прямо спросить об этом у Фостины.

— Но каким образом смогла Алиса разузнать о матери Фостины?

— И это предстоит выяснить. А как твоя тетка узнала, что мадемуазель Саже оказалась незаконнорожденным ребенком?

— Она не знала. Эти подробности годы спустя были опубликованы Фламмарионом, и я прочитала об этом у него.

— Тетка знала Юлию фон Гельденштюттббе?

— Нет, видишь ли, моя тетушка приезжала еще раз тринадцать лет спустя, в 1858 году. Там не осталось ни одной ученицы, знавшей мадемуазель Саже. Но еще жили старые слуги, которые знали ее. И эта история была хорошо знакома всем крестьянам в округе. Она стала неотъемлемой принадлежностью школы, ее традиций, что ли. Ее шепотом из уст в уста передавали девочки в своих спальнях, поздно ночью, сидя за чашкой шоколада в поздний час, когда все они давно должны были лежать в кроватях.

Базиль не смог сдержать улыбки.

— Вряд ли это — метод, позволяющий выявить все факты с полной научной достоверностью.

— Конечно, нет.— Гизела грустно улыбнулась в ответ.— Но одна деталь меня сильно поразила, когда несколько лет спустя тетушка вновь рассказала всю эту историю. «Двойник» Саже так часто появлялся в школе Нойвельке, что в конце концов девочки вовсе перестали его бояться.

— И ты хочешь, чтобы тебе поверили?

— Ты в этом не одинок. Я просто хотела тебе все объяснить. Такое часто случается, особенно с детьми. Ведь они не верят в то, что перед ними что-то невероят-

ное, не существующее на самом деле, так как они еще очень мало знают, и с трудом определяют, что возможно в этом мире, а что нет. По преданию, одна девочка настолько осмелела, что даже прикоснулась к «двойнику» Эмили Саже.

— И что она почувствовала?

— Одни говорят, что ощущение было похоже на прикосновение к туману, легкой прозрачной ткани. Другие вообще помалкивают по этому поводу. Разве можно дотронуться рукой до миража, отражения, даже если вы ясно их видите перед собой?

— Мне бы очень хотелось познакомиться с этой девчонкой! — заметил Базиль. — В ней чувствуется истинный научный дух, неподдельная смелость и мужество.

— Но почему она должна бояться того, что тихо, без всякого шума, на короткий промежуток времени появляется перед всеми и не причиняет никому никакого вреда? Все эти мимолетные видения не вредят человеку. Люди сами причиняют себе вред своими суеверными страхами!

— Как можно быть в этом уверенным? — резко возразил Базиль. — Если такие явления существуют на самом деле, то это, по сути, неисследованный континент. Тут все возможно. Не забывай, что, по словам Бетти Чейз, именно тогда, когда «двойник» протянул руку, Алиса упала и умерла.

Гизела после такого предупреждения несколько утратила свою самоуверенность. У нее расширились глаза, и в них отразилось беспокойство.

Базиль продолжал неумолимо развивать свою логику:

— Ты только что мне сказала, что Алиса поддразнивала Фостину именем матери. Если Фостина поняла такой намек, то она не могла не испытывать в эту минуту ненависти к Алисе, и такая ненависть могла привести к убийству...

— Нет, нет!

— Тебе известно, какое главное обвинение выносили ведьмам в средние века?

Гизела кивнула. Вид у нее был очень несчастный.

— Способность убивать человека на расстоянии? Но я в это не верю!

— Почему же? Ты ведь веришь другим, не менее странным явлениям. Или же только их приятные аспекты заслуживают веры? Ты говорила о старом мире, о его традициях. Но нельзя забывать одного: *не позволяй ведьме жить...* Миф и тайна, кажется, всегда в конечном итоге приводили к жестокости и насилию. Жиль де Рэ и Торквемада. Такова главная причина, в силу которой и в нашем новом мире оказывают яростное сопротивление любому возрождению различных ненаучных верований. В нас все еще живут представления о расовой ненависти, о камере пыток и кострах — темная погожая ночь, лишенная святости и сопровождаемая потрескивающим пламенем и воплями сгорающей на огне жертвы, а в остекленевших глазах верующих отражаются его красные блики...

— В твоих устах это звучит апокалиптически...

— Но так было на самом деле. Действительно, ужасно.

— Ваша современная наука заживо сожгла тысячи людей в Роттердаме, Ковентри и Хиросиме, а в средние века огню были преданы всего несколько сотен человек.

— Но разве одно преступление оправдывает другое?

— Станешь ли ты отрицать то, во что веришь, только потому, что в прошлом это привело к насилию?

— Не в большей степени, чем стал бы отрицать науку только за то, что несколько ученых воспользовались ею во вред другим.

К столу подошел улыбающийся метрдотель и позвал Базиля к телефону.

— Черт знает что такое, — нахмурился вернувшийся через некоторое время Базиль. — Срочное заседание ученого совета в больнице. Будут обсуждать вопросы финансирования. Так что придется идти. Заседание состоится вечером. Всегда что-нибудь да помешает... Позволь по крайней мере, проводить тебя на вокзал.

— Но я не еду поездом. У меня есть машина, одолжила у подружки-учительницы. И у меня возникла более интересная идея — давай-ка я тебя подброшу к больнице.

Больница находилась в каких-то десяти кварталах отсюда. Им обоим хотелось, чтобы в эту минуту она оказалась где-нибудь подальше. Выходя из машины, Базиль

наклонился и поцеловал Гизеле руку, лежавшую на баранке. Он помахал ей на прощанье, затем быстро взбежал на крыльцо и вошел в двустворчатые стеклянные двери.

Гизела сидела неподвижно. Перед ее глазами стелился этот долгий вечер, словно мираж в пустыне. Эмоциональный вакуум следовало непременно чем-то заполнить. *«Не нужно звонить мне. Просто приезжай, когда сможешь... Либо в пятницу, либо в субботу...»* Она резко повернула руль и поехала на другую улицу, ведущую к Пятой авеню, где, если ей не изменяет память, находилась заправочная станция. Замечательная авантюра! Прекрасный сюрприз для Базиля! Может, тем самым ей удастся пробить непроницаемую стену его скептицизма. А чего ей опасаться? Ведь все, что происходит вокруг, вполне естественно. Во всяком случае, так и должно быть, иначе ничего бы не случилось.

Какой-то полусонный человек в замасленном халате подошел к бензиновому шлангу.

— Заправьте, пожалуйста,— сказала Гизела.— У вас есть дорожная карта штата Нью-Джерси?

— Конечно, есть. Какое именно место вам нужно?

— Небольшая деревенька на берегу океана. Она называется Брайтси.

Глава тринадцатая

Тот дикий зверь, алкавший мяса,
Оставил плоть ее и кровь —
И прежняя, дождавшись часа,
Явилась нам Фостина вновь...

«Дворники» на ветровом стекле начали свой танец. Через чистые, отполированные ими прогалены Гизела видела расплывчатые огни уличных фонарей сквозь неподвижную пленку дождя, который поливал черный асфальт дороги. Монотонный ритм танцующих «дворников», равномерный гул двигателя оказывали на нее какое-то гипнотическое воздействие, убаюкивали, клонили ко сну...

Из темноты фары выхватили блестящий щит: «Вы въезжаете в деревню Брайтси». Шоссе становилось главной улицей деревни. Свет горел только в местной аптеке и на заправочной станции. Гизела въехала на заправку и остановилась.

— Не скажете, где находится коттедж мисс Крайль? — спросила она у долговязого мужчины в джинсах и рубашке-джерси.

— Это в трех милях отсюда, там, за деревней. Как раз между океаном и сосновым бором. Нужно будет потом проехать еще с милю по лесной дороге. Затем на развилке свернете направо и увидите коттедж. Это единственный дом у дороги.

Когда Гизела свернула с главной магистрали, мимо промчался другой автомобиль, выскочивший с проселочной дороги в тот момент, когда она выехала на нее. Она сумела различить его густо покрытое каплями дождя ветровое стекло и картонку, на которой большими буквами было написано «ТАКСИ». Встречная машина направлялась к деревне, и вскоре она увидела свет ее фар на шоссе где-то позади себя. Теперь она ехала по ухабистой, вьющейся дороге, полагаясь в кромешной темноте только на свет фар. Низкорослые сосны стеной возвышались по обе стороны. Сосновые иголки усыпали всю землю, забивая подлесок. Оголенные изящные стволы деревьев превращались в подобие органных труб, через которые издавал громкие гортанные звуки бесноватый ветер. Уже слышался отчетливый шум морского прибоя, напоминавший ворчание настроенного на игривый

лад льва. Казалось, она уехала за тысячу миль от Нью-Йорка.

После очередного поворота дорога внезапно пошла под уклон. Огни фар выхватили из темноты высокую, худосочную фигуру женщины, которая брела, словно слепая, по обочине и вдруг попала в яркий сноп света. На ней было легкое пальто с темной шляпкой.

Гизела нажала на тормоза. Словно в каком-то головокружительном кошмаре она почувствовала, как автомобиль разворачивает и куда-то заносит, что она теряет контроль над управлением. Она сбросила ногу с тормозной педали и начала укрощать руль, который, судя по всему, вздумал проявить свой злобный нрав. Свет от фар выхватил глухую стену из сосновых деревьев, полоснул по чьему-то испуганному лицу, белому, как простыня, частично закрытому выброшенной вперед рукой в инстинктивном жесте самозащиты. Облик женщины четко отразился в сознании Гизелы за это короткое мгновение: раскрытые губы, отразившие страх глаза, глядевшие на нее в упор. Затем машина, еще раз содрогнувшись, замерла, и свет фар погас.

Гизела сидела тихо и дрожала. Через несколько секунд она обрела дар речи.

— Фостина! Где ты?

Никто ей не ответил. Но ведь это было лицо Фостины, она его четко видела... Может, она нечаянно сбила ее автомобилем, и Фостина лежит сейчас в канаве без сознания?

Гизела включила фонарик и медленно начала водить им, освещая желтоватым пятном света местность возле автомобиля и дорогу. Выбоину, в которую она угодила, уже затянуло жирной грязью. Дождь почти смыл следы ее покрышек, отпечатавшиеся в сырой, размытой глине. Никаких других следов не осталось, никаких отпечатков обуви. Она въехала на обочину и направила свет фар на сосновые иглы, толстым слоем лежащие перед автомобилем. Вероятно, они скапливались здесь годами.

Она уже не звала Фостину. Выйдя из автомобиля, она прошла несколько метров в обоих направлениях по обочине. Там никого не было. Гизела не заметила в грязи никаких следов. Никаких пятен крови. Ни потерянной перчатки, ни нечаянно сломанного каблука — ровным счетом ничего.

Она замерзла и промокла до костей. Снова забралась в машину. Включила зажигание, нажала на стартер. Двигатель не реагировал, словно боялся нарушить тишину. «Короткое замыкание,— подумала Гизела.— Поэтому, наверное, и погас свет». В темноте она ощупью отыскивала сигареты и прикурила одну из них. Впервые в жизни запах табака вызвал у нее тошноту. Только сейчас она поняла, что отнюдь не холодом, не ветром и не дождем объясняется ее состояние. Нет, это был страх.

Гизела взяла в руки фонарик и сумочку и вышла из машины. В данный момент ей позарез нужна была деревня, с ее светом, теплом, людьми и телефонами. Она пошла назад, не имея ни малейшего представления, куда могло вывести ее выбранное наобум направление.

Через несколько минут ей показалось, что гул прибоя стал более отчетливым. Она снова включила фонарик. Внизу под ногами грязь постепенно уступала место песку, а строй деревьев становился все реже. Вдруг между стволов она заметила свет и пошла прямо на него. Бор закончился, и теперь она шагала между двумя большими дюнами, покрытыми скудной растительностью. Свет исходил из какого-то дома, стоявшего на другой дюне. Гизела все отчетливее слышала гул океана, он, казалось, все время приближался к ней, но там, где он, по ее представлениям, должен был находиться, висела черная пустота беззвездного неба. Вдруг ее охватили сомнения. Но, преодолев страх, она решительно зашагала песчаной тропинкой по направлению к дому.

При свете, заливающим крыльцо, она разглядела чашеобразный изысканный в белую краску штукетника, которым был обнесен сад с растущими в нем дикими розами, восковницами и оливковыми деревьями. Она миновала широко распахнутые ворота и пошла к дому по песчаной тропинке. Дом был сбит из некрашеной дранки, ставшей оловянно-серой из-за воздействия жаркого солнца, а также хлестких ветров, несущих с океана брызги соленой воды и крупы песка. Ставни и оконные рамы выкрашены белой краской — уютный домик, смахивающий на сухонькую старушку в тафте с серебряным отливом и белыми игрушечными перчатками. Вдруг Гизела сбилась с шага. Свет, падавший на дюны, как оказалось, исходил из холла коттеджа. Передняя дверь была открыта и свободно раскачивалась взад-вперед на

петлях, издавая слабый металлический перезвон связкой ключей, свисавшей из замочной скважины.

Поднявшись на крыльцо, Гизела остановилась и торопливо позвала: «Фостина! Фостина!»

Никто ей не ответил. Она сделала еще шаг вперед, вошла в холл и замерла. Электрическая лампочка ярко горела, посылая свой свет через белый сатиновый абажур в металлическом обрамлении. Светильник стоял на телефонном столике, там, где лестница делала поворот, и его приглушенный, такой домашний свет падал на белые доски и обои белого цвета с большими зелеными листьями. Другого источника света в доме не оказалось.

Глухое тикание привлекло внимание Гизелы к старинным круглым часам, висевшим на противоположной от двери стене. Стрелки показывали двадцать минут двенадцатого. Рядом с ними начинала свой изгиб внутренняя лестница, а постланный на ступенках мшистый зеленый ковер послушно повторял каждый ее поворот. У самого подножья стояли два ободранных чемодана, те самые, которые Фостина взяла с собой, уезжая из Бретона.

Гизела начала медленно продвигаться к единственному просвету в комнате — арочному входу, расположенному справа от нее. Через него она увидела в глубине две жилые комнаты, разделенные двустворчатой дверью, сделанной наподобие высокого французского окна — прямоугольные стекла в узких деревянных рамках. Первая комната освещалась лампой, стоявшей в холле. Во второй, расположенной дальше от арочного проема, было сумеречно, и там властвовали темные причудливые тени.

Гизела еще раз громко позвала: «Фостина! Это я, Гизела. Где ты?» Тишина в доме казалась ей невыносимой. Гизела резким движением бросила на маленький столик сумочку и фонарик и обвела взглядом комнату, пытаясь найти выключатель. Наконец она обнаружила его на стене с другой стороны стола и обогнула стол, подняв руку вверх по направлению к кнопке. Вдруг ее нога наткнулась на что-то мягкое. Гизела остановилась. У нее перехватило дыхание.

На полу, лицом вниз, лежала Фостина Крайль. Она, вероятно, здесь и упала, когда пыталась заглянуть в

дальнюю комнату. На ней по-прежнему было наглухо застегнутое голубое пальто, а шляпка валялась рядом. Левая рука, подтянутая к плечу, была в кожаной перчатке. Правая рука лежала на голове, словно она хотела отразить удар. На ней не было перчатки. Она лежала рядом с ней и раскрытой сумочкой, из которой вывалились на пол все ее принадлежности — пудра, помада и кошелек. На одежде не было никаких следов дождя или пятен крови. Даже чулки и подошвы туфель были чистыми и сухими.

Лицо было закрыто покрывом прекрасных светлых волос. Гизела опустила на колени.

— Фостина! Тебе больно? Я ударила тебя бампером?

Трясущимися руками она никак не могла отыскать пульс на уже холодной руке. Но это было еще ничего. Во время войны, когда она училась на курсах медсестер, она не могла часто найти и свой собственный.

Мягким движением руки она убрала волосы с лица Фостины. Оно было таким же бледным, ненакрашенные губы раскрыты. Больше всего напугали Гизелу глаза с сильно расширенными зрачками, которые глядели в пустоту. Только теперь Гизела поняла, что Фостина мертва. Но на ее теле не было ни синяков, ни ран, ни крови.

Гизела вскочила на ноги и нажала кнопку выключателя. Но свет не загорелся. Она посмотрела вверх, на потолок, а затем снова на выключатель. Его рычажок нужно было двигать либо вверх, либо вниз. Теперь он находился в нижнем положении, где стояли три буквы— ВКЛ. Но свет тем не менее не горел.

Она медленно обвела взглядом комнату, словно пытаясь задать вопрос этим стенам, которые были свидетелями того, что здесь совсем недавно произошло. Лампа в холле продолжала гореть, и свет от нее, просачиваясь через арку, падал на бело-зеленые обои и мебель, обитую розовым ситцем. Отсюда она отлично слышала, как разбиваются океанские волны о песок, и больше ничего, даже биения собственного сердца, которое, вероятно, в эту минуту чуть не выскакивало из груди. Гизела была почти уверена, что она одна во всем доме, хотя, конечно, не могла целиком поручиться за это. Увидев на столике телефон, она подбежала к нему...

Глава четырнадцатая

А Дьявол повелел Судьбе
Забрать к себе Фостину...

Окрашенные фосфором стрелки часов показывали 2.57, когда на столике рядом с кроватью Базиля зазвонил телефон. За окнами еще было темно, но в воздухе уже ощущалась предрассветная свежесть. Не совсем очнувшись ото сна, он потянулся за трубкой и инстинктивно произнес:

— Алло?

— Базиль?

Низкий дрожащий голос окончательно пробудил его, словно его окатили ушатом холодной воды.

— Гизела? Ты где?

— В Нью-Джерси. В Брайтси. Произошло нечто ужасное...

— Что случилось? — Впрочем, ему и не нужно было задавать этот вопрос, все и без того было ясно. Только одно обстоятельство могло заставить ее позвонить в столь ранний час. Ее голос казался каким-то далеким, нереальным. Взяв себя в руки, она спокойно сообщила:

— Фостина умерла.

— А что ты там делаешь?

— Видишь ли, когда мы с тобой расстались, у меня оказалась в запасе куча времени. Я вспомнила, что Фостина просила приехать к ней в любое время, и решила выполнить ее просьбу. Когда я приехала сюда, она была уже мертва. Сердечный приступ. Я тут же вызвала полицию, но стражи порядка, судя по всему, сильно сомневаются в моей искренности. Они вели себя довольно грубо, но все же позволили позвонить тебе.

— Кто занимается случившимся? Полиция штата?

— Да, некий лейтенант Сиерс.

— Передай ему трубку. Я немедленно выезжаю в Брайтси. Не нервничай и не отвечай ни на какие вопросы до моего приезда. Где тебя искать?

— В коттедже Фостины... Базиль... я передаю трубку лейтенанту Сиерсу.

Голос в трубке отличался грубостью и резким тоном.

— Послушайте, все произошло в штате Нью-Джерси, а не в Нью-Йорке, вам ясно? Эта леди утверждает, что вы ее приятель и что вы намерены привезти сюда адвоката. Окей. Я не могу позволить ей пользоваться телефоном. К тому же окружной прокурор Нью-Йорка не имеет к нам никакого отношения.

Базиль включил лампу над кроватью и набрал номер домашнего телефона своего старого приятеля, помощника главного инспектора нью-йоркской полиции Фойла.

Инспектор спросонья ответил ему упреком:

— Послушайте, когда наконец вы, голуби, позволите мне поспать хотя бы минут десять! Что вам всем, черт возьми, нужно от меня в такое время? — Но голос Базилья и упоминание имени Гизелы его тут же отрезвили. — Простите, доктор. Я думал, что это кто-то из управления. Они время от времени позванивают старику, когда им приспичит. С этим Нью-Джерси возникнет наверняка куча трудностей. Ребята из полиции штата как-то странно толкуют границы своей юрисдикции. Но я позвоню начальнику полиции штата, своему приятелю, и он вызовет к себе Сиерса. Чем еще могу помочь?

— В Нью-Йорке есть адвокат Септимус Уоткинс.

— Конечно, конечно. Но там еще есть и Статуя Свободы. Я знаю обоих с детства.

— Не могли бы вы заставить его назвать имена людей, которые получают по наследству драгоценности матери Фостины Крайль. Ведь она умерла до своего тридцатилетия. Сам Уоткинс — ее законный наследник, но ему были сделаны устные распоряжения о передаче драгоценностей некоторым лицам.

— Как, говорите, имя матери? Крайль?

— Да, но у меня есть все основания считать, что в кругу лиц ее профессии она была известна под именем Розы Дайамонд.

Фойл присвистнул:

— Значит, она занималась тем же, что и Кора Пёрл. Боже, как давно все это было!

— Выступала ли Роза Дайамонд в качестве свидетельницы в нашумевшем деле о разводе 1912 года?

— Могла, конечно, но я точно не помню.

— Уверен, что она там была. И мне необходимо имя ответчика...

Когда автомобиль Базиля въезжал в Брайтси, солнце уже взошло. Проезжая мимо заправочной станции, он заметил знакомую женскую фигуру и подрулил к краю тротуара.

— Миссис Лайтфут?

В это время она была занята разговором с механиком и, обернувшись, изумленно воскликнула:

— Доктор Уиллинг?

Даже в этот ранний час у нее была превосходная прическа и одежда отличалась элегантностью. По-прежнему от нее исходила сила непререкаемого авторитета. Но было видно — что-то внутри у нее сломалось. Может, какая-то душевная опора, которая поддерживала ее до сих пор. Она была похожа на красивую морскую раковину, переливающуюся всеми цветами радуги, с ее блестящей глазурью, сложными витиеватыми переплетениями. Но стоило заглянуть вовнутрь, и вы обнаруживали там мертвую плоть, которая когда-то сделала эту ракушку, свой дом, темный хрупкий трупик, похожий на высохшее семя фасоли, гремящее в прекрасном, окружающем его полом пространстве стручка.

— Сегодня ночью мне позвонили из полиции штата Нью-Джерси, — начала она объяснять Базилю причину своего появления здесь. — Я приехала на поезде и никак не могу найти машину, которая могла бы отвезти к коттеджу мисс Крайль.

Механик из гаража слушал ее, не пропуская мимо ушей ни слова:

— Послушайте, милая леди, я уже сто раз объяснял, что у меня только один шофер, но в настоящее время он находится там, в коттедже, дает показания полиции, так как вчера вечером подвозил мисс Крайль домой с поезда. Здесь нет никого, кроме меня, а я не могу оставить заправочную станцию.

— Буду рад подбросить вас туда, — предложил Базиль.

— Вы очень любезны. Нужно спешить. Я чувствую свою ответственность за судьбу мисс Крайль. Доктор, как вы думаете, она покончила самоубийством? Если бы ее не уволили...

Механик стоял, прислушиваясь к разговору.

— Обычный сердечный приступ, так сказали поли-

дейские. Всем в округе известно, что у мисс Крайль было слабое сердце.

— Как нам туда добраться?

— Поезжайте прямо по дороге, на перекрестке сверните направо, затем выезжайте на берег океана.

Они ехали через деревню, которая, казалось, вся сияла в лучах восходящего солнца и была такой свеженькой, как умытое после ночного сна лицо. Машина въехала в небольшой еловый лесок, провалилась в выбоину, забитую грязью, и снова выскочила на песчаную дорогу, по обе стороны которой все реже встречались стройные деревья. Здесь их массивные вертикали разрубала, словно ударом топора, низкая линия горизонта, четко просматривающаяся там, где соединялось голубое небо с еще более голубым океаном. Машина мчалась среди дюн и вскоре выехала на широкий берег. Базиль окинул взглядом серый коттедж, расположенный на фоне самой высокой дюны, и подумал о том магнате времен короля Эдуарда, который запрятал в этом злосчастном месте Розу Дайамонд.

Конечно, смена обстановки после парижской жизни пришлась ей по вкусу. Ей не могли не понравиться океан и ветер, тишина и одиночество, если только ее душе не был чужд поэтический порыв. Но она, вероятно, не страдала от одиночества. Жизнь вдвоем с возлюбленным — вот идеал роскошной жизни любой куртизанки.

Около дюжины машин стояло возле белого забора из штакетника. Базиль поставил свой автомобиль рядом и выключил зажигание. К ним направился какой-то человек.

— Что вам здесь надо? — заорал он, демонстрируя полное отсутствие вежливости, которое невоспитанный человек считает проявлением демократичности.

— Мне нужно поговорить с лейтенантом Сиерсом. Мое имя — Уиллинг.

— А кто эта подружка?

— Это миссис Лайтфут. У нее работает мисс фон Гогенемс.

— Лейтенант занят. Что вам от него нужно?

— Спросите об этом у него самого. Он меня ждет.

Тон Базиля вызвал у полицейского прилив крови. Это сразу стало заметно по его лицу.

— Послушайте, я...

Дверь в доме резко распахнулась, и кто-то закричал:

— Добсон!

— Да, сэр?

— Это доктор Уиллинг? Немедленно проводите его ко мне!

— О'кей.— Добсон повернулся спиной к миссис Лайтфут и Базилю.— Вы слышали приказ лейтенанта? Тогда пошевелитесь!

Идя по тропинке, миссис Лайтфут говорила приглушенным голосом:

— Разве это не похоже на сценку из «Алисы в стране чудес»? Лакей, который был рыбой, стоял у двери и наносил оскорбления всем, кто к ним приближался.

Базиль оглянулся. Полицейский Добсон не спускал с них глаз. Он стоял, широко расставив ноги, подперев бедра руками. По выражению его глаз было видно, что он сильно озадачен, а его губы, медленно шевелясь, пытались выговорить фразу: «Лакей, который был рыбой»... Что за чертовщина?

На пороге открытой настежь двери стоял смуглый человек невысокого роста в лейтенантской форме.

— Прошу извинить меня за Добсона,— сказал он с торжественным видом.— Сейчас я занят с репортерами. Не могли бы вы подождать меня несколько минут в холле?

— А где мисс фон Гогенемс? — спросил Базиль.

— Все в порядке. Она скоро к вам присоединится.— Лейтенант стремительно исчез, прошмыгнув под аркой в жилую комнату.— Ну, ребята, давайте, пошевеливайтесь...— Затем его зычный голос перешел на шепот.

Миссис Лайтфут окинула одобрительным взглядом холл с его бело-зелеными обоями.

— словно шкатулка для драгоценностей,— заметила она, обращаясь к Базилю.— Или кукольный домик. Само совершенство в миниатюре.

— Вам известно, кто здесь жил до мисс Крайль? — спросил Базиль.

— Нет, а вам?

— Одна женщина по имени Роза Дайамонд.

— Неужели? — Миссис Лайтфут уставилась на него, не скрывая своего удивления.— Доктор Уиллинг, вы ме-

ня переносите на тысячелетие назад! Я и понятия не имела, что кто-то из вашего поколения мог слышать о Розе Дайамонд. Я и сама узнала о ней, когда была еще ребенком.

— Вам приходилось слышать имя того человека, который привез ее снова в Нью-Йорк из Парижа?

Миссис Лайтфут с подчеркнутым интересом рассматривала стены холла.

— Нет,— сказала она.— Насколько я знаю, такой человек был, но никто не называл мне его имени. Когда она покинула Париж, то больше не появлялась на людях.

— Кажется, он был ньюйоркцем,— добавил Базиль.— Ему удалось добиться развода с женой, которая назвала Розу Дайамонд соответчицей на процессе. Это не наводит вас на какую-то мысль?

Миссис Лайтфут отрицательно покачала головой.

— Видите ли, в то время я была еще совсем ребенком, и мне не полагалось знать, что в мире существуют такие женщины.

В эту минуту в арке дверного проема появился Сьерс с двумя потрепанного вида молодыми людьми.

— Отлично, мальчики. Это все.

— Благодарим, лейтенант.— Они бросили подозрительный взгляд на миссис Лайтфут и Базиль и вышли во двор через парадную дверь.

— Входите, пожалуйста.

Стеклянные двери были распахнуты настежь, а две открывавшиеся взору комнаты ярко освещались веселыми солнечными лучами.

Как только Базиль заметил бледное лицо Гизелы, он тут же позабыл и о Сьерсе, и о миссис Лайтфут. Широкими шагами он пересек комнату и взял Гизелу за руки. Они были холодными, но Гизела постаралась наградить его усталой улыбкой в знак признательности.

— Почему вы до сих пор ее здесь задерживаете? — обратился Базиль к Сьерсу.

Лейтенант довольно вежливо ответил:

— Откуда вы взяли, что я ее задерживаю? Она вольна идти, куда ей вздумается, только...

— Только что?

— Если только она расскажет нам обо всем. В та-

ком случае ей ничего не грозит. Ни ей, ни этому субъекту.

Базиль наконец заметил человека, о котором говорил лейтенант. В самый угол дивана забился какой-то человечек в старой армейской шинели без знаков отличия. У него были печальные, испуганные глаза.

— Но я уже трижды объяснял, лейтенант,— захныкал человечек.— Все было именно так, как я рассказал, клянусь Богом!

— Расскажите в четвертый. Это доктор Уиллинг. Он работает в Нью-Йорке в конторе окружного прокурора. Мой шеф, начальник полиции Ледерер, несколько раз звонил и требовал предоставить ему всю информацию. Всю! Понятно? А мы до сих пор, по сути дела, ничем не располагаем.

Не нарушая тишины, миссис Лайтфут взяла стул, стоявший возле Гизелы, и села, улынувшись ей в знак моральной поддержки.

Ее передвижение по комнате привлекло внимание Сиерса.

— Насколько я понимаю, вы — миссис Лайтфут, работодатель мисс Крайль?

— Да, я была таковой до недавнего времени.

— Почему она оставила вашу школу в разгар учебного года? Мисс фон Гогенемс отказывается назвать причину.

Тщательно подбирая слова, миссис Лайтфут заговорила:

— Мисс Крайль хорошо знала свой предмет — изящные искусства, театральное дело и рисование, но она не умела внушить к себе должное уважение.

— Почему ей это не удалось?

— Не тот характер, мистер Сиерс. Наверное, и в вашей профессии это не последняя деталь?

— Да, иногда может пригодиться,— ответил Сиерс, но в голосе его чувствовалось сомнение.— О'кей, Ронсон, продолжайте.

Базиль, стоявший между Гизелой и директрисой, уловил почти неслышный вздох облегчения миссис Лайтфут. Она откинула голову на спинку стула и прикрыла веками глаза, вероятно, чувствуя сильную усталость. Во

второй раз ей удалось спасти честь своей школы, и Бреттон не попал в заголовки газет.

Они сидели в первой из двух небольших гостиных, которые становятся одной продолговатой комнатой, если распахнуть настежь стеклянные двустворчатые двери. Из выходящего на залив окна в самом конце второй, сообщающейся с первой гостиной открывался прекрасный вид на пенящиеся крутые волны и голубое небо над ними.

Обе комнаты были почти одинаково меблированы — белые с рюшкой занавески, лампы с белыми абажурами, старомодные книжные полки из красного дерева, коврики полинявшего красноватого цвета, как и розы на мебелиной ткани кушеток и кресел. Меняли ли здесь мебель с тех давних пор, когда готовили эти комнаты для Розы Дайамонд? Скорее всего нет. Пара выточенных из тикового дерева низких табуреток, с наложенным на сиденья пластиком красноватого мрамора, в крапинках, как сырокопченая колбаса, явно принадлежали тому времени. Цветастая мебельная ткань тогда была последним криком моды, ее только что начали привозить из Англии. Вероятно, Фостина сама занималась отделкой этих двух комнат, выдерживая их в тех же цветах, чтобы их можно было принять за одно помещение при раскрытых настежь дверях. Может, это ей пришла в голову идея соорудить здесь стеклянные двери, чтобы небольшой камин смог хотя бы немного обогреть меньшую комнату в прохладные осенние дни. В доме не было парового отопления. Конечно, трудно рассчитывать на радиатор в старом летнем коттедже. Может, это она сама распорядилась сделать двери наподобие высоких французских окон, чтобы через них, когда они закрыты, любоваться грандиозным видом океана из первой комнаты?

Размышляя об этом, Базиль как бы оживлял на короткое время в своем сознании Розу Дайамонд. Густые волосы рыжего цвета, собранные от ушей вверх, — такова была самая модная прическа в то время; длинная узкая облегающая юбка, которая только что сменила широкую, бывшую в моде несколько лет назад.

Роза в эти короткие мгновения предстала перед ним как нечто вполне реальное — со своей точеной фигурой,

ярко-огненными волосами. То она стояла перед его глазами в этой вот комнате возле окна, выходящего на океан, и оттуда до нее доносился прогретый солнцем солоноватый летний бриз... то в надвигающейся темноте грядущего вечера разливала чай по чашкам, стоящим на плите камина, а в нем весело потрескивали дрова. А рядом, склонившись над ней, вдыхал волнующий тонкий ароматный запах ее волос, прижимаясь к ним губами... Нет, нет... Тут создание мысленного образа давало сбой. Этот человек без имени, который был последним ее любовником и отцом Фостины, оставался где-то в тени, был, по сути дела, пустотой... Испытывала ли она когда-нибудь сожаление? Нет, только не эта женщина, которую Базиль столь живо рисовал в своем воображении. Она, вероятно, просто улыбнулась бы и процитировала Марвела:

«Могила — прекрасное для уединения место,
Но там не заключишь кого-нибудь в объятия...»

Все эти представления, словно искра, скользнули по его сознанию, вероятно, со скоростью, превышающей скорость звука или даже света,— со скоростью самого времени.

Человек в армейской шинели снова заговорил:

— Вчера вечером, сойдя с десятичасового поезда, мисс Крайль взяла мое такси. Я был рад прихватить какого-нибудь пассажира, так как летний сезон уже закончился. Я подвез ее к самому крыльцу, чтобы она не промокла, даже вынес ее чемоданы из машины и поставил их на крыльцо. Затем снова сел в машину и увидел, как она, стоя на крыльце, вставила ключ в замочную скважину. Я завел двигатель и оглянулся, чтобы убедиться, смогу ли развернуться здесь, минуя кусты роз. И тогда я снова увидел ее. Она оставила входную дверь открытой и зажгла лампу в прихожей. Я видел, что чемоданы стояли в холле, а связка ключей свисала под ручкой двери и позванивала от дуновения ветерка. В последний раз, когда я бросил на нее взгляд, она стояла рядом с лампой, которую только что включила. Над ее головой на стене я заметил часы, показывавшие 11 часов 5 минут. То же время показывали мои часы на щитке. Мне с трудом удалось аккуратно развернуться, я по-

ехал по влажному песку и, наконец, выбрался на твердое покрытие. Когда я проезжал через перекресток, мне навстречу попался какой-то автомобиль, который проехал мимо по направлению к коттеджу мисс Крайль. В 11.25 я вернулся в гараж. Вот все, что мне известно...

Базиль посмотрел на Сиерса:

— Ну и что здесь непонятного?

— В автомобиле, проехавшем мимо, находилась мисс фон Гогенемс. Она помнит, что на перекрестке видела такси. Когда она приехала сюда, то увидела, что входная дверь открыта настежь, а связка ключей торчит в замочной скважине. Лампа горела в вестибюле, а на часах было 11.20. Чемоданы стояли рядом с аркой. Мисс Крайль лежала на полу неподалеку от настенного выключателя. Она была мертва. Наш доктор докладывает, что на теле нет никаких следов насилия, просто ее больное сердце не выдержало и перестало биться в тот момент, когда мисс Крайль пыталась дотянуться до выключателя.

— Я все равно не вижу, что же вас смущает,— повторил Базиль.— Два показания — мисс фон Гогенемс и этого парня — совпадают до малейшей детали. Ничего не стоит восстановить остальное... Мисс Крайль сделала то, что на ее месте сделали бы сотни женщин, входя в неосвещенный, пустой дом ночью в полном одиночестве. Она оставила ключ в замочной скважине, чемоданы в холле и торопилась зажечь свет в доме. К несчастью, она умерла здесь, в этой темной комнате, так и не успев зажечь свет. Горел только светильник в вестибюле.

— О'кей, а теперь давайте разберемся во всем более спокойно,— ответил невозмутимый Сиерс.— Она прошла в эту комнату прямо из холла. Она не останавливалась и ничего не предпринимала. Не сняла ни пальто, ни шляпку, ничего, кроме одной перчатки. Даже не потрудилась закрыть входную дверь и забрать ключи. Сколько времени могло уйти на все эти действия?

— Думаю, меньше минуты.

— Отлично. Значит, она умерла в тот момент, когда Ронсон вел свою машину по дороге к сосновому бору и коттедж еще находился в поле его зрения. Он утверждает, что по спидометру держал тридцать миль.

Значит, ему понадобилось восемь минут, чтобы добраться до переезда. А машина мисс фон Гогенемс проследовала мимо него в 11.13. Таким образом, к этому времени мисс Крайль должна была умереть, не так ли?

— Либо умерла, либо умирала,— допустил Базиль.— Вероятно, она упала в 11.05, после того, как от дома отъехал Ронсон, так как даже не успела зажечь свет.

— Нет, нет, как раз времени у нее было достаточно,— поправил его Сиерс.— Она нажала на выключатель, но свет так и не загорелся, так как обе лампочки в потолке вышли из строя. Сколько времени могло потребоваться ей, чтобы нажать на этот выключатель? Насколько секунд?

— Не больше. И что из этого следует?

— А вот что.— Сиерс подался всем телом вперед, в глазах его мелькнул гнев.— Мисс фон Гогенемс утверждает, что когда она проезжала через сосновый бор после одиннадцати тринадцати, то своей машиной чуть не сбила какую-то женщину, в полном одиночестве шагающую под дождем. В ней она признала свою приятельницу мисс Крайль, которая в это время находилась в доме и была либо уже мертва, либо в бессознательном состоянии. Как же могло случиться, что мисс Крайль оказалась на дороге в полумиле от дома, от которого она удалялась в этот момент? Вывод один — кто-то из двух свидетелей лжет. Кто же именно? Ронсон или мисс фон Гогенемс?

Кто-то тяжело вздохнул, и вслед за этим раздался звон стекольных осколков, упавших на паркет. Миссис Лайтфут с удивлением рассматривала свою руку в перчатке.

— Я держала в руке пенсне,— неторопливо сказала она,— и, кажется, раздавила линзы.

Глава пятнадцатая

Нити, влажные от вина,
Легко ткались...

Машина Базиля, легко преодолев подъем, углубилась в сосновый бор и остановилась наверху, возле выбоины.

— Это случилось здесь?

— Да, — ответила сидевшая рядом с ним Гизела и посмотрела вниз, на выбоину, которая после ночной бури была теперь до краев наполнена жидкой грязью. Она начинала подсыхать, ее поверхность покрылась гладкой корочкой, на которой лучами расходились трещины. Чуть дальше этого леска дорога сворачивала влево и бежала дальше между двумя стенами тянувшихся к нему сосен, выстроившихся чередой, словно шеренга солдат, замершая по команде «смирно!». Над верхушками деревьев кружились чайки, купаясь в солнечных лучах, и радостно кричали. До слуха доносились размеренные удары волн — казалось, что лев, оставив свою игривость, издавал мощные утробные рычания.

— Любой адвокат защиты разгромит в пух и прах все свидетельства об опознании, составленные на мимолетном взгляде, да и то при свете автомобильных фар, — сказал Базиль. — И Сиерсу это хорошо известно.

— Это была Фостина. Я четко видела ее лицо, глаза, как вот сейчас вижу твои.

— Но ты ведь видела ее какое-то краткое мгновение! — напомнил ей Базиль.

— Я почувствовала удар, а когда вышла, вокруг никого не было. — Гизела уронила руки на колени, закрыла глаза и прислонилась затылком к изголовью сиденья. Ветер беспечно поигрывал ее волосами. — Фостина умерла... от сердечного приступа. Перед твоим приходом лейтенант Сиерс заметил, что, к сожалению, колапс произошел в такое время, когда никто не мог оказать ей помощь. Ее, вероятно, можно было спасти, если бы вовремя вызвали доктора...

— А не считаешь ли ты, что существует какая-то иная причина ее смерти, которая заставила ее умереть именно здесь и именно при таких обстоятельствах? Да-

же люди с очень больным сердцем не падают замертво просто так, без всякой причины, не так ли? По крайней мере пока на них не обрушится какое-то дополнительное напряжение или нагрузка на сердце.— Она сама внесла чемоданы в холл,— напомнил Базиль.

— Но это не такой большой груз.

— Она устала после поездки и всех терзаний, выпавших на ее долю за последние годы.

— Сомневаюсь.— Гизела широко открыла глаза и, не поднимая головы, устремила взгляд в бездонную глубину над верхушками деревьев.— Разве современная медицина не утверждает, что физическая смерть — это длительный процесс, а не внезапный акт, как это обычно выглядит в глазах закона?

— По закону смерть наступает тогда, когда останавливается сердце и прекращается дыхание,— ответил Базиль.— Но выражение «*ridor mortis*» переводится как «борьба мускулов со смертью», которая ведет к окоченению трупа. Эта стадия процесса умирания происходит уже после остановки сердца и дыхания. Во время войны русские физиологи сообщали о своих опытах по оживлению солдат час спустя после наступления официально зафиксированной смерти с помощью реанимации сердечной мышцы.

— Ну вот! Видишь, зафиксированная законом смерть — это чистой воды фикция! Детально разработанный ритуал захоронения заставил цивилизованных людей позабыть тот факт, что умирание — это длительный, медленный процесс, проходящий в естественном состоянии человека. Может, то, что мы называем «умиранием», относится, по существу, к процессу разложения и до исчезновения тела нельзя считать человека на самом деле мертвым. Адвокаты и судебные медики утверждают, что «момент смерти» наступает в определенный отрезок времени, но на самом деле это отнюдь не мимолетное дело... Это постепенное разложение той организующей силы, которая обеспечивает телу заданный ритм роста и температуры и поддерживает его функционирование как человека, отдельной личности. Последний вздох — это еще не конец жизни, а лишь начало умирания, то есть того процесса, который отнюдь не заканчивается прежде того, как истлеет тело.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что Фостина умерла медленной смертью? Настолько медленной, что смогла пройти по дороге какое-то расстояние, затем вернуться домой, где, наконец, ее схватил удар?

— Нет, я имею в виду другое.— Гизела выпростала ногу, обутую в элегантную туфельку из коричневой кожи аллигатора, запачканную грязью.— Подумай только, ведь на ее обуви не было следов грязи. Туфли ее были сухими и чистыми. Не было ни одного мокрого пятнышка ни на одежде, ни на чулках.

— Ну и что?

— Если настоящая смерть — это продолжительный и медленный процесс, если учесть, что возможно появление какого-то нематериального человека, то мог ли такой феномен пережить официально зафиксированную смерть материального тела в течение нескольких секунд? Тем более, если такая смерть оказалась насильственной остановкой сердца и дыхания, а не реальной, истинной смертью?

Базиль улыбнулся.

— Ну вот, что и требовалось доказать. Начнем толковать о происхождении привидений.

— Что ты имеешь в виду?

— С исторической точки зрения идея двойника живущего человека, судя по всему, возникла прежде представления о двойнике мертвеца. Большинство астрологов считают, что идея двойника первоначально появилась благодаря тем изображениям самих себя, которые мы видели в сновидениях. Как только примитивные греки и египтяне поверили в это, то они сделали и следующий шаг,— они захотели узнать, умирает ли такое нематериальное изображение одновременно со смертью самого тела? Или же оно может продолжать жить самостоятельно? Отсюда возник тот страх перед привидениями, который и заставлял древних римлян говорить о мертвецах либо только хорошее, либо просто молчать. Постепенно под напором времени и потока новых идей подобные представления трансформировались в надежду на бессмертие.

— Очень хотелось бы установить точное время остановки сердца Фостины.

— Зачем?

— Я хочу выяснить, случилось ли это в тот момент, когда я почувствовала, как задрожал автомобиль от удара.

Базиль повернулся к ней, не скрывая своего удивления.

— Уж не хочешь ли ты сказать...

— Меня не покидает одна мысль. Не умерла ли настоящая Фостина в результате шока, полученного в тот самый момент, когда моя машина столкнулась с ее блуждающим образом? Не был ли этот удар нанесен по бесплотной тени, и в результате погубил материальную субстанцию?

Базиль отрицательно покачал головой.

— Мы ведем с тобой какую-то странную беседу для двух нормально мыслящих, взрослых и хорошо образованных людей в двадцатом столетии. Это всего лишь отзвук мифов, собранных в «Золотом горшке». Старинные тотемистические сказания, например, о девушке, которая умирает, если срубают иву, или о мужчине, который появляется без правой руки после того, как какой-то охотник отсек топором лапу волку. Примитивные люди верили, что двойник может вселяться в животное, или растение, или даже камень и что человеку предстоит испытать немало страданий или даже вообще умереть, если насильно разрушить временное обиталище его двойника.

Гизела повернулась к нему и улыбнулась, вероятно, осознав всю шаткость своей фантазии.

— Но я же видела женскую фигуру на дороге. А ты нет. Поэтому тебе трудно понять, насколько все было реально. Ты-то можешь привести свои объяснения?

— Пока нет. Но мне хотелось бы выяснить еще некоторые обстоятельства.

— Например?

— Почему вообще Фостина явилась сюда? Ведь я настоятельно советовал ей оставаться в Нью-Йорке еще несколько дней. Мне казалось, что она вняла моему совету.

— Разговаривая со мной по телефону, она упомянула о встрече в этот уик-энд. Даже меня хотела познакомиться с каким-то человеком. Но я не знала, смогу ли приехать.

— Итак, она отправилась сюда одна,— добавил Базиль,— а смерть уже поджидала ее здесь...

— А смерть уже поджидала ее здесь,— медленно повторила его слова Гизела.— Но в чьем облике? Как все это могло произойти?

— Не знаю.— Он посмотрел на ее тонкое лицо, темные глаза с тяжелыми ресницами.— Я отвезу тебя в деревенскую гостиницу и дам снотворное. Позвоню ближе к обеду...

Местный ресторан находился в привлекательном, выкрашенном в белую полосу рубленом доме, стоявшем на небольшом пригорке в саду с высокими тенистыми деревьями. Из застекленного крыльца в сумерках прорывался яркий веселый свет, а там, за стеклом, стояли, выстроившись, столы с блестящими приборами и белоснежными салфетками.

Гизела сделала глубокий вдох, глотнув свежего сельского воздуха, и сказала:

— Трудно поверить, что вот перед тобой тот же мир, который предстал передо мной вчера,— непрерывный дождь, грязь, слякоть, темнота, тело Фостины, неподвижно лежащее на полу. Ужасная картина.

Базиль внимательно изучал карту вин.

— Я закажу белого бургундского. Это отличное вино, если только оно здесь не прокисло. Нужно проглотить несколько стаканов и забыть всю эту кошмарную ночь.

— А куда девалась миссис Лайтфут, покуда я спала?

— Вернулась в Бреретон. Сиерс дал ей обещание, что сделает все возможное, чтобы избежать упоминания ее школы в газетах. Ведь это очень ее волновало. Вопрос чести.

— Видишь, она неспособна сохранять хладнокровие в подобных ситуациях. Вспомни, как она раздавила стекла пенсне.

— Она очень испугалась. И я, кстати, тоже. Но через недельку-другую она вытеснит все эти неприятные воспоминания из памяти. Именно так поступают люди, которых такие мрачные картины не устраивают.

— Моя машина сильно повреждена? Ведь я ее одолжила.

— Короткое замыкание, как ты и предполагала. Теперь она стоит в гараже. Завтра можешь отправиться на ней в Бреретон.

— А почему не сегодня вечером?

— Сегодняшнюю ночь ты проведешь в гостинице. Я все уладил с миссис Лайтфут. Ведь и ты перенесла серьезный шок, и тебе следует хотя бы сутки отдохнуть и прийти в себя.

— А ты...

— Я хочу в последний раз осмотреть коттедж, теперь, когда там нет полицейских. Сиерс оставил мне ключи.

Официант принес бургундское, и Гизела сделала маленький глоток из бокала. Глаза у нее заискрились, и щеки слегка порозовели.

Базиль взял ее за руку.

— Ну вот, совсем другое дело! — В эту минуту он был совершенно счастлив и полностью душевно умиротворен. Но счастье длилось всего минуту. Когда официант отошел от стола, его место тут же занял какой-то потрепанный странный тип.

— Мисс фон Гогенемс?

Гизела посмотрела на него, и румянец на ее щеках тут же пропал.

— Я вас слушаю.

— Я репортер из «Нью-Йорк дейли рефлেকтор». Не могли бы вы рассказать о том, как столкнулись с Фостинной Крайль на дороге вчера ночью?

Базиль сильно сжал руку Гизелы. Его суровый взгляд запросто мог бы испепелить этого незадачливого молодого человека.

— Мисс фон Гогенемс не дает никаких заявлений для прессы.

— А вы кто такой? — поинтересовался озадаченный репортер.

— Моя фамилия Уиллинг.

— Базиль Уиллинг? Психиатр из конторы окружного прокурора?

— Вот именно.

— Вы приходите родственным мисс фон Гогенемс?

— Нет. Мы с ней помолвлены.

— Ах вон оно что,— смутился репортер, но не надолго.

— Об этом можно сообщить?

— Пожалуйста! Но, к сожалению, другой информации мы вам дать не можем. Вы меня понимаете?

— Конечно, конечно. Прошу прощения.— И молодой человек заспешил к выходу. Базиль слышал, как он выпытывал у метрдотеля, где находится ближайший телефон.

Теперь на щеках Гизелы пылал пунцовый румянец, который еще больше оттенял ее темные глаза, добавив в них блеска. Она сказала каким-то еле слышным, застенчиво-непорочным тоном:

— Довольно странный способ делать предложение о браке...

— Прости. Но мне понравилась эта идея, если принять во внимание все сложившиеся обстоятельства.

— Значит, ты не оставил мне ни единого шанса, чтобы отклонить его? Не так ли?

— Конечно, нет. Ну, а ты этого хочешь?

— Нет.

— Ты, конечно, имеешь в виду «да»?

— Ну — да!

Они оба рассмеялись, испытывая удовольствие от своего глуповатого смущения, понимая, что все сказанное здесь — отнюдь не верх остроумия. Они просто сидели и смотрели друг на друга, позабыв о стоящем на столе вине и обо всем остальном в этом мире.

Вдруг легкая тень набежала на глаза Гизелы.

— Послушай, а откуда ему все известно? Ведь Сиерс обещал мне ничего не сообщать репортерам.

— Об этом мог рассказать не только Сиерс. Детали твоих свидетельских показаний могли каким-то образом просочиться, скажем, через полицейских или через того же таксиста. Репортеры собрали все в кучу и представили собранный материал Сиерсу. Тот не осмелился отрицать. Кроме того, он мог посчитать, что такая реклама могла напугать тебя и заставить придумать иную версию. Вероятно, он уверен, что все это — лишь игра воображения. Но если он этого не добьется, то потребует, чтобы ты с помощью своего же воображения отказалась от своих показаний. Ибо твой рассказ —

единственная невразумительная часть его донесения. Если ты возьмешь назад свои показания, то оно превратится в убедительный отчет о случае естественной смерти, что поставит крест на всем этом странном происшествии. На обратном пути в гостиницу мы купим вечерние газеты и увидим, как много он наболтал репортерам. А сейчас давай продегустируем это замечательное французское вино, которое скорее всего из Калифорнии, и закусим нашим английским палтусом, который является местной камбалой...

Им не удалось отыскать ни одного газетного киоска до самой гостиницы. На прилавке лежали только две нью-йоркские газеты, два таблоида, чьи лихие репортажи о городской жизни столь дороги сердцу скучающих фермеров и рыбаков.

Но, слава Богу, хоть такие были. Могло быть и хуже. В одной газете говорилось, что Гизела — красивая австрийская княгиня. Другая описывала ее как одну из многих алчных иностранок-беженок, которые отнимают работу у стопроцентных американцев. Но обе трактовали инцидент как простое несовпадение свидетельских показаний, — Гизела утверждала, что она видела Фостину на дороге, в то время как таксист божился, что оставил ее в доме. Вероятно, ни Сиерс, ни репортеры газет ничего не знали о тех таинственных историях, связанных с Фостиной, которые циркулировали в Мейдстоуне и Бреретоне.

Базиль, слегка вздрогнул, представив на минуту, что бы сотворили со всем этим газетенки...

По дороге к коттеджу он остановился у гаража и лишний раз убедился, что машина Гизелы будет к утру отремонтирована. Долговязый селянин в джинсах, прислонясь спиной к бензиновой колонке, при свете рабочей лампы читал худшую из двух газет.

— Машина почти готова, — сказал он, делая шаг на встречу. — Читали вечерние газеты?

— Да, читал.

— Забавно.

— Да, конечно.

Он помялся в неуверенности, его бледно-серые глаза шарили по лицу Базиля в поисках какого-то поощрения.

— И такое происходит не впервые.

— Что вы имеете в виду?

— Ну...— Он принялся изучать жирные масляные пятна на асфальте.— Есть что-то странное в этой мисс Крайль. Однажды поздно вечером я ехал на своей развалюхе и увидел ее на дороге. Она была одна. Я догнал ее, остановился и предложил подбросить к дому. Но она продолжала идти вперед, не останавливаясь, словно и не слышала меня. Ну, мне стало обидно. Само собой разумеется, моя развалюха не бог весть что, но все же она пока на ходу. Ну, я поехал дальше. Потом неделю спустя она приехала сюда на воскресенье. Это было, когда она работала в какой-то школе в Коннектикуте. Я столкнулся с ней на почте, напомнив ей о том, что между нами недавно произошло. Она ответила, что я, вероятно, ошибся, приняв за нее кого-то другого. Она сказала, что не была здесь с прошлого лета. Странно, не правда ли?

— Да, довольно странно.

— Вам приходилось слышать прежде о чем-то подобном?

— Не совсем.

— Моя бабушка — уроженка Шотландии. И вот она утверждает, что подобные вещи происходят перед тем, как кто-то должен испустить дух. И вот вам, пожалуйста, мисс Крайль ушла от нас...

Базиль заметил, что древнее табу, запрещающее говорить открыто о смерти или зле, очень сильно укоренилось в сознании этого человека. *Испустить дух... ушла от нас...* Могли ли такие эвфемизмы сделать самое ощущение смерти более удобоваримым для всех? Спокойно, громким голосом Базиль сказал:

— Лучше не говорите об этом городским репортажам. Они вам, конечно, не поверят и высмеют все ваши истории. Поймите, это — совсем ненужная реклама для вашей мастерской, принимая во внимание будущий летний сезон, когда сюда, на берег океана, потянутся тысячи людей из города...

Базиль подъезжал к сосновому бору на самой малой скорости. Машина плюхнулась в выбоину и выскочила на другую сторону без всяких приключений. Но сегодня ночью, даже если бы погас внезапно свет его фар,

еще тонкая и острая, словно серебряный серп, луна всю светила над макушками деревьев.

В лесу он вышел из машины и стал наслаждаться дивной красотой пейзажа и тишиной. Белый песок отливал серебром в лунном свете. Несколько полосок серебряной пены переливались на всем пространстве этой темной, гремющей бездны, которая называлась океаном. Юркий бриз шелестел в оливковых деревьях, растущих у дома, а в нем самом, примостившемся на жердочке дюны, было темно и тихо. Прекрасное место для отшельника-поэта или парочки влюбленных.

Базиль вышел из машины и захлопнул дверцу. Ее стук оказался удивительно громким в этой настороженной тишине. Даже звук его шагов, когда он взошел на крыльцо, казалось, усиливался многократно. Он вставил ключ в замочную скважину, отворил входную дверь и помедлил, прислушиваясь к царящей внутри мертвой тишине. Он был уверен, что, кроме него, здесь никого нет. Если здесь был кто-то еще, то и тишина была бы иной, одушевленной, домашней, пусть даже не выдающей ни одного легкого движения гипотетического обитателя.

Он стоял на том месте, где находился всего двадцать четыре часа назад. Когда Фостина оставила ключ в двери и вошла сюда, в холл, дверь оставалась распахнутой настежь, а буря продолжала неистовствовать всю за ее спиной. Затем она, пройдя по холлу, зажгла лампу, стоявшую на столике для телефона. Он поступил точно так же. Теперь он мог хорошо представить себе, сколько сюда поступает света от включенной лампы после наступления темноты. Все его расчеты подтвердились. Резкое желтоватое сияние на уровне талии. Выше этой линии тени растворялись в темноте где-то на потолке и на верхней площадке лестницы. Он повернулся и прошел под аркой, повторяя ее маршрут, потянулся рукой к выключателю на стене, но света не включил. Он продолжал спокойно, не двигаясь, стоять на расстоянии вытянутой руки от стены, а затем повернулся лицом туда, куда, вероятно, смотрела Фостина перед тем, как ее постиг удар, и она упала на пол.

И здесь мощность освещения была такой же, как он предполагал. Приглушенный свет в первой комнате и

какой-то испещренный тенями сумрак во второй. При таком слабом освещении белые деревянные панели, бледно-зеленые обои и розоватая мебель являли какую-то приятную, радостную картину. Никакого намека на что-то зловещее, неожиданное... И все же где-то здесь таилась смерть, поджидала ее, Фостину... Но как было на самом деле? Как все произошло?

Несколько минут он стоял тихо, оглядываясь вокруг, и предавался размышлениям. Казалось, эта славная комната обладала своим неуловимым неприметным лицом, за которым таились все ее тайны. Но, может, она выдаст ему хотя бы одну.

Наконец, он нажал на выключатель. Белый круглый шар над головой загорелся ярким желтым светом, залил первую комнату, оставляя следующую чуть более темной, но и в это сумеречное время можно было без труда отчетливо различить любую деталь. Вчера Сиерс заменил перегоревшие лампочки, которые так напугали Гизелу.

Базиль побродил по комнатам, изучая детали интерьера. Дом отличался ухоженностью. Чистые и свежие занавески, вероятно, совсем недавно были доставлены из прачечной, коврики и чехлы для мебели — тоже чистые, хотя и немного поблекшие после неоднократных стирок. Белые панели были покрыты плотным древесным лаком и, вероятно, неоднократно перекрашивались малярами-профессионалами. Нигде не было заметно ни трещинки, ни волоска от кисти, ни вздувшейся капельки краски на глазурованной поверхности. Единственный изъян — несколько царапин, оставленных на деревянных рамах, удерживающих дверные стекла в двустворчатых дверях, разделявших обе комнаты. Эти царапины были настолько тонкими, такими незаметными, что казалось, были сделаны острой штопальной иглой. Они, по-видимому, появились здесь совсем недавно и были совершенно свежими.

Базиль выключил верхний свет под потолком и включил настольную лампу. В плетеной корзине рядом с камином лежали поленья дров и лучины для растопки. Он сложил пирамидкой дрова, положил куски бумаги, зажег огонь в камине и пододвинул кресло ближе к огню. Зажег сигарету и откинулся на спинку, не спуская глаз

с потрескивавших поленьев и погрузившись в свои мысли... Его голова покоилась на высокой спинке кресла. Такая поза заставила Базиля направить свой отсутствующий, рассеянный взгляд на зеркало, висящее над камином. В нем отражались арочные своды входа в холл. Он даже не заметил, как сигарета выпала из пальцев.

Как долго стояла эта молчаливая фигура в затемненной арке? Высокая, худая фигура в легком пальто. Темная шляпка оттеняла лицо, в котором не было ни кровинки, лицо Фостины Крайль. Так как он видел отражение этих глаз в зеркале, то, вероятно, и они, эти глаза, его тоже видели. Он тут же вспомнил свое наивное удивление, когда давным-давно, еще в детстве, ему впервые сказали: если видишь кого-то в зеркале, то этот человек может видеть тебя, если даже ты себя не видишь...

Но существовало ли это изображение только в зеркале? Если фигура повернет голову, то будет ли под аркой так же пустынно и тихо? Может, он случайно заснул, предаваясь возле огня своим мыслям?

Фигура в зеркале вдруг шевельнулась. За спиной Базиля стояла полная тишина, но он почувствовал нечто другое, нет, не звук, а тонкий запах лимонной вербены.

Не двигаясь с места, Базиль произнес: «Лучше вам войти».

Глава шестнадцатая

В людских ристалищах со смертью
Триумф останется за ней...

Базиль встал и повернулся к арке.

— С того момента, как я уловил в вас семейное сходство с Фостиной Крайль, я осознал, что вы — единственный человек, которого могли ошибочно принять за нее. И у вас, и у нее были белокуро-пепельные волосы, небольшая голова, овальное лицо с большим носом, тонкие губы, подернутые поволокой, голубые глаза и ярко выраженная аристократическая фигура. Она была сравнительно высокого роста для женщины, а вы — среднего роста для мужчины. Но цвет вашего лица чуть светлее, у вас нет обыкновения ходить или стоять с намеренно сгорбленными плечами, как это было свойственно ей, взгляд у вас более дерзкий и веселый, а ее — отличался мягкостью и робостью. Но все эти незначительные детали можно было довольно легко изменить. Отец Фостины умер в 1922 году, а вы родились в 1925-м, таким образом, любовник Розы Дайамонд и отец Фостины приходился вам дедушкой, Фостина была незаконнорожденной двоюродной внучкой вашего отца и вашей натуральной теткой. И все же мне неясны до конца причины, из-за которых вы собирались покончить с ней. Вы сделали это ради того, чтобы завладеть драгоценностями, которые ваш дед передал ее матери? Или же, подчиняясь романтически-болезненному импульсу, хотели погубить дочь той женщины, которая ранила гордыню вашего отца и забрала те драгоценности, которые, как вы считали, по праву принадлежали вам?

— Доктор Уиллинг, могу дать вам честное слово, что я не убивал Фостину. Когда она умерла, меня здесь не было.

— Вы можете это доказать?

— Конечно, нет. Невинный человек, как это часто бывает, не может предоставить свое алиби. Я провел весь вечер дома, в полной тишине и одиночестве. Но я немного знаю законы, штудировал право целый год, и, насколько мне известно, отсутствие алиби никогда никого не убеждало в виновности обвиняемого. Чтобы до-

биться моего осуждения, вам необходимо иметь свидетеля, который подтвердил бы мое присутствие на месте преступления или же мое появление здесь в доме приблизительно в то время, когда убийство произошло. Можете ли вы это сделать? Вы, конечно, можете найти свидетеля, который либо видел, либо считает, что видел Фостину Крайль или какую-то, похожую на нее, женщину на дороге. Но это, согласитесь, далеко не опознание Раймонда Вайнинга. Не правда ли? Во всяком случае, это не пройдет на суде, где слушается дело об убийстве, где веские доказательства должны устранить все обоснованные сомнения... На ее теле не обнаружено никаких ран. Она скончалась от сердечного приступа. И, хотя по вашим глазам я вижу, что вы мне не верите, меня не было здесь, когда она умерла. Могу поклясться.

— Я верю вашим словам,— спокойно парировал Базиль.— Она была совершенно одна, когда наступила смерть, и все же ее... убили вы...

Вайнинг не скрывал удивления.

— Не хотите ли вы тем самым сказать, что знаете, каким именно образом она умерла?

— Я знаю то, что знаю. Как, впрочем, и вы.

— Доктор Уиллинг, прошу вас разговаривать со мной в ином тоне. Если вы выслушаете меня, то поймете, почему я настолько взволнован всем тем, что приключилось здесь. Может, мы с вами внимательно во всем разберемся и, скажем, набросаем слабые контуры того, что здесь на самом деле произошло? Молю Бога, чтобы нам удалось это сделать. В противном случае...

— Что же произойдет в противном случае?

— Тогда за всю оставшуюся жизнь мне так и не придется узнать, где кончается реальность и начинается иллюзия. Я все время буду похож на человека, идущего по топкому болоту, который не уверен, куда выведет его следующий шаг — на твердую землю или зыбкий песок.

Вайнинг вышел из-за погруженной в тень арки на середину комнаты, и иллюзия тут же рассеялась. При свете огня в камине и одинокой настольной лампы он представлял собой вполне заштатную фигуру — высокий, худой, приятной внешности молодой человек в темно-коричневой шляпе и легком пальто из натуральной

верблюжьей шерсти. Он отбросил шляпу в сторону, снял пальто и придвинул стул ближе к камину. Он протянул Базилю нераспечатанную пачку сигарет в целлофановой обертке.

— Я видел, как вы только что докурили последнюю. Пришлось немного постоять там, в двери, прежде чем вы заметили меня в зеркале.

— Почему вы это сделали?

— Я был ужасно удивлен вашим присутствием здесь. Очень хотелось выяснить, что же вы тут делаете. Заметив в окнах свет, я подумал, что полиция оставила здесь дежурного, своего человека. Подойдя к арке, я увидел в зеркале отражение вашего лица.

— Но я не слышал шум двигателя машины.

— С вокзала я шел сюда пешком. Нигде не мог отыскать такси, а свою машину пришлось продать несколько дней назад.

— Но я не слышал ваших шагов.

Вайнинг выставил вперед ноги, на которых красовались роскошные туфли из телячьей кожи, червленной таким образом, что они выглядели, как поверхность изрядно потемневшего седла.

— Подошвы из натурального каучука!

— Вам не откажешь в изысканном вкусе. Почему вы продали свой автомобиль?

— Видите ли, я несколько стеснен в средствах. Но кто из нас в эти дни не страдает от этого? Минимальный комфорт для себя я могу обеспечить в размере тысячи долларов в месяц. Я зарабатываю 350 долларов, занимаясь распространением ценных бумаг, кроме того, получаю шесть тысяч ежегодного дохода от недвижимости и тех ценных бумаг, которые мне оставил дед, но сегодня и то и другое сильно обесценилось. Это, конечно, немного, но я не умираю с голоду.

— Но, может, те драгоценности, которые ваш дед передал Розе Даймонд, сильно поднялись в цене? Как, кстати, вы узнали об их существовании?

— Очень просто. Роза посвятила в свои планы моего деда перед его смертью. Тот рассказал об этом моему отцу, а он, в свою очередь, мне. Я разговаривал с Уоткинсом в тот вечер, когда увидел в газетах сообщение о смерти Фостины. Вайнинг — одна из шести на-

званных в списке фамилий. Мне причитается пара рубиновых серег стоимостью около 30 тысяч долларов по текущим ценам и вот этот коттедж. Но перед своей смертью Фостина составила свое завещание, по которому дом по наследству передается Уоткинсу. Он, однако, настаивает на передаче его в мои руки в качестве собственности деда. Ведь дом находится слишком далеко, в пустынном месте, и многим людям это не нравится. Таким образом, смерть Фостины принесла мне чистую прибыль в 37 тысяч долларов. Даже если бы мне заранее была известна сумма, неужели вы всерьез считаете, что я могу пойти ради этого на убийство?

Базиль вздохнул:

— Убивают ведь и за гораздо меньшие суммы. Как мужчины, так и женщины...

— Да, вы правы, мне известно, что людей убивали ударом ножа за пятьдесят центов, а детишек травил ядом, чтобы заполучить их страховку в несколько тысяч долларов. Но ведь ни один человек в здравом уме с годовым доходом в девять тысяч пятьсот долларов, пользующийся хорошей репутацией, добившийся солидного положения в обществе, на такое «мокрое» дело не пойдет.

— Однако тридцать семь тысяч долларов сейчас для вас — весьма крупная сумма. К тому же вы, вероятно, питали ненависть к дочери Розы Дайамонд.

— Ничего подобного. Я не псих и не романтик. Мой дед сблизился с Розой Дайамонд только после развода с моей бабкой, и все произошло задолго до моего появления на свет. Вряд ли я могу запросто повергнуть кого-то в состояние шока, и я не из тех, кто способен вести семейную вражду на протяжении трех поколений. Что вы скажете по этому поводу? Я всегда полагал, что «дело Розы Дайамонд» внесло какой-то малоприятный налет порочности в лоно семьи, которая до этого отличалась высочайшей строгостью нравов и респектабельностью, чем я по праву гордился.

— Зачем вы явились сюда сегодня вечером?

— Осмотреть коттедж, коли он теперь принадлежит мне.

— Когда вы впервые увидели Фостину Крайль и обнаружили ее невероятное сходство с вами?

— Если бы я был хитрецом, то вряд ли ответил бы на этот вопрос. Но сейчас я рискну, тем более что вы способны помочь мне понять то, что до сих пор сбивает меня с толку. Никто не знал истины, но ведь теперь Фостина умерла...

Базиль резко его прервал:

— Я давно понял, что Алиса с Фостиной не были единственными связующими звеньями между двумя школами — Мейдстоун и Бреретон. Вы были третьим звеном между ними, так как год назад состоялась ваша помолвка с Алисой.

— Да, все началось в школе. — Вайнинг наклонился вперед, уставившись на огонь, его лежавшие на коленях руки дрожали. — В Мейдстоуне царили строгие порядки. Гости мужского пола допускались только по воскресеньям, и то за ними осуществлялся строгий надзор. Это я расценивал как вызов и прибежал к одному трюку, известному со времен языческого Рима. Вы помните, наверное, как вторжение юного Клодия, переодетого в женское платье, в помещение, где проходил религиозный ритуал, предназначенный только для женщин, заставил Цезаря развестись со своей женой, которая не оказалась выше подозрений? Как и Клодий, я был молод, достаточно худ, и у меня еще не росла борода. Я был уверен, что меня примут за девушку среди ее многих подруг, если я надену женскую шляпку, пальто, чулки и туфли и предстану перед ними при сумеречном освещении. Почти все девушки в Мейдстоуне носили пальто из верблюжьей шерсти, поэтому раздобыть такое не составляло труда. Шляпка с полями закрывала лицо, но чтобы еще больше себя обезопасить, я пудрил щеки белой пудрой, а на голове носил накладку из женских волос. Обычно в таком наряде я пробирался через окно, незаметно поднимался по черной лестнице и встречался с Алисой на балконе, когда все обитатели дома находились внизу. Все это нас изрядно развлекало.

На следующее воскресенье, когда я, имея на руках официальное разрешение на посещение, пришел к Алисе в собственной одежде, она с великой радостью сообщила мне, что все меня приняли за девушку, и, самое главное, не просто за девушку, а за одну из молодых преподавательниц — Фостину Крайль. Одна из воспи-

танниц, которая возвращалась в школу по дорожке, увидела меня на балконе и заспорила из-за меня со своей подружкой, которая утверждала, что той все показалось, так как она только что видела Фостину в библиотеке.

Я никогда не слышал имени Фостины, но я знал, что настоящее имя Розы Дайамонд — Роза Крайль, и мне было известно, что у нее есть дочь. Я также понял, почему существует такое поразительное сходство между нами, и рассказал об этом Алисе.

— Таким образом, после неожиданного первого успеха вы начали намеренно пользоваться вашим сходством с Фостиной, надевали женское платье и наносили тайные визиты Алисе? Вы это сделали шесть раз, не так ли?

— Ну, а теперь мы подходим к главному. — Вайнинг не спускал глаз с огня в камине, который высвечивал нижнюю часть его лица. — В этом вся загвоздка. Вы не поверите.

— Что же это такое?

— Приходилось вам испытывать неловкое чувство, когда ваша шутка превращается в нечто иное? Две недели спустя мы с Алисой были в Нью-Йорке, где проводили рождественские каникулы. Мы встретились на молодежном вечере, на танцах. Она была вне себя от гнева. До сих пор у меня в ушах звучат ее сердитые слова: «Итак, ты снова сделал это. Предупреждаю тебя, будь осторожен! Одного раза вполне достаточно. Если ты намерен продолжать в том же духе, все может плохо кончиться. Тебя разоблачат, и нам обоим придется несладко». Кажется, я произнес в ответ какую-то беспечную фразу, но она продолжала: «На прошлой неделе кто-то видел тебя в Мейдстоуне в женском платье. Кажется, ты охладел ко мне, и поэтому не заглянул в мою комнату». Я ответил: «Какая чепуха! Я вовсе там не был. Зачем мне совершать такую глупость во второй раз?» К моему удивлению, она мне не поверила. В это время вновь возник спор между двумя девочками, и каждая из них утверждала, что видела Фостину в разных местах в одно и то же время. Это было пусть косвенное, но все же доказательство, и Алиса сделала преждевременный вывод. Ей показалось, что я встречаюсь в школе с другой девушкой. Это вызвало у нее приступ рев-

ности. Вот вам истинная причина нашей ссоры и последовавшего за ней разлада.—Вайнинг посмотрел на Базиля своими блеклыми глазами, так похожими на глаза Фостины.—Доктор Уиллинг, даю вам честное слово джельмена, я появился в женской одежде в Мейдстоуне только один раз. Я бы не рискнул сделать это дважды. Но... что же на самом деле случилось в Мейдстоуне? Что они там видели?

Базиль внимательно изучал серьезное лицо юноши.

— Могу только сказать, что ваше единственное появление в облике Фостины все всколыхнуло. Остальное можно объяснить лишь истеричностью, взвинченностью и отсутствием наблюдательности, и все эти качества раздувались книгами миссис Мейдстоун по исследованию психики человека, которые она держала у себя в кабинете.

— Ну, а что же тогда произошло в Бреретоне?

— Вы, конечно, станете отрицать, что, обнаружив совершенно случайно свою способность олицетворять Фостину в Мейдстоуне, вы намеренно составили план продолжения подобных действий в Бреретоне.

— Почему я должен заниматься глупым и бесплодным делом? В прошлом году, когда я разыграл такой трюк в Мейдстоуне, то еще учился в Гарварде. Но в этом году я уже человек, способный заработать на жизнь и даже оказывать материальную помощь своей сестренке. Ради чего я должен тратить время на такую мрачную, изрядно затянувшуюся шутку? Только ради того, чтобы перепугать до смерти маленьких девочек, включая и мою собственную сестру? Чтобы лишить несчастную Фостину работы, того единственного дохода, в котором она так нуждалась? Причем этой шуткой я ни с кем не мог поделиться!

— Вы могли довериться Алисе Айтчисон.

— Алиса отнюдь не была в восторге от этого. Слухи множились, росли, как снежный ком, и мы начали опасаться, как бы не стало известно о моей первой выходке. В таком случае мы могли бы «погореть» вместе. Больше всего ее беспокоило, как бы Фостина сама не догадалась обо всем. Поэтому Алиса старалась запугать Фостину, заставить поверить в то, что она сама разыгрывает различные трюки, находясь в бессознательном состоянии.

В тот же день, когда состоялся школьный вечер в Бреретоне, я ушел с него чуть раньше, так как Алиса назначила мне свидание в летнем домике в саду. Мы были уверены, что будем там совершенно одни. Было довольно холодно, и вряд ли кто-нибудь из гостей отважился бы в этот час на прогулку. Мы находились на почтительном расстоянии от здания школы, и поэтому никто не мог нас подслушать через открытые окна. Алиса была в том же агрессивном настроении. Она попросила меня встретиться с ней наедине, так как хотела выведать у меня, продолжаю ли я до сих пор разыгрывать Фостину. Видите ли, она была уверена, что я завел интрижку с какой-то другой девушкой в школе, и даже попыталась вызвать у меня приступ ревности, заявив, что намерена выйти замуж за Флойда Чейза.

— И что вы ответили ей на это?

— Что я мог ей сказать? Чем больше я понимал, что она говорит серьезно, тем больше нервничал. Там впервые я узнал о появлении двойника в Бреретоне. Больше у меня не было сил спорить с Алисой. Разозлившись, я оставил ее на том месте, где мы стояли, рядом с летним домиком, а сам направился по дорожке к своей припаркованной машине и уехал в Нью-Йорк. Можете представить мое самочувствие? Есть одна старая история о медиуме-шарлатане. Это в «Слякоти» Браунинга. В общем, один обманщик, который для своих клиентов каждую ночь вызывал стук привидений, однажды услышал настоящий стук еще до начала своей фальсификации. Из всех присутствующих на сеансе только он один понял, что на сей раз имеет дело с настоящим привидением. Его гости считали любой звук настоящим, полагая, что это дело рук настоящих привидений. Но он не мог сознаться в подлоге, так как в таком случае ему пришлось бы выдать себя и свой обман. Стоило ему вызвать какого-нибудь скептика в качестве независимого свидетеля, как тот, несомненно, уличил бы его во лжи — следы мошенничества были видны повсюду. Такая ситуация, вероятно, его сильно расстроила, не правда ли? Подумать только — знать, что на самом деле происходит, и не иметь возможности довериться кому-нибудь и рассказать ему обо всем! Можете себе представить, как он был напуган, когда в глубине души осознал, что на

самом деле существовало то, над чем он посмеивался, унижал своей грубой, коммерческой по характеру, имитацией, то, что, может, с презрением относилось к его насмешничеству...

Однажды в Мейдстоуне я разыграл глупый трюк, и в результате последующие события приняли такой дурной оборот. Но кто поверит моему рассказу? Куда более резонно признать меня лжецом, негодным выдумщиком. Я часто размышлял о коллективной галлюцинации, вызванной моим единственным появлением в облике Фостины в Мейдстоуне. Очень хотелось поверить, что все сделанное мной — всего лишь простой и невинный трюк. Но когда я услышал историю, рассказанную Мэг, и ваш рассказ об Эмилии Саже, мне на ум пришло нечто иное... Вероятно, и сама Фостина испытала нечто вроде шока, когда впервые услышала рассказы о другой Фостине в Мейдстоуне, особенно после того, как ознакомилась с книгами директрисы. Мог ли такой шок стать чем-то вроде катализатора, указывающего на разлад ее личности, который осуществляется каким-то неизвестным нам способом, что делает появление двойника психологически возможным?

— Тогда каким образом вы объясните смерть Фостины?

— Сердечный приступ может произойти от шока, то есть от сильного страха. Она пришла сюда одна и, вероятно, что-то увидела. Другое объяснение вряд ли может соответствовать всем известным нам фактам.

— Вы на самом деле хотите, чтобы я его привел? — спросил Базиль.

— Несомненно. Любое ваше объяснение лучше, чем сомнение.

— Хорошо, — торжественно произнес Базиль. — Разберемся во всем постепенно, шаг за шагом. Предположим, что вы говорите правду по поводу вашей первой выходки в Мейдстоуне. Вы надели женское платье, чтобы тайно повидать Алису, которая училась в школе. Окружающие приняли вас за Фостину. Так как она не могла находиться там, где вас впервые увидели, какая-то суеверная горничная или ученица, воспитанная в детстве такой же суеверной нянькой, начала шепотом передавать всем старую легенду о «двойнике». Постепенно исте-

рический настрой пропитал всю школу. Миссис Мейдстоун сама была не прочь заняться изучением непостижимой загадки и поэтому оказалась психологически не подготовленной к решительному искоренению подобных слухов.

Обо всем этом вы узнали от Алисы. Вы вспомнили имя Крайль и решили, что ваше с ней сходство — результат кровного родства. От своего отца вы узнали, что можете наследовать рубиновые серьги и прочие драгоценности Розы Дайамонд при условии, если Фостина умрет, не дожив до своего тридцатилетия. Вам была хорошо известна их истинная стоимость. Вы, конечно, считали себя обиженным судьбой. Еще бы, законный наследник получил кое-какую недвижимость и бесценные бумаги, а незаконнорожденная наследница должна была получить драгоценности, которые заметно поднялись в цене. Может, от своего отца вы слышали и о том, что Фостина, кроме ювелирных изделий, получила в наследство от вашего деда слабое сердце. Тогда вы стали получать определенное удовольствие от мысли о возможной смерти Фостины. Но вы, само собой разумеется, не желали угодить на скамью подсудимых, а затем и в тюрьму за убийство. Именно тогда вас осенило, как можно воспользоваться таким шансом, когда ваши с Фостиной дорожки внезапно пересеклись, и убить ее, не вызывая никаких подозрений на свой счет. Если, конечно, улыбнется судьба.

— Убить? — Глаза Вайнинга невольно расширились. — Это слишком сильное слово, доктор Уиллинг. Как же я мог убить ее, если меня здесь в ту минуту не было?

— Действительно, вас не было, когда умерла Фостина, но вы могли приехать сюда несколько недель тому назад или даже месяцев, чтобы изучить обстановку и познакомиться с интерьером комнат через окна, еще не закрытые ставнями.

— И для чего мне это было нужно?

— Для того, чтобы убедиться, что внутренняя планировка дома и расположение мебели остались без изменений до сегодняшнего дня. Я сразу это понял, как только увидел выпцветшую мебельную обивку и старомодные низенькие табуретки из тика. Конечно, сущест-

вует сотня способов узнать о первоначальной расстановке мебели,— для этого нужно обратить внимание на семейные традиции, поддерживаемые в доме, групповые фотографии, на которых запечатлен интерьер. В конце концов этот дом принадлежал вашему деду до его встречи с Розой Дайамонд...

— Но для чего мне понадобились внутренняя планировка дома и расстановка мебели?

Базиль не спускал с него глаз.

— Я все объясню через минуту. До сих пор мои рассуждения совпадали с вашими в отношении всех фактов, но отличались лишь иной их интерпретацией. Но с этого момента мы расходимся с вами и в отношении самих фактов. Я утверждаю следующее: вы продолжали, появляться в женской одежде в Мейдстоуне, чтобы еще больше укрепить у всех окружающих представление о существовании двойника Фостины, надеясь, что в конечном итоге все эти рассказы достигнут ее ушей. В последнее время вы даже старались одеваться так, как одевалась Фостина, вы имитировали ее походку, стать, жесты, вы даже заменили привычное озорное выражение лица маской напускной серьезности, свойственной Фостине. Вы бесшумно, словно привидение, передвигались в своих ботинках на подошвах из искусственного каучука. Вы старались всегда появиться перед свидетелями в сумрачном свете и на приличном от них расстоянии. К этому времени вы уже ознакомились с историей Саже. Вы не могли довериться Алисе Айтчисон. Она была слишком ненадежной, порывистой девушкой и не годилась в сообщницы. Может, вы хотели заставить ее тоже поверить в реальность двойника.

Вы не смогли сдержать восторга, когда из-за этого двойника Фостину уволили из школы Мейдстоун. Потеря работы — нечто весьма реальное и осязаемое, и причина увольнения, кажется, никогда не может быть абсолютно эфемерной. Теперь Фостина и сама поверпла в двойника, и это было самое главное в вашем плане. Вы отправились по ее следам в Бреретон. Так как она устроилась там на работу, вы перевели в эту школу свою маленькую сестру. К несчастью для Алисы Айтчисон, она сумела получить работу в Бреретоне, когда узнала о переводе туда вашей сестрочки. Тем самым она наме-

ревалась возобновить с вами отношения — ведь она вас все еще искренне любила.

В Бреретоне вы повторили свой спектакль, изображая двойника Фостины, для чего постоянно пользовались окнами, а также черной лестницей для своих не приметных передвижений. Фостина сменила пальто из верблюжьей шерсти на другое — голубое, наглухо застегивающееся. Вы купили себе точно такое, и старались перед выходом на улицу как можно точнее скопировать все ее туалеты. Вы всегда носили на голове шляпку, которая отбрасывала тень на лицо. Вы тщательно подбирали свидетелей — невежественных, легко поддающихся внушению, суеверных горничных, а также легкомысленных маленьких девочек, одна из которых была вашей сестрой. Как и в Мейдстоуне, вы старательно выдерживали определенную дистанцию, появляясь главным образом при неясном, обманчивом свете. Но какие бы меры предосторожности вы ни принимали, ваше везение не могло продолжаться до бесконечности, учитывая, что вы появлялись неоднократно. Вы допустили несколько просчетов, это было неизбежно, и пару раз едва унесли ноги. Подобные неудачи могли разрушить все ваши планы, если бы вы не умели держать в узде собственные нервы.

Однажды вы даже были вынуждены запереть на ключ парадное, чтобы таким образом задержать Алису с Гизелой, которых вы вдруг заметили на дорожке, и тем самым сумели покинуть здание вовремя через черный ход. Однажды вам даже пришлось обогнать на черной лестнице Арлину на весьма близком от нее расстоянии, что явно не способствовало вашему душевному равновесию. К счастью для вас, день подходил к концу, и у вас хватило смелости успешно выйти из трудной ситуации. В другой раз вы чуть было не угодили в ловушку и были вынуждены спуститься по передней лестнице, миновав саму миссис Лайтфут. Вы, конечно, ни за что не выбрали бы в свидетели такого умудренного человека, даже если бы она и находилась на почтительной от вас дистанции. А здесь, оказавшись с ней чуть ли не рядом, вы, вероятно, испытали несколько мучительных мгновений. Но у вас хватило выдержки спокойно, даже с вызовом пройти мимо, рассчитывая на то, что стремительность вашего движения приведет ее в смущение. Вы

выскользнули через французское окно в темной гостиной в тот момент, когда Арлина входила в освещенную столовую и, таким образом, не могла вас заметить. В двух последних случаях вы непростительно близко подошли к другому человеку, и я убежден, что это не было предусмотрено планом. Просто невезение, причем два раза подряд. Но вам все же удалось выкарабкаться из сложного положения, и вы тем самым значительно укрепили правдоподобность рассказов о двойнике. Люди, конечно, прибегали к главному аргументу: ну разве может какой-то мошенник пойти на такой риск?

Все ваши появления, естественно, были связаны с риском, но вас всегда спасало одно — суеверный страх, который удерживал всех свидетелей на почтительном расстоянии. Но, как мне кажется, вашему темпераменту риск просто необходим, это для вас своеобразный стимулятор. Кроме того, до сих пор вы еще не совершили никакого серьезного преступления, хотя само появление в чужом, женском наряде в общественном месте чисто технически является нарушением закона. Если бы вас поймали, то наверняка отпустили бы, считая ваше поведение «практической», хотя, само собой разумеется, и бестактной шуткой. Но до настоящего преступления еще далеко...

Присутствие Алисы в Бреретоне стало еще одним раздражающим моментом, которым вы объяснили свое невезение. Конечно, узнав о новых приключениях Фостины в Бреретоне, Алиса тут же смекнула, кто на самом деле является так называемым «двойником». Она не могла знать истинной причины ваших действий и, несомненно, опять заподозрила, что вы прибегаете к прежнему трюку, чтобы беспрепятственно наведываться к другой девушке. Она вас все еще любила, но вы прекрасно отдавали себе отчет в том, что как только Алиса поймет, что ваша любовь к ней утрачена навсегда, она не станет больше оказывать вам поддержку и даже сумеет навредить. На школьном вечере она уже облюбовала другого — Флойда Чейза. Тогда вам стало ясно, что вы ее непременно убьете.

— Алису? — Вайнинг вздрогнул всем телом и, казалось, никак не мог поверить, что Базиль мог произнести такие слова. — Вы считаете, что я мог убить Алису?

Базиль, стараясь быть как можно более деловитым, ответил:

— Вы были вынуждены это сделать, так как это был единственный человек в мире, которому было известно ваше искусство имитации Фостины.

— Ну и что из этого следует?

— А то, что Алиса в результате становилась единственным человеком в мире, который мог бы догадаться, каким образом вы сумели убить Фостину, не находясь на месте преступления в момент ее смерти. Алисе предстояло умереть до Фостины, иначе вы не могли бы чувствовать себя в полной безопасности. Вы ушли с вечера пораньше, сказав Гизеле, что отправляетесь прогуляться к машине и глотнуть там виски. На самом же деле вы вернулись в свой номер в сельской гостинице, чтобы захватить голубое пальто и шляпку, копии одежды Фостины, до назначенной с Алисой встречи в летнем домике. Вы для этого выбрали именно это место, так как оно находится в двухстах метрах от здания школы. Любому, кто мог заметить вас из окна школы, могло показаться, на таком расстоянии, что в данный момент он видит мисс Крайль.

Вы только что сказали, что оставили Алису одну возле летнего домика. Но Бет Чейз рассказала совершенно другое: «Мисс Крайль протянула руку и сильно толкнула мисс Айтчисон, а та вскрикнула, упав спиной на ступеньки, и скатилась оттуда». Нанесли ли вы Алисе удар такой силы, от которого сместились шейные позвонки? Если так, то это были хладнокровные, точно рассчитанные действия. Если бы вас в тот момент заметили, то лишь на большом расстоянии, и неизбежно отождествили бы с Фостиной. Если бы у Фостины не было алиби, то ее, вероятно, могли обвинить в убийстве Алисы. Если у Фостины было бы алиби, то вновь начали бы распространяться слухи о двойнике, вновь на поверхность всплыла вся эта долгая история, все время подпитывающая фантазию людей, начиная с Мейдстоуна, а также рассказы свидетелей, у которых нет никакой причины давать ложные показания. В таком случае полиция спешит все на «историю», а смерть Алисы только усилит страхи окружающих из опасения двойника, включая и саму Фостину.

Вайнинг выслушивал обвинения без особого интереса, хотя они, конечно, могли повлиять на самообладание любого другого. Хотя внешне он выглядел вполне здоровым, уверенным в себе человеком, а щеки его раскраснелись от тепла каминного огня, в нем все же чувствовалось глубоко запрятанное недомогание — вызывающая любопытство эмоциональная глухота, словно естественные для человека ответы оказались атрофированными и подверглись какой-то намеренной анестезии.

Наконец он заговорил:

— Теперь я начинаю понимать, почему, как утверждают, косвенные доказательства всегда уводят в сторону. Вы выстроили последовательную версию, обвиняющую меня в убийстве. Просто изумительно, как каждая деталь попадает в точку и как факты создают абсолютно ложную версию. Но нужно ответить еще на один вопрос, ключевой. Каким же образом я убил Фостину? Вам ведь хорошо известно, что она умерла естественной смертью. Сердечный приступ. И в тот момент, когда она умерла, меня рядом не было.

— Само собой разумеется, вас здесь не было, — откликнулся на его фразу Базиль. — В таком случае вы все бы испортили.

— Каким образом?

— Позвольте я приведу ее собственные слова: «Вы только представьте себе, как в один прекрасный день или ночью, когда я нахожусь в полном одиночестве в своем номере в отеле, погасив свет и заперев дверь на ключ, передо мной вдруг является чья-то фигура, приближает свое лицо к моему, и я вижу, что это мое собственное лицо, его точные очертания, все отдельные памятные детали, каждый дефект... Тогда мне придется поверить в реальность происходящего и умереть...» Приходилось ли вам входить в незнакомую комнату и видеть, как какой-то незнакомец приближается к вам? И вдруг вы осознаете, что этот незнакомый вам человек всего лишь ваше собственное отражение в зеркале?

— Но эта комната была хорошо знакома Фостине, — возразил Вайнинг. — Единственное зеркало расположено над плитой камина, и оно висит слишком высоко, так что отражение в нем никак нельзя принять за что-то реальное.

— Вам тоже знакомы и этот дом, и обе гостиные; вы знали, что они абсолютно одинаковы, как по размерам, так и по расположению окон; мебель выдержана в тех же красках и тонах. И разделены они между собой только двустворчатой стеклянной дверью. Скажите, вы просто прибили черную занавеску за стеклом? Или же вставили по квадрату черного картона в рамки, чтобы закрыть стекла? На рамке остались царапины, вероятно, потом вы спешно старались извлечь куски картона из рамок с помощью острой иглы... И уж, само собой разумеется, вы вкрутили в патроны люстры перегоревшие лампочки.

Фостина вошла в темный, пустой коттедж, оставив связку ключей в замочной скважине, и включила лампу в холле. Совершенно случайно в следующее мгновение она переступила через порог передней гостиной. Но все равно, рано или поздно, она должна была войти туда в тот вечер. И когда она это сделала, могло произойти только одно. Она должна была нажать на выключатель, который находился внутри. Но свет не загорался, так как лампочки были выведены из строя. Чье-то движение приковало ее внимание к стеклянным дверям, которые превратились в зеркало. Кто же там двигался? Ее собственное отражение в стекле. Но она не догадывалась, что это всего лишь отражение. Она была уверена, абсолютно убеждена, что в дверях вставлены обычные, прозрачные стекла. Ведь ей ничего не было известно о черной изнанке. Ничто не подсказывало ей, что она смотрела на собственное отражение в импровизированном зеркале гостиной. Приглушенный свет, растекавшийся из-под абажура настольной лампы в холле, проникая в другую гостиную, становился обманчивым. Свет стелился низко и не мог осветить ту сторону второй комнаты, которая отличалась от первой только одной деталью — там не было камина.

Теперь вы понимаете, что произошло? Фостину убило ее собственное отражение, так как она увидела его там, где, как она считала, не могло быть никакого зеркала. В течение года мозг ее подвергался интенсивной обработке и заставил ее поверить в миф о двойнике. Тот, кто видит собственного двойника, должен умереть. У нее было слабое сердце... И она рухнула замертво на пол,

напуганная до смерти простейшей иллюзией — своим собственным отражением. Она лежала, скованная ужасом, хотя рядом не было никого, кто мог бы вселить в нее такой ужас; в простом стекле, бесчувственном и прозрачном, как вода, теперь отражалось лежащее на полу тело умирающей девушки.

Мудрость примененного вами метода заключается в комбинированном использовании как перевоплощения, так и отражения. В сознании Фостины ее двойник-призрак наделялся и теми, и другими свойствами, и не мог быть либо тем, либо другим. Он должен был быть настоящим призраком. Ничье отражение не может свободно перемещаться по дому или за его пределами, если там нет зеркала. Этим вы и воспользовались в Бреретоне. Никакое отражение нельзя наблюдать одновременно с физическим присутствием Фостины, тем более, когда Фостина и ее отражение совершали различные действия, как это случилось в Бреретоне. Хотя такие действия и могут привести к перевоплощению, ни один стремящийся к этому человек не смог бы воспроизвести с такой точностью лицо, фигуру и одежду Фостины в мельчайших деталях и сравниться с тем изображением, которое она увидела в вашем импровизированном зеркале. Она поверила, что оба эти явления, по сути дела, являются одним и тем же,— и в результате погибла.

— Ваше воображение, доктор Уиллинг, работает превосходно. Не скажете ли вы в таком случае, каким образом мне стало известно, что Фостина придет сюда в свой коттедж, причем именно в этот вечер?

— Вы ей позвонили и попросили встретиться. Может, даже не вы лично, но кто-то это сделал за вас. Она об этом вскользь упомянула в разговоре с Гизелой, не назвав, правда, имени. Несомненно, вы представились членом таинственной семьи ее отца, о которой она так долго строила догадки. Вы могли рассказать ей кое-что об Уоткинсе и ее матери, что дало возможность ей понять, кто вы, не называя вас по имени. Может, вы открыли ей, что она — незаконнорожденный ребенок, чтобы тем самым объяснить ей свое желание встретиться с ней тайно и избежать тем самым публичного скандала. Ваше предложение, конечно, могло запросто соблазнить такую несчастную и одинокую девушку, как Фостина.

— И в то время, когда Фостина умирала, я, по-вашему, срочно запасался алиби?

— Нет. Это было бы слишком грубо с вашей стороны. А вы — человек тонкий. Кроме того, вам еще предстояло убрать картонки или темную занавеску до обнаружения трупa. Вот вы и явились сюда еще после смерти Фостины. На вас снова была одежда Фостины Крайль, как и в тот раз, когда вы приехали в эту деревню за несколько дней до ее гибели, чтобы превратить обычное дверное стекло в зеркало. Именно тогда механик из гаража предложил довести вас до коттеджа. Если бы вам повезло, то оба раза во время вашего появления здесь, вас могли бы и не заметить. Но, к сожалению, по воле судьбы вас «засекли» оба раза и оба раза приняли за Фостину, на что вы, собственно, и рассчитывали. Вы знали — если полиция убедится в том, что Фостину «видели» в окрестностях после того, как она уже была мертва, то могло произойти только одно: рассказ о двойнике Фостины превратился бы в рассказ о привидении Фостины, и в конечном результате полиция закрыла бы дело, квалифицировав его как «рецидив деревенского суеверия».

Вчера ночью вы вытащили из рамы черный картон. Вы вполне резонно предполагали, что сможете провести в доме несколько часов. Но вдруг вы услышали шум двигателя автомобиля, едущего в чаще соснового бора. Опять невезение. Оказывается, Фостина пригласила на уик-энд свою подругу Гизелу. У вас не оставалось времени, чтобы заменить перегоревшие лампочки. Вам пришлось спешно ретироваться по направлению к лесу, и вы оставили открытую настежь дверь и горящую в холле лампу. Вы попытались пробраться незаметно через чащу, но ночь, как на грех, выдалась темной, с дождем, и вы, спотыкаясь, с трудом вышли на дорогу, где Гизела чуть не сбила вас своей машиной. Когда произошло короткое замыкание и фары погасли, вы спокойно удалились на своих бесшумных подметках из искусственного каучука. На покрытых скользкой ледовой корочкой слежавшихся сосновых иголках следы не остаются, и дождь к тому же смыл все отпечатки ног на дороге еще до того, как Гизела вышла из автомобиля и включила фонарик.

— Превосходный сюжет для детективной истории, больше ничего, — рассмеялся Вайнинг. — У вас нет никаких доказательств.

— Вы считаете, что нет? Но все же я располагаю кое-какими деталями.

— Например?

— Каждый человек обладает своим специфическим запахом — одежда, лосьон для бритья и т. д. Миссис Лайтфут — единственная надежная свидетельница появления двойника, которая оказалась рядом с ним в Бреретоне. Она утверждает, что от него не исходило никакого запаха. Что же это означает? Говорит ли о том, что призрак был бесплотным? Или же о том, что при определенных условиях запах тела одного человека совершенно не воспринимается другими? Да, такое условие существует: это случается тогда, когда их тела пахнут одинаково. Две женщины, пользующиеся одними и теми же духами, не чувствуют их запаха друг у друга. Некурящий человек, целуя другого, сразу же почувствует запах никотина, но два курящих, целуя друг друга, ничего не заметят. Они готовы поклясться, что у них — абсолютно чистое дыхание. Миссис Лайтфут пользуется лимонной вербеной. Так как двойник, по ее словам, не издавал никакого запаха, то им должен оказаться тот, кто тоже пользуется лимонной вербеной, тот, в кого настолько глубоко въелась эта привычка, что он забыл уничтожить запах, когда олицетворял собой Фостину. Вероятно, это был мужчина, так как миссис Лайтфут пользуется только мужским лосьоном. Но уж никак не Фостина, которая, как известно, не пользовалась ничем, кроме лаванды.

Такие наблюдения значительно облегчили мои усилия, направленные на поиски двойника. Им должен был оказаться человек, настолько похожий на Фостину, что может запросто сойти за нее при слабом освещении и на определенном расстоянии, человек, который обычно пользуется лимонной вербеной, человек, связанный как с Мейдстоуном, так и Бреретоном, человек, у которого есть мотив для причинения ущерба Фостине или ее физического устранения.

Когда вчера вечером я вошел в свою библиотеку, то почувствовал слабый запах лимонной вербены, но никак

не мог определить, от кого из трех посетителей он исходит — от Чейза, от его бывшей супруги или же от вас. Только что, когда вы стояли под аркой, я уловил этот тонкий запах снова и понял, что он исходит от вас.

— К сожалению, все это — неправда. Я имею в виду ваши рассуждения с начала до конца. Само собой разумеется, я пользуюсь лосьоном вербены после бритья... Я рассказал вам всю правду о себе и о Фостине. Можете мне не верить, ваше дело. Даже если вам нравятся собственные догадки, их все же нужно сперва доказывать. Ваша версия с вербеной шита белыми нитками...

Он встал и начал нервно ходить по комнате, заложив руки в карманы, поглядывая на стеклянную дверь и люстру над головой, словно турист, испытывающий вежливое любопытство к тому месту, на котором когда-то вершилась история. Он остановился, помедлил и улыбнулся своей глуповато-дерзкой улыбкой.

— Я всегда утверждал, что убийца, рассчитывающий на успех, хорошо должен изучить законы. Это его единственный шанс.

— Что вы имеете в виду?

— Но вы-то знаете. Во всяком случае, должны знать. В противном случае мы с вами находились бы в полицейском участке, а не вели столь приятный разговор наедине, завершая захватывающую детективную историю. Даже если все сказанное вами правда, — чего, конечно, я не признаю, — то все равно я не могу быть убийцей.

— Почему же?

— Вы уверены, что я не отвечу на этот вопрос. Но представьте себе, отвечу! Если даже я убил Фостину так, как вы себе это представляете, то должен быть крайне признательным тому году, когда я изучал юриспруденцию, перед тем как принять окончательное решение и заняться ценными бумагами. Вы прекрасно знаете, доктор Уиллинг, что доказать факт совершения преднамеренного или даже непреднамеренного убийства практически невозможно, если смерть наступает в результате сильного испуга. Особенно, если у пострадавшей слабое сердце. Каким образом вы сможете доказать в суде, что именно мои действия вызвали у нее сердечный приступ? Он ведь может произойти в силу тысячи как внутренних, так и внешних причин. В ходе судебного или

медицинского расследования можно доказать, что какой-то физический фактор — пулевая, ножевая рана, удар, яд, — может привести к фатальному исходу, но кто способен доказать, что психологический фактор вызвал сердечный приступ, причем сделать так, чтобы исключить все возможные сомнения? Но именно это предстоит вам доказать, чтобы добиться обвинения как в преднамеренном, так и непреднамеренном убийстве. Окружные прокуроры обычно не берутся за дела, которые не могут выиграть. В любом гражданском иске требуется лишь определенное число доказательств, чтобы выиграть дело, но в таких случаях, как этот, — смерть, наступившая в результате психического потрясения или шока, — ничего доказать невозможно. В результате вам придется ограничиться гражданским иском с требованием возместить ущерб, причиненный семье жертвы. Но, увы, у бедной Фостины не было семьи, она была незаконно рожденным ребенком.

Базиль встал.

— Вы забываете об одном: Алиса Айтчисон не была напугана до смерти. Бет Чейз видела, как кто-то, похожий на Фостину, толкнул ее с лестницы. Можно легко доказать, что вы носили одежду Фостины. Можно доказать также, что Фостина, оставаясь незаконнорожденным ребенком, была вашей кровной родственницей и что из всех людей в Бреретоне только вы внешне напоминали ее, и, следовательно, только вас можно было принять за нее в той одежде, в которой она обычно появлялась. Можно доказать, что у вас с Алисой произошла ссора. Неважно, по какой причине. Вы, Вайнинг, обвиняетесь в смерти Алисы, и я вынужден взять вас под стражу.

Впервые Вайнинг по-настоящему удивил Базиля. Он тихо ответил:

— Как вам будет угодно. Мне лично наплевать.

— Почему же?

— Предположим, меня оправдают. И что же, всю жизнь мне придется прожить с этим...

— Чувством вины?

— Нет, не так все просто. Попробуйте только предположить ради более убедительной аргументации в споре, что все рассказанное вами — правда. Что в резуль-

тате произойдет? Я знаю, что я невиновен и не занимался всеми фокусами, которые вы мне приписываете. Я — единственный человек, который знает... Я тот единственный человек, которому придется отвечать на довольно неприятные вопросы. И мне придется бороться со всеми в одиночку. Что же произошло в Мейдстоуне и Бреретоне? И что увидела Фостина, когда вчера ночью вошла в эту гостиную и... умерла от шока?

— Вы, я вижу, продолжаете упорствовать в своей фантазии? Даже теперь?

— Само собой разумеется. Вот некоторые детали, которые вы упустили в своем анализе. Почему, например, Фостина двигалась в таком замедленном ритме тогда, когда Мэг с Бет наблюдали за ней, то есть за призраком Фостины?

— Фостина обычно за едой принимала витамины. И у вас была превосходная возможность подменить их таблетками такого же размера и такой же окраски, содержащими легкое снотворное средство. Вот почему витамины не помогали Фостине преодолеть вялость и анемию, как зорко подметила Алиса. Вы легко рассчитали по времени все свои появления в качестве двойника. Они происходили через строго фиксированные интервалы после приема пищи, чтобы вовремя оказать на Фостину нужный вам эффект. Когда она уехала из Бреретона, то взяла таблетки с собой, — вот почему у нее был такой сонный голос, когда она разговаривала по телефону с Гизелой. Все это во всех деталях вы заимствовали из истории об Эмилии Саже. Она так же вяло, сонно передвигалась при появлении двойника.

— Значит, вы уверены в том, что можете объяснить все на свете, не правда ли? Тогда попытайтесь растолковать мне следующее: каким образом такой человек, как я, который олицетворял собой Фостину, мог знать, что Фостина обладала подавляемым импульсом, который она передала на лестнице миссис Лайтфут, а та приняла бессловесный сигнал Фостины?

— Везение. Просто ваше удивительное везение. И удар судьбы для Фостины.

— Везение? Шанс? Судьба? И это все, что вы можете сказать? Когда я начинаю вспоминать об этом случае, то у меня ходят мурашки по спине, а у вас?

В этот момент он был по-настоящему серьезен. Базиль даже был готов поверить ему. Затем он, преодолевая себя, бросил на другую чашу весов груз полученных в жизни научных знаний:

— Для чего вы блефуете, Вайнинг? Ведь здесь нет никаких свидетелей. Я ведь не в силах доказать то, в чем вы признаетесь. Тогда почему бы вам не сказать мне всю правду, искренне, без утайки? С психологической точки зрения вы сразу почувствуете облегчение. Независимо от того, где вы проведете грядущие свои годы — в тюрьме или вне ее стен, — эта тайна будет постоянно оказывать давление на вашу психику... Вас постоянно будет преследовать желание поделиться с кем-то истинной, высказаться, но такого шанса, как теперь, вам больше не представится.

Вайнинг медленно наклонил голову.

— Значит, вы мне не верите, — сказал он тоном, не вызывающим никаких сомнений, словно подтверждая неоспоримый факт. Теперь его лицо полностью освещала горящая лампа.

— Ни вы, ни я, ни кто-либо другой никогда так и не узнает всю правду об этом, — медленно продолжал Вайнинг. — Или о другом. Все это — глубокая тайна. Еще одна небольшая загадка ничего не прибавит и не убавит.

Он взглянул на звезды и, как-то таинственно ухмыльнувшись, добавил:

— Только одному Богу известно, что творится там, наверху...

Содержание

Грэхэм Мастертон

ТЕНЬ СФИНКСА

*Перевод Сюзанны Алукард
и Марины Яковлевой*

7

Элен Макклой

УДАР ИЗ ЗАЗЕРКАЛЯ

Перевод Льва Каневского

221

**М 31 Мастертон Г. Тень сфинкса. Роман. Мак-
клой Э. Удар из Зазеркалья. Роман («Библиоте-
ка остросюжетной мистики»). Вып. 9: Перев.
с англ. / Сост. Т. Чичиной; Ил. В. Лосева.— М.,
Компания «Ключ-С», 1995.—416 с., илл.**

ISBN 5—88818—010—6

Захватывающий роман «Тень сфинкса» английского пи-
сателя Грэхема Мастертона не случайно проникнут элемен-
тами эротики — ведь его автор, печатающийся также под
псевдонимами Томас Льюк и Энджел Смит, известен и как
создатель учебников по сексопатологии.

Перу американской писательницы Элен Макклой при-
надлежит более 30 произведений, написанных в жанре пси-
хологического детектива. Роман «Удар из Зазеркалья», пе-
реведенный на многие языки, впервые открывает для на-
шего читателя популярного во всем мире автора.

М 4703040100 **95**
И 38(03)—95

84.7 США

**Литературно-художественное издание
Библиотека остросюжетной мистики**

Выпуск 9

Мастертон Грэхем

ТЕНЬ СФИНКСА

Макклой Элен

УДАР ИЗ ЗАЗЕРКАЛЬЯ

**Составитель-редактор
Чичина Тамара Васильевна**

Оформление художника

Л. В. Брылева

Технический редактор

К. И. Заботина

Сдано в набор 19.01.94. Подписано в печать 18.08.95.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Академическая»,
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84.
Усл. кр.-отт. 22,26. Уч.-изд. л. 21,98.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 1338. Цена договорная.

Набрано и отпечатано в типографии издательства «Пресса».
125365 ГСП, Москва. А-137, ул. «Правды», 24.

